Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 6 2022 Июнь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия); И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2022
© Институт государства и права РАН, 2022
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2022

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 6 2022 June

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022
© Institute of State and Law of the RAS, 2022
© Editorial Board of "State and Law", 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 6, 2022

О знаковом решении Конституционного Суда Республики Беларусь об исторической памяти
П.П. Миклашевич 7

* * *

Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства
С.А. Авакьян 13

Общетеоретические основы юридического прогнозирования
К.В. Агамиров 23

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Субъекты цивилистического процесса: современный подход
Е.В. Михайлова 32

Отдельные аспекты правоприменительной практики принятия предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 144^1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации
Д.А. Лепёшин., Т.В. Даутия 41

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О единстве и дифференциации юридической науки в Российской Федерации
М.Ю. Осипов 48

Ценностный дискурс в современном конституционном праве
Н.В. Варламова 57

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней
В.А. Кряжков 68

Состояние экономики как фактор осуществления социальных прав
Н.В. Колотова 79

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права
А.В. Ефимов 89

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Возобновляемая энергетика в сельском хозяйстве: специфика и вопросы правового регулирования
И.А. Игнатьева 97

ПРАВО И МЕДИЦИНА

«Принудительный» иммунный ответ: проблемы вакцинации от COVID-19 (Окончание)
А.А. Троицкая, Т.М. Храмова 109

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Алиментный фонд как правовая защита детей, оставшихся без содержания (финансово-правовой аспект)
М.Н. Кобзарь-Фролова, Е.Л. Васянина 122

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Истоки международного гуманитарного права
И.И. Бутрим, А.И. Чучаев 131

ЗА РУБЕЖОМ

Правовая модель борьбы с информацией, не соответствующей действительности, в Интернете (на примере Австралии)
А.К. Жарова 142

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия)
А.И. Чучаев 152

Эмиссионное право в системе финансового права и денежная реформа С.Ю. Витте в 1895–1897 гг.
К.С. Бельский 168

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Влияние инновационных технологий на развитие гражданских правоотношений
В.Н. Коваль 176

Расширение сети государственных юридических бюро для защиты прав социально незащищенных граждан: за или против?
Л.В. Борисова 180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира
С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик 185

А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира
Э. В. Айриян 190

О значимости перевода Кодекса Юстиниана на русский язык: взгляд историка права
О.Л. Лысенко 192

CONTENTS

Number 6, 2022

On the landmark decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus on historical memory
P.P. Miklashevich 7

* * *

National and territorial components in the federal organization of the state
S.A. Avakyan 13

General theoretical foundations of legal forecasting
K.V. Agamirov 23

COURT, PROCURATOR'S OFFICE, THE BAR

Subjects of the civil process: a modern approach
E.V. Mikhailova 32

Certain aspects of the law enforcement practice of taking preliminary interim measures in accordance with article 144^1 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation
D.A. Lepeshin, T.V. Dautiya 41

DISCUSSIONS AND DEBATES

On unity and differentiation of legal science in the Russian Federation
M. Yu. Osipov 48

Values discourse in modern Constitutional Law
N.V. Varlamova 57

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East: the evolution of legal status from tsarist times to the present day
V.A. Kryazhkov 68

The influence of economic factor on the exercise of social rights
N.V. Kolotova 79

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Functional approach to the design of norms of Civil and Entrepreneurial Law
A.V. Efimov 89

ENERGY AND LAW

Renewable energy in agriculture: specifics and issues of legal regulation
I.A. Ignateva 97

LAW AND MEDICINE

"Compulsory" immune response: challenges of vaccination against COVID-19 (The end)
A.A. Troitskaya, T.M. Khramova 109

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Aliment fund as legal protection of children left without maintenance (financial and legal aspect)
M.N. Kobzar-Frolova, E.L. Vasyanina 122

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The origins of International Humanitarian Law
I.I. Butrim, A.I. Chuchaev 131

ABROAD

Legal model for combating information inaccurate on the Internet (on the example of Australia)
A.K. Zharova 142

PAGES OF HISTORY

The first Soviet Criminal Code: conceptual framework and general characteristics (To the 100th anniversary of the adoption)
A.I. Chuchaev 152

Issue Law in the system of Financial Law and monetary reform by S. Yu. Witte in 1895–1897
K.S. Belsky 168

SCIENTIFIC REPORTS

The influence of innovative technologies on the further development of civil legal relations
V.N. Koval 176

Expansion of the network of state legal bureaus to protect the rights of socially unprotected citizens: for or against?
L.V. Borisova 180

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace
S.N. Baburin, Yu. V. Golik 185

A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace
E.V. Airiyan 190

On the significance of the translation of the Codex Iustinianus into Russian: the view of a legal historian
O.L. Lysenko 192

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 7–12
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 7–12

О ЗНАКОВОМ РЕШЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

© 2022 г. П. П. Миклашевич

Конституционный Суд Республики Беларусь, г. Минск

E-mail: ksrb@kc.gov.by

Поступила в редакцию 30.04.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется решение Конституционного Суда Республики Беларусь о проверке конституционности Закона РБ «О геноциде белорусского народа», принятое 29 декабря 2021 г. в порядке обязательного предварительного конституционного контроля законов до их подписания Президентом Республики Беларусь. Законом предусматривается юридическое признание геноцида белорусского народа, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 г.), и одновременно устанавливается уголовная ответственность за публичное его отрицание. Автор акцентирует внимание на подходах Конституционного Суда РБ, признавшего указанный Закон соответствующим Конституции Республики Беларусь, о необходимости наличия законодательных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, трактовки понятия «геноцид белорусского народа», соответствующего нормам международного права, усиления защиты государственного суверенитета, сохранения исторической правды, основанной на неопровержимых документальных доказательствах геноцида белорусского народа.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь, Конституционный Суд Республики Беларусь, сохранение исторической правды, геноцид белорусского народа, публичное отрицание геноцида белорусского народа, патриотизм, предварительный конституционный контроль.

Цитирование: *Миклашевич П. П.* О знаковом решении Конституционного Суда Республики Беларусь об исторической памяти // Государство и право. 2022. № 6. С. 7–12.

DOI: 10.31857/S102694520020389-8

ON THE LANDMARK DECISION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS ON HISTORICAL MEMORY

© 2022 P. P. Miklashevich

Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk

E-mail: ksrb@kc.gov.by

Received 30.04.2022

Abstract. The article analyzes the decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus on the verification of the constitutionality of the Law of the Republic of Belarus "On the genocide of the Belarusian people", adopted on December 29, 2021 in the order of mandatory preliminary constitutional control of laws before they are signed by the President of the Republic of Belarus. In December 2021, the Parliament of the Republic of Belarus adopted the Law "On the genocide of the Belarusian people", which provides for the legal recognition of the genocide of the Belarusian people committed by Nazi criminals and their accomplices during the Great Patriotic War and the post-war period (until 1951), and at the same time, criminal liability is established for public denial of the genocide of the Belarusian people. The author focuses on the approaches of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, which recognized the specified Law as consistent with the Constitution, on the need for legislative barriers to attempts to falsify the events and results of the Second World War, on the interpretation of the concept of "genocide of the Belarusian people" that complies with International Law, on strengthening the protection of state sovereignty, preservation of historical truth based on irrefutable documentary evidence of the genocide of the Belarusian people.

Key words: Constitution of the Republic of Belarus, Constitutional Court of the Republic of Belarus, preservation of historical truth, genocide of the Belarusian people, public denial of the genocide of the Belarusian people, patriotism, preliminary constitutional control.

For citation: *Miklashevich, P.P. (2022).* On the landmark decision of the Constitutional Court of the Republic of Belarus on historical memory // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 7–12.

Время, прошедшее с момента принятия Конституции Республики Беларусь в 1994 г., показало значимость конституционных положений и сформулированных в ней ценностных ориентиров для эффективного государственно-правового строительства.

За эти годы Республика Беларусь, укрепив суверенитет и независимость, проводит самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. В настоящее время созданы политические, идеологические, конституционно-правовые, социально-экономические основы устойчивого развития государства.

Вместе с тем современные условия объективно потребовали конституционных преобразований, закрепления в Конституции РБ положений, отражающих идеи и цели дальнейшего государственно-правового строительства и общественного развития.

Процесс разработки и принятия на республиканском референдуме обновленной Конституции Республики Беларусь 2022 г. показал, что Конституция является не только правовым документом высшей юридической силы, но и выступает как общественный договор, наполненный реальным содержанием, на основе которого достигается общественное согласие и доверие между личностью, обществом и государственной властью. Конституция любого государства – это не застывший документ. В ряде случаев невозможно только посредством нормативного или казуального толкования обеспечить реализацию ее принципов и норм. Внесение в нее изменений и дополнений есть ответ на складывающиеся реалии, меняющийся менталитет общества[1].

Следует подчеркнуть важность нового конституционного положения о том, что сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм – долг каждого гражданина Республики Беларусь. Это дополнение ст. 54 обновленной Конституции РБ обусловлено необходимостью установления важнейшего конституционного ориентира государственной политики, прежде всего по воспитанию у молодежи чувства ответственности за настоящее и будущее страны.

Конституционное требование об обязанности сохранять историческую память возлагается и на государство. Статья 15 обновленной Конституции РБ устанавливает, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

В современном мире, характеристикой которого становится в последнее время нарастание глобальных рисков, вызовов и угроз, актуализируются вопросы защиты суверенитета и независимости Республики Беларусь.

В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 28 января 2022 г. Президент РБ А.Г. Лукашенко подчеркнул: «Мы не хотим войны, мы навоевались. Наш народ миллионы потерял в прошлых войнах. Мы хотим мирно жить и работать. Мы никогда не создавали проблем нашим соседям, никаким другим народам. И никогда их создавать не будем. Не только потому, что мы мирные люди, а потому что нам это просто не надо»[2].

[1] См.: *Василевич Г.А., Василевич С.Г.* Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 7.

[2] См.: Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Национальному собранию. URL: https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu?openVideo=true

Содержание ст. 15 Конституции РБ актуально не только в 2022 г., который объявлен в Беларуси Годом исторической памяти, ее цель – сохранение исторической правды о Великой Отечественной войне, пресечение попыток оспорить моральное и историческое право белорусского народа на значительный вклад в победу над фашизмом.

Новая конституционная норма о необходимости сохранения исторической памяти служит целям формирования в обществе должной нравственной и общественно-политической позиции на примере героического подвига нашего народа.

Парламентом Беларуси в декабре 2021 г. принят Закон РБ «О геноциде белорусского народа». Этим Законом предусматривается юридическое признание геноцида белорусского народа, совершенного нацистскими преступниками и их пособниками в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (до 1951 г.). Под белорусским народом понимаются все советские граждане, проживавшие на территории Белорусской ССР в составе СССР в указанный период. Одновременно устанавливается уголовная ответственность за публичное отрицание геноцида белорусского народа, например, посредством размещения соответствующей информации в СМИ либо в Интернете. «Реализация Закона будет способствовать недопустимости искажения итогов Великой Отечественной войны, а также сплоченности белорусского общества»[3].

Конституционный Суд РБ в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов, принятых парламентом страны, до подписания их Президентом РБ осуществил проверку конституционности Закона РБ «О геноциде белорусского народа» и вынес решение, в котором сформулировал вывод о том, что по содержанию норм, форме акта, разграничению компетенции между государственными органами и порядку принятия данный Закон соответствует Конституции Республики Беларусь[4].

Исследователями отмечается, что вопросы конституционного соответствия нормативных правовых актов, решаемые в предварительном порядке, позволяют в перспективе сохранять стабильность и единообразие национальной правовой системы, способствуют принятию правовых актов более высокого уровня, что, в свою очередь, повышает качество законодательства[5].

В данном решении Конституционный Суд РБ указал, что Закон РБ «О геноциде белорусского народа» принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, дачи справедливой оценки злодеяниям нацистских преступников и направлен на законодательное установление действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны.

В ст. 1 данного Закона устанавливается, что совершенные нацистскими преступниками и их пособниками, националистическими формированиями в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период злодеяния, направленные на планомерное физическое уничтожение белорусского народа путем убийства и иных действий, признаваемых геноцидом в соответствии с законодательными актами и нормами международного права, являются геноцидом белорусского народа.

Конституционный Суд РБ в своем решении отметил, что впервые на законодательном уровне признается факт геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Такой вывод основан на неопровержимо доказанных и документально подтвержденных многочисленными официальными актами расследований и судебными разбирательствами, в т.ч. проведенными на международном уровне, фактах злодеяний нацистов и их пособников на территории Белорусской ССР.

Так, Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, образованной Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г.[6], было установлено, что на оккупированной территории БССР нацисты создали более 260 лагерей смерти для уничтожения военнопленных и гражданского населения. Среди крупнейших лагерей только в Минске и его окрестностях было девять лагерей, где уничтожено более 400 тыс. человек, включая лагерь смерти Тростенец (более 206.5 тыс. человек); лагерь вблизи деревни Масюковщина (более 80 тыс. человек); лагерь на улице Широкой г. Минска (20 тыс. человек).

За 1941–1944 гг. нацисты провели на территории Белоруссии более 140 крупных карательных операций, во время которых было сожжено около

[3] Подписан Закон о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. 05.01.2022 г. URL: https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-podpisal-zakon-o-genocide-belorusskogo-naroda (дата обращения: 28.03.2022).

[4] См.: решение Конституционного Суда РБ от 29.12.2021 г. № Р-1296/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О геноциде белорусского народа”» // Вестник Конституционного Суда РБ. 2021. № 4.

[5] См.: *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “ex ante” как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 16.

[6] См.: Ведомости ВС СССР. 1942. № 40.

9200 сел и деревень, из них 5295 были уничтожены вместе с населением.

Всего из Белоруссии в Германию было угнано 399 474 человека, из которых десятки тысяч погибли, не выдержав жестоких условий эксплуатации. Не менее 1.4 млн человек подверглись уничтожению в местах принудительного содержания гражданского населения. За годы войны страна потеряла около 2.2 млн человек, т.е. каждого третьего своего жителя.

Значительное место в обвинении фашизма Международным военным трибуналом в Нюрнберге (Германия), проходившим с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г., занимали материалы и документы о преступлениях, совершенных нацистами и их пособниками на территории Белорусской ССР. Нюрнбергский процесс – это знаковое событие в реализации на практике основного принципа международного права, запрещающего агрессивную войну и применение силы в целом. Все это имеет большое значение для зарождения нового политического образа мышления, основанного на концепции ненасильственного мира. Мир представляет собой важнейшую гарантию основного права человека – права на жизнь. Нюрнберг в полной мере продемонстрировал неразрывную связь между миром и защитой жизненно важных прав людей и народов. Уроки Нюрнберга призывают к бдительности, предостерегают от всех и всяческих форм реставрации фашистской идеологии, воскрешения идей расизма и милитаризма, осужденных народами[7].

Конституционный Суд РБ в решении пришел к выводу, что положение ст. 1 Закона, в которой указываются действия, образующие понятие геноцида белорусского народа, соответствует нормам международного права, согласно которым геноцидом признаются действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую (ст. II Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 09.12.1948 г.[8]).

По мнению Конституционного Суда РБ, осуществляемое правовое регулирование соответствует положениям Конституции РБ, согласно которым Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок (ст. 1), государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией РБ (ст. 59).

Конституционный Суд РБ в решении подчеркнул, что законодательное признание и осуждение факта геноцида белорусского народа закрепит в исторической памяти народа справедливую оценку злодеяний нацистов на территории республики, станет данью памяти потомков миллионам жертв фашизма, а также будет иметь важное конституционно-правовое и политическое значение, поскольку послужит основой для постановки вопроса о признании геноцида белорусского народа на международном уровне.

В решении также отмечено, что Законом РБ «О геноциде белорусского народа» на Генеральную прокуратуру РБ возлагается полномочие принять дополнительные меры по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств геноцида белорусского народа, установлению лиц, причастных к его совершению, и их уголовному преследованию (ст. 3).

Выдающийся советский криминолог, член-корр. АН СССР А.Н. Трайнин, рассматривая понятие и формы геноцида, отмечал, что специфическая особенность геноцида, выделяющая его из других преступлений и делающая его сугубо опасным преступлением против человечества, заключается в том, что его объектом является не отдельный человек, а группа людей. В составе геноцида насилие и преследования человека, конечно, непрерывно, имеют место; но это не самоцель, а средство уничтожения группы; поэтому при геноциде жертвой является не то или иное конкретное, отличающееся индивидуальными чертами лицо, а лицо, наделенное общими родовыми признаками, либо лицо, являющееся членом определенной группы, каждый член которой обезличен и обречен на уничтожение[9].

Конституционный Суд Республики Беларусь в связи с этим в решении отметил, что устанавливаемое правовое регулирование основывается на получивших международное признание универсальных принципах и нормах (ст. I, II, IV Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26.11.1968 г.[10]), соответствует положениям Конституции РБ о компетенции прокуратуры осуществлять надзор за исполнением законов при

[7] См. подр.: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021.

[8] См.: Ведомости ВС СССР. 1954. № 12, ст. 244.

[9] См.: *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 222–224; см. также: *Савенков А.Н.* Геноцид советского народа: от истории к праву без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

[10] См.: Ведомости ВС СССР. 1971. № 2, ст. 18.

расследовании преступлений в случаях, предусмотренных законом, проводить предварительное следствие, поддерживать государственное обвинение в судах (ст. 125).

В решении обращено внимание, что Законом РБ «О геноциде белорусского народа» предусматриваются полномочия Совета Министров Республики Беларусь по принятию на постоянной основе мер по увековечению памяти жертв геноцида белорусского народа; по признанию и осуждению геноцида белорусского народа на международном уровне; по распространению достоверной информации и просвещению граждан по вопросам геноцида белорусского народа (ст. 4).

Конституционный Суд РБ отметил, что Правительство РБ, являясь центральным органом государственного управления, принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности и обороноспособности (ст. 106, 107 Конституции РБ).

Конституционный Суд РБ указал, что реализация предусматриваемых данным Законом полномочий Совета министров РБ служит целям увековечения памяти жертв геноцида, пресечения попыток оспорить моральное и историческое право белорусского народа в боевом содружестве с другими народами СССР на победу над фашизмом, призвана вывести на более качественный уровень информационную, просветительскую, учебно-воспитательную работу по формированию должной нравственной и общественно-политической позиции граждан, что отвечает взаимосвязанным положениям Конституции РБ об обязанности государства защищать свою независимость, конституционный строй, обеспечивать законность и правопорядок (ст. 1), о гарантировании соответствующих конституционных прав, свобод и законных интересов (ст. 2, 21, 22).

В решении Конституционного Суда РБ также указано, что проверяемым Законом устанавливается уголовная ответственность за отрицание геноцида белорусского народа: гл. 17 «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РБ, в которой предусмотрена уголовная ответственность за геноцид, реабилитацию нацизма (ст. 127, 130-1), дополняется ст. 130-2, предусматривающей в качестве самостоятельного состава уголовную ответственность за отрицание геноцида белорусского народа.

Конституционный Суд РБ полагает, что с учетом гарантированного каждому права на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение (ст. 33, 34 Конституции РБ) государство вправе, исходя из необходимости защиты конституционных интересов от деструктивных действий, устанавливать запрет пропаганды или агитации, возбуждающих расовую, национальную, этническую или религиозную ненависть и вражду, предотвращать проявления социальной агрессии на почве демонстративного (публичного) отрицания конституционно значимых нравственных ценностей или пренебрежения ими.

По мнению Конституционного Суда РБ, устанавливаемое данным Законом правовое регулирование направлено на противодействие указанным формам информационного воздействия, недопущение формирования в обществе неверных, искаженных представлений об исторических событиях, насильственных действиях по уничтожению советских граждан, проживавших на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, об огромных потерях белорусского народа. Формирование таких представлений может разрушать идеологические и духовно-нравственные ценности общества и осквернять историческую память. Положения Закона РБ «О геноциде белорусского народа» способствуют защите исторической правды о Второй мировой войне, противодействию фальсификации фактов истории.

При этом, как известно, имеет место откровенная фальсификация событий как предвоенной истории Европы, так и последовавшего затем мирового военного конфликта с целью размыть и обесценить итоги Второй мировой войны. Однако же общепризнанным является положение о приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала, в соответствии с которым в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН выражена позиция международного сообщества, устанавливающая, что они не могут пересматриваться и подвергаться сомнению и корректировке[11].

Конституционный Суд РБ считает, что уголовно-правовой запрет публичного отрицания геноцида белорусского народа расширяет возможности эффективного реагирования государства на проявления реабилитации нацизма, создающие угрозу для национальной безопасности, совершенствует правовой механизм предупреждения указанных общественно опасных действий, что отвечает конституционным положениям об обязанности государства защищать свою независимость, конституционный строй, обеспечивать законность и правопорядок (ст. 1 Конституции РБ) и соответствует нормам Конституции РБ, гарантирующим реализацию конституционных ценностей и интересов (ст. 1, 2, 21, 59).

Конституционный Суд РБ в своем решении отметил, что парламент, будучи представительным и законодательным органом, наделен правом

[11] См. об этом: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. С. 20.

рассматривать проекты законов, в т.ч. об основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан, об уголовной ответственности (ст. 90, 97, 98 Конституции РБ), исходя из требований ст. 23 Конституции РБ, допускающей возможность ограничения прав и свобод личности только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. В рамках предоставленных дискреционных полномочий законодатель определяет, какие из деяний с учетом степени их общественной опасности, тяжести последствий и иных обстоятельств подлежат запрету. По мнению Конституционного Суда РБ, введение статьей 2 проверяемого Закона уголовной ответственности за отрицание геноцида белорусского народа находится в пределах дискреции законодателя, обладающего свободой усмотрения в выборе уголовно-правовых средств воздействия на нарушителей, в определении их необходимого и достаточного объема.

* * *

Оценивая конституционность содержания норм Закона РБ «О геноциде белорусского народа», Конституционный Суд РБ в своем решении пришел к выводу, что устанавливаемое правовое регулирование направлено на законодательное обеспечение защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, воспрепятствование попыткам фальсификации событий и итогов Второй мировой войны, сохранение исторической памяти, недопущение реабилитации нацизма в современном белорусском обществе, что соответствует нормам Конституции Республики Беларусь и согласуется с положениями международных договоров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Василевич Г.А., Василевич С.Г.* Модернизация конституций Российской Федерации и Республики Беларусь как отражение динамики общественного развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 2. С. 7.
2. *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “ex ante” как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 16.
3. *Савенков А.Н.* Геноцид советского народа: от истории к праву без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.
4. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 20.
5. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 222–224.

REFERENCES

1. *Vasilevich G.A., Vasilevich S.G.* Modernization of the constitutions of the Russian Federation and the Republic of Belarus as a reflection of the dynamics of social development // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 7 (in Russ.).
2. *Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L.* Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Constitutional control “ex ante” as an institution of domestic and foreign constitutionalism // State and Law. 2020. No. 5. P. 16 (in Russ.).
3. *Savenkov A.N.* The genocide of the Soviet people: from history to law without a statute of limitations // State and Law. 2021. No. 9. P. 7–30 (in Russ.).
4. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict for name of Peace. M., 2021. P. 20 (in Russ.).
5. *Trainin A.N.* Protection of peace and the fight against crimes against humanity. M., 1956. P. 222–224 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИКЛАШЕВИЧ Петр Петрович –
заслуженный юрист Республики Беларусь,
Председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь; 220016 Республика
Беларусь, г. Минск, ул. Красноармейская, д. 4

Authors’ information

MIKLASHEVICH Petr P. –
Honored Lawyer of the Republic of Belarus,
Chairman of the Constitutional Court of the
Republic of Belarus; 4, Krasnoarmeyskaya str.,
220016 Minsk, Republic of Belarus

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 13–22
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 13–22

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ В ФЕДЕРАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

© 2022 г. С. А. Авакьян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: suren@law.msu.ru

Поступила в редакцию 14.04.2022 г.

Аннотация. В статье рассматриваются с учетом актуальных и исторических аспектов национальные и территориальные факторы в формировании федеративных государств. Автор исходит из того, что оба названных начала могут быть ключевыми и равнозначными в организации государственных федераций.

Ключевые слова: федерация, нация, народ, национальные начала, территориальные факторы, субъекты федерации.

Цитирование: *Авакьян С.А.* Национальная и территориальная составляющие в федеративной организации государства // Государство и право. 2022. № 6. С. 13–22.

DOI: 10.31857/S102694520020390-0

NATIONAL AND TERRITORIAL COMPONENTS IN THE FEDERAL ORGANIZATION OF THE STATE

© 2022 S. A. Avakyan

Lomonosov Moscow State University

E-mail: suren@law.msu.ru

Received 14.04.2022

Abstract. Taking into account current and historical aspects, the article deals with national and territorial factors in the organization of federal states. The author assumes that both mentioned factors may be crucial and equivalent in the organization of federal states.

Key words: federation, nation, people, national factors, territorial factors, subjects of the federation.

For citation: *Avakyan, S.A. (2022).* National and territorial components in the federal organization of the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 13–22.

Национальный фактор – далеко не всегда решающий в территориальной структуре государства, хотя зачастую оно (государство) было многонациональным, а если фактор национальной принадлежности еще не становился в ряд с иными признаками социального и политического расслоения, – то многоязычным и нередко полирелигиозным.

В сильной степени это связано с тем, как возникала многонациональность. Ведь «нормальная» для древних времен политика захвата чужих территорий состояла в присвоении и территории, и людей как собственности. Присоединенные земли становились частью государства-захватчика. А плененные люди с иными языками, нередко также верой,

психологией становились рабочей (рабской) силой. Отношение к ним правителя и ведущей нации страны могло быть в типичных образах угнетателей, обрекавших людей присоединенных территорий на неравенство и унижения.

Конечно, или по соображениям относительного гуманизма, или из понимания возможности сопротивления отчаявшихся людей, правители (да и люди из главной национальной группы) могли вести себя терпимо, даже гуманно, разрешая им равный труд и даже во многом сходный статус.

В средние века и более позднее время стали происходить явления, которые существенно повлияли на решение проблем внутренней организации государств: уменьшились насильственные захваты чужих территорий в пользу присоединения в реальности или на словах *добровольного* (по крайней мере не «мечом»); осознание того, что помимо языка (говора) есть иные явления, характеризующие сильную внутреннюю связь между людьми тех или иных групп, – психология, восприятие исторического предназначения, формирование своей культуры. В совокупности всё это стало предпосылкой складывания понятия нации – не только *языковой* общности, *соседского* проживания, объединяющих видов *трудовой* деятельности, но и весьма сильно связывающего людей *(о)сознания* своего предназначения в данном мире, *обычаев* и *культуры* жизни.

Итак, отношения между соседствующими большими и малыми государствами и народами постепенно стали меняться. Силовой (военный) захват территорий, частично сохраняясь для тех, кто в большей мере жил образом племенной замкнутости, стал уступать место «цивилизационному» пути включения в состав большого государства относительно мелких (меньших) территорий – при *формальном согласии* последних, путем заключения договора о вхождении (присоединении), с объявлением центральной властью о сохранении многих властных полномочий у правителей и органов входящих территорий, об уважении к местным гуманным обычаям и религиям.

Конечно, возникал и вопрос о том, какой организационной формой наделить территории, вошедшие в состав большого государства. Бывало так, что такие территории разбивали на обычные административные единицы, включаемые в состав большого государства. И все же, учитывая языковое, психологическое и религиозное единство, их могли целостно сохранять в составе вошедшей территории, а ей самой зачастую не отказывали в наименовании исторического происхождения – с территориальными, географическими и даже национальными атрибутами.

Разумеется, здесь мы говорим о смежных, соседствующих территориях. Известно, что была и практика захвата и присоединения т.н. заморских территорий. Они становились колониями больших государств. Но это уже «иная история». К нашей теме, т.е. федеративному строительству, она имеет отдаленное отношение. Руководители большого государства в таких случаях шли по пути политического лавирования. Само государство-захватчик оставалось унитарным; но для привлечения как жителей, так и особенно руководителей (тоже, хотя и местных, правителей!) для включенных территорий придумывались названия, внешне говорившие как бы о дружбе включенных народов с основным народом, о *государственном союзе* всех территорий, конечно, под эгидой основной (ее именовали метрополией). Но не надо иметь иллюзий – экзотическое наименование типа Британского содружества, движение от Французской колониальной империи к Французскому союзу и далее Французскому сообществу – все это не создавало федеративного объединения. Здесь территориальное в конечном счете сохранили унитарные (европейские) государства, а национальное породило десятки национальных, в основном унитарных государств, – на месте бывших колоний.

Итак, наш разговор о включенных в состав больших государств (ко многим быстро приклеилось слово «империя», а то отражалось и в наименовании) территориях с иным составом населения.

Что же предназначалось для вошедших? Мировая история дает разные примеры. Более или менее терпимое отношение государства-«присоединителя» было к тем, кто относился к той же религии (к тому же ее типу – например, христианство), допускалась какая-то автономия в управлении, организации жизни. Сложнее приходилось тем, кто принадлежал к другой религии, здесь были настоящее угнетение, насилие. И желание у таких народов (наций), как правило, с иной религией, было одно – выйти, обрести независимость. Исторически это и происходило – чаще ценой борьбы, кровопролития. Так, христианские народы (нации) веками не смирялись с османским владычеством, добивались, рано или поздно, независимости, нередко с потерей части своей прежней территории. Последствия многовекового засилья могли (могут) сказываться – известны, к примеру, болгары-мусульмане, даже в целом народы – приверженцы ислама на Балканах, но все же у них самостоятельные государства.

Иное дело, если территория присоединялась добровольно (или хотя бы внешне добровольно) или же в результате военных действий с другими государствами, куда территория прежде входила,– гарантировались элементы территориального самоуправления, допустимость исповедания другой религии и терпимость к ней, миролюбивое отношение к населению, зачастую такие земли не

только не отличались по правовому статусу от соседних территориальных единиц, но даже имели какие-то преимущества перед ними.

Хотя включение Финляндии в состав Российской Империи было одним из результатов войны со Швецией, однако царское правительство сохранило для Финляндии ряд государственных атрибутов – свои конституция (утвержденный императором сеймовый Устав), избираемый с учетом местных особенностей парламент (Сейм), законодательство, валюта (с переходом от российского рубля к финской марке), исполнительная власть (правительство – Сенат, утверждавшийся императором), армейские и полицейские формирования, финский язык как язык делопроизводства и др. Конечно, финские подразделения подчинялись общегосударственным, но тем не менее формировались из лиц данной национальности. Великое княжество Финляндское имело статус генерал-губернаторства, делившегося на губернаторства, соответствующие административные лица назначались императором[1].

Были свои особенности применительно к Закавказью, состоявшие из ряда факторов: присоединение территорий в результате военных действий, желание местного национального, но чаще перемешанного многонационального населения быть в составе России с тем, чтобы освободиться от османской зависимости, создание здесь единиц с отражением национального и / или национально-территориального факторов в названии. В условиях вхождения в общие единицы (например, Грузинская губерния, Армянская область и др.) разрозненные народы и территории сближались. Но чтобы это не вело к противостоянию с центральной государственной властью, постепенно усиливалось административно-территориальное начало в управлении – на смену национальной «окраске» пришли административные единицы с географическими названиями по главному городу (губернии – Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская, Тифлисская, Кутаисская, области – Карсская и Батумская, округа – Закатальский и Сухумский). То же происходило и на Северном Кавказе, здесь созданы с аналогичным подходом две губернии и три области[2]. Для управления территориями Закавказья и Северного Кавказа было создано Кавказское наместничество. Правда, замена этнонационального подхода в административно-территориальном делении на территориально-географический принцип повлияла на формирование верхнего (губернского, областного) слоя администрации. Здесь по национальному составу преобладали русские – 84.5%, остальные были представлены немцами и отчасти поляками. Однако на нижестоящих уровнях управления среди служащих было много лиц местного происхождения, тем более что это требовалось для работы с населением. В определенной степени в судопроизводстве применялись правила местного обычного права.

Приведенные регионы страны свидетельствовали о том, что в целом при административном подходе к управлению территориями учитывалась их национальная (Финляндия) либо многонациональная (Кавказ) специфика. Это все же были особые территории по составу населения, языку, нравам и психологии людей, а также вероисповеданию. Соответственно, приходилось учитывать особенности как населения, так и территорий в организации управления. При этом существенно то, что население таких территорий имело равные права с иными лицами – подданными Российского государства. В том числе там создавались органы из местного населения с началами представительства, а когда была учреждена Государственная дума России, они также избирали в нее своих депутатов.

Не надо закрывать глаза и на то, что национальный фактор сыграл в ходе развития территорий важную роль, помогая преодолевать разрозненность между этническими группами, а психологическое преодоление отличий помогло сблизить ранее разрозненные части этнического состава. В целом это и повлияло на единство политических решений в пользу своей государственной самостоятельности (или, как сейчас стало модно говорить, государственной идентичности).

И, все же в целом на территории России складывалось *многонациональное* государство. Здесь существовала единая *государственная территория*. Постепенно формировался *многонациональный народ*. Это стало важным фактором и экономического развития, формирования единого хозяйственного рынка, и укрепления межнациональных отношений, в т.ч. за счет миграции в этнонациональные районы русских и украинцев, вывоза местной продукции в качестве сырья и товаров из этих районов в центральную часть страны, привоза туда продукции из России. Весьма важное обстоятельство – широкие возможности оказания помощи русскими в приближении к российской и зарубежной культуре, в свою очередь, познание достижений местных культур, литературы русскими

[1] Подробнее см.: Финляндия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907; *Каульбарс Н.В.* Краткое обозрение Великого княжества Финляндского. СПб., 1900; *Кяйвяряйнен И.И.* О конституционалистической политике царизма в Финляндии // Вопросы истории Европейского Севера. 1976. Вып. 3; *Пыжиков А.В.* Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003; *Таганцев Н.С.* Великое княжество Финляндия. СПб., 1910; *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889.

[2] Здесь и далее см.: URL: ArmenianSite.ru

(и другими народами страны через владение русским языком).

Итак, категория многонационального государства, и что особенно важно – многонационального народа, стала важным фактором движения вперед.

С позиций политики следует отметить широкое вовлечение региональной элиты в передовые идейные течения и споры. Когда в начале XX в. была учреждена Государственная дума как общегосударственный парламент, в т.ч. с участием национальных депутатов, парламентаризм, зачатки которого были давно в России, стал развиваться и в регионах. И что особенно важно – с разрешением политических партий стали возникать их отделения в многонациональных и национальных районах, как и свои (региональные) политические партии.

Естественно, последовательно формировались политические течения. В Новое время, особенно начиная с последней трети XIX в., и тем более в XX в. получили активное развитие политические науки: право, философия, история. Конечно же, они в значительной степени стали обращаться к вопросам внутренней структуры многонационального государства так же, как и общества, положению в нем лиц разной национальной принадлежности. К тому же такого внимания требовали и сами народы, условно говоря, «большой» как первооснова государства и общества и «малые» как фундамент инонациональных частей населения.

Всю гамму межнациональных отношений мы не будем затрагивать – это несколько иное направление исследований. С точки зрения нашей темы особенно важны государственно-правовые формы:

1. Унитарное государство с автономией национально окрашенных территориальных единиц – в научный и политический обиход вошло понятие «*унитарное государство с автономией областей*». Их стали именовать «политической автономией», если речь шла о т.н. государствоподобных образованиях, т.е. республиках, либо «административной автономией», когда единицы похожи на обычные административно-территориальные образования. Но подчеркнем, что речь шла (идет) *о соединении здесь территории и национального населения*. Попутно обсуждался вопрос о т.н. *национально-культурной автономии*, когда люди определенной национальной принадлежности могли образовывать свои объединения, как правило, на внетерриториальной (экстерриториальной) основе: по признакам языковой, культурно-литературной, обычно-бытовой общности. В каждом случае подразумевались средства представительства автономий на вышестоящем, в т.ч. общегосударственном, уровне.

2. Федеративное государство – деление единой территории на внутренние составные части, исходя из расселения многонационального населения по конкретным единицам, придание таким единицам особого государственного статуса по ряду внешних проявлений: свои территория, органы, компетенция, бюджет, но также и с представительством на уровне федерации.

Разумеется, в унитарном государстве с автономией областей за их вычетом оставалась значительная территория, населенная преимущественно основной нацией. Федеративное государство представляло союз из его субъектов; не входящих в союз территорий не было (возможно, кроме округа, где находилась столица государства).

Конечно, были сторонники у обеих теорий. Предпочитавшие унитарное государство с автономией областей видели плюсы, в особенности в силе централизации страны и ее опоре на главную, ведущую нацию. Унитарное государство как бы удачно сочетало поддержку главной нации в том, что это было «её» государство, и поддержку «малых» наций в том, что они непременно имеют свои территориальные единицы и представительство на уровне центра.

Сторонникам федерации особенно нравилось то, что она дает союз наций и их территорий. Государственная власть федерации опирается на общефедеральные органы, а они создаются сообща всем населением страны путем всеобщих выборов, в свою очередь, такие органы формируют иные органы федеративного государства и предопределяют их деятельность.

Правда, если создавать федерацию в стране с разнообразным составом, т.е. с многонациональным населением, надо было решить не просто немаловажный, а скорее ключевой вопрос: как быть с тем, что при объединении в федерацию национальных территорий остаются без представительства обычные административные территории, на которых проживает большинство лиц, относящихся к коренной национальности?

При этом возник и еще более глубокий вопрос: а разве федерация есть форма решения только национального вопроса? *Разве она не знаменует создание рационального управления ставшей единой территорией страны, с разделением предметов ведения и полномочий между центром и теми единицами, которые будут (стали) субъектами федерации*?

Ответ на данный вопрос подсказывала американская федерация. Ее логика и опыт говорили о том, что федерация не обязательно является формой решения национального вопроса. Она способствует включению в федерацию всех больших территориальных единиц с разделением вопросов, отходящих центру и остающихся на уровне субъектов федерации.

Конечно, исторически это означало рациональное решение территориальной проблемы управления страной. Соседствующим землям оформлен статус *штатов*, по нашему мнению, это и умное, и хитрое решение, поскольку территории могли тешиться тем, что их считали государствами (английское “state” как раз и означает «государство»), но не забываем, что это союз территорий (можно сказать даже – административных территорий), управляющих своими внутренними делами. Тем не менее эти территории объединились и создали свой общегосударственный союз с символическим названием – «Соединенные штаты» (Америки).

Национального начала в основе создания данной федерации не было и сейчас нет. Причина проста – население страны формировалось путем иммиграции (въезда) людей из разных частей света. А штаты были скорее административно-географическими понятиями. Америке и ранее, и сегодня ближе понятие «народ», поскольку все приезжие постепенно «варились» в многонациональном «котле» и превращались в новое «варево», с новым «вкусом» и единым американо-английским языком, а их прежние языки и привычки лишь немного оставались, как остаются в приготовленной еде некоторые вкусы использованных ингредиентов. И Америке может даже и чужды суждения других частей света, в т.ч. Европы, о национальном факторе как первооснове государственного строительства. Америка даже «гордится» своим толкованием слов «народ» и «нация» (“people” и “nation”), по существу, предлагая понимать «народ» как «толпу» и в итоге заменяя словом «нация» слово «народ».

Надо сказать, несколько удивительно, что в России XIX в. и подавно XX в. основой суждений и тем более программ политических партий по структуре государства был именно национальный подход. Поразительно, но вождь большевиков В.И. Ленин, известный своей образованностью и многие годы живший в эмиграции в Европе, казалось бы, представлявший мировой опыт, тоже в поисках путей государственного строительства в будущей России исходил из необходимости учета национального вопроса как основы грядущего устройства страны.

Однако здесь есть факторы, которые ощутимо повлияли на поддержку либо отрицание соответствующих форм такого устройства. Сначала В.И. Ленин выступал против федерации в России, говорил в своих статьях о пользе унитарного государственного устройства. Спрашивается: почему? Экономические причины состояли в том, что унитарное как единое государство крепило хозяйственные связи различных частей страны, т.е. делало государство более сильным. Национально-демографический аспект можно было связать с тем, что укреплялся союз народов, в т.ч. с преодолением (можно сказать, и неучетом) национальной принадлежности, упрочением общения на едином для всех русском языке. Партийный вождь исходил также из того, что в унитарных условиях крепли связи рабочих (и союзных с ними крестьян) как основы социал-демократической партии большевиков (позже – коммунистической). Отсюда отношение к федерации было не в ее пользу – она рассматривалась как форма устройства, которая будет способствовать национальной замкнутости соответствующих групп населения (народов) и тем самым (вольно или невольно) их неучастию в строительстве единого социалистического государства, усилению влияния на них национальной буржуазии и созданию на окраинных территориях буржуазных государств, к тому же с сохранением феодальных пережитков в виде неравенства из-за отношения к средствам производства, материального положения, забитости женщины и др.

Таким образом, будущую Россию В.И. Ленин видел как унитарное государство, конечно, на основе русской нации. А как образ пребывания национальных групп населения в таком государстве предлагалась их территориальная автономия, при которой большие национальные территории становились бы политической автономией – частями (автономными республиками) в единой России, а небольшие – входили бы на правах административной автономии в состав других административно-территориальных единиц.

Этот план территориального устройства России (как мы выше сказали, кратко формулируемый как унитарное государство с автономией областей) поддерживался В.И. Лениным и партией РСДРП вплоть до последних месяцев 1917 г.

Но дело еще и в том, что генеральной идеей большевиков в национальном вопросе было также и право наций на самоопределение вплоть до отделения, выхода из состава России и образования самостоятельного государства. Сегодня об этом тезисе В.И. Ленина много пишут, но забывают о коренном условии, на которое он указывал: *большевики ни в коем случае не будут проповедовать выход наций из состава России*, нации исходят из того, что они реализуют право на самоопределение внутри Российского государства именно в виде национально-территориальной автономии[3].

Увы, увлечение «правом на самоопределение вплоть до отделения» оказалось очень сильным, здесь хорошо «поработали» представители национальной буржуазии территорий, получившие

[3] См., в частности: *Ленин В.И.* Тезисы по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23; *Его же.* О праве наций на самоопределение // Там же. Т. 25; подробнее см.: *Авакьян С.А.* Конституционное право России: в 2 т. 7-е изд. М., 2021. Т. 2. С. 56.

прекрасное образование в стольных городах России, за границей и захотевшие власти, получить которую они могли в случае образования государств на территориях своего национального происхождения. Использовалась тяга к национальному самоопределению у своих народов; она оказалась сильной для местных рабочих, крестьян, особенно интеллигенции. Провозглашение национальных государств на территориях «окраин» поставило перед фактом – от России практически ничего не осталось, кроме Великороссии, и надо искать, провозглашать другие пути государственного устройства.

Тогда В.И. Ленин и высказался в пользу идеи федерации в конце 1917 г., а в январе 1918 г. она была провозглашена III Съездом советов РСФСР. В резолюции Съезда от 28 (15) января 1918 г. «О политике Совета Народных Комиссаров по национальному вопросу» говорилось: Съезд приветствует и всецело одобряет национальную политику СНК, направленную к проведению в жизнь принципа самоопределения народов, понимаемую в духе самоопределения трудовых масс всех народностей России. Съезд выражает свое глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать превращению бывшей Российской Империи, удерживавшей в своих пределах отдельные народности угнетением и насилием, – в братский союз свободно соединившихся на *федеративных* (курсив наш. – *С.А.*) началах Советских Республик России[4]. В принятой III Съездом резолюции «О федеральных учреждениях Российской Республики» от 28 (15) января 1918 г. провозглашалось: Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик этих народов[5].

Конечно, этот план федеративного устройства в 1918 г. был еще несколько туманным. Понять в данный момент, какой будет федерация, было трудно. Даже в самой резолюции «О федеральных учреждениях...» употреблялись хотя и близкие, но все же и различающиеся термины – добровольный *союз народов*, федерация советских *республик* этих народов, участие в федерации советских республик как отдельных *областей*, отличающихся особым бытом и национальным составом. Чувствуется, по нашему мнению, некая направленность на то, чтобы как-то увязать вновь создаваемые областные советские республики с прежде взятым за основу планом областной автономии.

По существу, новая федерация складывалась вокруг РСФСР, когда посредством Красной армии «окраинным» республикам помогали устанавливать советскую власть, создавать единый дипломатический фронт перед агрессивным западным миром, потихоньку восстанавливать разрушенное войной хозяйство.

Однако к 1922 г., когда советская власть установилась на большинстве территорий, входивших ранее в состав России, встал вопрос о форме их государственного бытия. Уже никто не отрицал, что это будет *союз*. Но какой союз?! Данный вопрос рассмотрен в литературе, в т.ч. и автором этих строк. И.В. Сталин выдвинул прежнюю идею автономизации как формы устройства *унитарного* государства вдруг повернуть на путь устройства *федеративного* государства. Но у В.И. Ленина это не нашло поддержки, он предложил образование федерации как союза РСФСР и новых республик – Украинской ССР, Белорусской ССР и Закавказской Советской Федеративной Республики. Это и произошло 30 декабря 1922 г.[6]

Неудивительно, что в строительстве нового государства, получившего наименование Союза ССР, его составные части – союзные республики – создавались по национальному признаку. Это отражалось даже в их наименованиях. Выше мы писали со ссылкой на факты, что республики, становившиеся субъектами Союза ССР, были сами по себе многонациональными, это касалось и Закавказья, и Украины, и Белоруссии. Вошедшая в СССР Российская Федерация как единая республика была тоже многонациональной, а по форме государственного устройства сохранила слово «федеративная» в наименовании, имея в своем составе множество автономно-национальных единиц (автономные республики, автономные области, национальные, затем автономные округа).

Надо сказать, что и в науке государственного права тех времен (советского периода) подход к национальному принципу как одной из основ советской федерации также возобладал. Выдающийся ученый Д.Л. Златопольский в ряде своих публикаций искренне исходил из того, что основой не просто государственных решений, а именно федеративного устройства нашей страны является умелое отражение национального вопроса, что федерация Союз ССР образована по национальному признаку[7].

По нашим наблюдениям, о территориальном начале в формировании федеративного государства почти никто не писал в то время. Исключением

[4] См.: История советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 105.

[5] См.: там же. С. 105, 106.

[6] См. об этом: *Авакьян С.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 52–71.

[7] См., в частности: *Златопольский Д.Л.* Государственное устройство СССР. М., 1960; *Его же.* СССР – федеративное государство. М., 1967.

можно назвать статью Э.Л. Розина[8]. Хотя данный автор считал: территориальное начало применяется именно в американской федерации, само по себе знаменательно то, что об этой идее – как основе федерализма – все же было сказано, что шло несколько вразрез с общими подходами в нашей стране. Впрочем, на это не очень обратили внимание.

Добавим, что известный ученый П.Г. Семенов обращал внимание на то, что начала территориальной автономии есть у административных областей и краев в РСФСР, и это как бы сближает их в характеристике с автономными республиками и областями[9]. Но этот научный подход также не стал преобладающим.

И все же придется обратить внимание на следующее: хотя идея территориального начала и не имела распространения в советской литературе по федерализму, но оставались поиски ответов на минимум два сопутствующих вопроса.

Первый: в ситуации, когда граждане т.н. коренной национальности не составляют большинства в населении оформленной национально-государственной единицы, когда исторически все перемешаны, присвоение названия единице по имени одной из частей населения неизбежно может повести (и вело!) к ее возвышению, росту самосознания и элементам национализма.

Второй: как быть в ситуации, когда помимо выделенных по национальному признаку субъектов федерации оставались в большом количестве административно-территориальные единицы, населенные преимущественно русскими? Как было указано выше, по отношению непосредственно к России в составе СССР оставили ее поименование федерацией, хотя ведь ясно, что в 1918 г. имелась в виду *вся страна*. В 1922 г. стало очевидно, что она строится на федеративном союзе союзных республик. А если уж характеризовать Российскую Федерацию именно как федерацию, то она была на базе автономии, и несколько десятков лет ученые думали-гадали, как же быть с большинством составляющих Россию административно-территориальных единиц.

Высказывались разные идеи о природе и статусе как РСФСР, так и ее частей – например, что никакая это не федерация, а унитарное государство с единицами политической и административной автономии; что в Российской Федерации отдельным видом ее субъектов является... сама Российская Федерация, представляющая интересы краев, областей, городов республиканского подчинения – т.е. территории, остающейся за вычетом автономных республик, областей и округов[10].

И очень робко, но все же высказывалась идея: а не признать ли субъектами Российской Федерации административно-территориальные единицы – края, области, города республиканского подчинения. Надо сказать, что эта идея не сразу, но все же возобладала по ряду причин:

федерация – это форма централизованного руководства страной в целом и ее частями, здесь хватает и политики, и национального момента, но все же ключевым является *управление всей территорией*, а также структурными единицами в целях укрепления ее мощи – экономической, оборонной, внешнеполитической;

федерация – это также распределение управления по частям страны; конечно, важно, кто на территории живет, но это факторы языка, психологии, культуры, порой и религии; в остальном же это отрасли народного хозяйства – и равное участие населения каждого региона в достижении общих задач вполне обеспечивается федеративным устройством, охватывающим всех;

федерация – это еще и государственная форма, пропорциональная в советский период категории «единый советский народ» в условиях Российской Федерации – «многонациональный народ России» (с этих слов начинается Конституция РФ 1993 г.).

Такое конструктивное решение пришло с появлением проекта и далее окончательного текста нового Основного Закона страны, который в 1993 г. пришел на смену прежней Конституции РСФСР 1978 г. И здесь нельзя не обозначить роль Конституционной комиссии, созданной I Съездом народных депутатов РФ в 1990 г., и особенно ее секретаря О.Г. Румянцева – тогда еще депутата, делавшего первые шаги на пути в конституционалисты, но со временем ставшего одним из известнейших наших коллег по науке конституционного права[11].

Смысл их поистине исторического подхода состоял именно в том, чтобы *учесть как национальные, так и территориальные начала в организации Российского государства как федерации*. Предпринимались разные попытки – например, одно время к российским территориальным единицам

[8] См.: *Розин Э.Л.* Маркс и Энгельс о формах организации государственного единства (о формах государственного устройства) // Труды ВЮЗИ. М., 1974. Т. 30.

[9] См.: *Семенов П.Г.* Автономия в советском государственном строительстве // Сов. государство и право. 1959. № 3; *Его же.* Проблемы советского национально-государственного строительства (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968.

[10] См. об этом: *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 68 и далее.

[11] См.: *Румянцев О.Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления: документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018.

хотели приспособить германское «земли». Однако удачно не получилось, поскольку в немецком языке земля как «страна» обозначается словом "Land", а как «почва» – словом "Boden". В русском языке слово одно, и толковать его привычнее как «почву» в хозяйственном смысле. Правда, в средние века было распространено географическое понимание «земли» как среды обитания («новгородская земля», «рязанская земля» и т.д.), но все же оно не очень прижилось – к тому же сначала было связано с княжествами, когда же далее стали появляться просто административные единицы, к ним применили слово «губернии». После Октябрьской революции 1917 г. от «губерний» отказались на территориях, населенных преимущественно русскими, в пользу «областей», затем также «краев», со временем – городов республиканского подчинения. В национально «окрашенных» районах создавали автономные республики, автономные области и автономные округа.

Все это «богатство» наименований было отражено в Конституциях и РСФСР, и самого Союза ССР. А когда СССР распался, при создании нового Основного Закона России приходилось считаться с имеющимся территориальным устройством. Тем более что Россия сохранялась как федеративное государство, существующее ее деление следовало приспособить к новой федерации, а ее, в свою очередь, связать с имеющимся делением.

Причем попытки существовавших в РСФСР автономных республик добиться более высокого статуса по сравнению с соседними административно-территориальными единицами, в т.ч. и с «намеком» на их – республик – более высокий статус, не дали им успеха. От слова «автономные» в наименовании республик отказались, в остальном же новое федеративное строительство пошло по пути признания субъектами Российской Федерации всех ранее зафиксированных в Конституции единиц: республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей (области) и автономных округов. И здесь тем более очевидно, что в основе Российской Федерации есть и национальные, и территориальные начала. Причем ст. 5 Конституции 1993 г. отражает равноправие субъектов Российской Федерации друг с другом и во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое следует учитывать при характеристике нашей государственности. Когда мы говорим о национальной основе федерализма, то имеем в виду не всех лиц определенной национальной принадлежности, а только тех, кто *проживает на соответствующей территории*. Например, применительно к Татарстану необходимо иметь в виду лишь тех татар, которые проживают именно в данной республике, т.е. на ее территории. Как известно, в целом татар гораздо больше, но они постоянно проживают в других субъектах Федерации и считают их выразителями своих интересов. Что объединяет всех таких татар вне Татарстана, считающих себя общностью по языку, элементам культуры, религии, психологии? Категория *национально-культурной автономии*.

Сама по себе категория национально-культурной автономии появилась в конце XIX – начале XX в. как идея в решении национального вопроса для представления и защиты интересов лиц какой-то национальности, разрозненно (в территориальном аспекте) проживающих в разных частях государства. Родоначальниками идеи национально-культурной автономии считались австрийские социал-демократы. Известно, что В.И. Ленин сильно критиковал идею национально-культурной автономии по той причине, что она ведет к замыканию в национальных интересах лиц соответствующей национальной принадлежности, отвлекает их от борьбы за социалистическое переустройство государства, объединяет рабочие массы с национальной буржуазией.

Прошло время, в условиях социалистического государства идея национально-культурной автономии обрела иное звучание и могла помочь (помогает) объединению граждан определенной национальности, проживавших за пределами территории своей исторической родины, в т.ч. если она была (оказалась) вне России.

Итак, основой для нахождения в составе России как федеративного государства следовало (следует) считать не просто национальный, а *национально-территориальный* принцип. Понятие «национальный» в данном случае означает, что речь идет о гражданах определенной, конкретной национальной принадлежности; понятие «территориальный» – что имеются в виду именно граждане, проживающие на данной территории.

Что касается просто «территориального принципа», это понятие удачно подходит для краев, областей и городов федерального значения, где проживают преимущественно русские. В определенной мере национальный момент здесь тоже присутствует, поскольку субъектами Российской Федерации становятся территориальные единицы, населенные преимущественно русскими, но он не выделяется, поскольку на первом плане стоит организационный фактор.

Конечно, развитие экономики идет интенсивно, и отсюда возникают вопросы ее согласованности с состоянием субъектов российской государственности. Так, выявление больших запасов газа и нефти на территориях отдельных автономных округов вызвало бурный рост здесь добывающей промышленности и смежных с ней отраслей народного

хозяйства, приток такого количества рабочих, что на таком фоне поблекли местные народы, как и десятки лет назад сориентированные на самобытную жизнь с родовыми общинами, занятием охотничьими и рыболовными промыслами и т.п. В других субъектах открытие новых природных ресурсов также вызвало увеличение потоков приезжих рабочих из других регионов страны – сначала только для работы, а затем и постоянного проживания.

Спрашивается: как быть? Казалось бы, вроде ничего не надо трогать, особенно если местное население не претендует на участие в добывающей промышленности, а приезжие готовы заниматься охотой и рыболовством как личными увлечениями. Но как быть с конституционными установками на то, что Российская Федерация и ее субъекты должны сообща думать об интересах населения, в т.ч. и коренного, о сохранении природных богатств и т.д.? Напомним, что согласно ст. 72 Конституции РФ в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся в т.ч. защита прав и свобод человека и гражданина; защита прав национальных меньшинств; вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; природопользование; сельское хозяйство; охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности; особо охраняемые природные территории; охрана памятников истории и культуры; защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей. В той же статье к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации отнесены разграничение государственной собственности; установление общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации; административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления и др.

Думается, надо искать различные организационные формы участия субъектов Российской Федерации в реализации перечисленных задач. Это предмет общей заботы в интересах экономики и граждан всей Российской Федерации.

По новеллам Конституции РФ в 2020 г. предусмотрена возможность создания федеральных территорий (ч. 1 ст. 67). Достаточно очевидно обозначено, что создание федеральных территорий – это право Российской Федерации. Однако поскольку в ч. 1 ст. 5 Конституции четко сказано, что Российская Федерация состоит из своих субъектов, то создание федеральной территории не может не задеть соответствующий(е) субъект(ы). Это предполагает, что создание федеральной территории будет означать изъятие территории из ведения субъекта Российской Федерации, возможно, из двух и более субъектов Российской Федерации. Спрашивается: должен ли субъект Российской Федерации давать согласие на изъятие у него земли в состав федеральной территории?

* * *

В итоге можно сделать следующие обобщенные выводы. Во-первых, федерация живет поддержкой субъектов, а они, в свою очередь, поддерживают федерацию.

Во-вторых, национальное и территориальное начала в федеративной организации Российского государства существуют и самостоятельно, и во взаимной связи, в переплетении.

В-третьих, важнейшей основой российского федерализма является равноправие субъектов Российской Федерации; как только оно нарушается, могут возникать нежелательное последствия[12].

В-четвертых, в Российской Федерации не следует бояться того, что отдельные шаги субъектов Российской Федерации могут быть направлены на дополнительное обеспечение их интересов, конечно, они должны быть согласованы с федеральным центром. Не случайно за Президентом РФ закреплено право на разрешение разногласий между органами публичной власти, в т.ч. и субъектов Российской Федерации (ст. 85 Конституции РФ).

Таким образом, все субъекты федеративных отношений должны сообща способствовать поддержанию российской государственности на федеральном уровне, в субъектах Российской Федерации, укреплять многонациональный союз народов России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: в 2 т. 7-е изд. М., 2021. Т. 2. С. 52–71.
2. *Златопольский Д.Л.* Государственное устройство СССР. М., 1960.
3. *Златопольский Д.Л.* СССР – федеративное государство. М., 1967.
4. История советской Конституции (в документах). 1917–1956. М., 1957. С. 105, 106.

[12] Вспомним: как только бывшие автономные республики стали претендовать на особый статус в России, появились претензии отдельных территориальных частей на их преобразование в республики. Пример Уральской республики известен, и он обусловил отражение в ст. 5 Конституции РФ 1993 г. положения о равноправии субъектов Российской Федерации.

5. *Каульбарс Н.В.* Краткое обозрение Великого княжества Финляндского. СПб., 1900.
6. *Кяйвяряйнен И.И.* О конституционалистической политике царизма в Финляндии // Вопросы истории Европейского Севера. 1976. Вып. 3.
7. *Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25.
8. *Ленин В.И.* Тезисы по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23.
9. *Ордин К.Ф.* Покорение Финляндии. СПб., 1889.
10. *Пыжиков А.В.* Административно-территориальное устройство России. История и современность. М., 2003.
11. *Розин Э.Л.* Маркс и Энгельс о формах организации государственного единства (о формах государственного устройства) // Труды ВЮЗИ. М., 1974. Т. 30.
12. *Румянцев О.Г.* Конституция Девяносто третьего. История явления: документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2018.
13. *Семенов П.Г.* Автономия в советском государственном строительстве // Сов. государство и право. 1959. № 3.
14. *Семенов П.Г.* Проблемы советского национально-государственного строительства (на материалах Российской Федерации): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968.
15. *Таганцев Н.С.* Великое княжество Финляндия. СПб., 1910.
16. Финляндия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Constitutional Law of Russia: in 2 vols. 7th ed. M., 2021. Vol. 2. P. 52–71 (in Russ.).
2. *Zlatopolsky D.L.* State structure of the USSR. M., 1960 (in Russ.).
3. *Zlatopolsky D.L.* USSR – federal state. M., 1967 (in Russ.).
4. History of the Soviet Constitution (in documents). 1917–1956. M., 1957. P. 105, 106 (in Russ.).
5. *Kaulbars N.V.* Brief review of the Grand Duchy of Finland. SPb., 1900 (in Russ.).
6. *Kyayvyaryaynen I.I.* On the constitutionalist policy of tsarism in Finland // Questions of the history of the European North. 1976. Issue 3 (in Russ.).
7. *Lenin V.I.* On the right of nations to self-determination // Lenin V.I. Complete works. Vol. 25 (in Russ.).
8. *Lenin V.I.* Theses on the national question // Lenin V.I. Complete works. Vol. 23 (in Russ.).
9. *Ordin K.F.* The Conquest of Finland. SPb., 1889 (in Russ.).
10. *Pyzhikov A.V.* Administrative-territorial structure of Russia. History and Modernity. M., 2003 (in Russ.).
11. *Rozin E.L.* Marx and Engels on the forms of the organization of state unity (on the forms of state structure) // Proceedings of VUZI. M., 1974. Vol. 30 (in Russ.).
12. *Rumyantsev O.G.* Constitution of the Ninety-third. The history of the phenomenon: a documentary poem in seven parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission of 1990–1993. 3rd ed., corrected and additional. M., 2018 (in Russ.).
13. *Semenov P.G.* Autonomy in Soviet state construction // Soviet State and Law. 1959. No. 3 (in Russ.).
14. *Semenov P.G.* Problems of Soviet national-state construction (based on the materials of the Russian Federation): abstract dis. ... Doctor of Law. M., 1968 (in Russ.).
15. *Tagantsev N.S.* The Grand Duchy of Finland. SPb., 1910 (in Russ.).
16. Finland // Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 vols. (82 vol. and 4 add.). SPb., 1890–1907 (in Russ.).

Сведения об авторе

АВАКЬЯН Сурен Адибекович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

AVAKYAN Suren A. –
Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty at Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 23–31
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 23–31

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

© 2022 г. К. В. Агамиров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: agamirow@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена юридическому прогнозированию как направлению научной деятельности, способствующей совершенствованию всех составных частей правовой системы. Систематическое исследование направлений модернизации основ формирования стратегии правовой политики и нормативно-правовой базы в их неразрывной связи с правообразованием, правотворчеством, законотворчеством, правореализацией, правоприменением придает юридическому прогнозированию статус движущей силы устойчивого правопорядка. Отмечая значимость Указа Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», автор статьи обосновывает необходимость включения в область стратегического планирования модернизацию правового регулирования общественных отношений и придания процессу юридического прогнозирования и планирования законодательной деятельности должной организационной формы.

Ключевые слова: юридическое прогнозирование, правовые явления и процессы, правовая система, правовое регулирование, нормативные предписания, правовая система и будущее, будущее правовой системы, синехеология правовой системы, прогностический этап законотворчества, правовое поведение.

Цитирование: *Агамиров К.В.* Общетеоретические основы юридического прогнозирования // Государство и право. 2022. № 6. С. 23–31.

DOI: 10.31857/S102694520020391-1

GENERAL THEORETICAL FUNDAMENTALS LEGAL FORECASTING

© 2022 K. V. Agamirov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: agamirow@yandex.ru

Received 01.12.2021

Abstract. The article is devoted to legal forecasting as a direction of scientific activity that contributes to the improvement of all component parts of the legal system. The systematic research of the directions of modernization of bases of formation of strategy of legal policy and regulatory framework in their indissoluble connection with right education, law-making, lawmaking, right realization, law enforcement gives to legal forecasting the status of driving force of steady law and order. Noting the significance of the Decree of the President of the Russian Federation of November 8, 2021 No. 633 “On Approval of the Fundamentals of State Policy in the Field of Strategic Planning in the Russian Federation”, the author of the article justifies the need to include in the field of strategic planning the modernization of the legal regulation of public relations and to give the process of legal forecasting and planning of legislative activities the proper organizational form.

***Key words*:** legal forecasting, legal phenomena and processes, the legal system, legal regulation, normative regulations, the legal system and the future, the future of the legal system, the synecheology of the legal system, the prognostic stage of lawmaking, legal behavior.

For citation: *Agamirov, K.V. (2022).* General theoretical foundations of legal forecasting // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 23–31.

Введение

Юридическое прогнозирование представляет собой планомерную научную разработку возможностей формирования правовых явлений и процессов на уровнях осуществления модернизации:

1) стратегических направлений законодательства и в целом правовой системы;

2) правовых норм, институтов, подотраслей, отраслей;

3) деятельности юридических лиц;

4) правообразовательного, правотворческого, законотворческого процессов;

5) предвидения правомерного и отклоняющегося поведения субъекта права.

Из этого следует, что юридическое прогнозирование имеет как нормативное содержание, включающее в себя законодательную регламентацию, так и правореализационный и правоприменительный аспекты по осуществлению регулятивных предписаний. Подобный подход ориентирует юридическое прогнозирование на исследование правовых явлений и процессов в интегративном измерении, отражающим взаимосвязанность нормативного инструментария и поведенческой парадигмы, что органично вписывается в процесс масштабного повышения влияния в современных условиях человеческого фактора в ведущих сферах социальной практики.

Некоторые специалисты не считают субъектов правовой регламентации частью механизма правового контроля как не наделенных базовым критерием – регулятивной природой[1]. Тем не менее следует признать правомерное и отклоняющееся поведение и их последствия в виде реализации или неисполнения законодательных установлений важным регулятивным ресурсом, отражающим результативность правового регулирования и направленность его модернизации.

Поэтому нужно присоединиться к мнению о включении правовой системы в механизм правового регулирования для воспроизведения в полном объеме комплексного сочетания явлений в их функциональном аспекте[2] и, в свою очередь, вхождении в конструкцию правовой регламентации вслед за юридическими средствами и прочими компонентами правовой системы, воплощающих правовое регулирование субъектов и юридически существенных итогов их деятельности[3].

Теоретико-методологическую платформу юридического прогнозирования предопределяют законы диалектики о поступательном движении и взаимозависимости социальных явлений и процессов[4], детерминирующие равным образом несколько фундаментальных начал.

Универсальные положения юридического прогнозирования

Юридическое прогнозирование как теоретическая и практическая функция отражения социально-правовой действительности имеет своей целью раскрытие направлений эволюции правовой системы на условленную перспективу для подготовки предложений по ее модернизации. Регулятивное значение юридического прогнозирования заключается в перманентном исследовании характера течения правовых явлений и процессов и коррекции параметров правового развития, исходя из установленных целей.

«Правовая система и будущее» и «Будущее правовой системы» как магистральные прогностические категории отражают упорядоченное влияние юридического прогнозирования на социальную сферу и непрерывную трансформацию правовой системы, благоприятствующее определенности ее будущего с учетом происходящих и предполагаемых политических, социально-экономических, духовных, демографических и прочих процессов.

Юридическое прогнозирование редуцирует непрерывность (константность, постоянство) движения правовой системы и находит отражение в оригинальной категории «синехеология правовой системы» (от греч. *Συνέχεια* – непрерывность, *λόγος* – учение, наука) как предпосылке учения о непрерывности ее циркуляции. Воспроизводя юридическое прогнозирование, синехеология правовой системы идентифицирует ее неизменное движение, и законодатель обязан неустанно следить за происходящими в ней

[1] См., напр.: *Малько Н.В., Шундиков К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 102.

[2] См.: *Кудрявцев В.Н., Васильев А.М.* Право: развитие общего понятия // Сов. государство и право. 1985. № 7. С. 12, 13.

[3] См.: *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. / отв. ред. С.А. Чибиряев. М., 1998. С. 146.

[4] См.: *Агамиров К.В.* Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал росс. права. 2021. № 8. С. 20–35.

преобразованиями для их адресного учета в правотворческом процессе[5].

Методология юридического прогнозирования исследует направления модернизации правовой системы в трех ипостасях:

1) онтологической, олицетворяющей право в статике;

2) гносеологической, выказывающей динамический аспект права и способствующей обнаружению взаимовлияния гносеологии и философии политики и права[6];

3) аксиологической, обнаруживающей целесообразное право, или право с ценностно-рациональным началом (что требуется); нецелесообразное право, или право с ценностно-отрицательным началом (чего следует избегать); нейтральное право, или право с переходным началом (изменения на данный момент не нужны).

Юридическое прогнозирование как миссия публичной власти по контролю за преобразованием правовых явлений и процессов является автономным видом государственного прогнозирования. Это обусловливает важность внедрения в законотворческий процесс специализированного прогностического этапа и подготовки на его основе среднесрочных и долгосрочных планов законодательной деятельности для их последующего включения в государственную программу со стратегическим приоритетом социально-экономической реконструкции страны.

Юридическое прогнозирование как сопряженный упорядочивающий фактор развития правовой системы, предопределяющий ее движение по траектории «прошлое-настоящее-будущее», берет на вооружение прошедшие правовые явления и процессы с целью выделения среди них способных на воссоздание. Изучая социальные явления и процессы, находящиеся вне правового поля, эксперт-прогнозист индивидуализирует такие, которые необходимо ввести в него, а из функционирующих правовых явлений и процессов он фиксирует направления, перспективы и предпочтительные тенденции их онтогенеза. Иными словами, объектом прогностического исследования так или иначе становится грядущее состояние правопорядка. При регулятивном контроле за смещением действующих правовых явлений и процессов от установленных параметров надлежит вернуться в прежние времена и обратить внимание на предписанные в первичных моделях характеристики. И наконец, пострегулятивный аспект юридического прогнозирования вновь концентрируется на будущем состоянии теперь уже в целом социальной системы. Дальнейшие теоретические и прикладные разработки в области юридического прогнозирования вкупе с их инкорпорированием в законотворческий и правоприменительный процессы и учреждением профильных специализированных государственных прогностических организаций будут способствовать становлению юридической прогностики – новой правовой науки, вырабатывающей теоретико-методологические подходы к исследованию будущего правовой системы, основанные на выявлении закономерностей ее функционирования и непрестанной инверсии с конечной целью раскрытия тенденций эволюции и выработки конкретных практических предложений законодательным структурам по модернизации нормативных предписаний.

Для консолидации позитивных и сглаживания неблагоприятных тенденций юридическое прогнозирование, охватывая всю правовую систему, мониторит ее статичную и динамичную части, обусловливая тем самым направленность перманентного процесса слежения за свойствами правовых явлений и процессов в сопоставлении с их надлежащими параметрами.

Стержневая суть юридического прогнозирования заключается в достижении адекватного состояния правовой системы. Его методология нацелена на обозначение и разработку плана мероприятий по-целесообразному развитию правовых явлений и процессов, сформированному в результате прогноза перспективных тенденций наличного позитивно правового регулирования и построения на его основе правовых моделей. При этом в ходе юридического прогнозирования важно принимать во внимание сопряжение детерминант как воздействующих, так и могущих оказывать влияние на функционирование правовых явлений и процессов.

Направляющий ресурс юридического прогнозирования состоит в постоянной оценке курса правовых явлений и процессов и преобразовании атрибутов вектора правового развития пропорционально прописанным параметрам. Юридическое прогнозирование под стать инструменту мастера в образе публичной власти:

а) затягивает регуляторы правовой системы (форсирует правовую регламентацию в определенных сферах; усиливает надзор за деятельностью юридических лиц; активно вторгается в правообразовательные, правотворческие, законотворческие, правореализационные, правоприменительные процессы);

б) амортизирует эти регуляторы (конвертирует императивные правоотношения в диспозитивные; удаляет общественные отношения из правового поля; предоставляет юридическим лицам бóльшую автономию; обеспечивает «зону комфорта»

[5] См.: *Агамиров К.В.* Теоретико-методологические вопросы юридического прогнозирования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2021. № 40. С. 9.

[6] См.: *Жуков В.Н.* От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 37. DOI: 10.31857/S102694520012229-2

для правообразовательных, правотворческих, законотворческих, правореализационных, правоприменительных процессов);

в) не совершает каких-либо действий – берет паузу (дожидается вызревания общественных отношений для принятия решения о возможности их правового урегулирования, резервируя своеобразный люфт для маневра в определенную сторону; позволяет правообразовательным, правотворческим, законотворческим, правореализационным, правоприменительным процессам следовать до какого-то срока естественным путем). По аналогии с государственным дирижизмом в рыночной экономике Дж.К. Гэлбрейта[7], юридическое прогнозирование сходно с дирижизмом государства правовой системой, создающим условия для согласованной координации ее частей – законодательных предписаний, деятельности юридических лиц, правовой культуры (включающей в себя прогрессивное правообразование, правотворчество, законотворчество), правореализации, правоприменения.

Циркуляция правовой системы протекает в пределах пентады «прогрессивное правообразование – правотворчество – законотворчество – правореализация – правоприменение», квалифицирующей ее в качестве динамичной композиции.

Научным базисом законотворческого процесса служит его прогностический этап, сформированный из конкретных стадий. Прогнозные оценки обновления законодательных установлений составляют обязательную предпосылку планирования в законотворчестве, а само оно нуждается в экстенсивном (распространительном) толковании, охватывающем деятельность как облеченных законодательными полномочиями субъектов, осуществляющих правовое регулирование социальных отношений посредством принятия, изменения, дополнения и отмены нормативных правовых актов, так и предшествующую экспертную деятельность прогностических структур.

Правовой вакуум (отсутствие правовых предписаний, существенных для регламентации назревших к урегулированию общественных связей), правовая турбулентность (беспорядочность законодательства, правовая лихорадка) и правовой сквозняк (законодательная бесшабашность, несостоятельное нормативное вмешательство в общественные отношения, правовой ажиотаж, правовая инфляция) есть следствия хронической нехватки впередсмотрящих на законодательном лайнере и корни правовой депрессии и правовой анархии на пределе правовой тьмы.

Интервенция права способна причинить не меньший ущерб, нежели недостаточная упорядоченность и правовые пробелы. Юридическое прогнозирование как пронизывающий правовую систему элемент нацелено на воплощение регулятивного надзора за сдвигом правовых явлений и процессов от предустановленных параметров, главным образом в правотворческой и законотворческой деятельностях.

Среди показателей эффективности нормативного предписания конструктивно учитывать его прогностическую ориентацию, которая заключается в упреждающем воссоздании действительности (моделировании будущего содержания социально-правовых явлений и процессов), предрешающим долгосрочность принятого нормативного правового акта и, таким образом, устойчивость правового регулирования.

Значительный прогностический потенциал имеют подготовка и принятие федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». В данный документ следует включить главу «О принципах законотворчества в Российской Федерации» с фиксацией результатов юридического прогнозирования как обязательном условии научного обоснования необходимости разработок проектов законодательных установлений и поправок к действующим актам, а также отмены последних.

Законотворчество осуществляется как в утвердительной (принятие, изменение, дополнение нормативного правового акта), так и в отрицательной (отмена нормативного правового акта полностью или в части) формах.

Прогнозирование и планирование законодательной деятельности обладают спецификой в зависимости от сфер их применения.

Прогностический пробел как правовая категория фиксирует первоначальную безучастность законодателя по отношению к невызревшим общественным связям, которые будут наделены правовой харизмой спустя какое-то время и, таким образом, окажутся подготовленными к полновесному правовому упорядочиванию. Ситуационно-прогностическое законодательное предписание (ситуационно-прогностическая норма) отличается своим выходом в свет вследствие произошедших экстраординарных событий либо для регламентации отношений, нуждающихся в определенный период в правовом вторжении, и подлежит полной или фрагментарной отмене при ликвидации факторов, ставших причиной принятия данного императива.

Вынужденные отклонения как правовая категория допускает их при условии продуктивности зарождающегося права и верификации прогностической диагностикой возникающих институтов, стремящихся войти в правовое пространство.

Совокупность конкретных обстоятельств способна привести к самоосуществлению и саморазрушению правового прогноза, пределы которого не безграничны.

[7] См.: *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество. Избранное / пер. с англ. П.А. Алябьева, С.А. Батасова, О.С. Васильева и др. М., 2008.

Структурные начала юридического прогнозирования

Юридическое прогнозирование исследует:

прошедшие правовые явления и процессы; минувшие социальные явления и процессы, которые не входили в правовое поле, но имели основания в него попасть;

правовые явления и процессы (анализ их комбинированных элементов; мониторинг аномалий от установленных параметров); находящиеся вне правового пространства действующие социальные явления и процессы, имеющие необходимые признаки для вхождения в него;

будущие правовые явления и процессы (направленность оптимизации нынешних правовых явлений и процессов; учреждение вектора их целесообразной эволюции; обозначение синтеза целеориентиров для практической деятельности по приведению всей правовой системы в равновесное состояние на предмет соответствия констатируемым параметрам);

деонтические атрибуты правовой системы являют собой аксиологический компонент юридического прогнозирования, проникающий в минувшие, нынешние и будущие правовые явления и процессы и обусловливающий как резервы правовой системы для ее поступательного движения в русле ценностных ориентиров Конституции РФ, так и курс интегративной модернизации и долгосрочной стратегии совершенствования социума в целом (согласно Г. Спенсеру и Э. Фромму, пострегулятивный эффект долговременных норм в силах преобразовывать общество и влиять на становление характера народа[8]).

Сообразно подвергнутым прогностическому исследованию явлениям и процессам его выводы можно классифицировать следующим образом:

обнаружение результативности (отсутствия таковой) инструментов правовой корректировки для их учета в функционирующем правовом пространстве;

установление динамики и закономерностей вероятной и востребованной оптимизации правовых явлений и процессов, исходя из анализа нормативных правовых актов, деятельности юридических лиц, происходящих правообразовательных, правотворческих, законотворческих, правореализационных, правоприменительных процессов; принятие, изменение, дополнение и отмена правовых предписаний, внесение нормативных уточнений в нормативный порядок функционирования юридических лиц;

упорядочение и преобразование в надлежащее положение правообразовательных, правотворческих, законотворческих, правореализационных, правоприменительных процессов; заключение о тенденциях совершенствования как правовой системы в целом, так и всего социального организма.

Виды правовых прогнозов определяются пределами юридического прогнозирования и аксиологическими параметрами изучения будущих характеристик правовой системы.

По хронологическому формату:

ретроспективный правовой прогноз (перенесение показателей из предшествующего цикла юридического пространства в современные правовые явления и процессы с заключением о результативности средств правовой регламентации либо отсутствии таковой);

поисковый правовой прогноз (оценка потенциальных кондиций правовых явлений и процессов в будущем).

По диапазону:

монофакториальный (программно-установочный) правовой прогноз (прогнозирование результатов желаемых состояний правовых явлений и процессов, исходя из предварительно определенных параметров);

полифакториальный (интегративный) правовой прогноз (выработка на базе прогностических изысканий совокупности интенций по модернизации правовой системы в целом).

По уровню упорядоченности:

фильтровочный правовой прогноз (прогностический анализ социальных явлений и процессов для определения степени вероятности их инкорпорации в правовое пространство и отсечения от правовой сферы нежелательных социальных явлений и процессов);

надзорный правовой прогноз (сосредоточен на ликвидации девиаций правовых явлений и процессов от должных форматов и (или) разработке новых целей правового регулирования).

По аксиологической компоненте выделим ценностно-направленный правовой прогноз, который подразделяется на: ценностно-конструктивный правовой прогноз (что требуется); ценностно-отрицательный правовой прогноз (чего следует избегать); индифферентный правовой прогноз (перемены не нужны).

Юридическое прогнозирование содержит пять уровней осуществления прогнозных разработок, обращенных на исследование и оценку показателей:

1) стратегических направлений модернизации законодательной базы и в целом правовой системы;

[8] См.: *Spencer H.* The man versus the state: with six essays on government, society, and freedom. Indianapolis, 1981; *Фромм Э.* Иметь или быть? / пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Каменкович. М., 1986.

2) оптимизации отраслевых нормативно-правовых предписаний;

3) деятельности юридических лиц;

4) правообразовательного, правотворческого, законотворческого процессов;

5) механизма законопослушного и девиантного поведения.

Отмеченные уровни неразрывно связаны: относятся к законодательному прогнозированию; к институциональному прогнозированию; к правообразовательному, правотворческому, законотворческому прогнозированию; к правореализационному и правоприменительному прогнозированию.

Статичная часть правовой системы включает в себя: нормативный компонент, институциональный компонент.

Первый представляет комплекс законодательных предписаний, а второй воспроизводит правовой институт юридического лица.

Динамичная часть правовой системы состоит из: правовой культуры, охватывающей прогрессивное правообразование, правотворческий и законотворческий процессы; правореализационного процесса; правоприменительного процесса.

Вот почему юридическое прогнозирование пронизывает всю правовую систему и на выходе знаменуется формулировкой рекомендаций по совершенствованию законодательства, деятельности юридических лиц, увеличению степени правовой культуры, модернизации правообразующих, правотворческих, законотворческих, правореализационных, правоприменительных механизмов с финальным планом законодательных работ.

Правовые модели в качестве прогнозных версий регламентации можно классифицировать с учетом их позиции в правовой системе как:

а) законодательные (генеральные, долгосрочные, общеотраслевые, узкоотраслевые, групповые, стартовые) модели;

б) институциональные модели;

в) правообразующие модели;

г) правотворческие модели;

д) законотворческие модели;

е) правореализационные модели;

ж) правоприменительные модели;

По уровню воплощения они подразделяются на:

а) оптимальные модели;

б) виртуально-вероятные модели;

в) аутентичные модели.

Функции юридического прогнозирования дифференцируются на теоретическую, мировоззренческую, регулирующую, институциональную, правообразующую, правотворческую, законотворческую, правореализационную, правоприменительную.

Отправные начала юридического прогнозирования выражаются в его принципах, среди которых следует выделить:

принцип интегративной методики, определяющий необходимость использования в ходе прогнозных разработок совокупности прогностических средств, гарантирующих рост точности, достоверности, дальности прогноза;

принцип пронизывающей непрерывности, удостоверяющий мониторинг всех частей социальной и правовой систем;

принцип альтернативности совершенствования правовых явлений и процессов;

принцип аффилированности правовой системы с экономической динамикой, означающий насущность качественных структурных экономических сдвигов для углубления потенциала правовой системы;

принцип адресной эффективности правового регулирования для результативного влияния на общественные связи;

принцип согласованности при проведении прогностических исследований (раскрытие внутренних и внешних параметров механизма функционирования правовой системы, касающихся ее взаимосвязей с внешним фоном);

принцип тождественности (соизмеримости специфики правовой системы с прочими системами социального контроля).

Прогностический этап законотворчества является ведущим в юридическом прогнозировании и обусловливает обособление срочных, среднесрочных, долгосрочных проектов государственных стратегий и нормативных правовых актов.

Законодательное прогнозирование как ключевая часть юридического прогнозирования осуществляется на уровнях:

стратегических направлений развития законодательства;

отраслей законодательства;

институтов законодательства;

норм законодательства.

При систематизации существующих нормативных предписаний наряду с их актуальностью и другими свойствами следует принимать во внимание прогностическую устремленность правовой модернизации,

в связи с чем возможно различение законодательных предписаний:

а) превентивного направления (высокое право);

б) текущего дня (повседневное право);

в) возвратного характера (архаичное право).

Правовые нормы, соответственно, делятся на: программные (декларативные); обыденные (шаблонные); попирающие (уничижительные). Следует отметить, что нормативные правовые акты превентивного действия могут не оправдать возлагаемых на них ожиданий по причине содержащихся в них юридических дефектов, поэтому их допустимо принимать с испытательным сроком.

Прогностическое исследование правового поведения обладает специфической методологией и представляет собой научный процесс предвидения правомерных или отклоняющихся действий субъекта права с триполярной правовой активностью соответственно в виде позитивного (положительного), нейтрального (индифферентного) и негативного (отрицательного) полюсов. Позитивный полюс согласуется с выполнением правовых предписаний на добровольной основе; нейтральный полюс означает вынужденное подчинение правовым установлениям с изначально безразличному к ним отношению; негативный полюс тождественен девиантному поведению (отступлению от правовых норм). Таким образом, правовая активность присутствует в механизме как законопослушного, так и противоправного поведения.

Автор разграничивает правовое поведение и правовую деятельность как взаимосвязанные родовое и видовое понятия. Правовая деятельность являет собой правовое поведение юридических лиц (в том числе органов публичной власти), наделенных императивной компетенцией. Традиционное же (обыденное) правовое поведение – это действия (бездействие) граждан в повседневной жизни. Таким образом, правовая деятельность включается в правовое поведение, следовательно, как и последнее, может быть не только правомерной, но и противоправной, если осуществляющие ее субъекты под камуфляжем легальности и легитимности, исходя из действующих норм позитивного права и признания их большей частью населения, фактически причиняют непомерный ущерб.

Особая значимость деятельности законодателя и правоприменителя постулирует введение в конструкцию правового поведения понятий законодательного и правоприменительного поведения. Под первым подразумевается один из вариантов правовой деятельности государства по разработке на базе прогностического этапа законотворчества планов законодательных работ и их реализации, а под вторым – по рассмотрению и разрешению юридических споров.

Методические истоки юридического прогнозирования

Применение методов юридического прогнозирования предполагает следование принципу системности.

Правовые прогнозы обладают численными и качественными атрибутами, логической целостностью и методологическими предпосылками, которые опираются на точность, достоверность и дальность прогноза, обеспечивающих максимальное качество и полноту проведенного прогностического исследования при согласованном использовании достижений юридической теории и юридической практики.

Гуманистическая матрица юридического прогнозирования

Консолидирующим инструментом коммуникации публичной власти и свободного социума может явиться интегрированная идеологическая концепция, независимая от государственно-правовой пристрастности и конъюнктурных интересов, цементирующая гуманистические и патриотичные отправные точки, воспроизводящая значение Российской Федерации. Подобная концепция будет обладать значительной прогностической составляющей и способствовать преодолению социальной депрессии, восстановлению жизнеутверждения и духовного оптимизма широких народных масс, конверсии их надежд в поступательные правовые намерения в лице цивилистического мировоззрения в качестве культурологического поливектора, генерирующего совершенствование правовой системы.

Определяющий прогностический показатель процессов прогрессивного правообразования, правотворчества, законотворчества, правореализации, правоприменения заключается в социальной направленности права – созвучии положенных в ст. 2 и 7 Конституции РФ оснований правового и социального государства, состоящих в обеспечении соблюдения прав и свобод человека и гражданина и условий его достойной жизни, а именно предельно полном удовлетворении первоочередных нужд. Единственно таким образом возможно изживание отчуждения личности от публичной власти и права, восстановление моральной категории доверия граждан к проводимым государством законодательным преобразованиям и в итоге достижение правомерного поведения членов социума. Самоограничение и взаимное сдерживание государства и личности, приближение социальной стратегии Российской Федерации к международным пактам, регламентирующим уровень и качество жизни, с параллельным изживанием потребительских настроев и правовой инфантильности известного сегмента гражданского социума опираются на

координацию позитивного (локального) права и нелимитированного (за границами позитивного) права.

Интегративный фактор юридического прогнозирования

Обнаружение и профилактика рисков, влияющих на российскую правовую систему, обязывают безостановочно проводить прогностические разработки процессов глобализации и требуют подготовки и принятия Стратегии развития правовой системы с фиксацией в ней тенденций совершенствования составных частей правовой системы и максимально достоверного соотношения между ними для унификации внутригосударственных, общеевропейских, мировых правовых стандартов, равно как и обеспечения национальной безопасности.

Этическое основание юридического прогнозирования

Глобализация привела к усугублению социально-культурных и морально-этических проблем жизнеспособности отдельного индивидуума и человечества как биосоциального существа. В контексте биомедицинских исследований и технологической дегуманизации[9] следует подумать о введении права на генетическую неприкасаемость в систему конституционных прав и свобод граждан, т.к. происходящие в этих направлениях процессы несут угрозу и межличностным отношениям, и человеку как биологическому виду.

Организационно-институциональный базис юридического прогнозирования

Выводное звено модернизации социальных связей фиксирует их будущность. Перспективно-долгосрочный подход детерминируется практическими формами планирования, заявленными в Федеральных целевых программах Российской Федерации[10], и Указе Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»[11]. Следует, тем не менее, признать, что при всей своей важности эти документы, во-первых, не обладают прочной организационной базой и, во-вторых, в них не отражена эволюция правового регулирования социальных отношений. Во времена СССР в прогностическом поле находились такие организации, как Научный совет по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования, функционировавший при Президиуме Академии наук СССР и Государственном комитете СССР по науке и технике, и Комитет по научно-техническому прогнозированию и разработке комплексных программ научно-технического прогресса (в системе Союза научных и инженерных обществ). Возобновление деятельности аналогичных структур является актуальной задачей.

В связи с этим представляется насущным:

1) для дальнейшей разработки теории и методологии научно-технического прогнозирования на основе всестороннего анализа политических, экономических, демографических, экологических, духовных и других глобальных проблем современности, прогностической информации о становлении и совершенствовании социальных связей, требующих правового урегулирования, введения прогнозных разработок и деятельности по планированию законодательных работ в надлежащее организационное русло следует учредить безостановочно функционирующую группу разнопрофильных специалистов под патронажем Российской академии наук и при взаимодействии с Комитетом Государственной Думы по образованию и науке, Департаментом макроэкономического анализа и прогнозирования Министерства экономического развития РФ и Экспертно-аналитическим управлением Аппарата Государственной Думы ФС РФ[12];

2) в целях предупреждения противоправного поведения субъектов права на основе целенаправленной деятельности по профилактике девиации необходимо создать соответствующую структуру под эгидой Министерства юстиции РФ.

Заключение

Таким образом, юридическое прогнозирование как неотъемлемая часть социального прогнозирования включает в себя всю гамму теоретических и практических вопросов стратегии развития государства и общества, содействуя тем самым существенному повышению эффективности долгосрочного планирования на всех участках их функционирования, в т.ч. и в субъектах Российской Федерации[13].

---

[9] См.: *Лапаева В.В.* Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 28.

[10] См.: Федеральные целевые программы России. URL: http://www.programs-gov.ru/(дата обращения: 23.11.2021).

[11] См.: СЗ РФ. 2021. № 46, ст. 7676.

[12] См.: *Агамиров К.В.* Понятие и значение институциональной составляющей юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 17–24.

[13] См.: *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура», «Государственно-правовые исследования» // Государство и право. 2021. № 10. С. 234–253. DOI: 10.31857/S1026945200017277-5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агамиров К.В.* Онтологические, гносеологические и аксиологические основания юридического прогнозирования: философско-правовая парадигма // Журнал росс. права. 2021. № 8. С. 20–35.
2. *Агамиров К.В.* Понятие и значение институциональной составляющей юридического прогнозирования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 17–24.
3. *Агамиров К.В.* Теоретико-методологические вопросы юридического прогнозирования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2021. № 40. С. 9.
4. *Гэлбрейт Дж.К.* Новое индустриальное общество. Избранное / пер. с англ. П.А. Алябьева, С.А. Батасова, О.С. Васильева и др. М., 2008.
5. *Жуков В.Н.* От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 37. DOI: 10.31857/S102694520012229-2
6. *Кудрявцев В.Н., Васильев А.М.* Право: развитие общего понятия // Сов. государство и право. 1985. № 7. С. 12, 13.
7. *Лапаева В.В.* Международное регулирование отношений в сфере биомедицины: взаимодействие права и морали // Право. Журнал ВШЭ. 2019. № 2. С. 28.
8. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Стромов В.Ю., Трофимов В.В.* Проект Концепции правовой политики субъекта Российской Федерации (на примере Тамбовской области): обзор материалов Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая культура», «Государственно-правовые исследования» // Государство и право. 2021. № 10. С. 234–253. DOI: 10.31857/S1026945200017277-5
9. *Малько Н.В., Шундиков К.В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 102.
10. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учеб. / отв. ред. С.А. Чибиряев. М., 1998. С. 146.
11. *Фромм Э.* Иметь или быть? / пер. с англ. Н.И. Войскунской, И.И. Каменкович. М., 1986.
12. *Spencer H.* The man versus the state: with six essays on government, society, and freedom. Indianapolis, 1981.

REFERENCES

1. *Agamirov K.V.* Ontological, Gnoseological and Axiological Basis of Legislative Forecasting: Philosophical and Legal Paradigm // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 10. P. 20–35 (in Russ.).
2. *Agamirov K.V.* The concept and significance of the institutional component of legal forecasting // Legal policy and legal life. 2019. No. 2. P. 17–24 (in Russ.).
3. *Agamirov K.*V. Theoretical and methodological issues of legal forecasting // Tomsk State University Journal of Law. 2021. No. 40. P. 9 (in Russ.).
4. *Galbraith J.C.* A new industrial society. Favourites / transl. from English P.A. Alyabyeva, S.A. Batasova, O.S. Vasiliev and others. M., 2008 (in Russ.).
5. *Zhukov V.N.* From "methodological essentialism" to totalitarianism: an unfinished dispute between Karl Popper and Plato. The nature of the scientific method // State and Law. 2020. No. 10. P. 37. DOI: 10.31857/S102694520012229-2 (in Russ.).
6. *Kudryavtsev V.N., Vasiliev A.M.* Law: the development of a general concept // Soviet State and Law. 1985. No. 7. P. 12, 13 (in Russ.).
7. *Lapaeva V.V.* International regulation of relations in the field of biomedicine: interaction of law and morality // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 2. P. 28 (in Russ.).
8. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Stromov V.Y., Trofimov V.V.* Draft Concept of Legal Policy of a Subject of the Russian Federation (on the example of the Tambov Region): review of the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law", "The legal culture", "Public Law Studies" // State and Law. 2021. No. 10. P. 234–253. DOI: 10.31857/S1026945200017277-5 (in Russ.).
9. *Mal'ko N.V., Shundikov K.V.* Goals and means in law and legal policy. Saratov, 2003. P. 102 (in Russ.).
10. *Syrykh V.M.* Theory of State and Law: textbook / ed. by S.A. Chibiryaev. M, 1998. P. 146 (in Russ.).
11. *Fromm E.* To Have or to Be? / transl. from English N.I. Voiskunskaya, I.I. Kamenkovich. M., 1986 (in Russ.).
12. *Spencer H.* The man versus the state: with six essays on government, society, and freedom. Introduction by A.J. Nock. Indianapolis, 1981.

Сведения об авторе

АГАМИРОВ Карэн Владимирович –
доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMIROV Karen V. –
Doctor of Law, associate Professor, senior researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of State and Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 32–40
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 32–40

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

УДК 34 (075.8)

СУБЪЕКТЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД

© 2022 г. Е. В. Михайлова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Поступила в редакцию 10.01.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена проблеме состава субъектов цивилистического процесса на современном этапе. Основой процессуального учения о субъектах гражданского и арбитражного процесса служат труды ученых-процессуалистов дореволюционного и советского периодов. Именно их перу принадлежит большинство научных исследований, обосновывающих связь субъектов гражданского процесса с судом как обязательным участником гражданских процессуальных правоотношений. На заре процессуальной доктрины существовали две противоположные теории: в одной отражался взгляд на гражданское процессуальное правоотношение как частноправовое отношение суда и участвующих в деле лиц, другая исходила из понимания гражданско-процессуальных отношений как публично-правовых властеотношений. В дальнейшем в науке укоренился подход, в соответствии с которым гражданский процесс представляет собой правоотношение, обязательным участником которого выступает суд, рассматривающий дело, в силу чего это отношение имеет публично-правовую природу. В настоящее время на фоне дифференциации процессуальных форм защиты нарушенных прав и законных интересов, происходит внедрение в цивилистический процесс нового процессуального института – судебного примирения. Правовой статус судебного примирителя сложен и имеет две стороны: с одной стороны, он не участвует в отправлении правосудия, с другой – выступает от имени соответствующего суда. На основе теоретического анализа института судебного примирения сделан вывод о публично-правовом статусе судьи-примирителя и предложено отнести его к первой группе субъектов цивилистического процесса – суду. Вместе с тем отвергнута мысль о необходимости пересмотра основ системы субъектов цивилистического процесса в связи с появлением новых «правовых фигур»: Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Доказано, что эти субъекты вполне отвечают всем признакам лиц, участвующих в деле, и должны занимать в их системе самостоятельное процессуальное положение.

Ключевые слова: суд, гражданский процесс, арбитражный процесс, субъекты цивилистического процесса, заинтересованность в деле, судебное примирение, судья-примиритель, судья в отставке, лица, участвующие в деле, административное судопроизводство.

Цитирование: *Михайлова Е.В.* Субъекты цивилистического процесса: современный подход // Государство и право. 2022. № 6. С. 32–40.

DOI: 10.31857/S102694520020392-2

SUBJECTS OF THE CIVIL PROCESS: A MODERN APPROACH

© 2022 E. V. Mikhailova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: e.v.mihailova@bk.ru

Received 10.01.2022

Abstract. The article is devoted to the problem of the composition of the subjects of the civil process at the present stage. The basis of the procedural doctrine of the subjects of civil and arbitration process are the works of scientists-proceduralists of the pre-revolutionary and Soviet periods. Most of the scientific studies that substantiate the connection between the subjects of civil procedure and the court as an obligatory participant in civil procedural legal relations belong to them. At the dawn of the procedural doctrine, there were two opposite theories: one reflected the view of civil procedural legal relationship as a private law relationship between the court and the persons involved in the case, the other proceeded from the understanding of civil procedure relations as public law, power relations. Later, an approach took root in science, according to which the civil procedure is a legal relationship, the obligatory participant of which is the court considering the case, by virtue of which this relationship has a public law nature. At present, against the background of the differentiation of procedural forms of protection of violated rights and legitimate interests, a new procedural institution is being introduced into the civil process – judicial reconciliation. The legal status of a judicial conciliator is very complicated and has two sides: on the one hand, he does not participate in the administration of justice, on the other, he acts on behalf of the respective court. On the basis of a theoretical analysis of the institution of judicial reconciliation, a conclusion was made about the public-law status of a judge-conciliator and it was proposed to refer him to the first group of subjects of the civil process – the court. At the same time, the idea of the need to revise the foundations of the system of subjects of the civil process was rejected in connection with the emergence of new "legal figures": the Commissioner for Human Rights and the Commissioner for the Rights of Consumers of Financial Services. It has been proven that these subjects fully meet all the characteristics of the persons participating in the case, and must occupy an independent procedural position in their system.

Key words: court, civil procedure, arbitration process, subjects of civil procedure, interest in the case, judicial conciliation, judge-conciliator, retired judge, persons participating in the case, administrative proceedings.

For citation: *Mikhailova, E.V. (2022).* Subjects of the civil process: a modern approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 32–40.

Вся теория цивилистического процесса, по большому счету, основывается на учении о его субъектах. Их правовой статус, цель и задачи деятельности предопределяют как движение гражданского дела, так и особенности процесса доказывания, реализации тех или иных процессуальных правил и т.д.

М.С. Шакарян по этому поводу отмечала: «Обращаясь к тексту процессуального закона, мы ясно видим, что все участники процесса наделены определенными процессуальными правами и несут определенные процессуальные обязанности, объем которых зависит от занимаемого в процессе положения, от той задачи, которую выполняет в процессе данный участник; в осуществление этих прав и обязанностей каждый участник процесса совершает определенные процессуальные действия, которые в совокупности и составляют сложную процессуальную деятельность (процесс)»[1].

Как полагает Л.А. Зеленская, «Конституционный Суд РФ в своих постановлениях указывает именно на обязанность суда верно определить состав лиц, участвующих в деле, то есть имеющих интерес в его исходе, причем обозначенную обязанность суд должен исполнить вне зависимости от того, проявляли ли инициативу лица, участвующие в деле, в отношении совершения соответствующего процессуального действия»[2]. Эту задачу возможно выполнить при условии владения теоретической конструкцией «субъекты цивилистического процесса».

Ученые-процессуалисты дореволюционного периода сформировали основы теории субъектов гражданского процесса. Так, Е.В. Васьковский в числе первого и основного субъекта гражданско-процессуальных правоотношений указывал суд. Далее шли стороны правового конфликта, рассматриваемого судом, и представители. Участие в процессе третьих лиц рассматривалось в рамках главы «Осложнения процесса»[3].

Рассуждения о субъектах гражданского судопроизводства были неразрывно связаны с описанием природы и особенностей гражданских процессуальных правоотношений, участниками которых являются указанные субъекты. Связь понятий «субъект гражданского процесса» и «гражданское процессуальное правоотношение» неразрывна, они взаимно обусловлены.

Е.В. Васьковский, описывая гражданские процессуальные правоотношения по русскому праву, считал, что к нашему процессу применима конструкция германского процессуалиста проф.

[1] *Шакарян М.С.* Избр. труды. СПб., 2014. С. 578.

[2] *Зеленская Л.А.* Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве // Политематический сетевой электр. науч. ж-л Кубанского гос. аграрного ун-та. 2016. № 120 (06).

[3] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 179–181.

Бюлова, который рассматривал гражданский исковой процесс как соединение двух двусторонних правоотношений по типу: «истец-суд» и «ответчик-суд». «Так как одним из субъектов в каждом из этих отношений является суд, то оба отношения объединяются тождеством существенного элемента и образуют одно целое. Вследствие этого процесс приобретает внутреннее единство»[4].

Отметим, что взгляд на цивилистический процесс как на единое, сложное по структуре правоотношение, состоящее из комплекса т.н. «элементарных процессуальных отношений», иногда замещается пониманием гражданского процесса как единого, но трехстороннего правоотношения.

В дореволюционной научной литературе было высказано и противоположное мнение, отвергающее концепцию Бюлова. Например, Е.А. Нефедьев писал: «Процесс, по теории Бюлова, есть юридическое отношение. Теория Бюлова была положена в основание весьма большого числа исследований в области гражданского процесса. Тем не менее, она не дает возможности разрешить многие процессуальные вопросы. Так, при помощи этой теории нельзя объяснить того, почему процесс может существовать, несмотря на нежелание ответчика принять участие в его установлении? Утверждая, что процесс есть юридическое отношение, Бюлов ничего не говорит о том, каковы элементы этого отношения. Из дальнейших рассуждений его, а также из рассуждений некоторых из его последователей видно, что как сам он, так и его последователи имеют в виду юридическое отношение частноправовое»[5].

К.И. Малышев к числу субъектов гражданского судопроизводства также относил суд, стороны, третьих лиц и представителей, в частности адвокатов[6].

А.Х. Гольмстен, указывая суд в качестве основного субъекта гражданского процесса, к первой группе относит также прокуроров, секретарей, присяжных фотографов, поверенных, судебных приставов и нотариусов – очевидно, поскольку указанные лица способствуют отправлению правосудия. Адвокатов, представителей, пособников он относит к «лицам, примыкающим к сторонам»[7].

Итак, при определенной общности взглядов на число конкретных субъектов гражданского процесса, мнения дореволюционных процессуалистов расходятся по вопросу о природе судопроизводства: некоторые вслед за проф. Бюловым определяют его как сложное юридическое отношение частноправовой природы, состоящее из ряда «элементарных правоотношений», связывающих суд с каждым из всех прочих субъектов; другие полагают, что процессуальные правоотношения не вписываются в общепринятую теорию юридических отношений.

При этом рассмотрение вопроса о субъектах гражданского судопроизводства у ученых связывается с проблемой гражданских процессуальных правоотношений, поскольку правовое положение каждого субъекта определяется на основании природы того правоотношения, участником которого он является.

Представляется, что понимание гражданско-процессуальных правоотношений как частноправовых во многом явилось следствием судебной реформы 1864 г. Как отмечают исследователи, «при проведении судебной реформы следственное начало было признано одним из самых главных недостатков российского судопроизводства, совершенно не соответствующим существу гражданских тяжебных дел, и в новом Уставе проведено с большой строгостью состязательное начало процесса»[8].

Советские ученые-процессуалисты определяли гражданское судопроизводство следующим образом: «Гражданское судопроизводство – это регулируемая законом деятельность суда, осуществляющего правосудие по гражданским делам, судебного исполнителя, лиц, участвующих в деле, и других участников процесса (представителей сторон и третьих лиц, представителей общественности, свидетелей, экспертов, переводчиков)»[9]. Из этого определения понятно, что к числу субъектов советского гражданского процесса ученые относили как суд, так и лиц, участвующих в деле, иных участников процесса (к которым причисляли третьих лиц, представителей, экспертов, переводчиков), а равно судебных исполнителей. Отнесение к субъектам гражданского судопроизводства судебных исполнителей особенно наглядно подчеркивает тот факт, что участие в гражданско-процессуальных отношениях для наделения статусом субъекта гражданского процесса становится не всегда обязательным.

М.С. Шакарян подчеркивала, что «субъекты процессуального права – это люди и коллективные образования, а субъекты гражданского процессуального правоотношения – это судебные органы (суд коллегиальный и судья единоличный, судебный

[4] *Васьковский Е.В.* Указ. соч.

[5] *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 4, 5.

[6] См.: *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1876. Т. 1.

[7] *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.

[8] Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 131, 132.

[9] Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 3.

исполнитель), прокурор, истец, ответчик, третьи лица, представители, органы государственного управления, общественность, свидетели, эксперты, переводчики»[10]. Здесь также к числу субъектов гражданского процесса причислен судебный исполнитель, не вступающий напрямую в гражданско-процессуальные отношения с судом.

Фундаментальные научные исследования проблемы гражданских процессуальных правоотношений были осуществлены Д.М. Чечотом. Основной его вывод: «В гражданском процессе процессуальные правоотношения могут существовать между субъектами гражданско-процессуального права, с одной стороны, и *только* судом – с другой»[11]. Это определение вступает в противоречие с вышеизложенным подходом, поскольку исключает из числа субъектов гражданского судопроизводства лиц, не связанных правовыми отношениями с судом, рассматривающим дело.

Верным представляется подход, сформулированный в научных трудах еще одного выдающегося представителя Санкт-Петербургской правовой школы – Н.А. Чечиной. Она писала: «Суд как орган государственной власти занимает в процессуальном отношении положение руководящего субъекта, что подчеркивается содержанием его прав и обязанностей, объем которых шире объема прав и обязанностей любого иного субъекта процессуальных отношений»[12]. В этом определении подчеркнуто главное: суд, рассматривающий дело, – это орган государственной власти, реализующий свою предметную компетенцию. Поэтому он в гражданско-процессуальном правоотношении занимает надстоящее положение, а сами эти отношения имеют не частноправовую, а властную, публично-правовую природу. Гражданские процессуальные отношения – это, таким образом, отношения власти и подчинения. В.М. Гордон, отстаивавший идею трехсторонности гражданско-процессуального правоотношения, так и писал: «Гражданский процесс есть трехсторонее правоотношение из области публичного права»[13].

Итак, субъектами цивилистического процесса являются участники (действительные и потенциальные) гражданско-процессуальных правоотношений. Природа гражданских процессуальных правоотношений в полной мере определяет их правовой статус, т.е. совокупность гражданских процессуальных прав и обязанностей. Ими обладают исключительно те лица, которые наделены правом вступать в процессуальные отношения, а объем этих прав определяется природой процессуального отношения. Как справедливо указывал Н.М. Коркунов, «наиболее характерные различия частных и публичных прав выражаются в порядке приобретения тех и других прав, в способах их потери, в различии содержания самого права и в соотношении права и обязанности»[14]. А.С. Алексеев наглядно описал различие частноправовых и публично-правовых отношений: «Все человеческие соединения могут быть разделены на две группы: одни основаны на начале равенства, другие на начале неравенства. Первые предполагают лиц, входящих в союз, равными в смысле их одинаковой способности содействовать целям союза, хотя степень этого содействия может быть бесконечно разнообразна. Вторые, напротив, предполагают людей неравными в том смысле, что одних лиц, принадлежащих к союзу, считают сильными, других бессильными перед той задачей, которая поставлена союзу»[15].

Аналогичный подход отражен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: к административным делам относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику[16].

Таким образом, возникающие при отправлении правосудия правоотношения в полной мере отвечают всем признакам публичного правоотношения: их обязательным субъектом является орган государственной власти – суд; в этих отношениях суд реализует свою непосредственную, публично-властную компетенцию. Е.А. Нефедьев, например, изначально рассматривал возникающее при отправлении правосудия по гражданскому делу правоотношение как «властеотношение, элементами которого являются: власть и подчинение. На стороне органа власти в процессе возникает власть, а на стороне тяжущихся, свидетелей, экспертов и т.д.– подчинение»[17].

---

[10] *Шакарян М.С.* Указ. соч. С. 470.

[11] *Чечот Д.М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 89.

[12] *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 21.

[13] *Гордон В.М.* Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 18.

[14] *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 225.

[15] *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 24.

[16] См.: Росс. газ. 2016. 3 окт.

[17] *Нефедьев Е.А.* Указ. соч. С. 5.

Соответственно, к субъектам цивилистического процесса следует отнести субъектов процессуальных правоотношений: прежде всего это суд, рассматривающий дело, а также все лица, связанные с ним правами и обязанностями.

В зависимости от наличия или отсутствия интереса к делу всех прочих субъектов цивилистического процесса подразделяют на две большие группы: лица, участвующие в деле (имеющие в деле юридическую заинтересованность) и лица, содействующие осуществлению правосудия по гражданскому делу (интересом в деле не обладают, но привлекаются к участию в целях оказания суду содействия): свидетели, эксперты, специалисты, переводчики. Под «юридическим интересом к делу» понимают связь лица со спорным материальным правоотношением либо интерес к возбуждению судопроизводства и рассмотрению дела по существу. Крупнейший советский исследователь проблемы юридического интереса Р.Е. Гукасян весьма четко описал его суть: «Сущность юридического интереса состоит в том, что решение суда может отразиться на правах или обязанностях лица, возбуждающего процесс или принимающего в нем участие»[18]. В целом юридический интерес как критерий дифференциации субъектов цивилистического процесса проявляется либо как связь лица со спорным правоотношением (стороны, соучастники, третьи лица), либо как стремление к возбуждению производства по делу (например, в силу служебных обязанностей – прокурор, органы государственной власти или местного самоуправления) или как производное от материальной заинтересованности в самом процессе (в частности, адвокаты).

Вопрос о составе субъектов цивилистического процесса приобрел особую актуальность. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, с внедрением в систему цивилистического процесса судебной примирительной процедуры.

Как известно, Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[19] в структуру гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства были включены нормы, регулирующие принципиально новый вид деятельности государственных судов – судебное примирение.

Судебное примирение следует отличать от всех прочих примирительных процедур уже потому, что медиация, переговоры, онлайн-урегулирование споров и проч.– это внесудебные, материально-правовые процедуры. Они реализуются в действиях самих спорящих субъектов (например, прямые переговоры) либо в условиях обращения к посреднику (примирителю, медиатору и т.п.). Внесудебное примирение оказывает влияние на гражданское судопроизводство, но лишь опосредованное: суд вправе удовлетворить ходатайство сторон об отложении производства по делу в связи с намерением лично урегулировать конфликт либо обратиться к посреднику.

Судебная примирительная процедура – это процессуальная деятельность. Она регулируется нормами процессуального законодательства. Статья 153^6 ГПК РФ, ст. 138^5 АПК РФ закрепляют, что стороны вправе урегулировать спор путем использования примирительной процедуры с участием судебного примирителя (судебное примирение). Соответственно, судебное примирение есть часть гражданского и арбитражного судопроизводства, элемент цивилистической процессуальной формы.

Однако не все так просто. Организацию и проведение судебной примирительной процедуры проводит не судья, рассматривающий дело, и даже не другой судья, состоящий в штате соответствующего суда. Судебное примирение – это функция, осуществляемая судебным примирителем, в качестве которого выступает судья в отставке. По мнению некоторых ученых, судья в отставке является «гражданином, не имеющим никакого отношения к исполнению полномочий по государственной должности судьи, не обладающим вообще какими бы то ни было властными полномочиями»[20].

Таким образом, правоотношения в ходе организации и реализации судебного примирения складываются не между участниками правового конфликта и судом, а между спорящими сторонами и судебным примирителем, не имеющим публично-правового статуса судьи.

Порядок организации и проведения судебной примирительной процедуры регулируется Регламентом судебного примирения (утв. постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 г. № 41[21]).

Регламент относит судебного примирителя к числу участников судебной примирительной процедуры, наряду со сторонами правового конфликта, а также лицами, способствующими проведению судебного примирения (например, переводчик) (ст. 12). Вместе с тем суд, рассматривающий дело, как известно, не включается исследователями в число лиц, участвующих в дело. Даже структурное содержание гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства

[18] *Гукасян Р.Е.* Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 43.

[19] См.: СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4099.

[20] *Ермошин Г.Т.* Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 88.

[21] См.: Росс. газ. 2019. 12 нояб.

наглядно демонстрирует обособление суда от иных субъектов цивилистического процесса.

Поэтому вопрос о том, какое место занимает судебный примиритель в системе субъектов цивилистического процесса имеет сложный характер: с одной стороны, он может быть отнесен к первой группе субъектов, включающих в себя суд, а также лиц, составляющих аппарат суда и совершающих процессуально-значимые действия: секретарь судебного заседания, помощник судьи. С другой стороны, судья в отставке не обладает публично-правовым статусом (в отличие не только от действующего судьи, но даже помощника судьи и секретаря судебного заседания), поэтому его можно отнести к лицам, содействующим осуществлению правосудия: переводчикам, специалистам, экспертам.

Правовой статус судьи-примирителя не определен ни законодательно, ни на уровне руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Процессуальное законодательство говорит о том, что судебный примиритель «участвует в процедуре судебного примирения» (ч. 3 ст. 138^5 АПК РФ, ч. 3 ст. 153^6 ГПК РФ). При этом понятие и правовое значение этого «участия» не раскрыто. Касательно суда, рассматривающего дело, термин «участие» обычно не применяется, поскольку суд не участвует в рассмотрении дела, а осуществляет его.

Важнейшее значение имеет положение о том, что судебный примиритель не является участником судебного разбирательства и не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса. Тем самым законодатель как бы «выводит» процедуру судебного примирения за рамки рассмотрения дела.

Поэтому правомерен вопрос: какова природа правоотношений, связывающих судебного примирителя и участников судопроизводства?

Как было рассмотрено выше, гражданско-процессуальные правоотношения характеризуются двумя признаками: обязательным наличием в качестве одной из сторон этих правоотношений суда и, как следствие этого, публично-правовым характером. Как верно отмечает Н.А. Колоколов, «судебная власть проявляется в судебно-властных отношениях. Судебно-властные отношения – это общественные отношения, возникающие в процессе реализации судами в установленных законом случаях и в установленной законом форме государственной власти при разрешении конфликтов, возникающих в процессе взаимодействия между субъектами права»[22].

Правоотношения в сфере судебного примирения складываются без участия суда, рассматривающего дело, и без участия судьи, обладающего соответствующим статусом, вообще. Отсутствие публично-правового статуса у судебного примирителя подтверждается указанием закона на то, что он не вправе совершать действия, влекущие за собой возникновение, изменение либо прекращение прав или обязанностей лиц, участвующих в деле, и других участников процесса.

Российскому законодательству известна ситуация, когда не обладающие публично-правовым статусом судьи лица привлекаются к процессу отправления правосудия. Речь идет о присяжных и арбитражных заседателях. В советский период к рассмотрению гражданских дел в судах общей юрисдикции привлекались также народные заседатели – представители общественности. Выше было показано, что они включались учеными в круг субъектов гражданского процесса – их относили к суду, рассматривающему дело. Более того, некоторые исследователи прямо приравнивают статус заседателя и судьи. Так, В.М. Шерстюк считает, что «арбитражный заседатель – это судья. При рассмотрении дела арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи»[23].

Однако есть нюанс. Если бы судья-примиритель участвовал в рассмотрении дела наряду с судом или хотя бы совершал юридически значимые действия (как судебный пристав, секретарь судебного заседания), то было бы возможно применить эти рассуждения и к нему. Как верно отмечают авторы, «особенности материально-правового конфликта, например, гражданско-правового спора или уголовного дела, влияют на конкретику судебных полномочий, но в любом случае они относятся к разряду юрисдикционных, т.е. наполнены специфическим свойством родовой государственной обязанности на разрешение конфликтов, во исполнение которой органы судебной власти наделяются необходимыми полномочиями»[24].

Но у судьи-примирителя иная цель – он способствует примирению сторон, урегулированию их конфликта, а не разрешению дела по существу.

Тем не менее нельзя судебного примирителя признать неким «инородным элементом» для судебной системы. С момента привлечения судьи в отставке к реализации функции судебного примирения он действует от имени соответствующего суда и в любом

---

[22] *Колоколов Н.А.* Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. Краснодар – СПб., 2011. С. 193.

[23] *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 123.

[24] *Серков П.П.* К вопросу о функциональности правосудия // Журнал росс. права. 2018. № 3. С. 100.

случае не может быть приравнен по статусу к спорящим сторонам и иным лицам, участвующим в деле.

Думается, что судья-примиритель не участвует в процессе урегулирования спора наряду со сторонами, а руководит им и, естественно, несет ответственность за его исход. При этом представляется несомненным, что правовой статус судебного примирителя должен быть публично-правовым.

Будет правильно включить судебного примирителя в число субъектов цивилистического процесса, отнеся его к суду (в широком смысле – наряду с арбитражными заседателями и секретарем судебного заседания).

Проблема состава субъектов гражданского и арбитражного процесса имеет еще один аспект: в свете появления в отечественной правовой системе новых «правовых фигур» – уполномоченных по правам человека, ребенка, Финансового уполномоченного.

Например, в соответствии с положением ч. 1 ст. 29 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[25] Уполномоченный по правам человека вправе обратиться в суд с административным исковым заявлением (иском) в защиту прав и свобод (в том числе неограниченного круга лиц), нарушенных решениями или действиями (бездействием) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, а также лично или через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах.

Как видно, речь идет о праве Уполномоченного по правам человека возбуждать административное судопроизводство, которое не охватывается понятием «цивилистический процесс». Однако не следует забывать о том, что административное судопроизводство «отпочковалось» от гражданского судопроизводства: как известно, до принятия Кодекса административного судопроизводства РФ[26] производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, было одним из видов гражданского судопроизводства. Система субъектов административного судопроизводства в силу его «онтологического родства» с цивилистическим процессом имеет общую с гражданским и арбитражным судопроизводством теоретическую основу.

В соответствии со ст. 37 КАС РФ к лицам, участвующим в деле, относятся: стороны; заинтересованные лица; прокурор; а также органы, организации и лица, обращающиеся в суд в защиту интересов других лиц или неопределенного круга лиц либо привлекаемые к участию в судебном процессе для дачи заключения по административному делу. Соответственно, законодатель прямо относит Уполномоченного к числу лиц, участвующих в деле. При этом он занимает отдельное, независимое по отношению к истцу и третьим лицам положение – сродни правовому положению прокурора.

Уполномоченного по правам человека, возбудившего производство по делу в интересах гражданина, недопустимо смешивать ни с представителем, который связан со стороной общностью интереса к делу, ни с третьими лицами, которые, участвуя в процессе, прямо (третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора) или косвенно (третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора) преследуют личные интересы. Важнейшей из детерминант правового статуса лица в цивилистическом процессе является именно характер его заинтересованности в деле. Об этом много писал Р.Е. Гукасян. Так, он указывал, что «юридическая заинтересованность сторон характеризуется тем, что стороны являются субъектами спорного материального правоотношения, находящегося на рассмотрении суда. Решение суда может непосредственно сказаться на их правах или же обязанностях, хотя это бывает не всегда. То обстоятельство, что решение суда непосредственно отражается на правах и обязанностях сторон, отличает стороны от других участвующих в процессе лиц. При этом у сторон противоположные интересы»[27].

Судебное решение так или иначе повлияет на права и обязанности третьих лиц, в то время как интересы Уполномоченного оно, конечно, не затронет.

Поэтому научная дискуссия о процессуальном положении Уполномоченного по правам человека, как видится, беспредметна. Процессуальное законодательство давно урегулировало этот вопрос, обозначив место государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, обращающихся в суд в интересах других лиц, в системе субъектов процессуальных правоотношений. Они относятся к лицам, участвующим в деле, наряду с третьими лицами и прокурорами.

Немного другая ситуация складывается в отношении Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Как справедливо подчеркивают исследователи этого вопроса, «финансовый уполномоченный не является органом государственной власти и сохраняет статус института гражданского общества, признанного государством на уровне федерального закона и обладающего отдельными функциями органа государственной власти»[28]. Некоторые авторы

[25] См.: СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1011.

[26] См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

[27] *Гукасян Р.Е.* Указ. соч. С. 55.

[28] *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенности правового статуса Финансового уполномоченного // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 10. С. 48.

считают, что «финансовый уполномоченный является органом негосударственной спорной гражданской юрисдикции»[29].

Представляется, однако, что указанное обстоятельство не оказывает существенного влияния на процессуальное положение Финансового уполномоченного. Участвуя в деле, он так или иначе выступает в самостоятельном правовом статусе. По обоснованному суждению Г.Л. Осокиной, совпадения процессуальных статусов лиц, участвующих в деле, в принципе невозможны[30]. В.В. Ярков и В.В. Долганичев, исследуя институт группового иска, верно отмечают, что групповые иски могут быть частными (подаются гражданами или организациями и позволяют им действовать от имени, но без поручения группы и предъявлять иск в защиту прав ее членов либо неопределенного круга лиц) и публичными (предъявляемыми прокурором, иными органами государственной власти и должностными лицами)[31]. Таким образом, истец и лицо, возбуждающее производство в его интересах, всегда имеют отдельные правовые статусы.

Таким образом, процессуальный правовой статус (совокупность процессуальных прав и обязанностей лица) детерминирован двумя факторами: во-первых, целью и задачами процессуальной деятельности; во-вторых, характером правовой связи лица с судом, рассматривающим дело.

Система субъектов цивилистического процесса построена на столь фундаментальной научной основе, что и в настоящий период, характеризующийся дифференциацией процессуальных форм защиты – появлением административного судопроизводства, приданием арбитражному процессу статуса самостоятельной формы защиты нарушенных прав, сохраняет актуальность.

При этом правовые реалии диктуют необходимость определенной модификации этой системы. В первую очередь на основе фундаментальных научных исследований необходимо определить правовое положение и место в системе субъектов цивилистического процесса судебного примирителя. Полагаем, что, несмотря на то что судебный примиритель не участвует в рассмотрении дела по существу, его правовой статус не может быть отождествлен со статусом «простого» судьи в отставке. Судебный примиритель выступает от имени соответствующего суда и должен занимать надстоящее над участниками примирительной процедуры положение. Судебное примирение урегулировано нормами процессуального законодательства, а значит, является определенной стадией (или этапом) судопроизводства. По этой причине предлагается законодательно урегулировать процессуальный статус судьи-примирителя и дополнить его ответственностью за соответствие закону заключенного сторонами правового конфликта под его руководством соглашения о примирении. Представляется, что судебного примирителя необходимо отнести к первой группе субъектов цивилистического процесса – суду.

Что касается вопроса о правовом статусе таких участников судопроизводства, как Уполномоченный по правам человека, Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, то несомненно, что он охватывается понятием «иных лиц», защищающих в процессе «чужие» права и законные интересы в силу предоставленных им государством соответствующих полномочий, и нет необходимости изобретать для них новые названия или дополнять за их счет систему субъектов цивилистического процесса. Их правовой статус несводим к понятию третьих лиц или представителей, он характеризуется самостоятельностью и приближен к правовому статусу участвующего в гражданском деле прокурора.

[29] *Князев Д.В.* Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 449. С. 228.

[30] См.: *Осокина Г.Л.* К вопросу о возможности совпадения (совмещения) процессуальных статусов участников гражданского судопроизводства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2012. № 355.

[31] См.: *Ярков В.В., Долганичев В.В.* Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 120.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1895. С. 24.
2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2003. С. 179–181.
3. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов: в 2 т. Т. 1: Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2014. С. 131, 132.
4. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб., 1913.
5. *Гордон В.М.* Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 18.
6. *Гукасян Р.Е.* Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 43, 55.
7. *Ермошин Г.Т.* Судья в отставке: статус, права, обязанности // Право. Журнал ВШЭ. 2012. № 4. С. 88.
8. *Зеленская Л.А.* Разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве // Политематический сетевой электр. науч. ж-л Кубанского гос. аграрного ун-та. 2016. № 120 (06).
9. *Князев Д.В.* Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг: некоторые проблемы правового регулирования // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2019. № 449. С. 228.
10. *Колоколов Н.А.* Формирование судебной власти в самоопределившихся государствах: основы управления генезисом и эволюцией // Защита прав в России и других стра-

нах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации: сб. науч. ст. Краснодар – СПб., 2011. С. 193.

11. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 225.
12. *Малышев К.И.* Курс гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1876. Т. 1.
13. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой, Л.Ф. Лесницкой, В.К. Пучинского. М., 1976. С. 3.
14. *Нефедьев Е.А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 3-е изд. М., 1908. С. 4, 5.
15. *Осокина Г.Л.* К вопросу о возможности совпадения (совмещения) процессуальных статусов участников гражданского судопроизводства // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2012. № 355.
16. *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенности правового статуса Финансового уполномоченного // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 10. С. 48.
17. *Серков П.П.* К вопросу о функциональности правосудия // Журнал росс. права. 2018. № 3. С. 100.
18. *Чечина Н.А.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 21.
19. *Чечот Д.М.* Избр. труды по гражданскому процессу. СПб., 2005. С. 89.
20. *Шакарян М.С.* Избр. труды. СПб., 2014. С. 470, 578.
21. *Шерстюк В.М.* Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М., 2021. С. 123.
22. *Ярков В.В., Долганичев В.В.* Групповые иски: сравнительный анализ // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 120.

REFERENCES

1. *Alekseev A.S.* To the doctrine of the legal nature of the state and state power. M., 1895. P. 24 (in Russ.).
2. *Vaskovsky E.V.* Textbook of civil procedure. M., 2003. P. 179–181 (in Russ.).
3. The Great Reform: to the 150th anniversary of Judicial Statutes: in 2 vols. Vol. 1: The Charter of Civil Proceedings / ed. by E.A. Borisova. M., 2014. P. 131, 132 (in Russ.).
4. *Golmsten A.H.* Textbook of Russian Civil Proceedings. 5th ed., corrected and expanded. SPb., 1913 (in Russ.).
5. *Gordon V.M.* Claims for recognition. Yaroslavl, 1906. P. 18 (in Russ.).
6. *Gukasyan R.E.* Selected works on civil procedure. M., 2008. P. 43, 55 (in Russ.).
7. *Ermoshin G.T.* Retired judge: status, rights, duties // Law. HSE Journal. 2012. No. 4. P. 88 (in Russ.).
8. *Zelenskaya L.A.* Resolving the issue of the composition of persons participating in the case in Civil Proceedings // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 120 (06) (in Russ.).
9. *Knyazev D.V.* Commissioner for the rights of consumers of financial services: some problems of legal regulation // Herald of the Tomsk State University. Law. 2019. No. 449. P. 228 (in Russ.).
10. *Kolokolov N.A.* Formation of judicial power in self-determined states: fundamentals of genesis and evolution management // Protection of rights in Russia and other countries of the Council of Europe: current state and problems of harmonization: collection of scientific articles. Krasnodar – St. Petersburg, 2011. P. 193 (in Russ.).
11. *Korkunov N.M.* Lectures on General theory of law. SPb., 2003. P. 225 (in Russ.).
12. *Malyshev K.I.* Course of Civil Proceedings. 2nd ed., corrected and expanded. SPb., 1876. Vol. 1 (in Russ.).
13. Scientific and practical commentary on the CPC of the RSFSR / ed. by R.F. Kallistratova, L.F. Lesnitskaya, V.K. Puchinsky. M., 1976. P. 3 (in Russ.).
14. *Nefedev E.A.* Textbook of Russian civil procedure. 3rd ed. M., 1908. P. 4, 5 (in Russ.).
15. *Osokina G.L.* On the question of the possibility of coincidence (combination) of procedural statuses of participants in civil proceedings // Herald of the Tomsk State University. Law. 2012. No. 355 (in Russ.).
16. *Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G.* Features of the legal status of the Financial Commissioner // Herald of Kutafin University. 2018. No. 10. P. 48 (in Russ.).
17. *Serkov P.P.* On the question of the functionality of justice // Journal of Russ. law. 2018. No. 3. P. 100 (in Russ.).
18. *Chechina N.A.* Elected proceedings on civil procedure. SPb., 2004. P. 21 (in Russ.).
19. *Chechot D.M.* Elected proceedings on civil procedure. SPb., 2005. P. 89 (in Russ.).
20. *Shakaryan M.S.* Elected proceedings. SPb., 2014. P. 470, 578 (in Russ.).
21. *Sherstyuk V.M.* Theoretical problems of the development of civil procedural, arbitration procedural law and enforcement proceedings in the Russian Federation. M., 2021. P. 123 (in Russ.).
22. *Yarkov V.V., Dolganichev V.V.* Class actions: comparative analysis // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. No. 1. P. 120 (in Russ.).

Сведения об авторе

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна –
доктор юридических наук, доцент,
и.о. заведующей сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

MIKHAILOVA Ekaterina V. –

Doctor of Law, associate Professor,
Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka, 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 41–47
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 41–47

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИНЯТИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ПОРЯДКЕ СТАТЬИ 144[1] ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г. Д. А. Лепёшин[1, *], Т. В. Даутия[2, **]

[1]Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва
[2]Первый апелляционный суд общей юрисдикции, г. Москва

**E-mail: lepeshine@mail.ru*
***E-mail: tdautiya@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.11.2021 г.

Аннотация. В статье исследованы особенности предварительных обеспечительных мер по спорам о защите авторских и смежных прав в сети Интернет и отдельных аспектов правоприменительной практики их принятия в порядке ст. 144[1] Гражданского процессуального кодекса РФ.

Авторы отмечают, что особенность заявлений о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии в сети Интернет заключается в возможности их подачи в суд посредством заполнения специальной электронной формы, размещенной на официальном сайте Московского городского суда и подписание исключительно усиленной квалифицированной электронной подписью, принадлежащей физическому лицу, уполномоченному действовать от имени и в интересах заявителя (как в силу доверенности, так и в силу занимаемой должности в случае представления интересов юридического лица).

Указаны требования к документам, подлежащим подаче заявителями одновременно с заявлением о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав (обязательные реквизиты), а также правовые последствия непредставления таких документов или их несоответствия установленным требованиям.

Авторы сформулировали вывод о том, что правообладатель вправе требовать ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим не только объекты авторских и (или) смежных прав, но и информацию, необходимую для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, поскольку размещение без согласия правообладателя на сайтах информации о продаже аудиовизуальных произведений, в том числе посредством предоставления ссылок для их скачивания, является одной из форм распространения таких объектов.

В статье рассматривается особенность защиты прав на товарный знак, в том числе в случае его незаконного использования на сайте в сети Интернет, а также высказывается мнение о возможности истребования защиты прав на стилизованные художественные изображения, не являющиеся товарным знаком, в порядке ст. 144[1] ГПК РФ, даже если незаконное их использование заключается в размещении фотоснимков соответствующих художественных изображений, рисунков на странице сайта без согласия правообладателя.

Ключевые слова: предварительные обеспечительные меры защиты авторских и смежных прав в сети Интернет, усиленная квалифицированная электронная подпись, скриншот страницы сайта, товарный знак, художественное изображение.

Цитирование: *Лепёшин Д.А., Даутия Т.В.* Отдельные аспекты правоприменительной практики принятия предварительных обеспечительных мер в порядке статьи 144[1] Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 6. С. 41–47.

DOI: 10.31857/S102694520020394-4

CERTAIN ASPECTS OF THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF TAKING PRELIMINARY INTERIM MEASURES IN ACCORDANCE WITH ARTICLE 144[1] OF THE CIVIL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2022 D. A. Lepeshin[1, *], T. V. Dautiya[2, **]

[1] RUDN University, Moscow
[2]The First Court of Appeal of General Jurisdiction, Moscow

**E-mail: lepeshine@mail.ru*
***E-mail: tdautiya@yandex.ru*

Received 23.11.2021

Abstract. The article examines the features of preliminary interim measures for disputes on the protection of copyright and associated intellectual property on the Internet and specific aspects of law enforcement practice of their adoption Article 144[1] of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.
The authors note that the peculiarity of applications for preliminary protection of copyright and (or) associated intellectual property rights (except for the rights to photographic works and works obtained by methods similar to photographs on the Internet) is the possibility of their submission to the Court by filling out a unique electronic form, posted on the official website of the Moscow City Court, and signing with an exclusively enhanced qualified electronic signature belonging to an individual authorized to act on behalf and in the interests of the applicant (as by a power of attorney, and by the post held in the case of representing the interests of a legal entity).
The documents' requirements to be submitted by applicants simultaneously with the application for insufficient protection of copyright and (or) associated intellectual property rights (mandatory requisites) are noted, as well as the legal consequences of failure to submit such documents or their non-compliance with the established requirements.
The authors conclude that the copyright holder has the right to demand restrictions on access to information resources that distribute not only objects of copyright and (or) associated intellectual property rights but also the information necessary for obtaining them using information and telecommunications networks. This is because posting information on the sale of audiovisual works on websites without the copyright holder's consent, including links for downloading them, is one of the forms of distribution of such objects.
The article discusses the peculiarity of trademark rights protection, including cases of its illegal use on a website on the Internet, and also expresses an opinion on the possibility of claiming the protection of rights to stylized artistic images that are not a trademark by the procedure provided for in Article 144[1] of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, even if their illegal use consists in placing photographs of relevant artistic images, drawings on the website page without the consent of the copyright holder.

Key words: preliminary interim measures of copyright protection and associated intellectual property rights on the Internet, enhanced qualified electronic signature, a screenshot of the website page, a trademark, an artistic image.

For citation: *Lepeshin, D.A., Dautiya, T.V. (2022)*. Certain aspects of the law enforcement practice of taking preliminary interim measures in accordance with article 144[1] of the Civil Procedure Code of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No 6, pp. 41–47.

Особенность подачи заявления о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети Интернет, как процессуального документа обусловлена возможностью направления его в суд не только в бумажном виде, но и посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте Московского городского суда, на что прямо указано в ч. 1 ст. 144[1] ГПК РФ.

Для идентификации заявителя и проверки его полномочий заявление, поданное посредством заполнения электронной формы, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью[1]. В случае, если заявителем является

[1] См.: Федеральный закон от 25.03.2011 г. «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036; постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2440 «Об утверждении Правил использования усиленной квалифицированной электронной подписи при формировании и ведении единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 3, ст. 574.

юридическое лицо – усиленная квалифицированная электронная подпись, которой подписывается заявление, должна принадлежать физическому лицу, имеющему право действовать от имени юридического лица без доверенности (личная подпись физического лица) или физическому лицу, которому предоставлены полномочия действовать от имени заявителя в силу занимаемой должности с названием юридического лица, которому выдан данный сертификат (подпись исполняющего должностные обязанности физического лица)[2].

Подача заявлений о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав осуществляется до предъявления иска, в отличие от иных судебных процессов, где ходатайство о принятии обеспечительных мер подается одновременно в исковым заявлением или на любой стадии судебного процесса.

В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[3] если обращение в суд в силу закона подписывается не простой, а усиленной квалифицированной электронной подписью, то доверенность или иной документ, подтверждающий полномочия представителя на подписание такого обращения в суд, также должны быть подписаны (заверены) усиленной квалифицированной электронной подписью представляемого лица и (или) нотариуса.

В силу требований ч. 2 ст. 48 ГПК РФ дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители.

Для руководителя необходимым документом, подтверждающим право представления интересов юридического лица без доверенности, являются выписка из Единого государственного реестра юридических лиц, копия документа о наделении полномочиями (например, протокол общего собрания участников (акционеров) об избрании генерального директора), документ, удостоверяющий личность (ч. 3 ст. 53 ГПК РФ; п/п. 4 п. 2 ст. 33 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[4]; п/п. 8 п. 1 ст. 48 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»[5]; п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 г. № 13 «О применении норм гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции»)[6].

Таким образом, на стадии принятия судом заявления о предварительном обеспечении иска в порядке ст. 144[1] ГПК РФ от имени юридического лица суду необходимо установить, что владельцем усиленной квалифицированной электронной подписи, указанной в заявлении, является физическое лицо, которое имеет право действовать от имени юридического лица без доверенности (личная подпись физического лица), либо наряду с физическим лицом указано название юридического лица, которому выдан данный сертификат (подпись исполняющего должностные обязанности физического лица).

Несоблюдение установленных требований при подаче таких заявлений является основанием для отказа в их удовлетворении, поскольку обращение в суд от имени юридического лица не считается подписанным, если в качестве владельца квалифицированного сертификата не указано физическое лицо (ч. 4 ст. 131 ГПК РФ; ч. 1 ст. 125 АПК РФ; ч. 1 ст. 125 КАС РФ[7]).

Так, Московский городской суд отказал в удовлетворении заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер по нескольким заявлениям, которые были подписаны усиленной квалифицированной подписью юридического лица, при этом отсутствовали сведения о физическом лице, которому принадлежит усиленная квалифицированная электронная подпись. Сама электронная подпись не содержала в отдельном файле (отсоединенная электронная подпись) сведений об уполномоченном физическом лице, подписавшем заявление. Соответствующие определения судом апелляционной инстанции были оставлены без изменения[8].

В связи с тем что суд общей юрисдикции рассматривает заявление о принятии предварительных

[2] См.: *Коржов В.Ю., Захарова Н.А.* Комментарий к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (постатейный) / под ред. Н.Н. Ковалевой // СПС «КонсультантПлюс». 2016; *Федотова О.В., Бадиков Д.А., Ломовская А.В.* Актуальные вопросы применения электронной подписи в гражданском обороте // Нотариус. 2021. № 6. С. 37–40; *Гурин О., Полянский А.* Об электронной подписи и административной ответственности // Прогосзаказ.рф. 2020. № 10. С. 6–17; *Хидиров Г.* Реформа электронной подписи и ее значение для участников контрактной системы // Прогосзаказ.рф. 2021. № 12. С. 32–43.

[3] См.: Росс. газ. 2017. 29 дек.

[4] См.: СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

[5] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

[6] См.: Росс. газ. 2008. 2 июля.

[7] См.: СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1391.

[8] См.: Апелляционные определения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 05.05.2021 г. № 66–2100//2021; от 28.04.2021 г. № 66–2102/2021; от 05.05.2021 г. № 66-2219/2021 // В официальных источниках не публиковались.

обеспечительных мер до подачи искового заявления правообладателем, чьи авторские или смежные права были нарушены в сети Интернет, заявителю необходимо предоставить достаточные доказательства размещения (использования) на конкретной странице сайта конкретного произведения, в отношении прав на которое истребуется защита. Непредоставление таких доказательств суду является основанием для вынесения определения об отказе в предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, в котором суд разъясняет право на повторную подачу указанного заявления в общем порядке.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определении от 9 апреля 2020 г. № 811-О[9], при вынесении определения о применении обеспечительных мер суд должен дать оценку обоснованности доводов обратившегося лица о необходимости принятия обеспечительных мер, имея при этом в виду разумность и обоснованность требования о применении обеспечительных мер, вероятность причинения значительного ущерба в случае их непринятия, а также предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер интересов иных лиц.

Из изложенного следует, что при отсутствии достаточных доказательств суду надлежит также оценить вероятность причинения ответчику ущерба необоснованным принятием предварительных обеспечительных мер.

Так, например, в удовлетворении заявления ООО «Национальное музыкальное издательство» о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты смежных прав на музыкальные произведения с текстом (песни) в составе аудиовизуального произведения (фильма), было отказано, поскольку в представленном вместе с заявлением протоколе осмотра скриншотов конкретного адреса интернет-страницы сайта отсутствовали указания на использование в составе аудиовизуального произведения (фильма) музыкальных произведений заявителя, что сделало невозможным установление наличия на конкретной странице сайта указанных заявителем музыкальных произведений на момент подачи заявления о принятии предварительных обеспечительных мер[10].

В рамках оценки представленных заявителем доказательств факта незаконного доведения до всеобщего сведения принадлежащего ему произведения в случае, если отсутствуют доказательства размещения конкретного произведения и его принадлежности заявителю, на стадии обеспечительных мер суд не должен самостоятельно исследовать страницы сайта в сети Интернет и сопоставлять размещенный на соответствующей странице объект (произведение) с тем объектом, наличие прав на который указывает заявитель, если это требует установления их идентичности аудиовизуальным способом.

Как следует из совокупного анализа и толкования положений ст. 144[1] ГПК РФ, с учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»[11], возможность принятия предварительных обеспечительных мер в целях защиты исключительных прав на объекты авторских прав, которые не размещены в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, законом не предусмотрена.

Одним из доказательств размещения конкретного произведения на конкретной странице сайта может являться скриншот страницы сайта или протокол осмотра страницы сайта, оформленный нотариусом в порядке, предусмотренном ст. 102 и 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 г.)[12]. В случае предоставления вместе с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер в качестве доказательств размещения произведения скриншота страницы сайта, заверенного заявителем самостоятельно, в качестве обязательных реквизитов на нем должны быть указаны дата и время получения (создания), а также адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка.

В соответствии с п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения, поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу ст. 55 и 60 ГПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в т.ч. полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет.

За период с 1 января 2021 г. по 1 июля 2021 г. в удовлетворении 44 заявлений о принятии предварительных обеспечительных мер Московским городским

[9] В официальных источниках не публиковалось.

[10] См.: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.06.2021 г. № 66-3036/2021 // В официальных источниках не публиковалось.

[11] См.: Росс. газ. 2019. 6 мая.

[12] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357; СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4855.

судом было отказано именно по причине отсутствия на скриншотах страниц сайтов даты и времени их получения, что делает невозможным установление наличия на соответствующих страницах сайтов произведений на момент подачи заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, что является невыполнением требования ч. 4 ст. 144^1 ГПК РФ к перечню предоставляемых при подаче заявления о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав документов, подтверждающих факт использования объектов исключительных прав и права заявителя на данные объекты.

Сведения о дате и времени на скриншоте страницы сайта не относятся к вопросам относимости и допустимости доказательств, а являются необходимой информацией, определяющей обоснованность заявленных обеспечительных мер. Кроме того, в обязанность суда входит проверка у заявителя наличия авторских и (или) смежных прав на момент выявленного факта распространения информации, что должно следовать из зафиксированных в скриншоте страницы сайта даты и времени события. Данная информация также определяет наличие у заявителя на момент создания скриншота прав на соответствующие произведения, что должно согласовываться с содержанием правоустанавливающих документов.

Правообладатель вправе требовать ограничения доступа к информационным ресурсам, распространяющим не только объекты авторских и (или) смежных прав, но и информацию, необходимую для их получения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Размещение без согласия правообладателя на сайтах информации о продаже аудиовизуальных произведений, в том числе посредством предоставления ссылок для их скачивания, является одной из форм распространения таких объектов, в связи с чем правообладатель вправе требовать принятия обеспечительных мер защиты в порядке, предусмотренном ст. 144^1 ГПК РФ.

В случае, если вместе с заявлением о принятии предварительных обеспечительных мер представлены доказательства размещения произведения без согласия правообладателя на конкретной странице сайта, обеспечительные меры в виде прекращения создания технических условий, обеспечивающих размещение, распространение, иное использование объекта авторского и (или) смежного права принимаются в отношении соответствующей страницы сайта, а не в отношении сайта в целом.

В случае удовлетворения заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, принятые обеспечительные меры должны соответствовать заявленным требованиям.

Так, в частности, апелляционной инстанцией было отменено определение Московского городского суда от 14 апреля 2021 г. в части по тем основаниям, что информация, нарушающая права заявителя, содержалась на конкретной странице сайта, тогда как судом приняты меры, направленные на обеспечение защиты смежных прав в отношении всего сайта без указания конкретной страницы. При этом правообладателем не заявлялось о необходимости принятия обеспечительных мер в отношении всего сайта[13].

Учитывая специфику защиты авторских и смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети Интернет, следует отметить, что заявление о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты исключительных прав на товарный знак, размещенный на странице сайта в сети Интернет без согласия правообладателя, не подлежит рассмотрению в порядке, установленном ст. 144^1 ГПК РФ, ввиду следующего.

Согласно ст. 140 ГПК РФ мерами по обеспечению иска могут быть, в т.ч. возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях.

В соответствии с п. 1 ст. 1259 ГК РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения: литературные, драматические и музыкально-драматические произведения, сценарные произведения; хореографические произведения и пантомимы; музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна; произведения декоративно-прикладного и сценографического искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства, в том числе в виде проектов, чертежей, изображений и макетов; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; географические и другие карты, планы, эскизы другие произведения. Таким образом, перечень охраняемых авторским правом объектов является открытым.

[13] См.: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 14.04.2021 г. № 66-2004/2021 // В официальных источниках не публиковалось.

В силу п. 1 ст. 1477 ГК РФ товарный знак есть обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, на которое признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. В качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации; товарный знак может быть зарегистрирован в любом цвете или цветовом сочетании (ст. 1482 ГК РФ).

В случае, если в качестве объекта, о защите прав на который испрашивает заявитель, выступает объект, соответствующий признаку товарного знака, даже если он включает в себя изображение, рисунок, графические элементы и т.д., ст. 144[1] ГПК РФ исключает возможность принятия к такому объекту предварительных обеспечительных мер.

Товарный знак и (или) словесный товарный знак является объектом исключительных прав, к объекту авторских и (или) смежных прав товарный знак не относится, он является средством индивидуализации юридического лица и его правовое регулирование отлично от регулирования прав на объекты авторских и смежных прав.

В то же время стилизованные художественные изображения, рисунки могут быть объектом, защита прав на которые истребуется заявителем в порядке, предусмотренном ст. 144[1] ГПК РФ, даже если незаконное их использование заключается в размещении фотоснимков указанных стилизованных художественных изображений, рисунков на странице сайта без согласия правообладателя.

Так, ООО «Мальба Фуд» обратилось в Московский городской суд с заявлением о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав с приложением скриншотов страниц сайта ответчика, из которых следует, что на указанных страницах сайта предоставляется информация, необходимая для получения объекта защиты авторских и (или) смежных прав, а именно произведение искусства «Дизайн этикеток продукции», «Изображения фруктов, овощей, растений и их отдельных частей, ягод, напитков, десертов, их комбинаций».

Заявителем также предоставлены доказательства, подтверждающие его исключительные права на указанное произведение – договор авторского заказа на серию стилизованных изображений (фруктов, овощей, растений и их отдельных частей, ягод, напитков, десертов, их комбинаций и иных) по эскизам ООО «Мальба Фуд с «Каталогом изображений, принадлежащих ООО «Мальба Фуд» на исключительных авторских правах».

Отказывая в удовлетворении заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, судья суда первой инстанции сослался на то, что в заявлении о принятии предварительных обеспечительных мер не указаны конкретные виды произведения искусства, исключительные права заявителя не нарушены, поскольку этикетки сиропов и топпингов на предлагаемых к продаже товарах, сами по себе не свидетельствуют о нарушении исключительных прав заявителя.

Отменяя определение об отказе в удовлетворении заявления о принятии предварительных обеспечительных мер, суд апелляционной инстанции указал, что данный вывод не соответствует представленным материалам и основан на оценке обстоятельств, подлежащих доказыванию в рамках разрешения вопроса о защите права заявителя на результат интеллектуальной деятельности, что не согласуется с положениями ст. 144[1] ГПК РФ.

Несмотря на размещение ответчиком на сайте фотографий этикеток продукции, это не влечет невозможность подачи заявления о принятии предварительных обеспечительных мер в порядке ст. 144[1] ГПК РФ, поскольку объектом защиты в рассматриваемом случае выступает не фотографическое произведение и произведение, полученное способами, аналогичными фотографии, а художественные стилизованные изображения (фруктов, овощей, растений и их отдельных частей, ягод, напитков, десертов, их комбинаций и иных), фотографии которых размещенные ответчиком на своем сайте без согласия правообладателя[14].

В случае поступления частной жалобы на определение суда о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в т.ч. в сети Интернет, от заявителей в связи с оспариванием прав лиц на произведения, по требованию которых судом были приняты предварительные обеспечительные меры, предварительные обеспечительные меры не могут быть отменены, поскольку это требует разрешения спора о праве.

Так, на стадии предварительных обеспечительных мер суд не вправе решать вопрос оценки обстоятельств, связанных с наличием спора о праве, а также о достаточности представленных заявителем доказательств, поскольку в соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»,

[14] См.: Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 28.10.2020 г. № 66-5293/2020 // В официальных источниках не публиковалось.

оценка допустимости доказательств производится при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав.

В рассматриваемом случае суду надлежит привлечь к участию в деле заявителей частной жалобы с целью рассмотрения вопроса о принадлежности заявителям исключительных прав на спорные произведения.

В случае, если в судебном заседании будет установлено, что лицу, по чьему требованию были приняты предварительные обеспечительные меры, исключительные права на спорные произведения не принадлежат, по заявлению лиц, участвующих в деле, судом могут быть рассмотрены требования о возмещении убытков, причиненных предварительными обеспечительными мерами в соответствии с ч. 9 ст. 144^1, ст. 146 ГПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурин О., Полянский А.* Об электронной подписи и административной ответственности // Прогосзаказ.рф. 2020. № 10. С. 6–17.
2. *Коржов В.Ю., Захарова Н.А.* Комментарий к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (постатейный) / под ред. Н.Н. Ковалевой // СПС «КонсультантПлюс». 2016.
3. *Федотова О.В., Бадиков Д.А., Ломовская А.В.* Актуальные вопросы применения электронной подписи в гражданском обороте // Нотариус. 2021. № 6. С. 37–40.
4. *Хидиров Г.* Реформа электронной подписи и ее значение для участников контрактной системы // Прогосзаказ. рф. 2021. № 12. С. 32–43.

REFERENCES

1. *Gurin O., Polyansky A.* On electronic signature and administrative responsibility // Progoszakaz.rf. 2020. No. 10. P. 6–17 (in Russ.).
2. *Korzhov V. Yu., Zakharova N.A.* Commentary to the Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ “On Electronic Signature” (article-by-article) / ed. by N.N. Kovaleva // SPS “ConsultantPlus”. 2016 (in Russ.).
3. *Fedotova O.V., Badikov D.A., Lomovskaya A.V.* Topical issues of the use of electronic signatures in civil circulation // Notary. 2021. No. 6. P. 37–40 (in Russ.).
4. *Khidirov G.* Reform of the electronic signature and its significance for the participants of the contract system // Progoszakaz.rf. 2021. No. 12. P. 32–43 (in Russ.).

Сведения об авторах

ЛЕПЁШИН Дмитрий Александрович –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права Российского
университета дружбы народов (РУДН);
117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ДАУТИЯ Татьяна Васильевна –
кандидат юридических наук, помощник
судьи Первого апелляционного суда общей
юрисдикции; 121357 г. Москва,
Верейская ул., д. 29, стр. 34
ORCID: 0000-0003-4814-6941

Authors’ information

LEPESHIN Dmitry A. –
PhD in Law, associate Professor at the Department
of Civil Law and Procedure and International
Private Law of the RUDN University;
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

DAUTIYA Tatiana V. –
PhD in Law, assistant judge of the First Court
of Appeal of General Jurisdiction; 29, bld. 34
Vereyskaya str., 121357 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 48–56
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 48–56

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О ЕДИНСТВЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2022 г. М. Ю. Осипов

Международная полицейская академия ВПА, г. Тула

E-mail: osipov11789@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2021 г.

Аннотация. Проблема единства и дифференциации юридической науки – это одна из актуальных проблем, стоящих перед юриспруденцией. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что основным объектом исследования юридической науки выступает право, смысл существования которого состоит в том, что оно призвано регулировать общественные отношения. Цель работы состоит в исследовании особенностей юридической науки как социального феномена и определении её признаков. В качестве методов исследования были использованы логические методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, обобщение, системный подход. В ходе исследования было установлено, что юридическая наука представляет собой специфическую область человеческого знания, предметом которой выступают закономерности становления, развития и функционирования правовых систем, их компонентов и элементов, которые могут быть классифицированы в зависимости от уровня обобщения на общие, отраслевые и институциональные.

Ключевые слова: юриспруденция, наука, закономерности, правовое регулирование, единство, дифференциация, онтология, гносеология, междисциплинарный подход, юридические исследования.

Цитирование: *Осипов М.Ю.* О единстве и дифференциации юридической науки в Российской Федерации // Государство и право. 2022. № 6. С. 48–56.

DOI: 10.31857/S102694520013929-2

ON UNITY AND DIFFERENTIATION OF LEGAL SCIENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2022 M. Yu. Osipov

International Police Academy VPA, Tula

E-mail: osipov11789@yandex.ru

Received 19.02.2021

Abstract. The problem of understanding the unity and differentiation of legal science is one of the urgent problems facing jurisprudence. The relevance of this problem is due to the fact that the main object of the study of legal science is law, the raison d'être of which is that it is designed to regulate social relations. The purpose of the work is to study the features of legal science as a social phenomenon and to determine its features. Logical research methods were used as research methods: analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, generalization, systems approach. In the course of the study, it was found that legal science is a specific area of human knowledge, the subject of which is the regularities of the formation, development and functioning of legal systems, their components and elements, which can be classified depending on the level of generalization into general, sectoral and institutional.

Key words: jurisprudence, science, patterns, legal regulation, unity, differentiation, ontology, epistemology, interdisciplinary approach, legal research.

For citation: *Osipov, M. Yu. (2022).* On unity and differentiation of legal science in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 48–56.

Введение. Перед юридической наукой стоит проблема осмысления такого феномена, как единство и дифференциация юридической науки[1]. Но для того, чтобы осмыслить данный феномен, представляется необходимым прежде всего рассмотреть сущность феномена юридической науки, который, как известно, включает в себя онтологические и гносеологические элементы[2]. Кроме того, представляется необходимым рассмотреть особенности науки как социального феномена, определить основные составляющие юридической науки и основные составляющие научного юридического исследования, как с онтологической, так и гносеологической стороны, а также выявить ту основу, на которой базируется юридическая наука. Это необходимо для того, чтобы выявить признаки юридической науки, поскольку если неизвестно, что представляет собой юридическая наука, какие закономерности и каким образом она их изучает. Отсюда цель работы – исследовать особенности юридической науки как социального феномена. Представляется необходимым также определить основные составляющие юридической науки и научных юридических исследований как с онтологической, так и гносеологической стороны. Для этого следует рассмотреть основные задачи, стоящие перед юридической наукой, особенности нормативного строения юридической науки, особенности методологических предпосылок для обеспечения единства и дифференциации юридической науки, а также особенности использования междисциплинарного подхода в юридических исследованиях.

Основные задачи юридической науки. Что же представляет собой феномен юридической науки? По мнению Л.Ю. Василевской, которое разделяется отечественными (В.И. Лафитский) и зарубежными учеными (A. Hägerström, K. Llewellyn), «предмет классической юриспруденции существует в форме отражения юридической реальности»[3]. При этом сама юридическая реальность представляет собой многообразие регулирования различных общественных отношений. Следовательно, одной из задач юридической науки является изучение сложных закономерностей правового регулирования общественных отношений, как справедливо отмечают вышеуказанные авторы[4]. Кроме того, одной из задач юридической науки является разработка новых методов научного исследования правовой реальности. Все это предполагает наличие единства и дифференциации юридической науки. Также при определении критериев дифференциации юридической науки следует учесть наличие нормативного правового акта, определяющего дифференциацию юридической науки и всех остальных наук: номенклатуры специальностей научных работников, а также разрабатываемых на ее основе паспортов специальностей научных работников, которые и определяют нормативное обоснование единства и дифференциации юридической науки.

Особенности нормативного обоснования единства и дифференциации юридической науки. Так, например, номенклатура специальностей научных работников, утвержденная приказом Министра науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 относит к юридическим наукам следующие юридические науки: «5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки»[5]. Данная номенклатура научных специальностей требует разработки новых паспортов научных работников, поскольку именно в них должны содержаться критерии дифференциации юридической науки. К сожалению, новые паспорта специальностей научных работников отсутствуют. Подобное положение, как справедливо отмечает Ю.Е. Аврутин, приводит к тому, что размывается единство юридической науки, что не способствует повышению эффективности проведения юридических исследований[6]. По нашему мнению, для того чтобы правильно определить

[1] См.: *Жуков В.Н.* Юридическая наука // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–883; *Его же.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24; *Василевская Л.Ю.* К вопросу о предмете юридической науки // Росс. юрид. журнал. 2017. № 1. С. 34; *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31; *Лафитский В.И.* Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3 (22). С. 26–29; *Hägerström A.* Der römische Obligationsbegriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Uppsala, 1941. Vol. II. Appendix; *Cohen F.* Transcendental nonsense and the functional approach // Columbia Law Review. 1935. No. 35. P. 809–849; *Llewellyn K.* Some realism about realism: responding to Dean Pound // Harward Law Review. 1931. No. 1. P. 222–264.

[2] См.: *Василевская Л.Ю.* Указ. соч. С. 34.

[3] Там же. С. 35.

[4] См.: там же; *Лафитский В.И.* Указ. соч.; *Hägerström A.* Op. cit.

[5] См.: приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» // Официальный интернет-портал правовой информации // http://pravo.gov.ru, 06.04.2021.

[6] См.: *Аврутин Ю.Е.* К вопросу о паспорте номенклатуры специальностей научных работников // Юридическое образование и наука. 2015. № 4. С. 30.

признаки юридической науки, в т.ч. необходимые для составления и корректировки паспортов специальностей научных работников в области юриспруденции, следует исходить из определенных методологических постулатов.

Методологические постулаты, обеспечивающие единство и дифференциацию юридической науки. На наш взгляд, к числу методологических постулатов, обеспечивающих единство юридической науки, можно отнести несколько положений. Единство юридической науки обусловлено наличием единого предмета юридической науки, который составляют закономерности правовой системы общества, ее компонентов и элементов. При этом сама юридическая наука представляет собой область человеческой деятельности, направленная на познание закономерностей правовой системы общества, ее компонентов и элементов, а также представляет собой систему знаний о закономерностях правовой системы общества, ее компонентов и элементов. Само же знание указанных закономерностей и умение применять это знание на практике будет способствовать повышению эффективности действующего законодательства[7].

Чтобы обеспечить надлежащий уровень познания закономерностей юридической реальности, необходимо, во-первых, углубленное изучение теории государства и права, поскольку она лежит в основе всех юридических наук, а во-вторых, использование междисциплинарного подхода в научных юридических исследованиях. Междисциплинарные исследования в юридических науках необходимы и важны, поскольку они помогают выявить общие закономерности становления, развития и функционирования социальных явлений в целом. Иными словами, изучить закономерности, которые присущи всем социальным явлениям, независимо от их природы. В этом состоит ценность междисциплинарных исследований, поскольку в их рамках можно рассмотреть такие сложные явления как государство и право с различных сторон. При этом общетеоретические исследования государства и права, которые позволяют установить те общие закономерности становления, развития и функционирования государства и права, предполагают использование междисциплинарного подхода.

Особенности использования междисциплинарного подхода в юридических исследованиях. Следует отметить, что термин «междисциплинарный подход» (interdisciplinary approach) получил широкое распространение в современной науке[8].

Необходимость использования междисциплинарного подхода при проведении юридических исследований вызвана следующими обстоятельствами. Междисциплинарные исследования в юридических науках необходимы и важны, поскольку они помогают выявить общие закономерности становления, развития и функционирования социальных явлений в целом. Иными словами, изучить закономерности, которые присущи всем социальным явлениям, независимо от их природы. В этом состоит ценность междисциплинарных исследований, поскольку в их рамках можно рассмотреть такие сложные явления как государство и право с различных сторон. При этом общетеоретические исследования государства и права, которые позволяют установить те общие закономерности становления, развития и функционирования государства и права, предполагают использование междисциплинарного подхода. Это особенно касается таких сложных проблем юридической науки как проблема понимания права, которая характеризуется наличием множества точек зрения на данную проблему[9].

---

[7] См.: *Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В.* Эффективность правовых норм. М., 1980.

[8] См.: Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М., 2010; Interdisciplinary Studies. In: Michalos A.C. (ed.). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. 2014. Springer, 2019. DOI: 0.1007/978-3-030-18659-3; Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations / S.A. Yeti, P. James (eds.). Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-40823-1

[9] См.: *Жуков В.Н.* Антропология права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 26–33; *Честнов И.Л.* Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Росс. журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–84; *Жуков В.Н.* Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015; *Его же.* Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова; *Его же.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2019; *Спиридонов Л.И.* Философия права // Правоведение. 2009. № 5. С. 213–227; *Нерсесянц В.С.* Философия права. М., 1998; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Элементный состав. М., 2004. С. 185, 186; *Синицын С.А.* Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал росс. права. 2019. № 1. С. 45–61. DOI: 10.12737/art_2019_1_5; *Уваров А.А.* О типологии правопонимания в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 55–59; *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 227; *Жуков В.Н.* Общая теория права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 458–464; *Завьялов Ю.С., Галкин И.В.* Феноменология и познание права // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А.И. Денисова) / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2018. С. 297–316; *Кроткова Н.В.* Общая теория права: история и современное состояние. К 110-летию со дня рождения А.И. Денисова (1906–1984) // Государство и право. 2017. № 4; *Шишкин В.В.* Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; *Поляков А.В.* Коммуникативная концепция права: проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2002; *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72. DOI: 10.31857/S102694520015037-1; *Веденев Ю.А.* Юридическая

Для решения подобного рода проблем юридической науки необходимы и важны междисциплинарные исследования, поскольку они помогают выявить общие закономерности становления, развития и функционирования социальных явлений в целом. Иными словами, изучить закономерности, которые присущи всем социальным явлениям, независимо от их природы. В этом состоит ценность междисциплинарных исследований, поскольку в их рамках можно рассмотреть такие сложные явления как государство и право с различных сторон. При этом общетеоретические исследования государства и права которые позволяют установить те общие закономерности становления, развития и функционирования государства и права, предполагают использование междисциплинарного подхода. При использовании междисциплинарного подхода в общетеоретических исследованиях государства и права необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что каждая из дисциплин изучает ту или иную сторону таких сложных явлений, как государство и право, которые находятся в постоянном взаимодействии с другими социальными явлениями, и поэтому без глубокого изучения данных социальных явлений представляется невозможным проведение фундаментальных исследований в области юриспруденции на уровне как общей теории государства и права, так и отраслевых и специальных юридических наук. Покажем это на конкретных примерах.

Так, например, Е.В. Пономарева утверждает, что наряду с субъектами права существуют т.н. квазисубъекты права, «которые в отличие от настоящих субъектов права обладают только правами, но не несут никаких обязанностей»[10]. По нашему мнению, это является заблуждением. Если какой-либо социальный субъект обладает правами, то он должен иметь определенные юридические обязанности. Почему? Дело все в том, что субъективные права и юридические обязанности возникают не просто так в сфере социального регулирования, они являются социально обусловленными[11]. Социальная обусловленность прав и обязанностей проявляется в том, что, по сути, субъективные права представляют собой возможности на совершение того или иного социального действия или воздержание от оного для того или иного субъекта общественных отношений, тогда как юридические обязанности предполагают необходимость совершения того или иного социального действия или воздержание от оного для того или иного субъекта общественных отношений. Но всякая возможность для того или иного субъекта общественного отношения совершать то или иное социальное действие или воздержание от оного предполагает необходимость при осуществлении того или иного действия или воздержания от оного соблюдения определенных правил, в т.ч. и уважать чужие права и законные интересы других участников общественного отношения. Если какой-либо социальный субъект имеет только права, а не обязанности – это приводит к фетишизации данного социального субъекта. Фетишизация (обожествление) того или иного социального субъекта (боги как известно не несут никаких обязанностей, а имеют только одни права) приводит к тому, что данный социальный субъект вовлекается в преступность и от его имени начинают совершаться многочисленные преступления, как это было, например, в Германии в эпоху нацизма, когда от имени немецкой нации совершалось преступление геноцида евреев (Холокост), цыган, а также многочисленные убийства и издевательства над гражданами СССР, проживающих на оккупированных территориях. Точно также ведет себя и обыкновенный преступник. Он не чувствует своих обязанностей перед своей жертвой, наоборот, обвиняет жертву в том, что она сама виновата в том, что с ней случилось[12]. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области социологии преступности[13]. При этом нередко как отечественные, так и зарубежные криминологи

наука: система и структура // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2–3. С. 21–43; *Йоргенсен Марианне В., Филипс Луиза Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков, 2008; *Steric I.* Generic. Jug end und Religion. Bestandsaufnahmen, Analyses und Fallstudten zur Re g csitat Jugendlktfier. VVeinheim & München, 2011; *Соловьев В.С.* Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012; *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011; *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права / пер. с 6-го изд. под ред. П. Карасевича студентом Демидовского юридического лицея Линдербратеном. Ярославль, 1872; *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М., 1989; *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. М., 2018. Ч. 1; и др.

[10] *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10.

[11] См.: *Meng Yusheng.* Favour and Power in the Acquaintance Society: Interpreting a Conflict in White Deer Plain, International Journal of Law and Society. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 23–27. DOI: 10.11648/j.ijls.20210401.13; *Galanis M.* Corporate Law Versus Social Autonomy: Law as Social Hazard. Law Critique 32, 1–32 (2021). DOI: 10.1007/s10978-020-09267-7; *Eristavi K.* Performing Defiance with Rights. Law Critique (2020). DOI: 10.1007/s10978-020-09277-5

[12] См.: *Black Donald* (1983). Crime as Social Control. American Sociological Review. 48. 34. DOI: 10.2307/2095143

[13] См.: ibid; *McGrath J.* Self-deception as a technique of neutralization: an analysis of the subjective account of a white-collar criminal. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611-021-09933-6; *Ferreira M.A. Feltran G.* (2020). The Entangled City: Crime as Urban Fabric in Sao Paulo. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611-021-09937-2; *Adisa W.B., Alabi T.A.* An empirical investigation of court users' encounters with bribery, judicial extortion and corruption victimisation in Lagos State. Crime Law Soc Change 75, 141–163 (2021). DOI: 10.1007/s10611-020-09931-0

часто не отличают причину преступности от повода к совершению преступления[14]. По нашему мнению, для описания и объяснения закономерностей действия причин и поводов совершения преступления, факторов, влияющих на правовое поведение личности необходимы междисциплинарные исследования в области экономики, психологии, педагогики, культурологии, политологии, этики и других наук, ибо этими науками описываются и объясняются факторы, которые влияют на поведение человека и его выбор[15].

Методологические предпосылки для обеспечения единства и дифференциации юридической науки. На наш взгляд, единство юридической науки обусловлено следующими обстоятельствами. Во-первых, наличие единого объекта юридической науки: правовой системы общества, ее компонентов и элементов.

Во-вторых, наличие единого предмета юридической науки: закономерностей становления, развития и функционирования правовой системы общества, ее компонентов и элементов.

В-третьих, наличие общей цели юридической науки: изучение вышеуказанных закономерностей.

В-четвертых, наличие общих присущих всей юридической науке методов: общенаучных, частнонаучных и специальных методов.

Что же касается дифференциации юридической науки, то она проявляется в том, что наряду с общими характерными для всей юридической науки элементами существуют свои специфические элементы, характерные для той или иной отрасли юридической науки.

Так, например, наряду с общими закономерностями становления, развития и функционирования правовой системы общества, его компонентов и элементов существуют специфические закономерности правового регулирования тех или иных общественных отношений на уровне отрасли и института права. Наряду с общим объектом юридической науки существуют специфические объекты: правовое регулирование тех или иных общественных отношений на уровне той или иной отрасли или института права в целом. Наряду с общими целями юридических исследований существуют и частные цели юридических исследований и цели конкретного юридического исследования. Наряду с общими методами проведения юридических исследований существуют частные методики проведения того или иного юридического исследования.

Между общей и частной методологией исследования тех или иных проблем юридической науки существует взаимная связь, которая представлена на схеме соотношения общей и частной методики проведения юридических исследований.

Как представляется, для полного представления о соотношении общей и частной методики юридического исследования необходимо рассмотреть следующую схему, которая представлена ниже в виде понятийных рядов:

общие компоненты методики исследования – частные компоненты методики исследования (1);

объект социальных наук (общий компонент) – объект юридической науки (частный компонент) (2.1);

предмет социальных наук (общий компонент) – предмет юридической науки (частный компонент) (2.2);

цель социальных наук (общий компонент) – цель юридической науки (частный компонент) (2.3);

методы социальных наук (общий компонент) – методы юридической науки (частный компонент) (2.4);

объект юридической науки (общий компонент) – объект отраслевых и специальных юридических наук (частный компонент) (3.1);

предмет юридической науки (общий компонент) – предмет отраслевых и специальных юридических наук (частный компонент) (3.2);

цель юридической науки (общий компонент) – цель отраслевых и специальных юридических наук (частный компонент) (3.3);

методы юридической науки (общий компонент) – методы отраслевых и специальных юридических наук (частный компонент) (3.4);

объект отраслевых и специальных юридических наук (общий компонент) – объект конкретного юридического исследования (частный компонент) (4.1);

предмет отраслевых и специальных юридических наук (общий компонент) – предмет конкретного юридического исследования (частный компонент) (4.2);

цель отраслевых и специальных юридических наук (общий компонент) – цель конкретного юридического исследования (частный компонент) (4.3);

методы отраслевых и специальных юридических наук (общий компонент) – методы

[14] См.: *Суходольская Ю.В.* Субкультуризация массового убийства в образовательных организациях как новый российский криминологический феномен // Законность. 2020. № 10. С. 37–40; *Ситникова М.П.* Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Росс. юрид. журнал. 2018. № 1. С. 84–92; *Black Donald.* Op. cit.

[15] См.: *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007.

конкретного юридического исследования (частный компонент) (4.4).

При этом анализ данных теоретико-методологических рядов показывает, что на особенности объекта того или иного юридического исследования влияют и могут влиять особенности объектов, подлежащих изучению иными социальными науками, при анализе предмета исследования, выполняемого на уровне общей теории государства и права, необходимо учитывать как общие закономерности становления развития и функционирования социальных систем в целом, так и закономерности, изучаемые отдельными, в т.ч. отраслевыми и специальными, юридическими науками, при проведении исследования в области отраслевых и специальных юридических наук следует учитывать: 1) общие закономерности становления развития и функционирования социальных систем; 2) общие закономерности становления развития и функционирования правовой системы общества, ее компонентов и элементов; 3) закономерности, установленные предшественниками в рамках данной науки.

Соответственно, и при выборе тех или иных целей и методов исследования в области юридической науки необходимо также знать цели и методы исследования, используемые иными социальными науками для того, чтобы определить пригодность или непригодность тех или иных методов исследования для проведения конкретного исследования, а также формулировать цель своего исследования в соотношении с другими исследованиями.

Выводы. На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Юридическая наука представляет собой специфическую область человеческого знания, предметом которой выступают закономерности становления, развития и функционирования правовых систем, их компонентов и элементов, которые могут быть классифицированы в зависимости от уровня обобщения на общие, отраслевые и институциональные.

2. Основным связующим звеном в юридической науке, сосредоточием внутренних и внешних связей (связей с другими юридическими науками) выступает теория государства и права.

3. Критериями единства юридической науки выступают общие компоненты методологии юридических исследований: наличие общего объекта, предмета, целей и задач исследования, методов исследования.

4. Критерием дифференциации юридической науки являются различия в методологии юридических исследований: различия в объекте, предмете, целях и задачах исследования, в методах, а также в областях исследования, которые определяются паспортами научных специальностей юридической науки.

5. Для повышения качества научных юридических исследований в области юриспруденции необходима фундаментальная подготовка в области как общей теории государства и права, в т.ч. изучении такого раздела теории государства и права, как теоретические основы правового регулирования, так и иных не юридических наук, в т.ч. таких как логика, философия, экономика, политология, социология, культурология, психология, педагогика, экология и др., в зависимости от специфики предмета исследования

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аврутин Ю.Е.* К вопросу о паспорте номенклатуры специальностей научных работников // Юридическое образование и наука. 2015. № 4. С. 30.
2. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 227.
3. *Василевская Л.Ю.* К вопросу о предмете юридической науки // Росс. юрид. журнал. 2017. № 1. С. 34, 35.
4. *Веденев Ю.А.* Юридическая наука: система и структура // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2–3. С. 21–43.
5. *Жуков В.Н.* Антропология права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 26–33.
6. *Жуков В.Н.* Государство, право, власть: философия и социология. М., 2015.
7. *Жуков В.Н.* Общая теория права // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 458–464. М., 2021.
8. *Жуков В.Н.* Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021.
9. *Жуков В.Н.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2019.
10. *Жуков В.Н.* Юридическая наука // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–883.
11. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
12. *Завьялов Ю.С., Галкин И.В.* Феноменология и познание права // Общая теория права: история и современное состояние (к 110-летию А.И. Денисова) / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2018. С. 297–316.
13. *Йоргенсен Марианне В., Филипс Луиза Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков, 2008.
14. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

15. *Кроткова Н.В.* Общая теория права: история и современное состояние. К 110-летию со дня рождения А.И. Денисова (1906–1984) // Государство и право. 2017. № 4.

16. *Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В.* Эффективность правовых норм. М., 1980.

17. *Лафитский В.И.* Юридическая наука: история и современность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 3 (22). С. 26–29.

18. *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.

19. *Мальцев Г.В.* Социальные основания права. М., 2007.

20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М., 1989.

21. Междисциплинарность в науках и философии / отв. ред. И.Т. Касавин. М., 2010.

22. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 ч. М., 2018. Ч. 1.

23. *Поляков А.В.* Коммуникативная концепция права: проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования: дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. СПб., 2002.

24. *Пономарева Е.В.* Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10.

25. *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права / пер. с 6-го изд. под ред. П. Карасевича студентом Демидовского юридического лицея Линдербратеном. Ярославль, 1872.

26. *Синицын С.А.* Договор: новые грани правового регулирования и вопросы правопонимания // Журнал росс. права. 2019. № 1. С. 45–61. DOI: 10.12737/art_2019_1_5

27. *Ситникова М.П.* Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Росс. юрид. журнал. 2018. № 1. С. 84–92.

28. *Соловьев В.С.* Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2012.

29. *Спиридонов Л.И.* Философия права // Правоведение. 2009. № 5. С. 213–227.

30. *Суходольская Ю.В.* Субкультуризация массового убийства в образовательных организациях как новый российский криминологический феномен // Законность. 2020. № 10. С. 37–40.

31. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права. Элементный состав. М., 2004. С. 185, 186.

32. *Уваров А.А.* О типологии правопонимания в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 5. С. 55–59.

33. *Честнов И.Л.* Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Росс. журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 77–84.

34. *Шишкин В.В.* Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

35. *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72. DOI: 10.31857/S102694520015037-1

36. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011.

37. *Adisa W.B., Alabi T.A.* An empirical investigation of court users' encounters with bribery, judicial extortion and corruption victimisation in Lagos State. Crime Law Soc Change 75, 141–163 (2021). DOI: 10.1007/s10611-020-09931-0

38. Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations / S.A. Yeti, P. James (eds.). Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-40823-1

39. *Black Donald* (1983). Crime as Social Control. American Sociological Review. 48. 34. DOI: 10.2307/2095143

40. *Cohen F.* Transcendental nonsense and the functional approach // Columbia Law Review. 1935. No. 35. P. 809–849.

41. *Eristavi K.* Performing Defiance with Rights. Law Critique (2020). DOI: 10.1007/s10978-020-09277-5

42. *Ferreira M.A. Feltran G.* (2020). The Entangled City: Crime as Urban Fabric in Sao Paulo. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611-021-09937-2

43. *Galanis M.* Corporate Law Versus Social Autonomy: Law as Social Hazard. Law Critique 32, 1–32 (2021). DOI: 10.1007/s10978-020-09267-7

44. *Hägerström A.* Der römische Obligationsbegriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Uppsala, 1941. Vol. II. Appendix.

45. Interdisciplinary Studies. In: Michalos A.C. (ed.). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. 2014. Springer, 2019. DOI: 0.1007/978-3-030-18659-3

46. *Llewellyn K.* Some realism about realism: responding to Dean Pound // Harward Law Review. 1931. No. 1. P. 222–264.

47. *McGrath J.* Self-deception as a technique of neutralization: an analysis of the subjective account of a white-collar criminal. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611–021–09933–6

48. *Meng Yusheng.* Favour and Power in the Acquaintance Society: Interpreting a Conflict in White Deer Plain, International Journal of Law and Society. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 23–27. DOI: 10.11648/j.ijls.20210401.13

49. *Steric I.* Generic. Jug end und Religion. Bestandsaufnahmen, Analyses und Fallstudten zur Re g csitat Jugendlktfier. VVeinheim & München, 2011.

REFERENCES

1. *Avrutin Yu. E.* On the issue of the passport of the nomenclature of specialties of researchers // Legal education and science. 2015. No. 4. P. 30 (in Russ.).

2. *Baytin M.I.* The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries). M., 2005. P. 227 (in Russ.).

3. *Vasilevskaya L. Yu.* On the subject of legal science // Russ. legal journal. 2017. No. 1. P. 34, 35 (in Russ.).

4. *Vedeneev Yu. A.* Legal science: system and structure // Citizen. Elections. Power. 2016. No. 2–3. P. 21–43 (in Russ.).
5. *Zhukov V.N.* Anthropology of Law // Zhukov V.N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 26–33 (in Russ.).
6. *Zhukov V.N.* State, law, power: philosophy and sociology. M., 2015 (in Russ.).
7. *Zhukov V.N.* General theory of law // Zhukov V.N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. P. 458–464. M., 2021 (in Russ.).
8. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021 (in Russ.).
9. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2019 (in Russ.).
10. *Zhukov V.N.* Legal science // Zhukov V.N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 868–883 (in Russ.).
11. *Zhukov V.N.* Jurisprudence as a science: return to forgotten truths // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
12. *Zavyalov Yu. S., Galkin I.V.* Phenomenology and cognition of law // General theory of law: history and current state (to the 110th anniversary of A.I. Denisov) / ed. by M.N. Marchenko. M., 2018. P. 297–316 (in Russ.).
13. *Jorgensen Marianne V., Philips Louise J.* Discourse analysis. Theory and method / transл. from English. 2nd ed., corrected. Kharkov, 2008 (in Russ.).
14. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science ("Round Table" of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
15. *Krotkova N.V.* General theory of Law: history and current state. To the 110th anniversary of the birth of A.I. Denisov (1906–1984) // State and Law. 2017. No. 4 (in Russ.).
16. *Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V.* Effectiveness of legal norms. M., 1980 (in Russ.).
17. *Lafitskiy V.I.* Legal science: history and modernity // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2010. No. 3 (22). P. 26–29 (in Russ.).
18. *Maltsev G.V.* Understanding of law. Approaches and problems. M., 1999 (in Russ.).
19. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2007 (in Russ.).
20. *Marx K., Engels F.* Manifesto of the Communist Party. M., 1989 (in Russ.).
21. Interdisciplinarity in sciences and philosophy / ed. I.T. Kasavin. M., 2010 (in Russ.).
22. *Petrazhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality: in 2 parts. M., 2018. Part 1 (in Russ.).
23. *Polyakov A.V.* The communicative concept of law: problems of genesis and theoretical and legal justification: dis. ... Doctor of Law in the form of a scientific report. SPb., 2002 (in Russ.).
24. *Ponomareva E.V.* Subjects and quasi-subjects of law: theoretical and legal problems of differentiation: abstract ... PhD in Law. Ekaterinburg, 2019. P. 10 (in Russ.).
25. *Pukhta G.F.* Encyclopedia of Law / transl. from the 6th ed. ed. by P. Karasevich, a student of the Demidov Law Lyceum Linderbraten. Yaroslavl, 1872 (in Russ.).
26. *Sinitsyn S.A.* Contract: new facets of legal regulation and issues of legal understanding // Journal of Russian law. 2019. No. 1. P. 45–61. DOI: 10.12737/art_2019_1_5 (in Russ.).
27. *Sitnikova M.P.* Criminological characteristics of the criminal's personality in the sphere of extremist activity of youth // Russ. legal journal. 2018. No. 1. P. 84–92 (in Russ.).
28. *Solovyov V.S.* Justification of good / res. ed. O.A. Platonov. M., 2012 (in Russ.).
29. *Spiridonov L.I.* Philosophy of Law // Jurisprudence. 2009. No. 5. P. 213–227 (in Russ.).
30. *Sukhodolskaya Yu.V.* Subculturization of mass murder in educational organizations as a new Russian criminological phenomenon // Legality. 2020. No. 10. P. 37–40 (in Russ.).
31. *Syrykh V.M.* Logical foundations of the General theory of law. Elementary composition. M., 2004. P. 185, 186 (in Russ.).
32. *Uvarov A.A.* On the typology of legal understanding in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2019. No. 5. P. 55–59 (in Russ.).
33. *Chestnov I.L.* Socio-cultural Anthropology of Law as a post-classical research program // Russ. journal of Legal Studies. 2014. No. 4 (1). P. 77–84 (in Russ.).
34. *Shishkin V.V.* Synergetic approach in the theory of law: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2007 (in Russ.).
35. *Ekimov A.I.* Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological problems // State and Law. 2021. No. 6. P. 63–72. DOI: 10.31857/S102694520015037-1 (in Russ.).
36. *Erlikh O.* The foundation of the Sociology of Law / transl. from German by M.V. Antonov; ed. by V.G. Grafsky, Yu. I. Grevtsov. SPb., 2011 (in Russ.).
37. *Adisa W.B., Alabi T.A.* An empirical investigation of court users' encounters with bribery, judicial extortion and corruption victimisation in Lagos State. Crime Law Soc Change 75, 141–163 (2021). DOI: 10.1007/s10611-020-09931-0
38. Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations / S.A. Yeti, P. James (eds.). Springer, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-40823-1
39. *Black Donald* (1983). Crime as Social Control. American Sociological Review. 48. 34. DOI: 10.2307/2095143
40. *Cohen F.* Transcendental nonsense and the functional approach // Columbia Law Review. 1935. No. 35. P. 809–849.
41. *Eristavi K.* Performing Defiance with Rights. Law Critique (2020). DOI: 10.1007/s10978-020-09277-5
42. *Ferreira M.A. Feltran G.* (2020). The Entangled City: Crime as Urban Fabric in Sao Paulo. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611-021-09937-2
43. *Galanis M.* Corporate Law Versus Social Autonomy: Law as Social Hazard. Law Critique 32, 1–32 (2021). DOI: 10.1007/s10978-020-09267-7
44. *Hägerström A.* Der römische Obligationsbegriff im Lichte der Allgemeinen römischen Rechtsanschauung. Uppsala, 1941. Vol. II. Appendix.

45. Interdisciplinary Studies. In: Michalos A.C. (ed.). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. 2014. Springer, 2019. DOI: 0.1007/978-3-030-18659-3

46. *Llewellyn K.* Some realism about realism: responding to Dean Pound // Harward Law Review. 1931. No. 1. P. 222–264.

47. *McGrath J.* Self-deception as a technique of neutralization: an analysis of the subjective account of a white-collar criminal. Crime Law Soc Change (2021). DOI: 10.1007/s10611-021-09933-6

48. *Meng Yusheng.* Favour and Power in the Acquaintance Society: Interpreting a Conflict in White Deer Plain, International Journal of Law and Society. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 23–27. DOI: 10.11648/j.ijls.20210401.13

49. *Steric I.* Generic. Jug end und Religion. Bestandsaufnahmen, Analyses und Fallstudten zur Re g csitat Jugendlktfier. VVeinheim & München, 2011.

Сведения об авторе

ОСИПОВ Михаил Юрьевич –
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Международная полицейская академия ВПА; 300026 г. Тула, Рязанская ул., д. 1
ORCID 0000-0002-6982-3668

Author's information

OSIPOV Mikhail Yu. –
PhD in Law, senior researcher, International Police Academy VPA; 1 Ryazanskaya, 300026 Tula, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 57–67
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 57–67

ЦЕННОСТНЫЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

© 2022 г. Н. В. Варламова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: varlam_n@list.ru

Поступила в редакцию 15.03.2022 г.

Аннотация. В современном конституционном праве отчетливо прослеживается тенденция к ценностному обоснованию едва ли не всех юридических понятий. В качестве ценностей предстают основы конституционного строя, конституционные принципы, достоинство и права человека, демократия, наконец, сам конституционализм в целом. Это свидетельствует об отказе от сугубо формального, позитивистского понимания конституции, конституционности и конституционализма. Вместе с тем ценности в силу своей природы являются не самым удачным инструментом для содержательной интерпретации традиционных юридических понятий и конструкций. Ценности *a priori* не универсальны, а относительны и субъективны, они несоизмеримы между собой, приверженность им часто носит иррациональный характер и является значимой для человека. В силу этого ценности достаточно конфликтогенны, их регулятивный потенциал невелик, апеллирование к ним порождает немало проблем в практике конституционного контроля, обсуждению которых и посвящена статья.

Ключевые слова: конституционное право, конституционные ценности, конституционные принципы, конституционный контроль, пропорциональность.

Цитирование: *Варламова Н.В.* Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67.

DOI: 10.31857/S102694520020489-8

VALUES DISCOURSE IN MODERN CONSTITUTIONAL LAW

© 2022 N. V. Varlamova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: varlam_n@list.ru

Received 15.03.2022

Abstract. In modern Constitutional Law, there is a clear tendency to justify almost all legal concepts in terms of values. The foundations of the constitutional order, constitutional principles, human dignity and rights, democracy, and, finally, constitutionalism itself as a whole are recognized as values. This demonstrates the rejection of a purely formal, positivist understanding of the constitution, constitutionality and constitutionalism. At the same time, values, by virtue of their nature, are not the most effective tools for the meaningful interpretation of traditional legal concepts and constructions. Values *a priori* are not universal, but relative and subjective, they are not proportionate to each other, adherence to them is often irrational and very meaningful to the individual. Because of this, values can provoke conflict, their regulatory potential is not great, and appealing to them generates many problems in the practice of constitutional review, which is the subject of this article.

Key words: Constitutional Law, constitutional values, constitutional principles, constitutional review, proportionality.

For citation: *Varlamova, N.V. (2022).* Values discourse in modern Constitutional Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 57–67.

Введение. В современном конституционном праве апеллирование к ценностям становится все более распространенным как на доктринальном уровне, так и на практике. Направленность конституционного права на обеспечение определенных ценностей практически не подвергается сомнению. К ценностной аргументации своих решений обращаются национальные органы конституционного контроля и наднациональные судебные органы. Это свидетельствует об отказе от сугубо формального, позитивистского понимания конституции, конституционности и конституционализма, стремлении дать этим категориям содержательное наполнение, определить их социальное назначение.

Ценностная «нагруженность» таких определений неизбежна[1]. Декларируемые позитивизмом объективность и ценностная нейтральность юридической науки и юридической практики невозможна по вполне объективным причинам. Поведение человека, являющееся предметом правового регулирования, всегда ценностно-ориентированно, игнорирование этого факта чревато серьезными теоретическим и практическими просчетами. Не свободна от ценностной составляющей и сама исследовательская или практическая юридическая деятельность. Как подчеркивает Дж. Финнис, «методологическая рефлексия всех общественных наук подтверждает, что теоретик не способен дать теоретическое описание и анализ социальных фактов, если он в то же время не участвует в деятельности по оцениванию, по выработке понимания того, что на самом деле хорошо для человека и чего действительно требует практическая разумность»[2]. Знания и ценности, обусловленные прошлым опытом исследователя, не могут быть элиминированы и фактически конституируют объект исследования[3]. Отсюда «оценочные суждения самого теоретика – неизбежный и решающий фактор при выборе или формировании любых понятий, используемых в описании таких аспектов человеческой деятельности, как право или правовой порядок»[4]. К. Шмитт весьма точно заметил, что абсолютизация свободы науки от ценностей сама может быть определена и представлена как ценность, что выводит данное утверждение из сферы позитивистской объективности[5]. Не случайно некоторые сторонники позитивизма представляют и данное направление правовой мысли как специфическую идеологию[6].

Из этого, казалось бы, следует необходимость ценностного обоснования едва ли не всех юридических конструкций и решений. И сегодня практически каждое юридическое понятие объявляется ценностью. Ценность выступает в качестве их синонима, выражения их содержания и постепенно заменяет их в теоретическом и практическом (судебном) конституционном дискурсе, становясь универсальной конституционной категорией, нивелирующей юридический смысл традиционных конструкций.

В качестве ценности рассматриваются само право и конституционализм, их принципы, основы конституционного строя[7], достоинство и права человека[8], методики и процедуры, используемые в практике конституционного контроля (в частности, тест на пропорциональность)[9] и т.п. Применительно к Европейскому Союзу вообще говорят о формировании в его рамках конституционализма ценностей[10]. Как подчеркивает В.Д. Зорькин, «в определенном смысле Конституция есть выражение основных юридических ценностей, таких как права и свободы человека; верховенство права, справедливость и равенство; демократическое, федеративное, правовое и социальное государство; разделение властей, парламентаризм; правовая экономика»[11].

---

[1] См.: *Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. Iss. 1. P. 167–198.

[2] *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака, А.В. Панихиной. М., 2012. С. 19.

[3] См.: *Přibáň J.* Constitutional Values as the Normalisation of Societal Power: From a Moral Transvaluation to a Systemic Self-Valuation // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. Vol. 11. Iss. 2–3. P. 457. DOI: 10.1007/s40803-019-00111-4

[4] *Финнис Дж.* Указ. соч. С. 35.

[5] См.: *Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte // Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. 3 Aufl. Berlin, 2011. S. 48.

[6] См.: *Bobbio N.* El problema del positivismo jurídico. Buenos Aires, 1965; *Cano R.M.J.* Positivismo ideológico e ideología positivista en Norberto Bobbio: precursor del positivismo ético // Huri-Age. 2009. No. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/43327657_Positivismo_ideologico_e_ideologia_positivista_en_Norberto_Bobbio_precursor_del_positivismo_etico (дата обращения: 10.03.2022).

[7] См.: *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 18; *Его же.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 14.

[8] См.: Supreme Court of Canada. R v. Oakes. Judgment of 28 February 1986. P. 136 // Supreme Court of Canada URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/117/index.do (дата обращения: 09.02.2022).

[9] Весьма показательно в этом отношении название статьи Г.А. Гаджиева и Е.А Войниканис – «Балансирование ценностей и ценность балансирования» (см.: Вопросы философии. 2021. № 9. С. 13–24 (часть первая). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-13-24; № 10. С. 53–64 (часть вторая). DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-53-64).

[10] См.: *Schorkopf F.* Value Constitutionalism in the European Union // German Law Journal. 2020. Vol. 21. P. 956–967. DOI: 10.1017/glj.2020.51

[11] *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России. С. 7; *Его же.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод. С. 3.

Однако ценностная интерпретация традиционных конституционных понятий представляется не самым удачным инструментом для раскрытия их содержания и порождает немало проблем на практике, что обусловлено самой природой ценностей.

«Доктрина ценностей» в конституционном праве. Специфика «логики ценностей» и те опасности, которая она представляет для права были раскрыты К. Шмиттом в его известной работе под весьма примечательным названием «Тирания ценностей». К. Шмитт подчеркивал, что признание чего-либо ценностью одновременно и допускает отказ в таком признании, т.е. деобъективирует (в юридическом плане – денормативирует. – *Н.В.*) данное требование (притязание). Кроме того, превращение всего в ценности означает всеобщую нейтрализацию и унификацию, т.е. невозможность вычленения конкретных феноменов – прав, благ, интересов, потребностей и т.п.

Ценность требует актуализации (реализации, воплощения в жизнь). В противном случае она не может продолжать считаться ценностью. А неизбежная субъективность ценностей влечет за собой постоянные споры оценивающих, переоценивающих, недооценивающих и т.п. ее субъектов.

Любая ценность в определенном смысле тоталитарна и агрессивна, она стремится к исключительности, возвышению за счет иных ценностей, даже диаметрально не противоположных ей, переводя их в разряд неценностей (более низких, неполноценных ценностей). Акцентирование ценностей только разжигает борьбу различных убеждений и интересов, а не способствует их согласованию. Признание чего бы то ни было высшей ценностью как бы снимает вопрос о допустимости тех или иных средств для ее обеспечения, любые меры и издержки могут быть признаны оправданными и любые препятствия преодолимыми. Проблема соотношения целей и средств здесь даже не ставится, о том, что цель (ценность) сама по себе не может оправдывать средства ее достижения, забывают. Именно в этом и проявляется «тирания ценностей», когда воплощение ценности ведет к ее разрушению[12].

Современное общество функционально дифференцированно, системно плюралистично и поливалентно. Каждая социальная подсистема производит свои собственные ценности, которые, однако, претендуют на объективную действительность и распространение на другие подсистемы. Юридическая теория и практика стремятся обосновать использование в сфере права якобы универсальных нравственных ценностей, предложить их правовое переосмысление в конституционном праве как на национальном, так и на наднациональном уровнях[13]. Но ценности, будучи понятием из сферы философии, этики, социальной психологии, сами по себе чужды праву, и привнесение их в юридическую аргументацию подтверждает опасения К. Шмитта.

Начало формирования «доктрины ценностей» в конституционном праве принято увязывать с практикой Федерального конституционного суда Германии[14]. Уже в первых своих решениях он указал, что Основной закон страны не является ценностно-нейтральным а напротив, воплощает в себе основные конституционные ценности[15], такие как человек, свобода и равенство[16]. Основной закон установил ценностный порядок, ограничивающий публичную власть. Для того чтобы законы являлись конституционными, недостаточно, чтобы они были официально приняты, они по содержанию должны соответствовать высшим базовым ценностям свободного демократического строя как системе конституционных ценностей и неписаным основополагающим конституционным принципам, прежде всего принципу верховенства права и принципу социальной государственности. Законы не должны ущемлять человеческое достоинство, являющееся высшей ценностью Основного закона, и ограничивать интеллектуальную, политическую и экономическую свободу человека таким образом, чтобы затрагивалась сама сущность этой свободы[17].

Наиболее известна ценностная интерпретация конституционных положений, представленная Федеральным конституционным судом Германии в знаменитом решении по делу Люта от 15 января 1958 г.[18] Основной закон, отметил Суд, установил в разделе об основных правах объективный порядок ценностей, и именно в этом выражается фундаментальное усиление действительности основных прав. Данная система ценностей, центром которой является человек и его достоинство, свободно развивающееся в социальной общности, должна

[12] См.: *Schmitt C.* Op. cit. S. 9–55.

[13] См.: *Přibáň J.* Op. cit. P. 452.

[14] См., напр.: *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, 1996. P. 253. DOI: 10.7551/mitpress/1564.001.0001

[15] См.: BVerfGE5, 85 – KPD – Verbot (разд. C I). URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv005085.html#134 (дата обращения: 20.02.2022).

[16] См.: BVerfGE2, 1 – SRP – Verbot (разд. E). URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv002001.html#012 (дата обращения: 20.02.2022).

[17] См.: BVerfGE6, 32 – EIfes (разд. II). URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv006032.html#040 (дата обращения: 20.02.2022).

[18] См.: BVerfGE7, 198 – Lüth. URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv007198.html (дата обращения: 02.03.2020).

действовать во всех отраслях права; она направляет законотворчество, управление и правосудие. В соответствии с этой системой ценностей должно определяться конституционное содержание любого закона и осуществляться его толкование. В частности, при отсылке гражданского законодательства к «добрым нравам» оценка соответствующего поведения должна даваться, исходя из системы ценностей, принятой обществом на известном этапе своего духовного и культурного развития и закрепленной в Конституции (разд. B II 1). Законы должны интерпретироваться исходя из ценностного значения, затрагиваемого ими основного права в свободном демократическом обществе. Конституционный суд призван отстаивать свободные демократические ценности, воплощенные в основных правах (разд. B II 2). Вместе с тем законы могут устанавливать ограничения прав в целях защиты общественных ценностей, имеющих приоритет перед осуществлением прав. В связи с этим требуется «взвешивание ценностей»: реализация права может быть ограничена, если этим нарушаются интересы иных лиц, заслуживающие защиты (разд. B II 3).

Представляется, что именно в этом решении и были заложены основные проблемы, которые порождает обращение к ценностной аргументации в практике конституционного контроля:

объективация субъективных по своей природе ценностей через их позитивацию в конституции;

«поглощение» ценностями важнейших конституционно-правовых понятий – достоинства и прав человека, принципов конституционализма;

обусловленность действительности прав человека, воплощением в них ценностей, принятых обществом и закрепленных в конституции;

обоснование допустимости ограничений прав человека посредством «взвешивания» («балансирования») ценностей[19].

Рассмотрим их подробнее.

Проблемы ценностной аргументации. Очевидно, что заявленная объективность конституционных ценностей проистекает из их позитивированности в конституции, поскольку сами по себе даже так называемые общие ценности представляют собой интерсубъективно разделяемые предпочтения определенных благ, которые в конкретных коллективах рассматриваются как заслуживающие того, чтобы к ним стремиться посредством целенаправленных действий[20]. Может ли позитивация изменить субъективную природу ценностей? И могут ли любые ценности, зафиксированные в конституции, считаться конституционными?

Едва ли не общепризнанно, что в XXI в. понятие конституционных ценностей не распространяется на произвольные ценностные суждения разработчиков конституции. Систему координат, для определения того, что может быть отнесено к конституционным ценностям, задают права человека[21]. Однако это не снимает проблему субъективности ценностей и не ведет к формированию в обществе ценностного консенсуса в силу существующих различий в толковании как самого содержания конституционных ценностей, так и ограничений, накладываемых на их перечень и возможность реализации требованием уважения прав человека[22]. В рамках различных религиозных учений и культурных традиций развиваются свои представления о природе человека, которые предполагают разное понимание его достоинства, свободы и прав.

Даже в рамках одного государства ссылки на «систему ценностей, принятой обществом на известном этапе своего духовного и культурного развития», не работают. Современное общество мультикультурно и сложно организовано. И объективность ценностей не может пониматься даже как их атрибутирование определенной социокультурной (религиозной и т.п.) группе. Человек одновременно идентифицирует себя со множеством различных условных и реальных социальных групп, и его ценностные ориентации формируются в определенной зависимости от включенности в каждую из них, соответственно, ни одна из этих групп не может иметь свою обособленную и когерентную систему ценностей. Ценности неизменно сохраняют свою субъективность, будучи частью индивидуальной идентичности.

Таким образом, ценности *a priori* не универсальны и относительны. Они обусловлены общим социокультурным контекстом, а также психологическим складом, личным опытом, социальным положением конкретного лица. Даже конституционализированные ценности не могут рассматриваться как «идеи, идеалы, ориентиры, имеющие положительную значимость для всего народа»[23].

[19] Ценностная интерпретация конституции распространена не только в европейской, но и в американской правовой доктрине. Так, М. Дж. Перри, рассматривает текст Конституции США как выражение этического самопонимания исторического сообщества, доминирующего в настоящее время ценностного консенсуса большинства населения (см.: *Perry M.J.* Morality, Politics, and Law: A Bicentennial Essay. NY., 1988. P. 135, 152).

[20] См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 255.

[21] Очевидно, что именно из этого, в общем и целом, и исходил Федеральный конституционный суд Германии.

[22] См.: *Nishihara H.* The Significance of Constitutional Values // Potchefstroomse Elektroniese Regsblad / Potchefstroom Electronic Law Journal. 2001.Vol. 4. No. 1. P. 2. DOI: 10.17159/1727-3781/2001/v4i1a2877

[23] *Клочко В.И.* Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2015. № 2. С. 121.

Вряд ли можно говорить и о каких-либо «объективно сложившихся экономических и социальных ценностях», которые обладают «свойствами нормативности, что и позволяет включать их в систему толкования содержания того или иного конституционного принципа»[24].

Кроме того, исследователи отмечают, что понимание конституции как совокупности объективных ценностей ведет к тому, что она утрачивает способность адаптироваться к социальным изменениям и не может выступать в качестве необходимого для этого набора правил[25].

Между тем «взвешивание» (или «балансирование») ценностей объявляется едва ли не универсальным способом решения различных конституционных споров. Именно в таком виде предстает знаменитый тест на пропорциональность[26]. Изначально он был разработан как рациональная и формализованная процедура судебной проверки обоснованности вторжения публичной власти в права частых лиц[27] и приобрел (прежде всего усилиями Федерального конституционного суда Германии[28], а затем и Европейского Суда по правам человека) достаточно четкую структуру, предполагающую выяснения легитимной цели предпринятой властями меры, ее релевантности (возможности достижения посредством нее заявленной цели), необходимости (нечрезмерности, отсутствия менее обременительных мер) и соразмерности (пропорциональности в узком смысле слова, понимаемой как соблюдение надлежащего соотношения (справедливого баланса) между важностью достижения легитимной цели и тяжестью тех ограничений, которым подверглись для этого права частных лиц)[29]. Постепенно тест на пропорциональность фактически свелся к последнему этапу и стал трактоваться как необходимость поиска баланса ценностей, стоящих за конфликтующими частными и публичными интересами[30].

Так, Конституционный Суд РФ в одном из своих постановлений указал, что законодательное регулирование не должно нарушать справедливый баланс между ценностями, выраженными в признании и гарантировании права частной собственности и в общеправовом принципе добросовестного исполнения обязательств, с одной стороны, и праве на жилище – с другой[31]. В рамках данного подхода задача Конституционного Суда РФ видится в том, чтобы «рационально обосновать выявленный им баланс конституционных прав (конфликтующих между собой или с другими конституционными принципами, обобщенно представляемыми в решениях как “конституционные ценности”)». При этом подчеркивается, что «такой способ стал в настоящее время основным инструментом аргументации решений сложных конституционных коллизий»[32].

Однако тест на пропорциональность подвергается критике[33]. Представляется, что причины

---

[24] *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Указ. соч. (часть вторая). С. 62.

[25] См.: *Lautsch E.R.* Speech at the 2019 Assistententagung: The Open Society of Constitutional Patriots? – How the Grundgesetz as Patriotic Instrument Ousts Political Discourse [Die offene Gesellschaft der Verfassungspatrioten? – Wie das Grundgesetz als patriotische Folie den politischen Diskurs verdrängt] (Feb. 20, 2019) (цит. по: *Keesen J., Ulrich J.* Constitutions – Their Role Through the Ages: Notes on the 59th Meeting of German-Speaking Public Law Assistants in Frankfurt am Main // German Law Journal. 2019. Vol. 20. Iss. 5. P. 749. DOI: 10.1017/glj.2019.59).

[26] О широком использовании этой процедуры в судебной практике большинства стран мира и наднациональных судебных органов см., напр.: *Barak A.* Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / transl. from the Hebrew by D. Kalir. Cambridge; NY., 2012. P. 181–210. DOI: 10.1017/CBO9781139035293; *Bernal-Pulido C.* The Migration of Proportionality across Europe // New Zealand Journal of Public and International Law. 2013. Vol. 11. No. 3. P. 483–515. Некоторые исследователи утверждают, что для конституционного права настала «эпоха пропорциональности» (см.: *Jackson V.C.* Constitution Law in an Age of Proportionality // The Yale Law Journal. 2015. Vol. 124. No. 8. P. 3094–3196); данный принцип представляет собой «предельное верховенство права» и «универсальный критерий конституционности» (см.: *Beatty D.* The Ultimate Rule of Law. Oxford; NY., 2004. P. 162. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199269808.001.0001), утверждение которого положит конец спорам относительно интерпретации конституции и таким образом завершит историю конституционного права.

[27] См.: *Barak A.* Op. cit. P. 178–179; *Бажанов А.А.* Утверждение принципа соразмерности в административном праве Германии (XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2018. № 6. С. 71–76. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-6-71-76

[28] См.: *Barak A.* Op. cit. P. 179–181; *Бажанов А.А.* Обоснование принципа соразмерности в практике Федерального конституционного Суда Германии (1950–1960 гг.) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Сравнительное и интеграционное право. 2018. № 5 (45). С. 159–168. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.159-168

[29] См. подр.: *Barak A.* Op. cit. P. 245–370.

[30] См., напр.: *Habermas J.* Op. cit. P. 254; *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Указ. соч.

[31] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» (абз. 2 п. 3 мотивировочной части) // СЗ РФ. 2012. № 21, ст. 2697.

[32] *Белов С.А.* Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 64, 65.

[33] См., напр.: *Jackson V.C.* Being Proportional about Proportionality. Book review: The Ultimate Rule of Law. By David M. Beatty. NY., 2004. P. 193 + xvii // Constitutional Commentary. 2004. Vol. 21. Iss. 3. P. 803–859; *Urbina F.J.* A Critique of Proportionality // The American Journal of Jurisprudence. 2012. Vol. 57. Iss. 1. P. 49–80. DOI: 10.1093/ajj/57.1.49; *Lacey N.* The Metaphor of Proportionality // Journal of Law and Society. 2016. Vol. 43. Iss. 1. P. 27–44. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2016.00739x; *Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н.* Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник СПбУ. Право. 2015. Вып. 3. С. 4–34.

этого кроются именно в его «ценностной трансформацией», и неприятие процедуры балансирования обусловлено прежде всего несоизмеримостью ценностей[34]. Эта несоизмеримость проистекает, во-первых, из разноплановости тех благ, которые представлены в качестве ценностей, что предопределяет невозможность единой шкалы оценки как их значимости, так и ущерба, причиняемого им мерами, препятствующими их реализации. Вспомним известные метафоры о сравнении «длины линии с тяжестью камня»[35] или «яблок с апельсинами»[36]. Отсутствие универсальных единиц измерения ценностей не позволяет операционализировать процесс «взвешивания»[37], несмотря на все попытки предложить его математизированные модели[38].

Во-вторых, ценности принципиально не допускают балансирования, поскольку любая из них требует безусловного уважения, иначе она обесценивается. Решение о следовании одной ценности означает закрытие возможности для реализации другой, ей противостоящей[39], точнее – все другие ценности значимы лишь в качестве средств для ее достижения[40]. Таким образом, речь идет о ценностном выборе, который всегда оказывается «рационально нерешаемой дилеммой»[41]. Рациональность ценностного выбора опять-таки обесценивает ценность; приверженность ценности не может ставится в зависимость от успешности соответствующего поведения[42]. Рациональный выбор между ценностями невозможен. Отсюда следует и невозможность рационального обоснования ценностного выбора для лиц с другими ценностными установками. Ценности дают «уверенность, независимую от когнитивных аргументов»[43], и «при столкновении ценностных подходов ни один из них не может быть оценен как правильный»[44]. Таким образом, «рациональный дискурс не способен обосновать выбор ценностей при решении сложных конституционных дел»[45].

На нерациональность процедуры балансирования неоднократно указывали исследователи, подчеркивая, что принимаемые решения нередко оказываются иррациональными, произвольными, обусловленными стереотипными представлениями или соображениями функциональной целесообразности[46]. Судебная аргументация часто строится на этических доводах и сводится к обсуждению того, какой из конкурирующих ценностей следует отдать предпочтение с учетом всех относимых к делу факторов[47]. В связи с отсутствием общепринятой точки зрения по большинству этических проблем рационально структурированные доводы подменяются субъективной оценкой значимости конкурирующих ценностей. Судья на деле осуществляет лишь произвольный выбор между двумя несопоставимыми альтернативами. Аргументация носит весьма сжатый характер и не раскрывает всю совокупность соображений, которые оказали влияние на принятие того или иного решения[48]. При его вынесении судьи во многом полагаются на интуицию. Требование того, «чтобы мотивировка решений по каждому делу была детально обоснованной, исчерпывающей и полностью аргументированной», считается излишним, ибо «вопросы этики слишком сложны для этого»[49].

Таким образом, тест на пропорциональность, изначально разработанный с целью рационализации и формализации судебной аргументации для минимизации усмотрения судей, в своем ценностном варианте превратился в способ камуфлирования произвольности их ценностного выбора. И это неизбежное следствие подмены правовых норм и принципов ценностями. Различные нормативные предписания не должны противоречить друг другу, они объединены в когерентный комплекс, по крайней мере стремятся к такому состоянию, поскольку именно в силу этого и могут претендовать на действительность в рамках определенной сферы отношений. Различные ценности, напротив, образуют

---

[34] См.: *Cohen E., Ben-Ari E.* Hard Choices: A Sociological Perspective on Value Incommensurability // Human Studies. 1993. Vol. 16. Iss. 3. P. 267–297. DOI:10.1007/BF01323136

[35] Bendix Autolite Corp. v. Midwesco Enters., 486 US. 888, 897 (1988) (A. Scalia, J. concurring opinion) // USTIA. US Supreme Court. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/486/888/ (дата обращения: 03.07.2022).

[36] *Цакиракис С.* Пропорциональность: посягательство на права человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 62.

[37] *Habermas J.* Op. cit. P. 545.

[38] См.: *Алекси Р.* Формула веса / пер. с англ. В.В. Архипова // Росс. ежегодник теории права. 2010. № 3 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011. С. 208–228.

[39] См.: *Cohen E., Ben-Ari E.* Op. cit. P. 270.

[40] См.: *Parsons T.* The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. NY., 1937. P. 643.

[41] *Cohen E., Ben-Ari E.* Op. cit. P. 268.

[42] См.: ibid. P. 269.

[43] *Přibáň J.* Op. cit. P. 454.

[44] *Белов С.А.* Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 232.

[45] Там же. С. 236.

[46] См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 259.

[47] См.: *Мёллер К.* Принцип соразмерности: в ответ на критику // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 92, 93, 95, 96.

[48] См.: *Цакиракис С.* Указ. соч. С. 56.

[49] *Мёллер К.* Указ. соч. С. 103.

гибкие конфигурации, полные напряжения, и конкурируют за приоритет от случая к случаю[50].

Ценности могут быть позитивированы в конституциях и иных законах, получить обоснование в правовой доктрине, но какие из них и в каком виде будут реализованы на практике, зависит от конкретных судебных и иных правоприменительных решений, а принимающие их лица в связи с этим начинают претендовать «на роль нравственного компаса общества»[51] или обладающих «квазисакральным знанием»[52] «пророков, чья интерпретация божественного слова отцов-основателей конституции обеспечивает непрерывность традиции, конституирующей жизнь сообщества»[53]. Вряд ли следует безоговорочно принять такие притязания.

Наконец, апеллирование к ценностям неизбежно повышает конфликтогенность любой правовой проблемы, переводя ее в морально-нравственную плоскость, сферу жизненных смыслов и приоритетов, где какие-либо уступки и компромиссы наименее возможны и налагаемые ограничения наиболее болезненны.

Иерархизация и нейтрализация ценностей. Проблему множественности и разнонаправленности ценностей и произвольности ценностного выбора в доктрине пытаются решить путем выстраивания ценностной иерархии. «Конституционные ценности образуют системное единство и находятся в определенном иерархическом соподчинении»[54], – утверждает В.Д. Зорькин. Без системной организации ценностей возможно неоправданное предпочтение какой-либо из них и ее реализация в ущерб другим[55].

Например, на основе ст. 1 Конституции Южно-Африканской Республики[56], устанавливающей, что она является единым, суверенным, демократическим государством, основанным на ценностях человеческого достоинства, достижения равенства и продвижения прав и свобод человека; запрета расизма и сексизма (равенства независимо от расы и пола); высшей юридической силы Конституции и верховенства права; всеобщего избирательного права, единого национального списка избирателей, регулярности выборов и многопартийной системы демократического правления, обеспечивающей подотчетность, реагирование и открытость[57], исследователи выстраивают следующую иерархическую систему ценностей. Ее основой (ядром) являются ценность человеческого достоинства; равенство и свобода – поддерживающими, вспомогательными ценностями; демократия и верховенство права – структурными ценностями. Даная система конституционных ценностей задает параметры легитимной формы правления, важно не отклоняться от них, обеспечивая с помощью надлежащих правил толкования понимание в соответствии с ними иных конституционных положений[58].

Подобная система конституционных ценностей принята в большинстве стран. Она может быть представлена в виде некоего овала с двумя центральными пунктами – содержательной ценностью прав человека и процедурной ценностью демократии. Однако все попытки выстраивания иерархии ценностей наталкиваются на вопрос о критериях, положенных в ее основу. Почему одни ценности заслуживают большего уважения и приоритетной реализации по сравнению с другими? Такой выбор и структурирование ценностей объясняется ценностной нейтральностью человеческого достоинства, свободы, равенства и демократии, которые определяют только некоторые правила разрешения ценностных конфликтов между людьми, но не устанавливают некую всеобъемлющую доктрину в качестве официально признанного убеждения. Они оставляют достаточно пространства для того, чтобы каждый мог жить в соответствии со своими убеждениями, придерживаясь лишь некоторых формальных правил в публичной сфере[59].

Нейтральность конституционных ценностей означает, что они не исключают, а напротив, предполагают самостоятельность индивидуального ценностного выбора и сосуществование различных ценностных систем и предпочтений. Р. Дворкин назвал это государственным нейтралитетом относительно концепции «правильной жизни»[60].

---

[50] См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 255.

[51] *Přibáň J.* Op. cit. P. 454, 455.

[52] *Шайо А.* Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 5.

[53] *Habermas J.* Op. cit. P. 258.

[54] *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод. С. 3; *Его же.* Аксиологические аспекты Конституции России. С. 8.

[55] См.: *Nishihara H.* Op. cit. P. 2.

[56] См.: South Africa's Constitution of 1996 with Amendments through 2012 // CONSTITUTE. URL: https://www.constituteproject.org/countries/Africa/South_Africa?lang=en (дата обращения: 16.02.2022).

[57] Весьма показателен сам этот перечень конституционных ценностей, точнее – закрепление в Конституции ЮАР данных юридических принципов в качестве ценностей.

[58] См.: *Venter F.* A Hierarchy of Constitutional Values // Konrad Adenauer Stiftung Constitution and Law: Seminar Report III. Johannesburg, 1997. P. 17 (цит. по: *Nishihara H.* Op. cit. P. 2).

[59] См.: *Nishihara H.* Op. cit. P. 3.

[60] *Dworkin R.A.* Matter of Principle. Cambridge, 1985. P. 191. Этот принцип в одном из своих решений воспроизвел Верховный суд Канады (см.: Supreme Court of Canada. R v. Morgentaler. Opinion of Wilson. Judgment of 28 January 1988. URL: https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/288/index.do (дата обращения: 17.02.2022)).

По мнению Ю. Хабермаса, «в условиях культурного и социального плюрализма, конституция не должна восприниматься как конкретный правовой порядок, который *a priory* навязывает универсальный образ жизни обществу в целом»[61]. В современном обществе, где существует множество нравственных и идеологических концепций, государство, призванное относится ко всем своим гражданам равным образом, не может отдавать предпочтение ни одной из них и должно уважать и обеспечивать свободу ценностного самоопределения человека. Дж. Ролз выразил эту же идею через требование «нейтральности цели» государственных институтов, которые, равно как и публичная политика, не должны быть разработаны в пользу какой-либо конкретной всеобъемлющей доктрины[62].

Но использование применительно к человеческому достоинству, правам человека, демократии и т.п. термина «ценность» и акцентирование при этом их ценностной нейтральности противоречиво по своей сути, и не может быть объяснено ничем иным как данью сложившейся традиции ценностного дискурса. На самом деле это лишь нивелирует и юридический смысл данных понятий, и философский смысл понятия ценности. Как подчеркивает Ю. Хабермас, небольшой набор таких якобы универсальных ценностей принимает настолько абстрактную форму, что в них нетрудно распознать деонтологические принципы[63].

Заключение. Парадокс заключается в том, что общество не может существовать вне ценностей, но ценности не могут гарантировать существование и развитие общества. Общество нельзя представить как интегрированную систему ценностей. На ценности принято ссылаться, когда возникают проблемы социального управления в различных сферах («деловая этика», «корпоративная социальная ответственность», «экологическая этика», «биоэтика» и т.д.), однако они не столько помогают минимизировать существующие социальные риски, сколько порождают новые риски, конфликты и моральную панику. Поэтому ценности не могут функционировать как инвариантные структуры поддержания системы. Они не способны стабилизировать социальную систему, поскольку формируются как часть ее эволюции[64].

Культурный плюрализм и гетерогенность современного общества непреодолимы, и оно не может быть конституировано универсальными ценностями. Нужно стремиться не к справедливому балансу различных социокультурных ценностей в рамках некоей единой и всеобъемлющей ценностной системы, а к обеспечению культурного, религиозного, морального и т.п. плюрализма, гарантирующего каждому свободу ценностного самоопределения[65]. Именно право, прежде всего конституционное право, традиционно выступало механизмом и защиты ценностного плюрализма, и определения его пределов в виде базовых принципов конституционализма. Чтобы оно и дальше могло продолжать выполнять эту функцию, юридический дискурс не должен сопрягаться с ценностным. Возведение конституционных принципов в ранг ценностей и придание им приоритета по сравнению с другими ценностями в силу их ценностной нейтральности противоречиво в своей основе и лишь провоцирует ценностные конфликты.

Моральные ценности часто рассматриваются как средства легитимации права, между тем можно говорить и о ценности права как особого регулятора, который в силу присущих ему беспристрастности, всеобщности, предсказуемости и ясности способен предотвращать и нейтрализовать ценностные (этические) конфликты. Конституция призвана отграничивать право от политики, а каждую из этих подсистем, в свою очередь, от их социального окружения, такого как экономика, религия и мораль. Достижение этой цели требует отказа в конституционном праве от апелляции к высшим трансцендентным ценностям и использования собственно правовых способов и процедур обоснования решений[66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алекси Р.* Формула веса / пер. с англ. В.В. Архипова // Росс. ежегодник теории права. 2010. № 3 / под ред. А.В. Полякова. СПб., 2011. С. 208–228.
2. *Бажанов А.А.* Обоснование принципа соразмерности в практике Федерального конституционного Суда Германии (1950–1960 гг.) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). Сравнительное и интеграционное право. 2018. № 5 (45). С. 159–168. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.159-168
3. *Бажанов А.А.* Утверждение принципа соразмерности в административном праве Германии (XIX – начало XX в.) // История государства и права. 2018. № 6. С. 71–76. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-6-71-76
4. *Белов С.А.* Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на

[61] *Habermas J.* Op. cit. P. 263.

[62] См.: *Rawls J.* Political Liberalism. NY., 1993. P. 193, 194.

[63] См.: *Habermas J.* Op. cit. P. 256, 257.

[64] См.: *Přibáň J.* Op. cit. P. 453.

[65] Аналогичную позицию см.: *Nishihara H.* Op. cit. P. 13, 14.

[66] См.: *Přibáň J.* Op. cit. P. 455.

пропорциональность // Петербургский юрист. 2016. № 1. С. 64, 65.

5. *Белов С.А.* Способен ли рациональный дискурс обосновать ценностный выбор в праве? // Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 232, 236.
6. *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Балансирование ценностей и ценность балансирования // Вопросы философии. 2021. № 9. С. 13–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-13-24; № 10. С. 53–64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-53-64
7. *Зорькин В.Д.* Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 7, 8, 18.
8. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал росс. права. 2008. № 12. С. 3, 14.
9. *Клочко В.И.* Подходы к определению понятия «конституционные ценности» в теории конституционного права России и зарубежных стран // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2015. № 2. С. 121.
10. *Мёллер К.* Принцип соразмерности: в ответ на критику // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4 (101). С. 92, 93, 95, 96, 103.
11. *Тимошина Е.В., Краевский А.А., Салмин Д.Н.* Методология судебного толкования: инструменты взвешивания в ситуации конкуренции прав человека // Вестник СПбУ. Право. 2015. Вып. 3. С. 4–34.
12. *Финнис Дж.* Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака, А.В. Панихиной. М., 2012. С. 19, 35.
13. *Цакиракис С.* Пропорциональность: посягательство на права человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 56, 62.
14. *Шайо А.* Конституционные ценности в теории и судебной практике: введение // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 5.
15. *Barak A.* Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / transl. from the Hebrew by D. Kalir. Cambridge; NY., 2012. P. 178–210, 245–370. DOI: 10.1017/CBO9781139035293
16. *Beatty D.* The Ultimate Rule of Law. Oxford; NY., 2004. P. 162. DOI: 10.1093/acprof: oso/9780199269808.001.0001
17. *Bernal-Pulido C.* The Migration of Proportionality across Europe // New Zealand Journal of Public and International Law. 2013. Vol. 11. No. 3. P. 483–515.
18. *Bobbio N.* El problema del positivismo jurídico. Buenos Aires, 1965; *Cano R.M.J.* Positivismo ideológico e ideología positivista en Norberto Bobbio: precursor del positivismo ético // Huri-Age. 2009. No. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/43327657_Positivismo_ideologico_e_ideologia_positivista_en_Norberto_Bobbio_precursor_del_positivismo_etico (дата обращения: 10.03.2022).
19. *Cohen E., Ben-Ari E.* Hard Choices: A Sociological Perspective on Value Incommensurability // Human Studies. 1993. Vol. 16. Iss. 3. P. 267–297. DOI: 10.1007/BF01323136
20. *Dworkin R.A.* Matter of Principle. Cambridge, 1985. P. 191.
21. *Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. Iss. 1. P. 167–198.
22. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, 1996. P. 253–259, 263, 545. DOI: 10.7551/mitpress/1564.001.0001
23. *Jackson V.C.* Being Proportional about Proportionality. Book review: The Ultimate Rule of Law. By David M. Beatty. NY., 2004. P. 193 + xvii // Constitutional Commentary. 2004. Vol. 21. Iss. 3. P. 803–859.
24. *Jackson V.C.* Constitution Law in an Age of Proportionality // The Yale Law Journal. 2015. Vol. 124. No. 8. P. 3094–3196.
25. *Keesen J., Ulrich J.* Constitutions – Their Role Through the Ages: Notes on the 59th Meeting of German-Speaking Public Law Assistants in Frankfurt am Main // German Law Journal. 2019. Vol. 20. Iss. 5. P. 749. DOI: 10.1017/glj.2019.59
26. *Lacey N.* The Metaphor of Proportionality // Journal of Law and Society. 2016. Vol. 43. Iss. 1. P. 27–44. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2016.00739x
27. *Lautsch E.R.* Speech at the 2019 Assistententagung: The Open Society of Constitutional Patriots? – How the Grundgesetz as Patriotic Instrument Ousts Political Discourse [Die offene Gesellschaft der Verfassungspatrioten? – Wie das Grundgesetz als patriotische Folie den politischen Diskurs verdrängt] (Feb. 20, 2019).
28. *Nishihara H.* The Significance of Constitutional Values // Potchefstroomse Elektroniese Regsblad / Potchefstroom Electronic Law Journal. 2001. Vol. 4. No. 1. P. 2, 3, 13, 14. DOI: 10.17159/1727-3781/2001/v4i1a2877
29. *Parsons T.* The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. NY., 1937. P. 643.
30. *Perry M.J.* Morality, Politics, and Law: A Bicentennial Essay. NY., 1988. P. 135, 152.
31. *Přibáň J.* Constitutional Values as the Normalisation of Societal Power: From a Moral Transvaluation to a Systemic Self-Valuation // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. Vol. 11. Iss. 2–3. P. 452–455, 457. DOI: 10.1007/s40803-019-00111-4
32. *Rawls J.* Political Liberalism. NY., 1993. P. 193, 194.
33. *Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte // Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. 3 Aufl. Berlin, 2011. S. 9–55.
34. *Schorkopf F.* Value Constitutionalism in the European Union // German Law Journal. 2020. Vol. 21. P. 956–967. DOI: 10.1017/glj.2020.51
35. South Africa's Constitution of 1996 with Amendments through 2012 // CONSTITUTE. URL: https://www.constituteproject.org/countries/Africa/South_Africa?lang=en (дата обращения: 16.02.2022).
36. *Urbina F.J.* A Critique of Proportionality // The American Journal of Jurisprudence. 2012. Vol. 57. Iss. 1. P. 49–80. DOI: 10.1093/ajj/57.1.49
37. *Venter F.* A Hierarchy of Constitutional Values // Konrad Adenauer Stiftung Constitution and Law: Seminar Report III. Johannesburg, 1997. P. 17.

REFERENCES

1. *Alexi R.* Weight formula / transl. from English by V.V. Arkhipov // Russ. yearbook of the theory of law. 2010. No. 3 / ed. by A.V. Polyakov. SPb., 2011. P. 208–228 (in Russ.).
2. *Bazhanov A.A.* Substantiation of the principle of proportionality in the practice of the Federal Constitutional Court of Germany (1950–1960) // Herald of Kutafin University (MGUA). Comparative and Integration Law. 2018. No. 5 (45). P. 159–168. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.159-168 (in Russ.).
3. *Bazhanov A.A.* The assertion of the principle of proportionality in the Administrative Law of Germany (XIX – early XX century.) // History of the state and law. 2018. No. 6. P. 71–76. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-6-71-76 (in Russ.).
4. *Belov S.A.* Rationality of judicial balancing of constitutional values by means of a proportionality test // St. Petersburg Lawyer. 2016. No. 1. P. 64, 65 (in Russ.).
5. *Belov S.A.* Is rational discourse capable of justifying value choice in law? // Jurisprudence. 2014. No. 5 (316). P. 232, 236 (in Russ.).
6. *Gadzhiev G.A., Voynikanis E.A.* Balancing values and the value of balancing // Questions of philosophy. 2021. No. 9. P. 13–24. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-9-13-24; No. 10. P. 53–64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-53-64 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Axiological aspects of the Constitution of Russia // Comparative constitutional review. 2008. No. 4 (65). P. 7, 8, 18 (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Value approach in constitutional regulation of rights and freedoms // Journal of Russ. law. 2008. No. 12. P. 3, 14 (in Russ.).
9. *Klochko V.I.* Approaches to the definition of the concept of "constitutional values" in the theory of Constitutional Law of Russia and foreign countries // Herald of the RUDN. Ser.: Legal Sciences. 2015. No. 2. P. 121 (in Russ.).
10. *Meller K.* The principle of proportionality: in response to criticism // Comparative Constitutional Review. 2014. No. 4 (101). P. 92, 93, 95, 96, 103 (in Russ.).
11. *Timoshina E.V., Kraevsky A.A., Salmin D.N.* Methodology of judicial interpretation: weighing tools in the situation of human rights competition // Herald of the SPbU. Law. 2015. Issue 3. P. 4–34 (in Russ.).
12. *Finnis J.* Natural law and natural rights / transl. from English by V.P. Gaydamak, A.V. Panikhina. M., 2012. P. 19, 35 (in Russ.).
13. *Tsakirakis S.* Proportionality: encroachment on human rights? // Comparative Constitutional Review. 2011. No. 2 (81). P. 56, 62 (in Russ.).
14. *Shaio A.* Constitutional values in theory and judicial practice: introduction // Comparative Constitutional Review. 2008. No. 4 (65). P. 5 (in Russ.).
15. *Barak A.* Proportionality. Constitutional Rights and their Limitations / transl. from the Hebrew by D. Kalir. Cambridge; NY., 2012. P. 178–210, 245–370. DOI: 10.1017/CBO9781139035293
16. *Beatty D.* The Ultimate Rule of Law. Oxford; NY., 2004. P. 162. DOI: 10.1093/acprof: oso/9780199269808.001.0001
17. *Bernal-Pulido C.* The Migration of Proportionality across Europe // New Zealand Journal of Public and International Law. 2013. Vol. 11. No. 3. P. 483–515.
18. *Bobbio N.* El problema del positivismo jurídico. Buenos Aires, 1965; *Cano R.M.J.* Positivismo ideológico e ideología positivista en Norberto Bobbio: precursor del positivismo ético // Huri-Age. 2009. No. 7. URL: https://www.researchgate.net/publication/43327657_Positivismo_ideologico_e_ideologia_positivista_en_Norberto_Bobbio_precursor_del_positivismo_etico (accessed: 10.03.2022).
19. *Cohen E., Ben-Ari E.* Hard Choices: A Sociological Perspective on Value Incommensurability // Human Studies. 1993. Vol. 16. Iss. 3. P. 267–297. DOI: 10.1007/BF01323136
20. *Dworkin R.A.* Matter of Principle. Cambridge, 1985. P. 191.
21. *Gallie W.B.* Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 56. Iss. 1. P. 167–198.
22. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge, 1996. P. 253–259, 263, 545. DOI: 10.7551/mitpress/1564.001.0001
23. *Jackson V.C.* Being Proportional about Proportionality. Book review: The Ultimate Rule of Law. By David M. Beatty. NY., 2004. P. 193 + xvii // Constitutional Commentary. 2004. Vol. 21. Iss. 3. P. 803–859.
24. *Jackson V.C.* Constitution Law in an Age of Proportionality // The Yale Law Journal. 2015. Vol. 124. No. 8. P. 3094–3196.
25. *Keesen J., Ulrich J.* Constitutions – Their Role Through the Ages: Notes on the 59th Meeting of German-Speaking Public Law Assistants in Frankfurt am Main // German Law Journal. 2019. Vol. 20. Iss. 5. P. 749. DOI: 10.1017/glj.2019.59
26. *Lacey N.* The Metaphor of Proportionality // Journal of Law and Society. 2016. Vol. 43. Iss. 1. P. 27–44. DOI: 10.1111/j.1467-6478.2016.00739x
27. *Lautsch E.R.* Speech at the 2019 Assistententagung: The Open Society of Constitutional Patriots? – How the Grundgesetz as Patriotic Instrument Ousts Political Discourse [Die offene Gesellschaft der Verfassungspatrioten? – Wie das Grundgesetz als patriotische Folie den politischen Diskurs verdrängt] (Feb. 20, 2019).
28. *Nishihara H.* The Significance of Constitutional Values // Potchefstroomse Elektroniese Regsblad / Potchefstroom Electronic Law Journal. 2001.Vol. 4. No. 1. P. 2, 3, 13, 14. DOI: 10.17159/1727-3781/2001/v4i1a2877
29. *Parsons T.* The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers. NY., 1937. P. 643.
30. *Perry M.J.* Morality, Politics, and Law: A Bicentennial Essay. NY., 1988. P. 135, 152.
31. *Přibáň J.* Constitutional Values as the Normalisation of Societal Power: From a Moral Transvaluation to a Systemic Self-Valuation // Hague Journal on the Rule of Law. 2019. Vol. 11. Iss. 2–3. P. 452–455, 457. DOI: 10.1007/s40803-019-00111-4
32. *Rawls J.* Political Liberalism. NY., 1993. P. 193, 194.

33. *Schmitt C.* Die Tyrannei der Werte // Schmitt C. Die Tyrannei der Werte. 3 Aufl. Berlin, 2011. S. 9–55.

34. *Schorkopf F.* Value Constitutionalism in the European Union // German Law Journal. 2020. Vol. 21. P. 956–967. DOI: 10.1017/glj.2020.51

35. South Africa's Constitution of 1996 with Amendments through 2012 // CONSTITUTE. URL: https://www.constituteproject.org/countries/Africa/South_Africa?lang=en (accessed: 16.02.2022).

36. *Urbina F.J.* A Critique of Proportionality // The American Journal of Jurisprudence. 2012. Vol. 57. Iss. 1. P. 49–80. DOI: 10.1093/ajj/57.1.49

37. *Venter F.* A Hierarchy of Constitutional Values // Konrad Adenauer Stiftung Constitution and Law: Seminar Report III. Johannesburg, 1997. P. 17.

Сведения об авторе

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

VARLAMOVA Natalia V. –
PhD in Law, associate Professor, leading researcher, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 68–78
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 68–78

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА С ЦАРСКИХ ВРЕМЕН И ДО НАШИХ ДНЕЙ

© 2022 г. В. А. Кряжков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 03.02.2022 г.

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам эволюции правового статуса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (в прошлом имевших разное наименование) за несколько столетий. Показаны особенности их положения: в царской России с момента присоединения к ней сибирских территорий и до принятия Устава об управлении инородцев 1822 г., обеспечившего цивилизованное встраивание сибирских народов в российскую государственность; в СССР, государственная политика которого по отношению к этим сообществам изначально была сориентирована на дореволюционный правовой опыт, а в последующем строилась на основе советских принципов – унификации их жизнедеятельности и опеке, осуществляемой преимущественно без учета культурных ценностей северных народов; в современной России, которая, следуя международным стандартам, закрепляет конституционный статус коренных малочисленных народов, принимает законодательные меры, нацеленные на защиту их прав и развитие в контексте меняющейся действительности. Обращается внимание на проблемные моменты правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: Россия, Устав об управлении инородцев, северные народности в СССР, конституционно-правовой статус коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Цитирование: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России: эволюция правового статуса с царских времен и до наших дней // Государство и право. 2022. № 6. С. 68–78.

При написании статьи использована нормативно-правовая база СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520020523-6

INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE RUSSIAN FAR EAST: THE EVOLUTION OF LEGAL STATUS FROM TSARIST TIMES TO THE PRESENT DAY

© 2022 V. A. Kryazhkov

National Research University "Higher School of Economics", Moscow

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Received 03.02.2022

Abstract. This article is devoted to the evolution of the legal status of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East (which in the past had different names) over several centuries. The features of their position are shown: in tsarist Russia from the moment of the annexation of Siberian territories to it and before the adoption of the Charter on the Management of Foreigners in 1822, which ensured the civilized integration of Siberian peoples into Russian statehood; in the USSR, whose state policy towards these communities was initially oriented towards pre–revolutionary legal experience, and subsequently was based on Soviet principles – unification of their life and guardianship, carried out mainly without taking into account the cultural values of the northern peoples; in modern Russia, which, following international standards, enshrines the constitutional status of indigenous peoples, adopts legislative measures aimed at protecting their rights and development in the context of changing reality. Attention is drawn to the problematic aspects of legal regulation in the field under consideration.

Key words: Russia, the Charter on the Management of foreigners, Northern nationalities in the USSR, the constitutional and legal status of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East.

For citation: *Kryazhkov, V.A. (2022).* Indigenous peoples of the North, Siberia and the Russian Far East: the evolution of legal status from tsarist times to the present day // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 68–78.

When writing the article, the regulatory framework of the legal reference system "ConsultantPlus" was used.

Общая характеристика коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (такое название они обрели в соответствии с действующим российским законодательством) имеют особый правовой статус в Российской Федерации. В плане их общей характеристики отметим следующее:

данные народы находятся в составе Российского государства более 400 лет. Это стало результатом присоединения к нему территорий их проживания (Сибири и Дальнего Востока) в период с XVI по XIX в.[1];

в прошлом указанные народы именовались по-разному: в царский период их называли ясачными, туземцами, иноверцами и инородцами, а в советский – туземными народностями и племенами северных окраин, малыми (малочисленными) народностями Севера и в сокращенном варианте как народы Севера;

к названным народам в настоящее время отнесены алеуты, алюторцы, вепсы, долганы, ительмены, камчадалы, кереки, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, саамы, селькупы, сойоты, тазы, теленгиты, телеуты, тофалары (тофа), тубалары, тувинцы-тоджинцы, удэгейцы, ульчи, ханты, челканцы, чуванцы, чукчи, чулымцы, шорцы, эвенки, эвены (ламуты), энцы, эскимосы, юкагиры – всего 40 народов[2];

каждый из поименованных народов имеет свои культурные, языковые и иные особенности, но им присущи и ряд общих черт. Во-первых, география проживания. Они расселены в северных широтах на больших пространствах (от Кольского полуострова на западе до Чукотки на востоке, в 28 субъектах Российской Федерации[3]) – территориях, которые являются исконными местами их обитания (землями предков). Во-вторых, данные народы малочисленны и находятся в ситуации национального меньшинства по отношению к доминирующему населению. Их численность суммарно составляет более 252 тыс. (с преобладанием сельских жителей), причем если ненцев – среди них самый крупный этнос – 41 тыс., то энцев всего 237 человек[4]. В-третьих, рассматриваемые народы отличают образ жизни и культура, для которых характерны неразрывная связь с землей (территориями исконного проживания), занятие на протяжении веков традиционными промыслами: оленеводством, рыболовством, охотой, сбором дикоросов. Приведенные характеристики объединяют коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в коллективную интерэтническую общность, являющуюся частью многонационального российского народа и народов циркумполярной культуры – США (Аляска), Канады, Дании (Гренландия), Норвегии, Швеции и Финляндии, а также сообщества коренных народов мира в целом.

Обустройство названных народов в силу специфики их состояния и жизнедеятельности уже несколько столетий составляет особое направление политики Российского государства. Это, в частности, находит отражение в принятии правовых актов, обеспечивающих их защиту и самобытное развитие, а также в наделении соответствующих государственных органов полномочиями управлять «аборигенными» делами.

Положение народов присоединенных сибирских территорий к Российскому государству (XVI–XIX вв.)

Присоединяемые к Российскому государству сибирские территории рассматривались как ничейные. Они становились его частью с приходом на них русского человека. При этом для закрепления данных

[1] Для характеристики данного процесса, кроме приведенного, в разные времена использовались также такие понятия, как «завоевание», «колонизация», «включение», «вхождение», «освоение» (см.: *Зуев А.С.* От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 56–63; *Никитин Н.И.* О характере присоединения Сибири к России // Труды ИРИ РАН. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012. С. 53–70).

[2] См.: Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р.) // СЗ РФ. 2006. № 17 (ч. II), ст. 1905.

[3] См.: Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.05.2009 г. № 631-р) // СЗ РФ. 2009. № 20, ст. 2493.

[4] См.: *Соколова З.П., Степанов В.В.* Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписи населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95.

территорий в составе России использовались различные государственно-правовые способы: договоры России с Китаем, включение вошедших в состав России земель в титул российских самодержцев, издание актов о принадлежности открытых земель России, установление на открытых русскими людьми территориях знаков с изображением российского герба, принесение вождями отдельных народов присяги на верность русскому царю, вручение тем или иным народам царских жалованных грамот об условиях их пребывания в России[5].

Собственником земель на данных территориях по действующим в то время законоположениям[6] признавался великий государь, олицетворяющий Московскую государственную власть. Он распоряжался ею, не спрашивая на то согласия прежних обладателей, которые должны были принять это как факт и получать от него разрешение на владение и пользование ранее принадлежавших им земель.

Народы, проживавшие на присоединенных территориях, воспринимались такими же подданными Российского государства нерусского происхождения, как и его иное население[7]. Они жили родами, вели преимущественно бродячий и кочевой образ жизни, занимались звероловством, рыболовством, скотоводством, оленеводством, управлялись своими старейшинами. Им дозволялось по сложившимся обычаям пользоваться землей своих предков, за что нужно было уплачивать дань (ясак) – натуральный налог в виде пушнины. Указанная обязанность рассматривалась в качестве основной для названных народов. Она подтверждала их связь с Российским государством и подчинение (признание) его власти.

Сбор ясака с инородцев был реальным мотивом первоначальной колонизации Сибири, поскольку доходы от него, например, в XVII в. превышали ¼ всего государственного дохода того времени[8]. Его важность как источника наполнения казны подчеркивалась тем, что правительство запрещало другим своим подданным промышлять зверей в инородческих землях.

Первоначально ясак брали со всех членов инородческой семьи по принципу «что принесут». Первый опыт регламентации ясачных отношений обнаруживается только в XVIII в.[9]

Попав в списки «ясашных» инородцев, отмечает Л.Н. Гумилев, местный житель получал от центрального правительства гарантии защиты жизни и имущества. Никакой воевода не имел права его казнить: при любых преступлениях дело посылалось на рассмотрение в Москву, а Москва смертных приговоров аборигенам никогда не утверждала[10].

В целом на начальном этапе встраивания сибирских народов в российскую государственность (XVII–XVIII вв.) влияние на них государства было незначительным. Только позднее, в XIX в., создаются правовые условия для совмещения традиционных форм общественного устройства названных народов с государственными институтами. Таким определяющим условием стало принятие Устава об управлении инородцев от 22 июня 1822 г.[11], подготовленного сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским (1772–1839) при участии своего сотрудника Г.С. Батенькова (1793–1863), в качестве одного из 10 законодательных актов, составивших особое «Сибирское учреждение» – основной закон Сибири, нацеленный на проведение реформ в данном регионе[12].

Названный Устав представлял собой уникальный, доброжелательный по духу кодификационный акт, состоящий из четырех частей, 43 глав и 372 параграфов и имеющий верховенство по отношению к иным законам. Согласно этому акту инородцами признавались перечисленные в нем сибирские племена. Они, являясь подданными империи, не подчинялись общему законодательству и сохраняли особое управление. Такой статус предопределялся невысокой степенью гражданского развития инородцев, их образом жизни и особенностями быта, а также рассматривался как способ мирного сосуществования с ними русского населения[13].

Своеобразие юридического положения инородцев обусловливалось их принадлежностью к определенному племени. Поэтому считалось, что «можно только родиться инородцем, но нельзя им

---

[5] См.: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 31, 32.

[6] См.: Соборное уложение 1649 г. (ст. 41–43 гл. XVI) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты земских соборов. С. 351.

[7] О статусе инородцев в составе Московского государства см.: *Фирсов Н.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

[8] См.: *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М., 1996. С. 448.

[9] См.: Инструкция от 4 июня 1763 г. лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву // Памятники права Саха (Якутия): сб. документов и материалов: в 2 ч. / отв. ред. М.М. Федоров. Якутск, 1994. С. 13–23.

[10] См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб., 1992. С. 227.

[11] См.: Полный свод законов Российской империи с 1649 г. Т. 38. № 29.126. 1822–23 гг. С. 394–417.

[12] См.: Памятники права Саха (Якутия). С. 98; Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.Н. Ремнев. М., 2007. С. 84–94.

[13] См.: *Градовский А.* Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. I. Государственное устройство. С. 399, 400; *Кавелин К.Д.* Этнография и правоведение. СПб., 1898. Т. 4. С. 690.

сделаться»[14]. Соответственно, был один путь получения прав указанного состояния – сообщение, т.е. передача этих прав лицом, их имеющим, своему потомству.

По Уставу инородцы делились на три разряда: оседлые, т.е. живущие в городах и селениях; кочевые, занимающие определенные места, сменяемые в зависимости от времени года; бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам. Приписка к разряду предопределяла соответствующие права и обязанности инородцев. Оседлые инородцы уравнивались в этом отношении с русскими того сословия, куда они вступали, и управлялись на основании общих узаконений и учреждений.

Кочевые инородцы составляли особое сословие. Им гарантировалось: возможность по собственной воле заняться хлебопашеством и перейти на оседлость; выделение для хозяйственной деятельности во владение земель, на которых русским запрещалось селиться; право найма в частную работу; право на управление собственными родоначальниками на основе своих степных законов и обычаев; особая юрисдикция в местах проживания инородцев, согласно которой только уголовные преступления рассматривались в присутственных местах и по общим государственным установлениям, а все прочие дела считались исковыми и разрешались родовыми управлениями в режиме словесных судов; уплата подати по особому положению с числа душ; освобождение от рекрутской повинности; право свободной торговли; свобода в вероисповедании и богослужении; право отдавать своих детей в правительственные учебные заведения, заводить собственные школы при наличии соответствующих позволений; право каждому из инородцев и целым народам приносить в учрежденные места жалобы на стеснения и обиды; ознакомление со своими правами, в т.ч. на собственном языке или на языке сходном и им понятном. Бродячие инородцы обладали такими же правами, что и кочующие, но с некоторыми изъятиями и ограничениями.

Устав закреплял также обязанности органов власти и должностных лиц, сформулированные как «наказ управлениями инородцами». Для оседлых инородцев не делалось каких-либо исключений. Применительно к кочующим и бродячим инородцам предлагалось принимать во внимание их особенности (непостоянство места жительства, степень образования, простота нравов, особые обычаи, образ пропитания и др.) и сообразно с ними выстраивать отношения с этими сообществами.

В 1892 г. Устав был трансформирован в Положение об инородцах, включавшее 588 статей и обширные приложения к ним[15]. Данный акт повторял многие параграфы ранее действовавшего Устава. Положение 1907 г. о выборах в Государственную думу наделило кочевых инородцев избирательными правами[16].

Вопросы, связанные с инородцами, долгое время находились в ведении Министерства иностранных дел. Впоследствии они были переданы Министерству государственных имуществ, а затем Министерству внутренних дел, которому (в лице его Главного Управления землеустройства и земледелия) предписывалось заниматься поземельным устройством инородцев, вести дела, связанные с их землеустройством и землепользованием, осуществлять попечительство над ними и заведование принадлежавшими им капиталами[17].

В целом, оценивая царское законодательство об инородцах, отметим, что оно не было идеальным, не спасало их от бесправия, экономической беспомощности и вымирания[18]. Сложности в обретении прав порождали нечеткость критериев отнесения инородцев к тому или иному разряду. Некоторые ограничения и запреты, нацеленные на их защиту, были только на бумаге (например, доступ купцов к ним и запрет на продажу им спиртных напитков), а попечительство администрации над ними заметно сужало их правоспособность в различных сферах жизни[19].

Вместе с тем нельзя не видеть, что Россия впервые в мировой практике предлагала собственное цивилизованное юридическое решение аборигенных проблем. Правовое регулирование в данной сфере носило достаточно концептуальный и комплексный характер. Государство признавало и считалось с особенностями сибирских народов. Определяя их статус, оно исходило из идеи ограниченного, осторожного вмешательства общества и государственных институтов в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику названных народов. Формирование у них новых общественных порядков и ценностей только поощрялось, но не

[14] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1. С. 355.

[15] См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Кн. первая. Т. I–III. С. 531–586.

[16] См.: там же. С. 48–99.

[17] См.: там же. С. 277–288.

[18] См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. XIII. С. 225. Не случайно положение инородцев в России использовалось В.И. Лениным как иллюстрация бесправия её населения (см.: *Ленин В.И.* Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318).

[19] См.: Энциклопедический словарь. 7-е, совершенно перераб. изд. М., 1910–1948. Т. 24. С. 322; *Кавелин К.Д.* Указ. соч. С. 692.

форсировалось[20]. Однако уже в конце XIX в. идеи «обрусения инородцев» (подчинения общероссийским законам) высказывались все более настойчиво и получали определенное воплощение, например, в виде замены аборигенного самоуправления на управы по типовому образцу, усиления контроля за их местом жительства посредством введения обязанности лицам коренного населения иметь паспорта и ускоренного перевода кочевых инородцев в разряд оседлых[21].

Малочисленные народности (народы) Севера в СССР

В 1917 г. в результате государственного переворота, именуемого революцией, возникло новое государство – Российская Советская Республика (РСФСР), а в 1922 г. был образован Союз Советских Социалистических Республик (СССР), членом которого стала РСФСР. Советская власть одним из своих первых декретов – Декретом Совета Народных Комиссаров от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. «О суде»[22] допускала применение царских законов лишь постольку, поскольку таковые «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Отменялись все законы, противоречащие декретам органов советской власти, а также программам Российской социал-демократической партии и партии социалистов-революционеров. Из этого следует, что ранее действующее российское законодательство об инородцах могло не применяться.

В таких условиях начинает складываться новая политика в отношении северных народов. Она основывалась на Декларации прав народов России (принята СНК 15 (2) ноября 1917 г.)[23], которая провозглашала равенство и суверенность народов, их свободное самоопределение, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. Данные положения в схожих формулировках закреплялись в Конституции РСФСР 1918 г. (п. 22)[24] и Конституции РСФСР 1925 г. (п. 13)[25]. При этом народам Севера гарантировались названные права, предлагалось самим определять свои судьбы[26].

Государственно-правовое обустройство северных народов в начальный советский период происходило преимущественно на основе модифицированного заимствования царских законоположений об инородцах. Они воспроизводились в различных правовых актах, в частности:

во Временном положении об управлении туземных народностей и племен северных окраин (утв. постановлением ВЦИК и СНК от 25.10.1926 г.[27]). Им определялись места расселения и поименный состав 40 народностей и племен, на которых распространялось Положение, устанавливались органы туземного управления и их полномочия;

в постановлении Президиума ЦИК СССР от 1 июня 1927 г. «О возложении судебных функций на туземные органы управления северных окраин»[28]. На его основе туземные органы управления могли отправлять правосудие по определенному кругу уголовных и гражданских дел, руководствуясь местными обычаями, если они не противоречили положениям законодательства;

в постановлении ЦИК и СНК от 28 марта 1928 г. «О налоговых льготах племенам, населяющим северные окраины Союза ССР»[29]. В соответствии с ним граждане, принадлежащие к северным народностям, временно и в пределах освоенных ими территорий не облагались государственным и промысловым налогом при занятии охотничьим и рыбным промыслом, а также кустарными промыслами и ремеслами при помощи членов семьи или с наемными рабочими в количестве не более трех человек, а доходы от этих занятий не включались в доход, облагаемый подоходным налогом;

в актах об охоте, в которых для народов Севера устанавливался особый правовой режим её ведения. В частности, для них вводилось право беспошлинной охоты, были сняты возрастные ограничения, они освобождались от получения свидетельств на право охоты[30].

Новые подходы к решению проблем северных народов складываются в 30-е годы. Начинается

[20] См.: *Конев А. Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской Империи (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. М., 1995. С. 90, 91; *Кодан С. В.* Российское государство и коренные народы: исторический опыт правового регулирования // Росс. юрид. журнал. 1993. № 2. С. 95, 96.

[21] См.: Сибирь в составе Российской Империи. С. 235–243; История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А. Б. Зубова. М., 2009. С. 132.

[22] См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124–126.

[23] См.: там же. С. 39–41.

[24] См.: СУ РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.

[25] См.: СУ РСФСР. 1925. № 30, ст. 218.

[26] См.: Обращение ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1919 г. «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» // Сибирский революционный комитет (Сибревком), август 1919 – декабрь 1925 гг.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 26–28.

[27] См.: СУ РСФСР. 1926. № 73, ст. 575.

[28] См.: СЗ СССР. 1927. № 32, ст. 330.

[29] См.: СП СССР. 1928. № 21, ст. 186.

[30] См.: СУ РСФСР. 1919. № 21, ст. 256; 1920. № 66, ст. 297.

период «советизации» обустройства их жизни. Его суть в главном заключалась в замещении этнического самоуправления государственным управлением, принятии мер, обеспечивающих форсированную интеграцию этих народов в советскую систему общественных отношений.

Первым шагом в указанном направлении можно считать образование на территории расселения малых народностей Севера национальных округов и национальных районов[31]. Они были созданы по инициативе сверху для некоторых из этих народностей: долганов, коряков, чукчей, хантов, манси, ненцев, эвенков, алеутов, юкагиров; представляли собой форму национального административного объединения; призваны были способствовать выравниванию положения северных народов с другими народами России, их консолидации и росту самосознания, гарантировать им известную самостоятельность и защиту. Фактически же данные образования стали проводниками общегосударственной политики, нацеленной не столько на сохранение самобытной культуры названных народов, сколько на их ассимиляцию.

Процессы, связанные с унификацией жизнедеятельности северных народов, были продолжены в последующие десятилетия вплоть до конца 80-х годов[32]. Это, в частности, проявлялось в том, что:

Конституции СССР (1936 и 1977 гг.) и РСФСР (1937 и 1978 гг.) не упоминают национальные меньшинства и малочисленные народы Севера как носителей особых прав;

создавались колхозы и совхозы как формы хозяйственной деятельности северных народов. Это сопровождалось экспроприацией оленей, насильственным переводом кочевников на оседлый образ жизни, ликвидацией национальных деревень и стойбищ с переселением их жителей в укрупненные населенные пункты, отлучением детей от родителей для воспитания в школах-интернатах. Такие меры радикально меняли многовековой уклад жизни названных этнических сообществ;

появление у северных народов письменности и ликвидация среди них безграмотности осуществлялись на основе русификации образовательного и воспитательного процесса и утраты родных языков, что размывало этническую самоидентификацию лиц из числа данных народов;

интенсивное промышленное освоение Севера, начавшееся в 60-е годы, происходило без соблюдения необходимых экологических стандартов и учета потребностей коренных народов, что способствовало сокращению и ухудшению их жизненного пространства, сказывалось на возможностях ведения традиционной хозяйственной деятельности;

после упразднения Комитета содействия народностям северных окраин (он функционировал в РСФСР с 1924 по 1936 г.)[33] в системе государственного управления на республиканском уровне несколько десятилетий отсутствовал орган с полноценными полномочиями по делам народов Севера.

Таким образом, малочисленные народы Севера находились в поле зрения Советского государства. В отношении них проводилась особая политика, которая первоначально строилась с учетом самобытности этих народов и рецепции дореволюционного права, а в последующем все более унифицировалась и была сведена к опеке, которая осуществлялась преимущественно на основе отрицания культурных ценностей северных народов.

Конституционно-правовое положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в современной России

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия под влиянием идей перестройки (гласности, демократии, общечеловеческих ценностей), а также признания прав коренных народов на международном уровне[34] в СССР начинает формироваться новое понимание статуса малочисленных народов Севера[35]. Этот процесс после распада Союза ССР ускорился в Российской Федерации, которая в Конституции 1993 г. установила: «Российская Федерация гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» (ч. 1 ст. 69).

---

[31] См.: постановление ВЦИК от 15.07.1929 г. «О составе округов и районов Северного края и их центрах» // СУ РСФСР. 1929. № 61, ст. 606; постановление ВЦИК от 10.12.1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» // СУ РСФСР. 1931. № 8, ст. 98.

[32] См.: *Петров Ю.Д.* Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. М., 1998. С. 18–65; *Гоголев П.В.* Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014. С. 26–35.

[33] См.: СУ РСФСР. 1924. № 57, ст. 556; 1936. № 6, ст. 27.

[34] См.: Конвенция МОТ от 27.06.1989 г. № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990. Женева, 1991. Т. II. С. 2193–2207.

[35] Об этом свидетельствуют, например, намерение СССР ратифицировать Конвенцию МОТ № 169, а также принятые в этот период правовые акты, нацеленные на создание территорий традиционного природопользования и улучшение социально-экономических условий жизни малочисленных народов Севера (см.: *Кряжков В.А., Гарипов Р.Ш.* Конвенция МОТ 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 9. С. 55).

Анализируя приведенное положение, обратим внимание на следующее:

1. Коренные малочисленные народы впервые признаются в качестве самостоятельных субъектов конституционного права. Это само по себе повышает степень их государственной защиты, становится фактором роста самосознания и консолидации данного сообщества, что проявляется, например, в смене этнических предпочтений (лица из смешанных браков все чаще относят себя к представителям названных народов[36]) и формировании собственных объединений, нацеленных на защиту аборигенных прав и интересов[37].

2. Вместо советского понятия «малочисленные народности Севера» используется новое – «коренные малочисленные народы». Такое их наименование означает, что они:

а) народы, а не народности или национальные меньшинства, и в юридическом смысле уравнены с иными российскими народами;

б) коренные народы, что обозначает признание их связи с территориями исконного проживания и возможность распространения на них соответствующих международно-правовых документов о коренных народах;

в) малочисленные коренные народы, в чем отражается специфика России, где кроме названных народов есть и иные коренные народы – якуты, буряты и подобные им относительно многочисленные этнические сообщества, которые имеют свою государственность в форме республик[38], обеспечивающих их устойчивое развитие.

Конкретизируя приведенные характеристики, Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[39] определил, что коренные малочисленные народы – это народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями (ст. 1).

3. Соответствие этнического сообщества приведенным характеристикам предопределяет возможность его отнесения к коренному малочисленному народу. Это сопряжено с прохождением процедуры государственного признания названного статуса, которая состоит в том, что данное сообщество, согласно ст. 1 упомянутого Закона, должно быть включено в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации. Первично указанный Перечень, подготовленный Министерством по делам федерации и национальностей РФ на основании предложений органов государственной власти субъектов Российской Федерации, на территориях которых проживают эти народы, был утвержден постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255[40]. В настоящий момент в нем прописано 48 народов, из которых 40 народов (они поименно перечислены выше) специальным распоряжением Правительства РФ были выделены в отдельный Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Механизм изменения и дополнения Единого перечня примерно такой же, как и его изначальное формирование и утверждение.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что коллективное право народов на самоидентификацию непосредственно юридически не закрепляется, но оно подразумевается, поскольку допускается возможность получения статуса коренного малочисленного народа. При этом, однако, отношения, связанные с самоидентификацией народов и постановкой ими вопроса о признании их в качестве самостоятельного коренного малочисленного народа, не имеют правовой регламентации. По сложившемуся обыкновению сообщество, желающее обрести статус названного народа, через уполномоченных лиц и организаций информирует о своих требованиях органы государственной власти субъекта Российской Федерации. Указанные органы, в свою очередь, обращаются за экспертной оценкой в академические институты и федеральное ведомство по национальной политике о соответствии этнического сообщества критериям коренного малочисленного народа. При положительных заключениях орган государственной власти субъекта Российской Федерации вносит в федеральные органы государственной власти представление о признании соответствующего этноса в качестве коренного малочисленного народа. Окончательное решение – включать его в общероссийский Единый перечень данных народов или не включать – принимает Правительство РФ. В складывающейся процедуре признания статуса коренного малочисленного народа

[36] См.: *Соколова З.П., Степанов В.В.* Указ. соч. С. 86.

[37] По состоянию на 2020 г. в Российской Федерации зарегистрированы Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и 33 ее члена – региональные ассоциации и подобные им объединения данных народов (см.: URL: http://raipon.info/), создано 1125 общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (см.: URL: https://egrul.nalog.ru/index.html) и семь национально-культурных автономий этих народов (см.: URL: http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx).

[38] О характеристике народов, давших имя соответствующей республике в Российской Федерации, как коренных народах см.: *Кряжков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (На примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 100, 101.

[39] См.: СЗ РФ. 1999. № 18, ст. 2208.

[40] См.: СЗ РФ. 2000. № 14, ст. 1493.

имеет место широкое усмотрение государственных органов в решении рассматриваемого вопроса при отсутствии гарантий права народов на этническую самоидентификацию. Примером в данном отношении могут служить случаи отказа коми-ижемцам и поморам в обретении указанного статуса по той причине, что они не являются обособленными этносами[41].

4. Россия берет на себя обязательства гарантировать права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. В настоящее время Российская Федерация юридически обязательными для себя признает лишь некоторые из международно-правовых актов, закрепляющих права коренных народов (например, Конвенцию 1992 г. о биологическом разнообразии[42]). Не имеют такой силы Конвенция МОТ № 169 (она не ратифицирована Россией) и Декларация ООН о правах коренных народов 2007 г. (к ней официальные власти демонстрируют осторожное отношение), которые представляют собой свод актуальных основных прав коренных народов и отвечают их ожиданиям. При этом, отметим, возможность российских органов государственной власти следовать установкам названных актов не находится под запретом, более того, в силу положений Конституции РФ (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17) должна приветствоваться.

5. Российская Федерация, ориентируясь на международно-правовые стандарты, призвана гарантировать права коренных малочисленных народов. Одним из способов этого гарантирования является юридическое закрепление данных прав. Они не получают прямого отражения в Конституции РФ, но она определяет, что защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей составляет предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «м» ч. 1 ст. 72)[43]. Из этой нормы следует, что по названному предмету (кругу вопросов) издаются федеральные законы и принимаются в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (ч. 2 ст. 76 Конституции РФ).

В настоящее время федеральными законами установлено[44], что коренные малочисленные народы, и прежде всего народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, имеют право: на пользование землей, участие в осуществлении контроля за ее использованием, за соблюдением природоохранного законодательства, а также в решении вопросов защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, в проведении экологических и этнологических экспертиз, получение возмещения убытков за причиненный ущерб их исконной среде обитания в результате хозяйственной деятельности, на сохранение и развитие своей самобытной культуры, социальное и медицинское обслуживание, создание общин и иных объединений, территориальное общественное самоуправление, судебную защиту прав с учетом традиций и обычаев этих народов, на установление и развитие связей с представителями коренных народов, проживающими в России и за ее пределами, а также на создание территорий традиционного природопользования, приоритетное пользование животным миром, на традиционное рыболовство и охоту, на пользование объектами животного мира и объектами водных биологических ресурсов без налоговых обременений. При этом названные права, если принять во внимание складывающуюся практику Конституционного Суда РФ, по умолчанию истолковываются им как имеющие конституционное значение и подлежащие защите в порядке конституционного судопроизводства[45]. Такой подход вполне оправдан с учетом конституционного статуса коренных малочисленных народов и понимания того, что их специальные права, по сути, производны от основных прав и свобод человека и гражданина[46].

---

[41] См.: *Соколовский С.В.* Политика признания коренных народов в международном праве и законодательстве Российской Федерации. М., 2016. С. 45, 46.

[42] Ратифицирована Федеральным законом от 17.02.1995 г. (см.: СЗ РФ. 1996. № 19, ст. 2254).

[43] В развитие указанного положения Федеральный закон от 21.12.2021 г. «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (см.: Росс. газ. 2021. 27 дек.) закрепляет по данным предметам ведения в качестве специального полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации решение вопросов организации и обеспечения защиты прав, исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации (п. 103 ч. 1 ст. 44).

[44] В систематизированном виде данные законы см.: Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство: в 2 т. Т. 1. Кн. 5 / сост. В.А. Кряжков. М.– Салехард, 2013. С. 234–559.

[45] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.05.2019 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона “Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Г.К. Щукина» // СЗ РФ. 2019. № 22, ст. 2902; постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2021 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3 Федерального закона “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” и части 1 статьи 19 Федерального закона “Об охоте и сохранении охотничьих ресурсов и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А.Ф. Данилова // СЗ РФ. 2021. № 28 (ч. II), ст. 5631.

[46] См.: *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. С. 163, 164, 491–497.

Федеральные правовые установления о правах и гарантиях коренных малочисленных народов дополняются законодательством субъектов Российской Федерации[47]. В некоторых случаях оно включает правовые акты, не имеющие аналогов на федеральном уровне, например, об этнологической экспертизе (Республика Саха (Якутия)), об оленеводстве (Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа и иные субъекты Российской Федерации, где осуществляется данный вид традиционной хозяйственной деятельности), о фольклоре, священных местах и объектах культурного наследия коренных малочисленных народов Севера (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа).

Номенклатура прав коренных малочисленных народов, закрепленных в российском законодательстве, как показывает анализ, пока заметно уступает перечню прав, записанных в Конвенции МОТ № 169 и Декларации ООН о правах коренных народов[48]. В большинстве своем они декларативны, не имеют необходимой нормативно-правовой конкретизации и надлежащего государственного контроля, что затрудняет возможность пользования ими. За последнее десятилетие наблюдается тенденция сужения ранее установленных «аборигенных» прав[49], замещения публично-правовых начал законодательства о коренных малочисленных народах частноправовым регулированием, сохраняется рассогласованность законодательства о коренных малочисленных народах с отраслевым законодательством в сферах землепользования, недропользования и природопользования[50].

6. Гарантирование Российской Федерацией прав коренных малочисленных народов проявляется и в том, что данная проблематика выделяется в качестве одного из направлений деятельности органов государственного управления. После принятия Конституции РФ соответствующими полномочиями в этой сфере наделялись различные федеральные органы исполнительной власти – Государственный комитет по делам Севера (1993–2000), Министерство по делам национальностей и региональной политике (1994–1998), Министерство национальной политики (1998–1999), Министерство по делам федерации и национальностей (1999–2000), Министерство региональной политики (1998–1999, 2004–2009), Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политике (2000–2005), Министерство экономического развития и торговли (2000–2004), Министерство культуры (2014–2015). С 2015 г. по настоящее время вопросы защиты прав коренных малочисленных народов находятся в ведении Федерального агентства по делам национальностей[51]. Такое разнообразие ведомств, занимающихся делами коренных малочисленных народов, частая их смена и «прописка» данных народов в разнонаправленных государственных структурах (в отдельные периоды одновременно в нескольких из них) свидетельствует о проблемах понимания специфики коренных народов и их потребностей и само по себе не отвечает критериям управленческой эффективности.

Заключение

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока за несколько столетий в составе России стали органичной частью ее многонационального народа. Однако они, пережив колонизацию, советизацию и смену общественного строя в 90-е годы, не растворились в доминирующем сообществе и не утратили своей специфики. Это свидетельствует о способности данных народов адаптироваться к изменяющимся условиям, а также отражает роль государства, которое в каждый период по-своему стремилось смягчить их трудности.

И в настоящее время Российская Федерация не снимает с себя ответственность за устойчивое развитие коренных малочисленных народов. Более того, в отличие от прошлых лет, данная ответственность имеет международно-правовые основания. При этом оказание названным народам поддержки обусловлено тем, что их традиционный образ жизни и самобытная культура по-прежнему находятся под угрозой из-за происходящих в мире процессов: глобализации, потепления в северных широтах в результате климатических изменений, возрастания промышленной активности в Арктике. Складывающаяся ситуация требует от государства последовательности и принятия мер, которые реально гарантировали бы коренным народам их жизненно важные права на исконные земли (территории) и приоритетное природопользование, на защиту среды обитания, получение компенсаций за нанесенный ей ущерб, на эффективное участие в принятии соответствующих законодательных и иных решений при уважительном отношении к их мнению, на

[47] См.: Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство: в 2 т. Т. 2. Кн. 5.

[48] См.: *Кряжков В.А., Гарипов Р.Ш.* Указ. соч. С. 57–62; *Гарипов Р.Ш.* Декларация ООН о правах коренных народов и законодательство Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2013. С. 322–325.

[49] См.: *Кряжков В.А.* Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования // Там же. С. 48–52.

[50] См.: *Филиппова Н.А.* Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2021. Вып. 2 (32) С. 141–151.

[51] См.: Положение о Федеральном агентстве по делам национальностей (утв. постановлением Правительства РФ от 18.04.2015 г. № 368) // СЗ РФ. 2015. № 17 (ч. IV), ст. 2564.

сохранение своих культурных ценностей. Это те меры, которые будут способствовать сохранению северных народов как самобытных этнических сообществ человеческой цивилизации, включенных в контекст постоянно меняющей действительности[52].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарипов Р.Ш.* Декларация ООН о правах коренных народов и законодательство Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2013. С. 322–325.
2. *Гоголев П.В.* Конституционно-правовые основы государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М., 2014. С. 26–35.
3. *Градовский А.* Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. I. Государственное устройство. С. 399, 400.
4. *Гумилев Л.Н.* От Руси до России. СПб., 1992. С. 227.
5. Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 39–41, 124–126.
6. *Зуев А.С.* От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 56–63.
7. Инструкция от 4 июня 1763 г. лейб-гвардии Семеновского полка секунд-майору Щербачеву // Памятники права Саха (Якутия): сб. документов и материалов: в 2 ч. / отв. ред. М.М. Федоров. Якутск, 1994. С. 13–23.
8. История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А.Б. Зубова. М., 2009. С. 132.
9. *Кавелин К.Д.* Этнография и правоведение. СПб., 1898. Т. 4. С. 690, 692.
10. *Кодан С.В.* Российское государство и коренные народы: исторический опыт правового регулирования // Росс. юрид. журнал. 1993. № 2. С. 95, 96.
11. *Конев А.Ю.* Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской Империи (XVIII – начало XX вв.). 2-е изд. М., 1995. С. 90, 91.
12. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 1. С. 355.
13. *Кряжков В.А.* Законодательство о коренных малочисленных народах Севера: современное состояние и пути совершенствования // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2013. С. 48–52.
14. *Кряжков В.А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М., 2010. С. 31, 32, 163, 164, 491–497.
15. *Кряжков В.А.* Право народов на самоопределение в Российской Федерации (На примере Республики Карелия) // Государство и право. 2020. № 4. С. 100, 101.
16. *Кряжков В.А., Гарипов Р.Ш.* Конвенция МОТ 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. 2019. № 9. С. 55, 57–62.
17. *Ленин В.И.* Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 318.
18. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А.Я. Дегтярев. М., 1996. С. 448.
19. *Никитин Н.И.* О характере присоединения Сибири к России // Труды ИРИ РАН. Вып. 10 / отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2012. С. 53–70.
20. Обращение ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1919 г. «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» // Сибирский революционный комитет (Сибревком), август 1919 – декабрь 1925 гг.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. С. 26–28.
21. Памятники права Саха (Якутия): сб. документов и материалов: в 2 ч. / отв. ред. М.М. Федоров. Якутск, 1994. С. 98.
22. *Петров Ю.Д.* Малочисленные народы Севера: государственная политика и региональная практика. М., 1998. С. 18–65.
23. Сибирь в составе Российской Империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.Н. Ремнев. М., 2007. С. 84–94, 235–243.
24. Соборное уложение 1649 г. (ст. 41–43 гл. XVI) // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1985. Т. 3. Акты земских соборов. С. 351.
25. *Соколова З.П., Степанов В.В.* Коренные малочисленные народы Севера. Динамика численности по данным переписи населения // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 75–95.
26. *Соколовский С.В.* Политика признания коренных народов в международном праве и законодательстве Российской Федерации. М., 2016. С. 45, 46.
27. Статус коренных малочисленных народов России. Международные правовые акты и российское законодательство: в 2 т. Т. 1. Кн. 5 / сост. В.А. Кряжков. М.– Салехард, 2013. С. 234–559; т. 2.
28. *Филиппова Н.А.* Современные институты права коренных малочисленных народов и новейшие тенденции их развития в России // Вестник Сургутского гос. ун-та. 2021. Вып. 2 (32) С. 141–151.
29. *Фирсов Н.* Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.
30. Энциклопедический словарь. 7-е, совершенно перераб. изд. М., 1910–1948. Т. 24. С. 322.
31. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. XIII. С. 225.

[52] Некоторые из таких мер находят отражение в новейшем российском законодательстве (см., напр.: Федеральный закон от 13.07.2020 г. «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» (ст. 28) // СЗ РФ. 2020. № 29, ст. 4503; Положение о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами (утв. постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 г. № 1488) // СЗ РФ. 2020. № 39, ст. 6065; Программа государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации, осуществляемой в Арктической зоне Российской федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 15.04.2021 г. № 978-р // СЗ РФ. 2021. № 17, ст. 3007).

REFERENCES

1. *Garipov R.S.* The UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples and the legislation of the Russian Federation // The current state and ways of development of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. M., 2013. P. 322–325 (in Russ.).
2. *Gogolev P.V.* Constitutional and legal foundations of state policy in relation to indigenous minorities of the North, Siberia and the Russian Far East. M., 2014. P. 26–35 (in Russ.).
3. *Gradovsky A.* The beginnings of Russian state law. SPb., 1875. Vol. I. State structure. P. 399, 400 (in Russ.).
4. *Gumilev L.N.* From Russia to Russia. SPb., 1992. P. 227 (in Russ.).
5. Decrees of Soviet power. M., 1957. Vol. 1. P. 39–41, 124–126 (in Russ.).
6. *Zuev A.S.* From Conquest to entry, or How Soviet historians annexed Siberia to Russia // Rodina. 2000. No. 5. P. 56–63 (in Russ.).
7. Instruction of June 4, 1763 of the Life Guards of the Semenovsky regiment to Major-General Shcherbachev // Monuments of the Law of Sakha (Yakutia): collection of documents and materials: in 2 parts / ed. by M.M. Fedorov. Yakutsk, 1994. P. 13–23 (in Russ.).
8. History of Russia. XX century: 1894–1939 / ed. by A.B. Zubov. M., 2009. P. 132 (in Russ.).
9. *Kavelin K.D.* Ethnography and jurisprudence. SPb., 1898. Vol. 4. P. 690, 692 (in Russ.).
10. *Kodan S.V.* The Russian state and indigenous peoples: historical experience of legal regulation // Russ. legak journal. 1993. No. 2. P. 95, 96 (in Russ.).
11. *Konev A. Yu.* Indigenous peoples of North-Western Siberia in the administrative system of the Russian Empire (XVIII – early XX centuries). 2nd ed. M., 1995. P. 90, 91 (in Russ.).
12. *Korkunov N.M.* Russian State Law. SPb., 1909. Vol. 1. P. 355 (in Russ.).
13. *Kryazhkov V.A.* Legislation on indigenous peoples of the North: current state and ways of improvement // The current state and ways of development of the indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. M., 2013. P. 48–52 (in Russ.).
14. *Kryazhkov V.A.* Indigenous small peoples of the North in Russian law. M., 2010. P. 31, 32, 163, 164, 491–497 (in Russ.).
15. *Kryazhkov V.A.* The right of peoples to self-determination in the Russian Federation (On the example of the Republic of Karelia) // State and Law. 2020. No. 4. P. 100, 101 (in Russ.).
16. *Kryazhkov V.A., Garipov R.S.* ILO Convention 169 and Russian legislation on indigenous small-numbered peoples // State and Law. 2019. No. 9. P. 55, 57–62 (in Russ.).
17. *Lenin V.I.* Socialism and war // Lenin V.I. Full collection of works. Vol. 26. P. 318 (in Russ.).
18. *Lyubavsky M.K.* Review of the history of Russian colonization from ancient times to the twentieth century / ed. A. Ya. Degtyarev. M., 1996. P. 448 (in Russ.).
19. *Nikitin N.I.* On the nature of the annexation of Siberia to Russia // Proceedings of the IRI RAS. Issue 10 / ed. Yu. A. Petrov. M., 2012. P. 53–70 (in Russ.).
20. Appeal of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR dated August 16, 1919 "To the workers, peasants, the foreign population and the labor Cossacks of Siberia" // Siberian Revolutionary Committee (Sibrevkom), August 1919 – December 1925: collection of documents and materials. Novosibirsk, 1959. P. 26–28 (in Russ.).
21. Monuments of the law of Sakha (Yakutia): collection of documents and materials: in 2 parts / ed. by M.M. Fedorov. Yakutsk, 1994. P. 98 (in Russ.).
22. *Petrov Yu. D.* Small peoples of the North: State policy and regional practice. M., 1998. P. 18–65 (in Russ.).
23. Siberia as part of the Russian Empire / ed. L.M. Dameshek, A.N. Remnev. M., 2007. P. 84–94, 235–243 (in Russ.).
24. The Cathedral Code of 1649 (Articles 41–43 of Chapter XVI) // Russian legislation of the X – XX centuries: in 9 vols. M., 1985. Vol. 3. Acts of Zemstvo councils. P. 351 (in Russ.).
25. *Sokolova Z.P., Stepanov V.V.* Indigenous peoples of the North. Population dynamics according to census data // Ethnographic review. 2007. No. 5. P. 75–95 (in Russ.).
26. *Sokolovsky S.V.* Policy of recognition of indigenous peoples in International Law and legislation of the Russian Federation. M., 2016. P. 45, 46 (in Russ.).
27. The status of the indigenous peoples of Russia. International legal acts and Russian legislation: in 2 vols. Vol. 1. Book 5 / comp. V.A. Kryazhkov. M.– Salekhard, 2013. P. 234–559; vol. 2 (in Russ.).
28. *Filippova N.A.* Modern institutes of law of indigenous minorities and the latest trends in their development in Russia // Herald of the Surgut State. Un-t. 2021. Issue 2 (32). P. 141–151 (in Russ.).
29. *Firsov N.* The situation of foreigners of North-Eastern Russia in the Moscow state. Kazan, 1866 (in Russ.).
30. Encyclopedic dictionary. 7th, completely revised ed. M., 1910–1948. Vol. 24. P. 322 (in Russ.).
31. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. SPb., 1891. Vol. XIII. P. 225 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРЯЖКОВ Владимир Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор-исследователь Департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

KRYAZHKOV Vladimir A. –
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, research Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics"; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 79–88
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 79–88

СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ КАК ФАКТОР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ

© 2022 г. Н. В. Колотова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Поступила в редакцию 28.03.2022 г.

Аннотация. Социальные права, с одной стороны, приобретают особое значение в сложных экономических ситуациях. С другой – их осуществление в значительной степени зависит от состояния экономики и финансовых ресурсов, поэтому международные документы предусматривают возможность постепенного осуществления основных социальных обязательств. Недостаточность материального обеспечения может являться фактором, не только сдерживающим развитие социальных гарантий, но и ограничивающим социальные обязательства государств. Исключение составляют минимальные основные обязательства, подлежащие немедленному и безусловному исполнению. Законодательные решения об ограничении социальных прав или принятии регрессных мер допускают большую степень усмотрения государств. В статье уточнена трактовка категории «уязвимые группы лиц» и ее применимости для определения позитивных обязательств государства в социальной сфере.

Ключевые слова*:* социальные права, состояние экономики и ресурсов, ограничение социальных прав, уязвимые лица.

Цитирование: *Колотова Н.В.* Состояние экономики как фактор осуществления социальных прав // Государство и право. 2022. № 6. С. 79–88.

DOI: 10.31857/S102694520020475-3

THE INFLUENCE OF ECONOMIC FACTOR ON THE EXERCISE OF SOCIAL RIGHTS

© 2022 N. V. Kolotova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Received 28.03.2022

Abstract. Social rights, on the one hand, acquire special importance in difficult economic situations. On the other hand, their implementation largely depends on the state of the economy and financial resources, so international documents provide for the possibility of gradual implementation of basic social obligations. The lack of material security may be a factor not only constraining the development of social guarantees, but also limiting the social obligations of States. The exception is the minimum basic obligations that are subject to immediate and unconditional fulfillment. Legislative decisions on the restriction of social rights or the adoption of retrogressive measures allow for a greater degree of discretion of States. The article clarifies the interpretation of the category of "vulnerable groups of persons" and its applicability to determine the positive obligations of the state in the social sphere.

Key words: social rights, influence of economic factor, limit of exercise of social rights, vulnerable groups.

For citation: *Kolotova, N.V. (2022)*. The influence of economic factor on the exercise of social rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 79–88.

Экономические, социальные и культурные права дают возможность в сложных ситуациях удержаться «на плаву», сохранить стандарты достойного существования, предотвратить существенное падение уровня доходов. Поэтому особое значение они приобретает в периоды значимых общественных кризисов, поскольку любые кризисы обостряют социально-экономические трудности, углубляют социальные неравенства, усиливают изоляцию и отчуждение целых групп населения и тем самым влияют на полноту реализации всех социально-экономических прав.

Парадокс состоит в том, что именно эта группа прав более других зависит от состояния экономики и объема доступных ресурсов, которые в трудные времена неизбежно сокращаются. Это противоречие имеет серьезный конфликтный потенциал из-за столкновения двух различных общественных потребностей: необходимости поддержки экономики в периоды спада и обеспечения социальной защиты населения. Выбор между этими противоречивыми тенденциями практически невозможен: экономический коллапс всегда приводит к тяжелым социальным последствиям и угрожает не только уровню благосостояния, но подчас и физическому выживанию людей[1]. При этом эффективно функционирующие институты социальной защиты могут выполнять роль механизмов, способных смягчить негативные последствия кризисов, поэтому все страны, как правило, признают огромное значение защиты экономических, социальных и культурных прав для преодоления последствий трудных периодов[2]. По отношению к этим правам, по общему правилу, не применяются положения о возможности отступлений, которые допустимы в чрезвычайных ситуациях для некоторых других прав человека[3], однако в иных ситуациях такие ограничения могут иметь место. В ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.[4] признается, что допустимы ограничения прав, которые совместимы с их природой, определяются законом и исключительно с целью способствовать благосостоянию в демократическим обществе. По общему правилу, такая оговорка об ограничении экономических и социальных прав предназначена для защиты прав отдельных лиц, а не для того, чтобы позволить государствам налагать ограничения на эти права[5].

Экономические возможности общества существенно корректируют пользование социальными правами[6], поскольку особенностью этих прав является возможность их постепенного осуществления национальными государствами и зависимость степени их реализации от материальных ресурсов и благоприятных экономических условий. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах устанавливается, что государства по закрепленным в этом документе правам принимают меры для их обеспечения «в максимальных пределах имеющихся ресурсов» (ст. 2). Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в области экономических, социальных и культурных прав («Сан-Сальвадорский протокол», 1988[7]) предусматривает, что государства принимают обязательства по этим правам в той мере, в какой это позволяют имеющиеся у них ресурсы с учетом степени их развития (ст. 1). Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г.[8] устанавливает, что стороны признают соответствующие обязательства целью своей политики, которую они будут осуществлять с помощью всех надлежащих средств (ч. I).

Экономические, социальные и культурные права реализуются посредством выполнения государством финансово затратных позитивных обязательств, и недостаточность материального обеспечения может являться фактором, сдерживающим развитие социальных гарантий. Выполнение всего объема международных обязательств, таким образом, не является полностью гарантированным и достижимым на каждом отрезке времени.

---

[1] См.: *May B.* Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 6.

[2] В Резолюции № 1 Межамериканской комиссии по правам человека от 20.04.2020 г. по поводу пандемии COVID-19 центральное место в списке рекомендованных мер борьбы с последствиями кризиса пандемии занимает защита экономических, социальных и культурных прав (часть С, п. 2, 4) (см.: Inter-American Commission on Human Rights. Pandemic and Human Rights in the Americas. Resolution 1/2020/10 Apr. URL: https://www.iwgia.org/images/publications/new-publications/IACHR_Resolution_1-2020.pdf (дата обращения: 24.01.2022)).

[3] См.: *Варламова Н.В.* Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека // Вестник СПбУ МВД России. 2020. № 3 (87). С. 22.

[4] См.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291.

[5] См.: Комитет по экономическим, социальным и культурным правам: замечание общего порядка № 14 (2000): Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), п. 28 // Замечания общего порядка здесь и далее цит. по: Международные договоры. Т. 1: Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. E/1990/23 HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I) OOH. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/hri.gen.1.rev9_ru.pdf (дата обращения: 22.12.2021).

[6] См.: *Снежко О.* Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 37.

[7] См.: Additional Protocol to American Convention on Human Rights in the area of Economic, Social and Cuitural Rights "Protocol of San Salvador". URL: http://www.oas.org/ juridico/ english/ sigs/a-52.html (дата обращения 03.02.2022).

[8] См.: Федеральный закон от 03.06.2009 г. № 101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 года» // СЗ РФ. 2009. № 23, ст. 2756.

В документах ООН в качестве обстоятельств, способных оказать негативное влияние на реализацию этих прав, названы, например, финансовые долги государства, принимаемые меры по перестройке национальной экономики, внешнеэкономические санкции, однако при этом подчеркивается, что наличие таких экономических и политических трудностей не снижает, а увеличивает потребность в эффективной защите социальных прав[9].

«Ограничительная» формулировка ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах является более широкой, допускающей большую степень усмотрения государств при ограничении социальных прав, хотя и не содержит положения об «отступлении» от прав в связи с возникновением чрезвычайной ситуации (в отличие от аналогичной статьи Международного пакта о гражданских и политических правах[10], а также от положений региональных документов – ст. 15 Европейской конвенции о правах человека[11], ст. 27 Американской конвенции о правах человека[12], ст. 4 Арабской хартии прав человека[13]).

При этом следует признать, что само наличие ситуации чрезвычайного характера не может не влиять на возможности осуществления социальных прав и приводить к прямому или косвенному их ограничению[14]. В этом случае для оценки их допустимости применяются общие принципы – законность, необходимость и соразмерность преследуемым правомерным целям, недопустимость дискриминации и др. – с поправкой на усмотрение государства, связанного в своих решениях определенным объемом имеющихся ресурсов. Как отмечается в п. 14 Резолюции Межамериканской комиссии по правам человека по поводу кризиса, связанного с пандемией COVID-19, в исключительных случаях, когда необходимо принять меры, ограничивающие экономические, социальные и культурные или экологические права, государства должны убедиться в том, что такие меры обоснованы, необходимы и соразмерны с учетом всех остальных прав, а также надлежащего объема максимального использования имеющихся ресурсов[15].

Необходимость ограничений или чрезвычайных отступлений от прав человека в кризисный период возникает в целях выполнения государствами позитивных обязательств по защите права на жизнь и здоровье всех лиц, находящихся под их юрисдикцией[16]. В этом случае позитивные обязательства по охране жизни и здоровья населения могут использоваться в качестве оснований для ограничения реализации других основных прав[17]. К числу возможных угроз для жизни могут быть отнесены низкий уровень социальных условий[18], а также распространение опасных для жизни заболеваний, массовый голод, недоедание, крайняя нищета и бездомность[19]. В этом контексте гарантии осуществления социальных прав (например, безотлагательный доступ к основным товарам

---

[9] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 2: Международные меры в области предоставления технической помощи (ст. 22 Пакта), п. 9.

[10] Статья 4 Международного пакта о гражданских и политических правах считает возможной такую ситуацию, при которой государство может объявить об отступлении от своих обязательств по пакту только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с их другими обязательствами по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения (см.: Ведомости ВС СССР. 1976. № 17, ст. 291).

[11] См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, изм. и доп. протоколами № 11, 14 и 15 (Рим, 4 ноября 1950 г.) URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 22.12.2021).

[12] См.: American Convention on Human Rights of November 1969. URL: http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-32.html (дата обращения: 22.12.2021).

[13] См.: Arab Charter on Human Rights of 22 May 2004. URL: http://www.hrlibrary.umn.edu/instree/loas2005.html (дата обращения: 22.12.2021).

[14] Отступление от некоторых обязательств во время чрезвычайных ситуаций не имеет ничего общего с ограничениями, которые допускаются в обычных условиях, хотя принцип соразмерности является общим для правомочий осуществлять как отступления, так и ограничения (п. 4), при этом допустимость ограничений не зависит от возможности отступлений (п. 7) (см.: Комитет ООН по правам человека. Замечания общего порядка № 29 – ст. 4: отступление от обязательств в связи с чрезвычайными ситуациями, п. 4, 7. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f21%2fRev.1%2fAdd.11&Lang=ru (дата обращения: 22.12.2021)).

[15] См.: Inter-American Commission on Human Rights. Pandemic and Human Rights in the Americas. Resolution 1/2020/10 Apr. URL: https://www.iwgia.org/images/publications/new-publications/IACHR_Resolution_1-2020.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

[16] См.: Human Rights Committee. Statement on derogation from the Covenant in connection with the COVID-19 pandemic. 24 Apr., 2020. CCPR/C/128/2. Para. 2 (c). URL: https://www.ohchr.org/Documents/HRBodies/CCPR/COVIDstatementEN.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

[17] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 пакта), п. 28 // E/C.12/2000/4 11 August 2000.

[18] См.: *Mavronicola N.* Positive Obligations in Crisis // Strasbourg Observers (7 April 2020). URL: https://strasbourgobservers.com/2020/04/07/positive-obligations-in-crisis/ (дата обращения: 15.01.2022).

[19] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 пакта), п. 28; Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 36 – ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах: право на жизнь, п. 26. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/GC/36&Lang=ru

и услугам, включая продовольствие, водоснабжение, медицинское обслуживание, санитарные услуги), и необходимость принятия институциональных мер по обеспечению социальной инфраструктуры (укрепление служб по оказанию неотложной и экстренной медицинской помощи, осуществление программ социального жилья) имеют интегральное значение и касаются не только экономических и социальных прав, но и всей системы прав человека.

Кроме того, поскольку позитивные обязанности государств по защите права на жизнь также включают в себя меры по созданию условий для пользования этим правом с достоинством[20], в число мер включается ответственность государства за состояние здоровья людей, находящихся под их контролем, в частности, лиц, лишенных свободы, находящихся в специальных учреждениях или на специальных режимах, а также социально уязвимых групп (бездомные, инвалиды, мигранты и т.п.). Считается, что ограничительные меры, затрагивающие права человека, могут нанести этим группам наибольший и непропорциональный ущерб, что вызывает вопрос о соразмерности воздействия на них[21]. Чтобы исключить дискриминационный характер пользования правами, государство должно принимать по отношению к этим лицам дополнительные позитивные меры по обеспечению их прав. Такие меры прежде всего носят экономический и социальный характер, и при их применении недопустима ссылка на ограниченность ресурсов, т.к. они принимаются с целью предотвратить дискриминацию, а «нехватка ресурсов не оправдывает никаких актов дискриминации»[22].

В этой связи обратим внимание на понятие «уязвимые группы», которое активно обсуждается в юридической литературе, но единых критериев для определения нормативно значимой уязвимости так и не разработано[23]. Исследователи полагают, что концепция «уязвимых групп», которая прежде использовалась точечно (например, в практике Европейского Суда по правам человека по отношению к цыганам[24]; ВИЧ-инфицированным[25], лицам, ищущим убежище[26]), теперь получает более широкое толкование в аспекте рассмотрения различных аспектов неравенства и борьбы с дискриминацией[27]. Уязвимость рассматривается как универсальная характеристика, которая не только определяется принадлежностью человека к традиционно дискриминируемой группе. Уязвимое положение может быть обусловлено более широкими социальными, политическими и институциональными обстоятельствами, включая социальное неблагополучие и материальные лишения, а также носить как постоянный, так и временный характер.

Категория «уязвимость» имеет значение при обсуждении выполнения государством своих позитивных обязательств вне зависимости от того, какие права защищаются этими обязательствами. Однако один из распространенных подходов к социальным правам определяет их как групповые права социально незащищенных, уязвимых категорий населения[28].

Межамериканский суд по правам человека в специальном издании, посвященном защите экономических, социальных и культурных прав, отмечает, что их особенностью (наряду с допустимой постепенностью), является требование эффективных действий государств по улучшению условий их осуществления для того, чтобы сгладить социальное неравенство и облегчить положение уязвимых групп[29]. В деле *Гонсалес Льюи против Эквадора* в 2015 г.[30] Межамериканский суд по правам челове-

---

[20] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 14: Право на наивысший достижимый уровень здоровья (ст. 12 пакта), п. 28; Комитет ООН по правам человека. Замечание общего порядка № 36 – ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах: право на жизнь, п. 26. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/GC/36&Lang=ru

[21] См.: *Lebret A.* COVID-19 pandemic and derogation to human right // Journal of Law and the Biosciences. 2020. P. 9.

[22] Inter-American Commission on Human Rights. Pandemic and Human Rights in the Americas. Resolution 1/2020/10 Apr. URL: https://www.iwgia.org/images/publications/new-publications/IACHR_Resolution_1-2020.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

[23] См.: *Алисиевич Е.С.* К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека // Евразийский юрид. журнал. 2013. № 1 (56). С. 29–33; *Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 7–11.

[24] См.: ECtHR. Chapman v. United Kingom [GC] Application no. 27238/95. Judgment of 18 January 2001. Paras. 93, 96.

[25] См.: ECtHR. Kiyutin v. Russia. Application no 2700/10. Judgment of 10 March 2011. Para .63.

[26] См.: ECtHR. M.S.S. v. Belgium and Greece [GC]. Application no. 30696/09. Judgment of 21 January 2011. Para. 251.

[27] См.: *Peroni L., Timmer A.* Vulnerable groups: The promise of an emerging concept in European Human Rights Convention law // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 11. Iss. 4. P. 1056–1085.

[28] См.: *Должиков А.* Конституционные социальные права и их юстициабельность // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 6 (133). С. 24.

[29] См.: Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos No. 22: Derechos Económicos, Sociales, Culturales y Ambientales: Elaborado por la Corte Interamericana de Derechos Humanos con la colaboración de la Cooperación Alemana (GIZ) Idioma español. 2021. P. 5. URL: https://www.diarioconstitucional.cl/wp-content/uploads/2021/08/6-08-CoIDH-Cuadernillos.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

[30] См.: Corte Interamericana De Derechos Humanos. Caso Gonzales Lluy y Otros vs. Ecuador Sentencia de 1 de Septiembre de 2015/ (Excepciones Preliminares, Fondo, Reparaciones y Costas) /Resumen Oficial Emitido por la Corte Interamericana. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/resumen_298_esp.pdf (дата обращения: 15.02.2022).

ка отнес заявительницу – ВИЧ-инфицированную девочку – к категории особо уязвимых лиц по совокупности факторов уязвимости и риска дискриминации (гендерная принадлежность; жизнь в нищете; ВИЧ-инфицированность) и пояснил, что если бы какой-то из этих факторов отсутствовал, дискриминация носила бы другой характер. Интересно, что, признав Эквадор нарушившим право на жизнь, личную неприкосновенность и образование путем бездействия государства, обязанного применять необходимые меры по отношению к особо уязвимому лицу, Суд прямо обязал государство такие меры принять. В решении Суда было конкретно указано на необходимость предоставить заявителям адекватную медицинскую помощь, включая бесплатное предоставление необходимых лекарств или, в случае необходимости, оплату расходов в частной медицинской клинике; назначение стипендии девочке для университетского образования «в любом университете мира, в который она будет принята» независимо от успеваемости, покрывающую все расходы на обучение и необходимую поддержку; предоставление семье достойного жилья.

Это дело наглядно иллюстрирует, что уязвимость является более широким и вариативным понятием и может служить дополнительной характеристикой степени участия государства при оказании помощи в бедственной ситуации людям, подверженным большему риску. Так, в условиях кризиса, связанного с пандемией COVID-19, к группам, традиционно считающимся уязвимыми (инвалидам, маломобильным гражданам, детям, женщинам, бездомным, безработным и т.д.), были добавлены иные категории лиц, что отражало специфичность ситуации распространения неизвестного ранее вируса[31]. Как правило, таковыми признавались пожилые люди; лица, у которых уже существуют проблемы со здоровьем; работники, особенно занятые в неформальном секторе; медицинский персонал и т.д. Для выделения этих групп существенно наличие «особых последствий» в случае ограничения их прав – наступления большего вреда, что делает соразмерным его более строгую оценку и необходимость принятия дополнительных позитивных мер[32]. Поэтому у государств появляется дополнительный объем позитивных обязательств, в т.ч. и в социальной сфере, по отношению к таким лицам.

Универсальное для всех прав понятие «уязвимости» показывает, что в кризисное время не существует дилеммы между обеспечением различных видов прав человека[33], стандарты в области прав человека в это время должны оставаться взаимозависимыми, неделимыми и сквозными[34]. При этом наиболее уязвимые члены общества должны быть защищены в области экономических, социальных и культурных прав даже в периоды острой нехватки ресурсов[35], а отступления и ограничения по некоторым правам человека должны быть специально компенсированы.

Важно подчеркнуть, что ограничения при осуществлении социальных и других аналогичных прав, допускаемые из-за нехватки ресурсов, не должны затрагивать выполнение обязательств безотлагательного характера, к которым относится основное обязательство обеспечить осуществление прав на минимальном уровне и без какой-либо дискриминации, позволяющей лишить какую-нибудь группу лиц доступа к социальным благам[36]. Они подлежат исполнению независимо от количества средств, которые государства могут направить на их выполнение.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам определил, что к безотлагательным должны быть отнесены:

1) обязательство обеспечить равные права мужчин и женщин в осуществлении ими экономических, социальных и культурных прав (ст. 3);

2) обеспечение всем работникам справедливой заработной платы без каких-либо различий, гарантирование равенства условий труда мужчин и женщин (ст. 7 (a) (1));

3) обеспечение права создавать профессиональные союзы и вступать в них, а также права на забастовку (ст. 8);

4) защита детей от экономической и социальной эксплуатации, включая принятие законодательства, устанавливающего минимальный возраст для трудоустройства и предусматривающего наказание за опасные условия труда для детей;

---

[31] В кризисной ситуации, связанной с распространением инфекции COVID-19, социологами был предложен не исчерпывающий перечень из 24 уязвимых групп, распределенных на подгруппы в зависимости от того, насколько их жизнеобеспечение связано с государством (см.: *Вахрушева Д., Барышникова А., Вдовенко И. и др.* Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19: потребности и меры поддержки: аналитический доклад. М., 2020).

[32] См.: *Peroni L., Timmer A.* Op. cit. P. 1080.

[33] См.: *Zhebit A.* Human Rights in a Pandemic // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. No 5. P. 227.

[34] См.: Inter-American Commission on Human Rights. Pandemic and Human Rights in the Americas // Resolution 1/2020/10 Apr. § 2. URL: https://www.iwgia.org/images/publications/new-publications/IACHR_Resolution_1-2020.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

[35] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 3: Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 пакта), п. 12 // E/1991/23.

[36] См.: там же, п. 10.

5) предоставление бесплатного и обязательного начального образования (ст. 13 (2));

6) предоставление родителям и законным опекунам права выбирать школы для своих детей и уважение свободы, необходимой для научных исследований и творческой деятельности (ст. 15 (3))[37].

Безотлагательно осуществляемые социальные права должны защищаться судами, в том числе, судами конституционной юрисдикции, что подтверждается судебной практикой различных стран[38]. И хотя точный объем защищаемых судом социальных обязательств зависит от включения содержания права во внутреннее законодательство, по мнению международных органов, обязательно должен защищаться судами тот их объем, который не подлежит никаким ограничениям, – минимальные основные обязательства и обязательство обеспечить недискриминационный доступ ко всем их видам.

Ориентиры для установления точного объема и перечня основных минимальных обязательств в области социальных прав определяются при помощи механизмов «мягкого права», например, Рекомендации МОТ от 14 июля 2012 г. № 202 «О минимальных уровнях социальной защиты»[39]. Характерно, что этот документ был принят МОТ с целью смягчения последствий экономического и финансового кризиса 2008 г. Он трактует понятие «национальные минимальные уровни социальной защиты» как основные гарантии, обеспечиваемые государством для того, чтобы все нуждающиеся лица в течение всей жизни имели доступ к основным видам медицинского обслуживания и базовым гарантиям получения доходов, определяемым на национальном уровне (п. 4). Минимальные уровни социальной защиты должны включать следующие основные гарантии: доступ к важнейшим медицинским услугам в соответствии с критериями наличия, доступности и приемлемости их качества; а также обеспечение базового дохода не ниже установленного в национальном законодательстве минимального уровня для следующих категорий: детей (с учетом обеспечения их доступа к питанию, образованию, уходу); лиц экономически активного возраста, не способных получать достаточный доход, например, по причине болезни, безработицы и др.; для лиц пожилого возраста (п. 5).

В период кризиса, связанного с последствиями пандемии COVID-19, в дополнение к этому Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам обозначил ряд других обязательств, не имеющих значения «основных минимальных», но получивших в данных обстоятельствах «сопоставимый приоритет» и потому не подлежащих ограничениям. К ним относятся иммунизация против основных инфекционных заболеваний, встречающихся в сообществе и меры по профилактике, лечению и борьбе с эпидемическими и эндемическими заболеваниями[40].

Уровень минимальных стандартов с течением времени может быть повышен. С одной стороны, может увеличиваться объем обязательств, относимых к минимальным. Так, по данным Международной организации труда, в 2021 г. было зафиксировано увеличение минимальной заработной платы в 23 из 27 государств-членов[41]. С другой стороны, может быть расширен круг субъектов, на которых распространяется действие обязательных минимальных стандартов, что особенно актуально в связи с созданием новых форм занятости, которые существенно отличаются от традиционных трудовых отношений. Различные формы нетипичных трудовых контрактов, как правило, характеризуются большей вариативностью условий труда, допускающей меньшую предсказуемость, что создает неопределенность в отношении применяемых прав. Распространение минимальных стандартов на лиц, чья занятость связана с такими контрактами, требует специальных нормативных установлений. Этому вопросу, например, специально посвящена Директива ЕС (2019/1152)[42]. Кроме минимальных порогов заработной платы, в ней

[37] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 3: Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 пакта), п. 5.

[38] См.: *Shivani V.* Justiciability of Economic Social and Cultural Rights Relevant Case Law Review Meeting / Rights and Responsibilities of Human Rights Organizations. Geneva, 15 March 2005.

[39] См.: The ILO Social Protection Floors Recommendation, 2012 (No. 202). URL: https://www.ilo.org/secsoc/areas-of-work/legal-advice/WCMS_205341/lang – en/index.htm (дата обращения: 25.01.2022).

[40] См.: *Hodgson T.F., Seiderman I.* COVID-19 Responses and State Obligations Concerning the Right to Health (Part 2). URL: https://opiniojuris.org/2020/04/01/covid-19-symposium-covid-19-responses-and-state-obligations-concerning-the-right-to-health-part-2/ *Hodgson T.F., Seiderman I.* COVID-19 Responses and State Obligations Concerning the Right to Health. COVID-19 // Symposium: COVID-19 Responses and State Obligations Concerning the Right to Health (Part 2). URL: https://opiniojuris.org/2020/04/01/covid-19-symposium-covid-19-responses-and-state-obligations-concerning-the-right-to-health-part-2/ (дата обращения: 23.01.2022).

[41] См.: From the Crash to Covid and Beyond: Review of the Social Situation in Europe and Considerations for a More Sustainable and Inclusive Future. European Research Series. 26 October 2021. P. 10 // Social Justice Ireland. URL: https://www.socialjustice.ie/publication/crash-covid-and-beyond-review-social-situation-europe (дата обращения: 21.11.2021).

[42] См.: Directive (EU) 2019/1152 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on transparent and predictable working conditions in the European Union // OJ. L 186. Vol. 62. 11 July 2019. P. 105–211; Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council on adequate minimum wages in the European Union COM/2020/682 final // EUR-Lex. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0682 (дата обращения: 21.11.2021).

перечислены особые требования, относящиеся к информированию работников в отношении условий труда и их изменений с целью установления минимальной предсказуемости работы, определены разумные пределы испытательных сроков, действующих при приеме на работу по таким контактам (ст. 8, 10) и т.д.

Минимальные основные обязательства являются более «жёсткими» по сравнению с теми, которые зависят от состояния экономики и ресурсов и считаются более «мягкими»[43]. Точнее говоря, обязательства, которые опираются на более высокий, прогрессивный стандарт осуществления прав в «максимальных пределах имеющихся ресурсов», являются не столько *мягкими* (вариативными, рекомендательными), сколько *гибкими* (способными к изменению в зависимости от текущей социально-экономической ситуации). Для их реализации юридическое значение имеют эффективность распоряжения всем потенциалом, а также стремление к осуществлению данных стандартов как можно более быстрыми темпами. В литературе такая связанность рассматриваемых прав экономическими ресурсами была названа «ресурсоемкостью»[44], поскольку «абсолютной границей» осуществления социальных прав являются финансовые ресурсы национального государства, и реализация которых «всегда и непременно ставится в зависимость от возможностей»[45].

В этом смысле данные права справедливо считаются эволюционными[46] (или прогрессивными), поскольку их особенностью является возможность увеличения объема обязательств по мере изменения социально-экономических условий. Исполнением обязательств в этой области будут считаться постоянные усилия государств в отношении полного осуществления данных прав, даже с учетом понимания долгосрочных перспектив достижения такой цели[47]. Поэтому для оценки степени их выполнения значимым будет эффективность использования имеющихся в наличии ресурсов, а не состояние экономики и ресурсов или величина материальной базы. Кроме того, у государств есть обязанность обратиться к международной помощи в случае их недостаточности[48].

Таким образом, прогрессивность реализации рассматриваемых прав связана с требованием эффективных действий по постоянному продвижению к обозначенным целям. Бездействие законодателя или недостаточная активность иных органов публичной власти в выполнении своих социальных обязательств, мотивированные нехваткой ресурсов, – наиболее частый способ нарушения (ограничения) социальных прав[49]. Однако оно может быть обжаловано только в том случае, когда такое бездействие затрагивает имеющиеся элементы негативных обязательств (таких как запрет на дискриминацию)[50], особенно в отношении уязвимых групп, для которых полное отсутствие государственной защиты будет означать нанесение вреда их жизни, здоровью и личной неприкосновенности.

В содержание прогрессивных социальных обязанностей также входит запрет на регрессивные меры, которыми могут считаться любые преднамеренные меры по уменьшению ранее принятых обязательств, применение которых потребует тщательного рассмотрения на предмет их обоснованности и полноты использования максимальных ресурсов, имеющихся в распоряжении государства[51].

Обоснованность принятия регрессивных мер может являться предметом судебного разбирательства, такие примеры имеются в международной судебной практике. Так, в деле по жалобе ассоциации пенсионеров из Перу против своего государства, рассмотренном Межамериканским судом по правам человека в 2009 г.[52], оспаривался отказ

[43] Применительно к социальным правам характеристика «мягких», хотя и оспаривается, но является распространенной (см.: *Hodgson T.F., Seiderman I.* Op. cit.).

[44] *Должиков А.* Указ. соч. С. 39.

[45] *Бланкенагель А.* Конституционные суды, социальные права и социальное государство // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 42.

[46] См.: *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 494.

[47] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 3: Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 пакта), п. 9.

[48] Обязательство международного сотрудничества предполагает возможность обращения за международной помощью в случае возникновения серьезных затруднений, препятствующих выполнению обязательств по социальным правам из-за нехватки собственных ресурсов (п. 13 Замечаний общего порядка Комитета по экономическим. Социальным и культурным правам ООН № 3).

[49] См.: *Должиков А.* Указ. соч. С. 33.

[50] О возможности защиты негативных обязательств равенства и дискриминации в социальных правах см.: *Hirschl R.* “Negative” Rights vs. “Positive” Entitlements: A Comparative Study of Judicical Interpretations of Rights in an Emerging Neo-Liberal Economic Order // Human Rights Quarterly. Vol. 22. 2000. No. 4. P. 1083–1086.

[51] См.: Комитет ООН по экономическим социальным и культурным правам. Замечания общего порядка № 3: Природа обязательств государств-участников (п. 1 ст. 2 пакта), п. 9.

[52] См.: Corte Interamericana De Derechos Humanos. Caso Acevedo Buendía y otros (“Cesantes y Jubilados de la Contraloría”) vs. Perú. Excepción Preliminar, Fondo, Reparaciones y Costas. Sentencia de 1 de julio de 2009. Serie C No. 198 // Cuadernillo de Jurisprudencia de la Corte Interamericana de Derechos Humanos N° 22: Derechos Económicos, Sociales, Culturales y Ambientales. URL: https://www.diarioconstitucional.cl/wp-content/uploads/2021/08/6-08-CoIDH-Cuadernillos.pdf (дата обращения: 23.01.2022).

государства возмещать недоплаченные суммы пенсий. Недоплата возникла из-за изменения пенсионного законодательства, признанного впоследствии Конституционным судом Перу неправомерным, но так и не восполненного государством. Суд признал государство ответственным, в т.ч. за нарушение ст. 26 Американской конвенции о правах человека, единственной в тексте этого документа, касающейся социально-экономических прав и прямо предусматривающей, что государства-участники обязуются принимать меры с целью достижения прогресса в полной реализации прав, включенных в соответствующие стандарты. Ссылаясь на практику Комитета по экономическим, социальным и культурным правам, Суд подтвердил, что у государства есть обязанность принимать необходимые меры для удовлетворения требований по данным правам, исходя из наличия экономических и финансовых ресурсов. Выполнение таких прогрессивных обязательств может стать предметом рассмотрения в инстанциях, призванных выносить решения о возможных нарушениях прав человека (п. 102). Из этого вытекает запрет на регрессивные меры, который предполагает необходимость тщательного рассмотрения обоснованности их принятия с учетом всех остальных прав и в контексте полного использования максимальных ресурсов. Поэтому для оценки того, соответствует ли регрессивная мера Американской конвенции по правам человека, необходимо «определить, оправдана ли она достаточными весомыми причинами» (п. 103).

Проблема недостаточности средств, несомненно, более свойственна развивающимся государствам, испытывающим острый дефицит ресурсов, необходимых для обеспечения социальных прав в полном объеме. Однако глобальные кризисы последних десятилетий, нанесшие огромный урон всем сферам мировой экономики, показывают, что практически любое государство может оказаться в трудной ситуации, в которой речь может зайти об ограничениях социальных обязательств, принятии регрессивных мер или отказе от осуществления активных действий по социальной защите населения.

Определение конкретных мер осуществления социальных прав человека относится к усмотрению каждого национального государства, а в актах международного права содержатся лишь общие стандарты и универсальные принципы для их осуществления. Мировой опыт преодоления кризисных ситуаций показывает, что государства по отношению к затратным социальным обязательствам нередко избирают стратегию, связанную с ограничениями социальных прав или применением регрессных обязательств. В этом случае они должны либо воспользоваться уже имеющимися законодательными механизмами, либо оперативно внести в свое законодательство положения, изменяющие объемы или условия применения социальных гарантий. Такие нормы и их применение, по общему правилу, подлежат судебному контролю.

Интересен опыт стран, в конституционной доктрине которых разрабатываются подходы к допустимым ограничениям социальных прав в период экономических и финансовых трудностей, которые можно подвергнуть судебной проверке[53]. Например, такие разработки имеются в практике Конституционного суда Литвы, столкнувшегося во время экономического кризиса 2000-х годов с жалобами на неправомерность изменения правового регулирования, снижающего социальные выплаты. В частности, по вопросам пенсионного обеспечения Суд пояснил, что такое изменение возможно на законодательной основе при неукоснительном соблюдении конституционных принципов и лишь в том случае, если в государстве складывается чрезвычайная ситуация, и при этом принимаемые меры необходимы для защиты других конституционных ценностей[54], являются временными и соответствуют принципу пропорциональности[55]. В специальном постановлении Конституционный

[53] См.: *Биртмонтене Т.* Влияние экономического кризиса на конституционную доктрину социальных прав // Конституционное право и политика: материалы Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 28–30 марта 2012 г. / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2012. С. 718.

[54] См.: Case No. 27/2000. Ruling of 23 April 2002 on the Compliance of Paragraphs 1 and 2 of Article 7, Paragraph 6 and Item 2 of Paragraph 9 of Article 16 of the Republic of Lithuania's Law on the State Pensions of Officials and Servicemen of the Interior, the Special Investigation Service, State Security, Defence and of the Prosecutor's Office (warding of 2 May 2000) with the Constitution of the Republic of Lithuania, and on the compliance of the item 31/3 of the Regulation of the Granting and Payment of State Pensions to Officials and Servicemen of the Systems of Interior, State Security, Defence and Prosecutor's Office (warding of 20 November 1998) as Approved by the Resolution of the Government of the Republic of Lithuania (No. 83) "On the Approval of the Regulation of the Granting and Payment of State Pensions to Officials and Servicemen of the Systems of Interior, State Security, Defence and Prosecutor's Office and the Establishment of the Time of Service Necessary in Order to Receive a Respective Percentage Additional Pay for the Years of Service" of 20 January 1995 with Paragraph 1 of Article 7 of the Republic of Lithuania Law on the State Pensions of Officials and Servicemen of the Interior, the Special Investigation Service, State Security, Defence and of the Prosecutor's Office (warding of 2 May 2000) // The Constitutional Court of the Republic of Lithuania. URL: https://www.lrkt.lt/en/court-acts/search/170/ta1200/content (дата обращения: 19.11.2021).

[55] См.: Case No. 41/2000. Ruling of 25 November 2002 on the Compliance of Paragraph 2 of Article 69 of the Republic of Lithuania Law on the Diplomatic Service, Item 9 of Paragraph 1 of Article 4 (warding of 16 March 2000) of the Republic of Lithuania Law on State Social Insurance and Item 5 of Paragraph 1 of Article 2 (warding of 16 December 1999) and Article 23 (wardings of 21 December 1994, 21 December 2000 and 8 May 2001) of the Republic of Lithuania Law on State Social Insurance Pensions with the Constitution of the Republic of Lithuania // The Constitutional Court of the Republic of Lithuania. URL: https: //www.lrkt.lt/data/public/uploads/2015/04/2002-11-25_n_ruling.pdf (дата обращения: 19.11.2021).

суд Литвы обобщил свои решения и перечислил общие принципы, которым необходимо следовать, когда законодатель в кризисные периоды принимает решения о сокращении социальных гарантий[56].

В экономической литературе не утихают споры о том, насколько стратегия сокращения социальных обязательств в сложные времена экономически оправданна[57]. Напротив, обращение к защите социальных прав, означает стремление государств поддержать население в кризисные периоды и призвано снизить накал социальных проблем. Примером такой стратегии может служить Европейский план действий в области социальных прав[58], обнародованный ЕС в марте 2021 г. с подробной «дорожной картой», содержащий набор индикаторов для оценки продвижения к более высокому уровню благосостояния населения.

* * *

Таким образом, социальные права отличаются тем, что возможности их осуществления зависят от экономических ресурсов государства. В периоды социальных катаклизмов, от которых не гарантировано ни одно государство, объем реализации социальных прав может временно ограничиваться или подвергаться регрессу, за исключением минимальных основных обязательств, которые подлежат немедленному исполнению. Развитие международного и конституционного права в области прав человека идет по пути разработки специальных подходов, необходимых для того, чтобы данные ограничения не создавали дисбаланса в действии системы прав человека, а временные изъятия в области осуществления социальных прав в дальнейшем могли быть компенсированы.

[56] См.: Cases No. 41/2000, 47/2001-08/2003-20/2003-32/2003-38/2003, 7/03-41/03-40/04-46/04-5/05-7/05-17/05, 35/04-37/04-72/06, 38/04-39-04, 06/05-08/05, 09/06-30/06-02/07-30/08, 15/98, 33/03. Decision of 20 April 2010 on the Construction of the Provisions of the Constitutional Court Rulimgs of 25 November 2002, 3 December 2003, 16 January 2006, 26 September 2007, 22 October 2007, 22 November 2007, 24 December 2008, and of the Decision of 15 January 2009 //The Constitutional Court of the Republic of Lithuania. URL: https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2015/03/2010-04-20_s_decision.pdf (дата обращения: 19.11.2021).

[57] См.: *Смирнов С.Н., Колосницын И.В.* Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. № 1. С. 139–181.

[58] См.: The European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-action-plan_en (дата обращения: 24.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алисиевич Е.С.* К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека // Евразийский юрид. журнал. 2013. № 1 (56). С. 29–33.
2. *Биртмонтене Т.* Влияние экономического кризиса на конституционную доктрину социальных прав // Конституционное право и политика: материалы Междунар. науч. конф. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 28–30 марта 2012 г. / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2012. С. 718.
3. *Бланкенагель А.* Конституционные суды, социальные права и социальное государство // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 1 (42). С. 42.
4. *Варламова Н.В.* Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека // Вестник СПбУ МВД России. 2020. № 3 (87). С. 22.
5. *Вахрушева Д., Барышникова А., Вдовенко И. и др.* Положение уязвимых групп в период распространения инфекции COVID-19: потребности и меры поддержки: аналитический доклад. М., 2020.
6. *Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л.* Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. М., 1998. С. 494.
7. *Должиков А.* Конституционные социальные права и их юстициабельность // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 6 (133). С. 24, 33, 39.
8. *Мау В.* Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 6.
9. *Несмеянова С.Э., Калинина Е.Г.* Концепция уязвимости отдельных групп лиц: международный и национальный опыт // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 4. С. 7–11.
10. *Смирнов С.Н., Колосницын И.В.* Социальные обязательства государства: сокращение или реструктуризация? // Мир России. 2000. № 1. С. 139–181.
11. *Снежко О.* Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2 (81). С. 37.
12. *Hirschl R.* “Negative” Rights vs. “Positive” Entitlements: A Comparative Study of Judicical Interpretations of Rights in an Emerging Neo-Liberal Economic Order // Human Rights Quarterly. Vol. 22. 2000. No. 4. P. 1083–1086.
13. *Hodgson T.F., Seiderman I.* COVID-19 Responses and State Obligations Concerning the Right to Health (Part 2). URL: https://opiniojuris.org/2020/04/01/covid-19-symposium-covid-19-responses-and-state-obligations-concerning-the-right-to-health-part-2/ (дата обращения: 23.01.2022).
14. *Mavronicola N.* Positive Obligations in Crisis // Strasbourg Observers (7 April 2020). URL: https://strasbourgobservers.com/2020/04/07/positive-obligations-in-crisis/ (дата обращения: 15.01.2022).
15. *Lebret A.* COVID-19 pandemic and derogation to human right // Journal of Law and the Biosciences. 2020. P. 9.
16. *Peroni L., Timmer A.* Vulnerable groups: The promise of an emerging concept in European Human Rights Convention

law // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 11. Iss. 4. P. 1056–1085.

17. *Shivani V.* Justiciability of Economic Social and Cultural Rights Relevant Case Law Review Meeting / Rights and Responsibilities of Human Rights Organizations. Geneva, 15 March 2005.
18. The European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-action-plan_en (дата обращения: 24.11.2021).
19. *Zhebit A.* Human Rights in a Pandemic // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. No 5. P. 227.

REFERENCES

1. *Alisievich E.S.* On the question of defining the concept of "vulnerable groups" in international human rights law // Eurasian legal journal. 2013. No. 1 (56). P. 29–33 (in Russ.).
2. *Birtmontene T.* The impact of the economic crisis on the constitutional doctrine of social rights // Constitutional Law and politics: materials of the International Scientific Conference. Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. March 28–30, 2012 / ed. by S.A. Avakyan. M., 2012. P. 718 (in Russ.).
3. *Blankenagel A.* Constitutional courts, social rights and the social state // Constitutional Law: Eastern European Review. 2003. No. 1 (42). P. 42 (in Russ.).
4. *Varlamova N.V.* Lockdown as a way of responding to the COVID-19 pandemic: analysis in the context of the European Convention for the Protection of Human Rights // Herald of the SPbU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (87). P. 22 (in Russ.).
5. *Vakhrusheva D., Baryshnikova A., Vdovenko I. et al.* The situation of vulnerable groups during the spread of COVID-19 infection: needs and support measures: analytical report. M., 2020 (in Russ.).
6. *Gomien D., Harris D., Zwaak L.* The European Convention on Human Rights and the European Social Charter: law and practice. M., 1998. P. 494 (in Russ.).
7. *Dolzhikov A.* Constitutional social rights and their justiciability // Comparative Constitutional Review. 2019. No. 6 (133). P. 24, 33, 39 (in Russ.).
8. *Mau V.* Coronavirus pandemic and economic policy trends // Economic issues. 2021. No. 3. P. 6 (in Russ.).
9. *Nesmeyanova S.E., Kalinina E.G.* The concept of vulnerability of individual groups of persons: international and national experience // Russian law: education, practice, science. 2017. No. 4. P. 7–11 (in Russ.).
10. *Smirnov S.N., Kolosnitsyn I.V.* Social obligations of the state: reduction or restructuring? // The World of Russia. 2000. No. 1. P. 139–181 (in Russ.).
11. *Snezhko O.* Limits of legislative restrictions of social rights // Comparative Constitutional review. 2011. No. 2 (81). P. 37 (in Russ.).
12. *Hirschl R.* "Negative" Rights vs. "Positive" Entitlements: A Comparative Study of Judicical Interpretations of Rights in an Emerging Neo-Liberal Economic Order // Human Rights Quarterly. Vol. 22. 2000. No. 4. P. 1083–1086.
13. *Hodgson T.F., Seiderman I.* COVID-19 Responses and State Obligations Concerning the Right to Health (Part 2). URL: https://opiniojuris.org/2020/04/01/covid-19-symposium-covid-19-responses-and-state-obligations-concerning-the-right-to-health-part-2/ (accessed: 23.01.2022).
14. *Mavronicola N.* Positive Obligations in Crisis // Strasbourg Observers (7 April 2020). URL: https://strasbourgobservers.com/2020/04/07/positive-obligations-in-crisis/ (accessed: 15.01.2022).
15. *Lebret A.* COVID-19 pandemic and derogation to human right // Journal of Law and the Biosciences. 2020. P. 9.
16. *Peroni L., Timmer A.* Vulnerable groups: The promise of an emerging concept in European Human Rights Convention law // International Journal of Constitutional Law. 2013. Vol. 11. Iss. 4. P. 1056–1085.
17. *Shivani V.* Justiciability of Economic Social and Cultural Rights Relevant Case Law Review Meeting / Rights and Responsibilities of Human Rights Organizations. Geneva, 15 March 2005.
18. The European Pillar of Social Rights Action Plan. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/economy-works-people/jobs-growth-and-investment/european-pillar-social-rights/european-pillar-social-rights-action-plan_en (accessed: 24.11.2021).
19. *Zhebit A.* Human Rights in a Pandemic // Outlines of Glo-bal Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13. No 5. P. 227.

Сведения об авторе

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна –
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. заведующей сектором прав человека Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

KOLOTOVA Natalia V. –
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, leading researcher, Acting Head, Department of the Human Rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 89–96
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 89–96

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КОНСТРУИРОВАНИЮ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

© 2022 г. А. В. Ефимов

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Поступила в редакцию 15.01.2021 г.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается регулятивная природа норм права. На основе функционального подхода к конструированию норм права предложено описывать норму как функцию, в которой правовые последствия, закрепленные в диспозиции или санкции, поставлены в зависимость от определенных обстоятельств, свойства которых отражаются в гипотезе. В частности, функциональная зависимость правового последствия от определенных обстоятельств показана на примере доктринальных подходов к определению размера компенсации морального вреда по формулам. Автор также обосновывает, что присущие современному праву оценочные понятия могут быть использованы при описании функциональных зависимостей в качестве коэффициентов, оцениваемых правоприменителем в рамках заданных диапазонов значений.
Как представляется, функциональный подход к конструированию норм права существенно повлияет на правоприменительную практику. Формулы функциональных зависимостей могут лечь в основу компьютерных программ, которые будут автоматически определять для правоприменителя совокупность релевантных переменных, подлежащих оценке, а также совокупность правовых последствий, зависящих от конкретных обстоятельств дела.

Ключевые слова: норма права, функциональная зависимость, правовые последствия, юридические факты, компенсация морального вреда, оценочные понятия, правоприменение.

Цитирование: *Ефимов А. В.* Функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права // Государство и право. 2022. № 6. С. 89–96.

DOI: 10.31857/S013207690010038-3

FUNCTIONAL APPROACH TO THE DESIGN OF NORMS OF CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

© 2022 A. V. Efimov

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: av_efimov@inbox.ru

Received 15.01.2021

Abstract. This article examines the regulatory nature of the norm of law. Based on a functional approach to the construction of legal norms, it is proposed to describe the norm as a function in which the legal consequences embodied in dispositions or sanctions are dependent on certain circumstances whose properties are reflected in the hypothesis. In particular, the functional dependence of the legal consequences on certain circumstances is shown by the example of doctrinal approaches to determining the amount of compensation for moral damage by the formula. The author substantiates that the valuation concepts inherent in modern law can be used to describe functional dependencies as coefficients that are estimated by the law enforcement within the given ranges of values.
It seems that a functional approach to the construction of legal norms will significantly affect law enforcement practice. Formulas of functional dependencies can form the basis of computer programs, which will automatically determine for the law enforcer the totality of relevant variables to be evaluated, as well as the totality of legal consequences depending on the specific circumstances of the case.

Key words: norm of law, functional dependence, legal consequences, legal facts, compensation for moral harm, value concepts, law enforcement.

For citation: *Efimov, A.V. (2022).* Functional approach to the design of norms of Civil and Entrepreneurial Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 89–96.

Регулятивное воздействие права на общественные отношения проявляется в определении правил поведения их участников. Это значит, что участники общественных отношений вынуждены соотносить свое поведение с теми моделями поведения, которые определяются принципами и нормами права. Несмотря на то, что и принципы права, и нормы права оказывают регулятивное воздействие, между ними есть существенная разница. Как обоснованно указывает В.Н. Корнев, «правила поведения, установленные нормой права, требуют обязанности совершения определенного действия в специально указанных обстоятельствах точно определенным субъектом, принципы же включают только один элемент: обязанность»[1]. Соглашаясь с тем, что «норма права есть правило, определяющее то, как можно и должно поступать при тех или иных обстоятельствах»[2], можно сделать вывод, что именно в норме права проявляется регулятивное воздействие права, обусловленное конкретным поведением участников общественных отношений. В этом смысле основное регулятивное предназначение нормы права заключается в определении зависимости правовых последствий, составляющих содержание модели поведения, от фактических (жизненных) обстоятельств, которые характеризуют поведение участников общественных отношений.

В то же время в праве присутствуют нормы-дефиниции, нормы-декларации и другие т.н. специализированные нормы[3]. Однако «специализированные нормы» проблематично называть полноценными нормами права, поскольку они сами по себе не отражают рассматриваемую зависимость. Согласно обоснованной позиции К.Э. Альчуррона и Е.В. Булыгина такие «нормы» не являются нормами в прямом смысле слова, они являются фрагментами полноценных норм[4]. Например, определения понятий в специализированных нормах могут формулироваться для лучшего отражения тех фактических обстоятельств, при которых возникают те или иные последствия, указанные в полноценных нормах. Таким образом, специализированные нормы выполняют служебную, вспомогательную роль, направленную на определение зависимостей правовых последствий от фактических обстоятельств, которые выражаются в полноценных нормах права.

При этом способ отражения зависимостей в нормах права не отличается системностью. Традиционная теория права исходит из того, что структура нормы права включает гипотезу, диспозицию и санкцию. Отражение в норме права связи некоторого обстоятельства с правовым последствием предполагает связь двух элементов, логическая структура которых выражается в формуле «если.., то...». При этом правовое последствие выражается либо в виде определенного набора прав и обязанностей (диспозиция), либо в виде определенного негативного воздействия (санкция). Поскольку фактически гипотеза связана либо с диспозицией, либо с санкцией, трехзвенная структура нормы права выглядит нелогичной. В этой связи С.С. Алексеев писал о необходимости «четко формулировать в каждой норме-предписании два обязательных элемента – условие (гипотезу) и правовое последствие (диспозицию, санкцию)»[5]. Объединение диспозиции и санкции при помощи общего понятия – правовое последствие – положительно влияет на понимание структуры нормы права, которая в самом общем виде выглядит как связь некоторого обстоятельства, описанного гипотезой, с правовым последствием в виде диспозиции или санкции. Такая организация нормативного массива приводит к утрате единства терминологии в правовых актах. При этом усложняется и правоприменительная деятельность, поскольку правоприменителю нужно вручную искать всю совокупность правовых последствий, которые поставлены в зависимость от конкретных обстоятельств дела.

Основная сложность современного конструирования норм права заключается в том, что норма права может не отражать связь правовых последствий с определенными обстоятельствами. Во-первых, речь идет о ситуациях, когда в гипотезе названы определенные обстоятельства, но отсутствуют

[1] *Корнев В.Н.* Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 68, 69.

[2] Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2018. С. 271 (автор главы – А.В. Мицкевич).

[3] См.: Нормы права: теоретико-правовое исследование / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. М., 2014. С. 8. (авторы главы – А.В. Краснов, А.И. Илалутдинов).

[4] См.: *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 94, 95.

[5] *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 221.

правовые последствия, связанные с данной гипотезой. Например, в п. 2 ст. 179 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»[6] закреплено, что преимущественное право приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации – имеют лица, занимающиеся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и владеющие земельными участками, непосредственно прилегающими к земельному участку должника. В случае отсутствия таких лиц преимущественное право приобретения имущества должника, которое используется в целях сельскохозяйственного производства и принадлежит сельскохозяйственной организации, признанной банкротом, при прочих равных условиях принадлежит сельскохозяйственным организациям, крестьянским (фермерским) хозяйствам, расположенным в той же местности, где расположена указанная сельскохозяйственная организация, а также соответствующему субъекту Российской Федерации или соответствующему муниципальному образованию. В то же время в Федеральном законе не говорится о том, какие последствия возникают при нарушении данного преимущественного права, что влечет проблемы при применении права.

Так, в рамках конкретного дела преимущественное право одного лица было нарушено путем продажи имущества банкрота лицу, которое не имело преимущественного права. При этом конкурсный управляющий не предложил лицу, имеющему преимущественное право, воспользоваться таким правом. Лицо, обладающее преимущественным правом, обратилось в арбитражный суд с иском и потребовало перевести на себя права покупателя по договору купли-продажи. Суды первых трех инстанций отказали в удовлетворении иска, полагая, что истец выбрал ненадлежащий способ защиты своего права, а надлежащим способом, по мнению судов, являлось оспаривание торгов. Однако Верховный Суд РФ, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, отметил, что «правовых норм, регулирующих защиту преимущественного права приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, Законом о банкротстве не установлено. В то же время специальный способ защиты аналогичного преимущественного права покупки того или иного имущества – иск о переводе на себя прав и обязанностей стороны по сделке, установлен иными законами: пункт 3 статьи 250 ГК РФ, пункт 4 статьи 7 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах", пункт 18 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью". Правовая позиция, подтверждающая возможность применения аналогичного иска к пункту 3 статьи 179 Закона о банкротстве, изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.07.2009 № 1989/09 по делу № А14-1423/2008 и актуальна для разрешения настоящего спора»[7]. В данном случае проблема была решена с помощью аналогии закона, но восполнение пробела в конкретном случае не означает исчерпание проблемы как таковой. Представляется, что отсутствие связи гипотезы, которая описывает нарушение преимущественного права как условие некоторого правового последствия, и правового последствия может быть устранено путем конструкции общей нормы, в которой в любых отношениях нарушение преимущественного права влекло бы универсальное правовое последствие в виде перевода прав и обязанностей стороны по сделке.

Во-вторых, связь правовых последствий с определенными обстоятельствами нарушается тогда, когда перечислены правовые последствия, но гипотеза либо отсутствует, либо сформулирована неконкретно. В частности, речь может идти о любых формулировках, указывающих на открытый перечень обстоятельств, с которыми связываются правовые последствия. Так, в ст. 67^3 ГК РФ указаны правовые последствия в виде привлечения основного хозяйственного товарищества или общества к субсидиарной или солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества. Однако для определения товарищества или общества в качестве основного используется открытый перечень оснований (преобладающее участие в уставном капитале, наличие договора и иные основания). Данная неопределенность много раз критиковалась в доктрине[8], однако критика не была учтена в правотворческой деятельности. При таких условиях на правоприменительный орган фактически возлагается несвойственное правомочие по определению самой совокупности обстоятельств, влекущих правовые последствия, то есть по определению гипотезы как элемента нормы права[9]. В итоге органы, которые должны применять право, начинают «импровизировать».

Представляется, что зависимость правового последствия (диспозиции или санкции) от определенного обстоятельства, отраженного в гипотезе, должна

[6] См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 19.03.2020 г. № 302-ЭС19-17986 по делу № А19-12879/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] См.: *Габов А.В.* Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 89; *Шиткина И.С.* Холдинги. Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. М., 2008. С. 132.

[9] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.12.2018 г. № 305-ЭС18-12143 по делу № А40-113011/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

определяться не в правоприменительном акте, а именно в норме права. Поиск таких зависимостей и их описание возможны благодаря функциональному подходу. В гносеологическом смысле под функциональным подходом понимается направление исследования, в рамках которого «движение познания направлено не на изучение субстанции изолированных объектов, а на изучение взаимоотношений между объектами, т.е. на установлении зависимостей (функций), позволяющих осуществлять закономерный переход к ряду объектов от одного к другому»[10]. В нашем случае зависимость правовых последствий от обстоятельств можно назвать функциональной зависимостью. Понятие функции было введено в научный оборот Лейбницем в целях характеристики переменной, которая рассматривается по отношению к другой переменной, через которую она может выражаться и от значения которой зависит ее собственное значение[11]. В нынешнем виде понятие функции описывается формулой: $y = f(x)$, при этом «величина y называется функцией независимой переменной x, если любому определенному значению x (из множества ее возможных значений) соответствует определенное значение y»[12]. Следует отметить, что описание зависимостей в виде формул явилось результатом многовековой эволюции. Найденные клинописные таблички времен древнего Вавилона свидетельствуют о том, что в древности решения алгебраических задач выражались в словесных формулировках[13]. Считается, что современный вид формул, отражающих зависимости, появился во многом благодаря Р. Декарту в XVII в.[14] Но если математики уже достаточно давно перешли на строгий и точный символический (искусственный) язык описания зависимостей, то юристы до сих пор используют естественный язык и считают его приоритетным[15]. Вместе с тем сама структура и регулятивное предназначение нормы права указывают на ее функциональную природу. Описывая норму права как функцию $y = f(x)$, можно обнаружить, что в роли аргумента (x) выступают те или иные обстоятельства, отраженные в гипотезе, а в роли зависимой переменной (y) – определенные правовые последствия.

В математическом арсенале также существует понятие функции нескольких переменных, общее определение которой формулируется следующим образом: «Если в силу некоторого закона каждой совокупности n чисел (x, y, z,..., t) из некоторого множества E ставится в соответствие определенное значение переменной u, то u называется функцией от n переменных x, y, z,..., t, определенной на множестве E, и обозначается $u = f(x, y, z,..., t)$»[16]. Таким образом, функциональный подход открывает широкие перспективы и для случаев, когда правовое последствие зависит не от какого-то одного обстоятельства, а от совокупности обстоятельств (сложный юридический (фактический) состав).

Отдельное внимание стоит уделить описанию обстоятельств в гипотезе. Конечно, описать все обстоятельства (юридические факты) не представляется возможным. Однако в гипотезе речь идет не о различных обстоятельствах как таковых, а о выделении некоторых свойств (признаков) таких обстоятельств и придании им правового значения. При этом количество таких свойств является конечным по двум причинам. Во-первых, конечное число свойств обусловлено языковыми возможностями, поскольку «речь идет только о тех свойствах, которые могут быть выражены в языке, и даже если бы свойства некой вещи или положения дел были бесконечны, то число примитивных предикатов, существующее в каждом языке, все равно было бы конечным»[17]. Более того, для права имеют значение далеко не все свойства, а только некоторые, с которыми связываются правовые последствия. Из этого вытекает вторая причина. Итак, во-вторых, конечное число свойств связано с конечным числом правовых последствий, выраженных в конечном множестве волеизъявлений правотворческих органов. Конечное число правовых последствий в силу функциональной зависимости предполагает, что эти последствия связаны с определенным конечным числом свойств, получающих закрепление в гипотезах норм. Следовательно, все функциональные правовые зависимости могут быть описаны конечным числом формул.

Необходимо также уточнить относительно правовых последствий. Если определенное обстоятельство (или их совокупность), описанное в гипотезе, влечет правовое последствие, речь идет о функциональной зависимости относительно какого-то конкретного правового последствия. Однако зачастую от одного и того же обстоятельства могут зависеть различные правовые последствия, что также должно быть учтено при описании функциональной зависимости. Например, такой аргумент функции, как умышленное причинение смерти другому лицу влечет как уголовно-правовые последствия (ст. 105 УК РФ), так и гражданско-правовые (гл. 59 ГК РФ). В этом случае правоприменитель будет искать

---

[10] Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751 (автор статьи – Б.Г. Юдин).

[11] См.: *Фосс А.Э.* Сущность математики / пер. с нем. 3-е изд. М., 2009. С. 83.

[12] *Смирнов В.И.* Курс высшей математики. 23-е изд., стереотип. М., 1974. Т. 1. С. 14.

[13] См.: *Аршинов М.Н., Садовский Л.Е.* Грани алгебры / под ред. Ю.В. Кузьмина. М., 2008. С. 7.

[14] См.: там же. С. 13.

[15] См.: *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 13, 14.

[16] *Черненко В.Д.* Высшая математика в примерах и задачах: учеб. пособие для вузов: в 3 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 387.

[17] *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Указ. соч. С. 123.

связь обстоятельств дела со всей совокупностью правовых последствий, которые распределены среди различных отраслей права. Веря в объективный характер деления права на отрасли, теоретики ведут бесконечные дискуссии о критериях и значимости такого деления, хотя фактически речь идет лишь о различных правовых последствиях. В этом смысле функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права означает не особый способ конструирования норм только этих отраслей права, а показывает пример связи определенных обстоятельств с гражданско-правовыми и предпринимательско-правовыми последствиями, если исходить из того, что это разные правовые последствия. Представляется, что исследование влияния определенного обстоятельства (или их совокупности) на правовое последствие, искусственно изолированное рамками той или иной отрасли права, является фрагментарным. Перспективным видится исследование, направленное на выявление и изучение общего влияния обстоятельства (или их совокупности) на все множество правовых последствий. Только при таком подходе можно исследовать системное воздействие права на общественные отношения.

На фоне существующих проблем правоприменения уже ведутся исследования, которые направлены на отражение в нормах права функциональных зависимостей конкретных правовых последствий от определенных обстоятельств. В качестве примера можно привести правовое последствие в виде компенсации морального вреда. В ст. 151 ГК РФ закреплено: «При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред». В п. 2 ст. 1101 ГК РФ: «Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего». Данные формулировки имеют весьма похожее содержание, однако судьи сталкиваются с проблемой отсутствия однозначного подхода к перечню обстоятельств, которые должны быть учтены при правоприменении, а также с критериями оценки этих обстоятельств[18]. В результате это приводит к отсутствию единообразной практики по определению размера компенсации морального вреда.

В литературе А.М. Эрделевским была предложена формула для единообразного подхода к оценке морального вреда в следующем виде:

$D = d*fv*i*c*(1-fs)*p$[19], где:

D – размер компенсации действительного морального вреда;

d – размер компенсации презюмируемого морального вреда, который зависит от характера причиненного вреда;

fv – степень вины причинителя вреда, при этом $0 \le fv \le 1$;

i – коэффициент индивидуальных особенностей потерпевшего, при этом $0 \le i \le 2$;

c – коэффициент учета заслуживающих внимания фактических обстоятельств причинения вреда, при этом $0 \le c \le 2$;

fs – степень вины потерпевшего, при этом $0 \le fs \le 1$;

p – коэффициент учета имущественного положения причинителя вреда, при этом $0{,}5 \le p \le 1$.

Несмотря на регулятивные преимущества формулы, такой подход до сих пор не воспринят законодателем.

В 2020 г. аналогичный подход к определению размера компенсации морального вреда был предложен Ассоциацией юристов России. При этом формула выглядит следующим образом:

*Моральный вред = БВК*КСС*ИОО*ФВ*ВП*ОПВ*[20],

где: **БВК** – базовая вменяемая компенсация, размер которой дифференцируется в зависимости от характера причиненного вреда (временный дефицит здоровья; постоянный дефицит здоровья, посягательство на физическую неприкосновенность, не связанное с причинением вреда здоровью, но причинившее значимые боль и страдания; потеря близкого);

КСС – коэффициент индивидуальной степени страданий, который позволяет учесть

[18] См.: *Моисеева О.В.* Проблемы компенсации морального вреда // Росс. судья. 2019. № 6. С. 26–29.

[19] См.: *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда. М., 2007. С. 243.

[20] См.: *Фаст И.* Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 19.05.2020).

индивидуальные особенности истца, уникальные особенности причинения вреда и иные обстоятельства, влияющие на глубину и интенсивность страданий потерпевшего. Данная переменная оценивается от 0 до 5 ($0 \le КСС \le 5$);

ИОО – коэффициент индивидуальных особенностей ответчика и иных связанных с ним юридически значимых обстоятельств, которые в силу требований разумности и справедливости могут быть учтены при определении размера компенсации. Данная переменная оценивается от 0.5 до 2 ($0.5 \le ИОО \le 2$);

ФВ – коэффициент формы вины причинителя вреда. Данная переменная оценивается от 0.5 до 2 (по формам вины);

ВП – коэффициент степени вины потерпевшего. Данная переменная оценивается от 0 до 1 ($0 \le ВП \le 1$);

ОПВ – коэффициент, учитывающие иные, не связанные с формой и степенью вины, а также индивидуальными особенностями причинителя вреда и потерпевшего значимые фактические обстоятельства, при которых был причинен моральный вред. Данная переменная оценивается от 0 до 2 ($0 \le ОПВ \le 2$).

В данной статье не стоит задача исследования конкретных переменных. Автор лишь акцентирует внимание на способе описания функциональной зависимости правового последствия в виде определения размера компенсации морального вреда от определенных переменных.

При этом функциональный подход позволяет связать переменные не только с правовыми последствиями, которые измеряются в числах, но и с такими, которые в числах не измеряются. Например, в виде формул можно выразить зависимость от определенных условий таких правовых последствий, описание которых в диспозиции или санкции предполагает принятие решений о виндикации (ст. 302 ГК РФ); о государственной регистрация юридических лиц при их создании (ст. 12 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»[21]); о предварительном согласии антимонопольного органа в отношении сделок с акциями (долями), имуществом коммерческих организаций, правами в отношении коммерческих организаций (ст. 28 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.) «О защите конкуренции»[22]) и т.д.

Как уже было отмечено ранее, количество свойств обстоятельств, которые отражаются в гипотезах норм, является конечным. При этом сами свойства могут уточняться, конкретизироваться другими формулами, поскольку от точности, конкретности свойств будет зависеть адекватность и гибкость правового регулирования. В то же время в ряде случаев текущий уровень развития юриспруденции не позволяет с необходимой точностью описывать обстоятельства. Для привязки к таким обстоятельствам правовых последствий используются оценочные понятия (добросовестность, разумность, справедливость и т.д.). Как указывается в литературе, «формулируя норму права с оценочными признаками, законодатель тем самым желает подвергнуть ее воздействию определенную группу общественных отношений, но в силу многообразия подходящих случаев не может дать им точное описание»[23]. Представляется, что оценочные понятия тоже должны учитываться при конструировании зависимостей. Поскольку оценочные понятия отражают определенные характеристики обстоятельств (юридических фактов), они могут учитываться вместе с обстоятельствами в качестве коэффициентов. Общий вид формулы приобретает вид: $y = f(kx)$, где коэффициент k, заданный определенным диапазоном значений (например, от 0 до 1), отражает определенное оценочное свойство (признак) обстоятельства x. В таком случае правоприменитель будет не просто проверять наличие или отсутствие, например, добросовестности по правилам дихотомического деления, а будет оценивать, насколько то или иное поведение лица было добросовестным.

Функциональный подход к конструированию норм гражданского и предпринимательского права позволяет переосмыслить правоприменительную деятельность в целом. Символический (искусственный) язык, используемый для описания зависимостей, может быть положен в основу составления компьютерных программ, автоматизирующих правоприменение, что свойственно эпохе цифровой экономики. Если нормы права будут отражены в компьютерной программе, то сама программа будет автоматически определять перечень переменных, которые необходимо исследовать и оценить правоприменителю, внеся оценку в программу. Это позволит исключить отмены судебных решений, например, по причине того, что не были учтены те или иные обстоятельства дела, которые должны были быть учтены. Кроме того, программа будет показывать всю совокупность правовых последствий, поставленных в зависимость от обстоятельств дела. Представляется

[21] См.: СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I), ст. 3431.

[22] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

[23] *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. С. 56.

возможным настроить программу таким образом, что без оценки всех переменных, которые есть в формуле, программа не позволит принять решение или, по крайней мере, предупредит правоприменителя о недостаточном исследовании материалов дела, поскольку, например, не все переменные оценены. Более того, допустимо, чтобы сама программа формировала проект решения. Вместе с тем современные представления о работе такой программы не позволяют сказать о полной замене человека. Лишь человеческий интеллект способен принимать решения о применении принципов права[24], не учтенных в норме, лишь человек способен оценивать некоторые переменные в формуле, а также оценивать поведение лиц на соответствие оценочным понятиям.

* * *

В качестве итога стоит отметить, что основное регулятивное предназначение норм прав заключается в определении зависимостей правовых последствий от фактических (жизненных) обстоятельств. На основе функционального подхода к конструированию норм права было предложено описывать норму как функцию $y = f(x)$, где в роли независимой переменной (x) выступают те или иные обстоятельства, свойства которых отражаются в гипотезе, а в роли зависимой переменной (y) выступают определенные правовые последствия, получающие отражение в диспозиции или санкции.

В частности, функциональная зависимость правового последствия от определенных обстоятельств показана на примере доктринальных подходов к определению размера компенсации морального вреда. Следует подчеркнуть, что те или иные обстоятельства могут влечь не только гражданско-правовые, но и иные последствия. В этой связи функциональный подход к конструированию норм права приобретает не отраслевое, а общетеоретическое значение. Таким образом, исследование системного регулятивного воздействия права на общественные отношения возможно только при выявлении и изучении общего влияния обстоятельства (или их совокупности) на все множество правовых последствий. При этом, учитывая конечное число правовых последствий и свойств (признаков) обстоятельств, от которых зависят правовые последствия, все функциональные правовые зависимости могут быть описаны конечным числом формул.

Вместе с тем современный уровень развития юриспруденции не всегда точно позволяет описать свойства обстоятельств, с которыми связаны правовые последствия. В таких случаях используются оценочные понятия. Представляется, что оценочные понятия также могут быть включены в формулы в качестве коэффициентов, оцениваемых правоприменителем в рамках заданных диапазонов значений.

Функциональный подход к конструированию норм права существенно повлияет на правоприменительную практику. Формулы функциональных зависимостей могут лечь в основу компьютерных программ, которые будут автоматически определять для правоприменителя совокупность релевантных переменных, подлежащих оценке, а также совокупность правовых последствий, зависящих от конкретных обстоятельств дела.

[24] О принципах права как самостоятельной категории права см.: *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. С. 310.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 221.
2. *Альчуррон К.Э., Булыгин Е.В.* Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К.Э. Альчуррон, Е.В. Булыгин, П. Герденфорс, Д. Макинсон; под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 94, 95, 123.
3. *Аршинов М.Н., Садовский Л.Е.* Грани алгебры / под ред. Ю.В. Кузьмина. М., 2008. С. 7, 13.
4. *Габов А.В.* Ответственность основного акционерного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний или с согласия основного общества // Государство и право. 2016. № 4. С. 89.
5. *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. С. 310.
6. *Корнев В.Н.* Эволюция доктрины принципов права в отечественной юридической науке // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1. С. 68, 69.
7. *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. С. 56.
8. *Моисеева О.В.* Проблемы компенсации морального вреда // Росс. судья. 2019. № 6. С. 26–29.
9. Нормы права: теоретико-правовое исследование / отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. М., 2014. С. 8. (авторы главы – А.В. Краснов, А.И. Илалутдинов).
10. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2018. С. 271 (автор главы – А.В. Мицкевич).
11. *Смирнов В.И.* Курс высшей математики. 23-е изд., стереотип. М., 1974. Т. 1. С. 14.
12. *Фаст И.* Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (дата обращения: 19.05.2020).
13. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751 (автор статьи – Б.Г. Юдин).

14. *Фосс А.Э.* Сущность математики / пер. с нем. 3-е изд. М., 2009. С. 83.

15. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 13, 14.

16. *Черненко В.Д.* Высшая математика в примерах и задачах: учеб. пособие для вузов: в 3 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 387.

17. *Шиткина И.С.* Холдинги. Правовое регулирование экономической зависимости. Управление в группах компаний. М., 2008. С. 132.

18. *Эрделевский А.М.* Компенсация морального вреда. М., 2007. С. 243.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Collected works: in 10 vols. Vol. 3: Problems of the theory of law: course of lectures. M., 2010. P. 221 (in Russ.).

2. *Alchurron K.E., Bulygin E.V.* Normative systems // "Normative systems" and other works on the Philosophy of Law and the logic of norms / K.E. Alchurron, E.V. Bulygin, P. Herdenfors, D. Makinson; ed. by E.N. Lisanyuk. SPb., 2013. P. 94, 95, 123 (in Russ.).

3. *Arshinov M.N., Sadovsky L.E.* Facets of algebra / ed. by Yu.V. Kuzmin. M., 2008. P. 7, 13 (in Russ.).

4. *Gabov A.V.* Responsibility of the main joint-stock company for transactions concluded by a subsidiary in compliance with instructions or with the consent of the main company // State and Law. 2016. No. 4. P. 89 (in Russ.).

5. *Ershov V.V.* Legal and individual regulation of public relations. M., 2018. P. 310 (in Russ.).

6. *Kornev V.N.* Evolution of the doctrine of the principles of law in the domestic legal science // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 68, 69 (in Russ.).

7. *Lukyanenko M.F.* Evaluative concepts of Civil Law: reasonableness, conscientiousness, materiality. M., 2010. P. 56 (in Russ.).

8. *Moiseeva O.V.* Problems of compensation for moral damage // Russ. judge. 2019. No. 6. P. 26–29 (in Russ.).

9. Norms of law: theoretical and legal research / ed. by T.V. Gubaeva, A.V. Krasnov. M., 2014. P. 8. (authors of the chapter are A.V. Krasnov, A.I. Ilalutdinov) (in Russ.).

10. Problems of the General theory of law and the state: textbook / under the general editorship of V.S. Nersesyants. M., 2018. P. 271 (the author of the chapter is A.V. Mickiewicz) (in Russ.).

11. *Smirnov V.I.* Course of higher mathematics. 23rd ed., stereotype. M., 1974. Vol. 1. P. 14 (in Russ.).

12. *Fast I.* Methodological recommendations for determining the amount of compensation for moral damage in cases of encroachments on human life, health and physical integrity. URL: https://zakon.ru/blog/2020/3/24/metodicheskie_rekomendacii_po_opredeleniyu_razmera_kompensacii_moralnogo_vreda_pri_posyagatelstvah_n (accessed: 19.05.2020) (in Russ.).

13. Philosophical Encyclopedic Dictionary. M., 1983. P. 751 (author of the article – B.G. Yudin) (in Russ.).

14. *Foss A.E.* The essence of mathematics / transl. from German. 3rd ed. M., 2009. P. 83 (in Russ.).

15. *Cherdantsev A.F.* Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2012. P. 13, 14 (in Russ.).

16. *Chernenko V.D.* Higher mathematics in examples and problems: textbook for universities: in 3 vols. SPb., 2003. Vol. 1. P. 387 (in Russ.).

17. *Shitkina I.S.* Holdings. Legal regulation of economic dependence. Management in groups of companies. M., 2008. P. 132 (in Russ.).

18. *Erdelevsky A.M.* Compensation for moral damage. M., 2007. P. 243 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЕФИМОВ Анатолий Викторович –
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия;
117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

EFIMOV Anatoly V. –
PhD in Law, senior lecturer at the Department of Business and Corporate Law of the Russian State University of Justice;
69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 97–108
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 97–108

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

ВОЗОБНОВЛЯЕМАЯ ЭНЕРГЕТИКА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ: СПЕЦИФИКА И ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2022 г. И. А. Игнатьева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: land@law.msu.ru

Поступила 15.12.2021 г.

Аннотация. В статье исследуется состояние правового регулирования использования возобновляемых источников энергии в сельском хозяйстве. Установлено, что специфика правового регулирования состоит в применении мер поддержки со стороны государства при развитии как возобновляемой энергетики, так и сельского хозяйства. Оба направления деятельности при этом совместно рассматриваются в международных документах в рамках концепции устойчивого развития. Общность задач развития обусловливает необходимость формирования правового института, в котором будут согласованы и взаимосвязаны нормы аграрного и энергетического законодательства.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, энергетика, сельское хозяйство, сельские территории, биогаз, энергия солнца, энергия ветра, энергетическое законодательство, аграрное законодательство.

Цитирование: *Игнатьева И.А.* Возобновляемая энергетика в сельском хозяйстве: специфика и вопросы правового регулирования // Государство и право. 2022. № 6. С. 97–108.

DOI: 10.31857/S102694520020476-4

RENEWABLE ENERGY IN AGRICULTURE: SPECIFICS AND ISSUES OF LEGAL REGULATION

© 2022 I.A. Ignateva

Lomonosov Moscow State University

E-mail: land@law.msu.ru

Received 15.12.2021

Abstract. The article examines the legal regulation of the use of renewable energy sources in agriculture. It has been established, that the specificity of legal regulation consists in the application of measures of support from the state for the development of both renewable energy and agriculture. At the same time, both areas of activity are jointly considered in international documents within the framework of the concept of sustainable development. The commonality of development tasks necessitates the formation of a legal institution, in which the norms of agrarian and energy legislation will be coordinated and interconnected.

Key words: renewable energy sources, energy, agriculture, rural areas, biogas, solar energy, wind energy, energy legislation, agrarian legislation.

For citation: *Ignateva, I.A. (2022).* Renewable energy in agriculture: specifics and issues of legal regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 97–108.

Отрасль сельского хозяйства занимает одно из ведущих мест в экономике страны. Значение данной отрасли экономики было подчеркнуто при внесении в 2020 г. поправок в Конституцию РФ тем, что сельское хозяйство выделено теперь как самостоятельное направление в сфере совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Сельское хозяйство представляет собой в то же время одну из энергоемких отраслей экономики. Например, в процессе применения современных методов растениеводства затрачивается значительное количество электроэнергии, в частности, при использовании технологии досвечивания. Такая технология определена в Правилах предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на стимулирование развития приоритетных подотраслей агропромышленного комплекса и развитие малых форм хозяйствования (приложение № 8 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия)[1] как технология круглогодичного выращивания овощей закрытого грунта с использованием системы электрического досвечивания, соответствующей определенным в указанных Правилах критериям. В целом, согласно расчетам специалистов, расходы электроэнергии на освещение и облучение составляют до 40% всех расходов электроэнергии в сельском хозяйстве[2].

Выращивание растений в закрытом грунте обеспечивается также поддержанием особого режима отопления, проветривания, полива[3]. Например, на отопление в процессе выращивания растений и грибов, по мнению специалистов, расходуется до 80% общих энергетических затрат[4].

Снабжение энергией сельскохозяйственного производства, таким образом, напрямую связано с развитием сельского хозяйства в целом. Немаловажное значение при этом в энергетическом законодательстве придается вопросам расширения использования возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). К числу ВИЭ законодательством отнесены энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в т.ч. энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в т.ч. водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках (ст. 1 Федерального закона от 26.03.2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[5]).

Для применения ВИЭ в сельском хозяйстве есть специфические основания. Во-первых, сельское хозяйство находится в стадии своей модернизации, которая осуществляется довольно быстрыми темпами. В этих процессах энергообеспечение, в т.ч. с использованием ВИЭ, играет немаловажную роль. Так, исследователи (опираясь на опыт получения тепловой энергии от солнца) подчеркивают, что «только при использовании современного энергоэффективного оборудования и технологий возможно получение сельскохозяйственной продукции высокого качества и в больших количествах»[6]. Более того, в специальной литературе утверждается, что «новые возможности по использованию возобновляемых источников энергии, повышению эффективности и коренному изменению технологий сельхозпроизводства, приближению переработки сельхозпродуктов к производству будут способствовать росту конкурентоспособности данных территорий в большей степени, чем городов»[7].

Так, для развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов в качестве перспективных направлений обозначены технологии телеуправления для водо- и энергораспределения

---

[1] См.: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» // СЗ РФ. 2012. № 32, ст. 4549.

[2] См.: *Латышев Д.С., Куликов М.Е., Коняев Н.В.* Влияние качества электроснабжения на эффективность сельскохозяйственного производства // Молодежь и XXI век-2021: материалы XI Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т., Курск, 18–19 февраля 2021 г. / отв. ред. М.С. Разумов. Курск, 2021. С. 287.

[3] См.: *Коняева О.Н., Коняев Н.В.* Энергосберегающие технологии для сооружений защищенного грунта // Ресурсосбережение и экология строительных материалов, изделий и конструкций: сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 1 октября 2021 г. Курск, 2021. С. 52–55.

[4] См.: там же. С. 52.

[5] См.: СЗ РФ. 2003. № 13, ст. 1177.

[6] *Латышев Д.С., Коняев Н.В.* Солнечный гелиоколлектор – альтернативный источник энергии в сельском хозяйстве // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых, Курск, 1 декабря 2020 г. / сб. науч. ст. Всеросс. науч. конф. перспективных разработок: в 2 т. Курск, 2020. С. 443.

[7] *Татаркин А.И.* Пространственные факторы системной модернизации Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1. С. 37.

на оросительных и осушительных системах (разд. VI Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 12.04.2020 г. № 993-р[8]). В приложении № 4 к Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 14.05.2021 г. № 731[9]) предусмотрена разработка компоновочно-конструктивных решений рациональных энергосберегающих самонапорных систем капельного орошения многолетних культур, выращиваемых на склоновых земельных угодьях (п. 10). Эти и другие подобные актуальные направления в развитии сельского хозяйства могут быть реализованы в условиях согласованного развития с энергетическим сектором экономики, во многом должны опираться на новые технологии в энергообеспечении.

Во-вторых, на сельских территориях возможно использование разных видов ВИЭ. Сельское хозяйство выступает источником сырья для производства энергии. В настоящее время солома, стебли кукурузы, лузга семян подсолнечника составляют основу для изготовления пеллет (топливных гранул)[10]. В биогазовых установках используются органические удобрения, отходы животноводства, растениеводства, пищевой промышленности[11]. Причем эксплуатация биогазовых установок приводит к дополнительному положительному эффекту с точки зрения охраны окружающей среды, в т.ч. в сельских районах. Так, в Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года (утв. Законом Республики Татарстан от 17.06.2015 г. № 41-ЗРТ[12]) задача развития биоэнергетики (п. 4.4.5) напрямую связана с устранением таких экологически осложненных вопросов сельских территорий, как проблема складирования помета и навоза, риск загрязнения почв.

На сельских территориях возможно использование энергии солнца: национальным стандартом Российской Федерации «Возобновляемая энергетика. Гибридные электростанции на основе возобновляемых источников энергии, предназначенные для сельской электрификации. Рекомендации. Часть 7–1. Генераторы. Фотоэлектрические батареи» (ГОСТ Р 56124.7.1-2014 (IEC/TS62257-7-1:2010)), утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 19 ноября 2014 г. № 1690-ст[13], установлены технические требования к проектированию и строительству небольших фотоэлектрических генераторов (с пиковой мощностью до 100 кВт), используемых при электрификации сельских объектов (децентрализованных потребителей).

Солнечная энергия используется также для выработки тепловой энергии, что обеспечивает горячее водоснабжение и частично отопление индивидуальных жилых домов в сельской местности. Такое направление было закреплено в Схеме и Программе развития электроэнергетики Республики Ингушетия на 2018–2022 гг. (утв. распоряжением Правительства Республики Ингушетия от 11.05.2017 г. № 338-р).

С учетом приведенных обстоятельств **сельское хозяйство следует отнести к отличающимся наличием актуальных объективных факторов для развития использования ВИЭ отраслям экономики**.

Получение энергии именно от ВИЭ может оказаться целесообразным для развития сельских территорий, и не только в части развития сельскохозяйственного производства. О.В. Попова напрямую связывает использование биотопливной промышленности с развитием сельских территорий, с социальным развитием[14]. Очевидно, что благополучие жителей сельских населенных пунктов, в т.ч. в части их обеспеченности электроэнергией, газом и иными энергетическими ресурсами, со своей стороны способствует развитию сельскохозяйственного производства.

---

[8] См.: СЗ РФ. 2020. № 16, ст. 2668.

[9] См.: СЗ РФ. 2021. № 21, ст. 3583.

[10] См.: *Овчинников Д.Н., Фомина С.В., Михайлов В.В., Низавитин С.Н.* Технологическая линия приготовления пеллет из отходов сельскохозяйственного производства // Инженерное обеспечение в реализации социально-экономических и экологических программ АПК: материалы Всеросс. (национальной) науч.-практ. конф., Курган, 26 марта 2020 г. Курган, 2020. С. 53–57; *Батарев Г.А., Гайдаш Н.М., Мальцев В.Н., Мальцев В.В.* Отходы сельскохозяйственного производства – перспективный возобновляемый источник для производства энергии // Электрика. 2013. № 8. С. 17–22.

[11] См., напр.: *Безруких П.П.* О состоянии и перспективах развития возобновляемой энергетики мира и России // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 10–18; *Папенов К.В., Казанцева А.Н.* Государственная поддержка развития альтернативной энергетики // Предпринимательское право. 2016. № 2. С. 44–52; *Редникова Т.В.* Биоэнергетика в устойчивом развитии сельского хозяйства: проблемы и перспективы развития отрасли // Сельское хозяйство. 2020. № 4. С. 21–30. DOI: 10.7256/2453-8809.2020.4.35335

[12] См.: URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1600201506220001 (дата обращения: 06.12.2021).

[13] В официальных источниках опубликован не был.

[14] См.: *Попова О.В.* Возможное правовое регулирование применения в сельском хозяйстве технологий получения возобновляемых энергоносителей // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский и др. М., 2020. С. 233–243.

Сельское хозяйство, следовательно, является существенно зависимым от устойчивости снабжения энергоресурсами, их технологической доступности и даже стоимости. Примечательно, что в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года среди основных факторов, влияющих на развитие агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов обозначены высокие тарифы на электроэнергетику (разд. V). Рост цен на электроэнергию, топливо в ряду других причин рассматриваются как обстоятельства, повышающие вероятность отказа непрерывно функционирующих систем отраслевой системы мониторинга водных биологических ресурсов, наблюдения и контроля за деятельностью промысловых судов[15].

Подчеркнем, что ВИЭ в сельском хозяйстве однозначно не следует рассматривать только в контексте модной повестки дня, их использование должно найти свою нишу в сельскохозяйственном производстве и в обеспечении жизни людей в сельских районах только в тех случаях, когда это действительно востребовано (например, отсутствие доступа сельских территорий к устойчивому энергоснабжению) и является экономически и экологически обоснованным (или в перспективе может стать таковым).

Экономистами и другими исследователями неоднократно отмечались недостатки использования ВИЭ. Так, Н.Н. Горюнова и А.О. Огунлана заключают: «К существенным недостаткам ВИЭ можно отнести нестабильность выработки энергии, относительно низкий КПД, высокую стоимость установки. Несмотря на условную “экологическую чистоту” ВИЭ, их использование сопровождается также некоторыми негативными эффектами: изъятием значительных площадей земель, изменениями в ландшафте, шумовым загрязнением, воздействием на флору и фауну»[16]. Причем использование ВИЭ в сельском хозяйстве обостряет проблему сокращения площадей земель сельскохозяйственного назначения, включая сельскохозяйственные угодья, за счет размещения энергетических объектов[17].

В подобных ситуациях фактически возникает сложный выбор между целесообразностью сохранения целевого назначения земель сельскохозяйственного назначения и задачей расширения случаев использования ВИЭ. Полагаем, что вид используемого возобновляемого источника энергии с учетом существующих технологий может усложнять этот выбор вплоть до возникновения конфликта целей и интересов (использование энергии солнца предполагает занятие генераторами энергии земельных участков большой площади, одновременно пригодных, скажем, для растениеводства; ветрогенераторы могут создавать проблемы для ведения животноводства и др.).

Надо признать, что использование ВИЭ ограничивается наличием и стоимостью традиционных источников энергии для конкретных хозяйств[18]. В сущности, успешная перспектива для использования ВИЭ складывается в тех местностях, где по каким-то причинам признано нецелесообразным развитие традиционной энергетики. Например, Схемой и Программой перспективного развития электроэнергетики Республики Карелия на период до 2024 года (утв. распоряжением Главы Республики Карелия от 31.07.2020 г. № 475-р) намечено создание котельных на кородревесных отходах и других объектов энергетики, действующих на основе ВИЭ, в ряде поселков. При этом подчеркивается, что переход на возобновляемые виды топлива связан с признанием нецелесообразной газификации ряда территорий указанного субъекта Федерации.

Как подчеркнуто в Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216[19], обеспечение экономически эффективного сочетания использования систем централизованного электро- и теплоснабжения с развитием распределенной генерации электрической энергии и интеллектуализацией энергетических систем, а также с использованием местных ресурсов, в т.ч. ВИЭ, является одной из задач по совершенствованию территориально-производственной структуры топливно-энергетического комплекса с учетом необходимости укрепления единства экономического пространства Российской Федерации (п. 27). Сегодняшние условия рынка и состояние технологического развития, как отмечено в Основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.01.2009 г. № 1-р[20]), делают экономически це-

[15] См.: Годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Развитие рыбохозяйственного комплекса» за 2019 г. URL: https://mcx.gov.ru/activity/state-support/programs/fish-development/ (дата обращения: 06.12.2021).

[16] *Горюнова Н.Н., Огунлана А.О.* Возобновляемые источники энергии как основа реализации Парижского соглашения по снижению выбросов парниковых газов в России // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 34–37.

[17] См. об этом, напр.: *Краснова И.О.* Зарубежный опыт правового регулирования использования возобновляемых источников энергии // Экологическое право. 2019. № 4. С. 23–29.

[18] См.: *Суслов Н.И.* Возобновляемые источники энергии в стране, где много традиционных энергоресурсов: еще о России // ЭКО. 2014. № 3 (477). С. 86.

[19] См.: СЗ РФ. 2019. № 20, ст. 2421.

[20] См.: СЗ РФ. 2009. № 4, ст. 515.

лесообразным без государственной поддержки использование лишь небольшой части ресурсов возобновляемой энергетики, единственное исключение из этого правила составляют гидроресурсы.

Низкие темпы развития электроэнергетики на основе использования ВИЭ в названном документе объясняются *неконкурентоспособностью* проектов использования возобновляемых источников энергии в существующей рыночной среде по сравнению с проектами на основе использования ископаемых видов органического топлива; наличием барьеров институционального характера, связанных с отсутствием необходимых нормативных правовых актов, стимулирующих использование ВИЭ в сфере электроэнергетики, отсутствием федеральной и региональных программ поддержки широкомасштабного использования ВИЭ; отсутствием инфраструктуры, требуемой для успешного развития электроэнергетики на основе ВИЭ и т.д. В Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р[21]) подчеркнута все та же недостаточная экономическая конкурентоспособность использования ВИЭ по отношению к иным технологиям производства электрической энергии.

Тем не менее там, где это необходимо, тесная связь между существующими условиями и потребностями сельского хозяйства и сельских территорий, с одной стороны, и современными направлениями в энергетическом секторе, в особенности в части все более широкого вовлечения в производство энергии ВИЭ, – с другой, должна быть своевременно учтена. Такое взаимодействие могло бы получить закрепление в рамках **концепции согласованного правового регулирования в отношении развития сельского хозяйства и энергетики, основанной на использовании ВИЭ**. Более того, задача обеспечения энергетической безопасности и устойчивого снабжения энергией, включая энергию, получаемую от ВИЭ, сельских территорий и непосредственно объекты ведения сельскохозяйственной деятельности, равно как специфика сельскохозяйственного производства и в целом жизни на селе обусловливают, по нашему мнению, выделение области комплексного правового регулирования в рамках отдельного правового института. Предмет совместного правового регулирования в этом случае образуют смежные общественные отношения – в области ведения сельского хозяйства и в области энергетики.

Примечательно, что в ряде международных актов, акцентирующих внимание государств на важность поощрения использования ВИЭ, вопросы развития сельского хозяйства находят одновременное подробное отражение. Так, по итогам Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (Рио-де-Жанейро, 2012) для государств, сотрудничающих в областях охраны окружающей среды и устойчивого развития, в международном масштабе были определены конкретные рекомендации и направления по развитию использования ВИЭ. В частности, итоговый документ этой Конференции ООН «Будущее, которое мы хотим»[22] содержит раздел «Энергетика», где ряд параграфов посвящен вопросу использования ВИЭ. В частности, удовлетворение потребностей в области развития было связано с более широким использованием ВИЭ и других технологий, обеспечивающих сокращение выбросов, повышения эффективности энергопотребления, широкого применения передовых энерготехнологий (п. 127). Участники данной Конференции признали, что увеличение доли ВИЭ имеет важное значение для устойчивого развития, в связи с чем призвали все государства создавать благоприятные условия, способствующие направлению государственных и частных инвестиций в разработку необходимых более чистых энергетических технологий, и подчеркнули важность создания стимулов для диверсификации источников энергии, а также устранения препятствий в этой сфере, в т.ч. путем оказания содействия соответствующим исследованиям и разработкам во всех странах, включая развивающиеся государства (п. 127–128). В рамках объявленной Генеральным секретарем ООН инициативы «Устойчивая энергетика для всех» страны – участницы Конференции ООН по устойчивому развитию также сосредоточили внимание на ВИЭ (п. 129).

Одновременно в резолюции Конференции ООН «Рио+20» выделен раздел «Продовольственная безопасность, питание и устойчивое ведение сельского хозяйства». Стороны при этом подчеркнули необходимость оживления деятельности секторов сельского хозяйства и развития сельских районов на устойчивой основе с точки зрения социально-экономического развития и охраны окружающей среды (п. 109). Было предусмотрено увеличение объема государственных и частных инвестиций в устойчивое ведение сельского хозяйства, управление земельными ресурсами и развитие сельских районов (п. 110). При этом среди основных направлений инвестиций и поддержки обозначены устойчивые методы ведения сельского хозяйства; инфраструктура, складские помещения и соответствующие технологии в сельских районах; исследования и разработки по вопросам устойчивых сельскохозяйственных технологий; развитие мощных сельскохозяйственных кооперативов

[21] См.: СЗ РФ. 2020. № 24, ст. 3847.

[22] См.: Официальный сайт ООН // https://undocs.org/ru/A/66/L.56

и производственно-сбытовых сетей; а также укрепление связей между городскими и сельскими районами. Государства – участники Конференции заявили также о необходимости поощрять, расширять и поддерживать такое сельское хозяйство, которое, в частности, позволяет повышать уровень продовольственной безопасности и искоренять голод и является экономически жизнеспособным, обеспечивая сохранение земельных и водных ресурсов, растений и зоогенетических ресурсов, биологического разнообразия и экосистем (п. 111).

25 сентября 2015 г. на Генеральной Ассамблее ООН принята резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»[23]. В соответствии с этой резолюцией стороны согласились выделять ресурсы на развитие сельских районов, внедрять и использовать устойчивые методы ведения сельского, пастбищного и рыбного хозяйства (п. 24, 28).

Зафиксированные в указанном документе 17 целей в области устойчивого развития и 169 связанных с ними задач обозначены в резолюции как имеющие «комплексный и неделимый характер». Одна из целей (цель 2) – «ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства». В раскрытии содержания данной цели в резолюции, в частности, определено, что к 2030 г. следует обеспечить создание устойчивых систем производства продуктов питания и внедрить методы ведения сельского хозяйства, которые позволяют повысить жизнестойкость и продуктивность и увеличить объемы производства, способствуют сохранению экосистем. Цель 7, закрепленная в том же документе, предполагает обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. В рамках постановки и обоснования данной цели было отмечено, что сектор электроэнергетики добивается впечатляющих успехов в области ВИЭ, однако необходимо уделять пристальное внимание расширению использования таких источников за пределами сектора электроэнергетики[24].

Следовательно, ***на международном уровне вопросы энергообеспечения за счет использования ВИЭ и вопросы развития сельского хозяйства нередко рассматриваются совместно – в общем ряду векторов обеспечения устойчивого развития***.

В то же время отрасли аграрного и энергетического законодательства в Российской Федерации не отличает наличие столь же очевидной связи. Федеральные законы «Об электроэнергетике», «О теплоснабжении»[25], «О газоснабжении в Российской Федерации»[26], «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[27] как базовые акты энергетического законодательства практически не учитывают специфики отрасли сельского хозяйства, не содержат обособленных правил по обеспечению энергетическими ресурсами сельскохозяйственного производства и сельских территорий.

В подзаконных актах в сфере энергетики (но не предметно по использованию ВИЭ) сельское хозяйство и сельские территории упоминаются в разовых случаях. В частности, Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года содержит упоминание сельской местности – в части обозначения среднего уровня газификации в городах и сельской местности на 1 января 2019 г. (соответственно 71.9% и 59.4%). В Порядке составления топливно-энергетических балансов субъектов Российской Федерации, муниципальных образований (утв. приказом Минэнерго России от 29.10.2021 г. № 1169) предусмотрено проведение расчетов прогнозного и фактического потребления топливно-энергетических ресурсов по сфере сельского хозяйства в рамках направления использования указанных ресурсов «прочие сферы» (п. 71, 87). В Перечне планируемых для размещения ветровых электростанций мощностью 100 МВт и выше, прилагаемом к Схеме территориального планирования Российской Федерации в области энергетики, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2016 № 1634-р, называются сразу несколько ветровых электростанций в сельских поселениях. Иными словами, упоминание сельского хозяйства и сельских территорий в подзаконных актах энергетического законодательства носит, по существу, ситуативный характер и в основном не предполагает установление тесных связей между областями развития энергетики, с одной стороны, и сельского хозяйства и сельских районов – с другой.

Очевидно, что в этих условиях ***определяющими для развития сельского хозяйства и сельских территорий в контексте обеспеченности их энергоресурсами, получаемыми на основе использования ВИЭ, становятся общие (неспециализированные) правила, поощряющие использование ВИЭ, закрепленные в энергетическом законодательстве***.

Как отмечено в Основных направлениях государственной политики в сфере повышения

[23] См.: URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/

[24] См.: URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/energy/

[25] См.: СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4159.

[26] См.: СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1667.

[27] См.: СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5711.

энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 08.01.2009 г. № 1-р[28]), государственная политика в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования ВИЭ рассматривается через определение комплекса мероприятий, направленных на создание условий, *стимулирующих развитие* использования ВИЭ для производства электрической энергии. Необходимость создания правовых стимулов для развития ВИЭ в России неоднократно подчеркивалась в научной литературе[29].

Правовое обеспечение расширения возможностей использования ВИЭ опирается на систему специальных правовых механизмов. Так, Федеральным законом от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[30] в составе показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов утверждаются показатели энергосбережения и повышения энергетической эффективности. При этом значения целевых показателей в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности должны отражать в общем числе данных увеличение количества объектов, использующих в качестве источников энергии ВИЭ. Кроме того, перечень мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, подлежащих включению в региональные, муниципальные программы в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, должен включать в себя предусмотренные законодательством мероприятия по увеличению количества случаев использования ВИЭ в качестве источников энергии (ст. 14). Основными направлениями государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года определено, что значения целевых показателей объема производства и потребления электрической энергии с использованием ВИЭ (кроме гидроэлектростанций установленной мощностью более 25 МВт) в 2035 г. должны составить *не менее 6%*.

В числе специальных инструментов, призванных обеспечить широкое практическое использование ВИЭ, при исследовании значения ВИЭ для сельского хозяйства необходимо отметить предусмотренные ст. 21, 23^1, 23^2, 24, 26, 33, 41 Федерального закона «Об электроэнергетике» следующие правоположения:

1) установление целевых показателей объема производства и потребления электрической энергии с использованием ВИЭ в совокупном балансе производства и потребления электрической энергии;

2) выдача и погашение сертификатов, подтверждающих объем производства электрической энергии на функционирующих на основе использования ВИЭ квалифицированных генерирующих объектах;

3) квалификация по специальным правилам генерирующего объекта, функционирующего на основе использования ВИЭ;

4) стимулирование использования ВИЭ путем продажи электрической энергии, произведенной функционирующими на их основе квалифицированными генерирующими объектами, на оптовом рынке по равновесным ценам оптового рынка с учетом надбавки, определенной в порядке, установленном Правительством РФ, или путем продажи мощности квалифицированных генерирующих объектов в объеме производства электрической энергии на основе использования возобновляемых источников энергии с применением механизма торговли мощностью, предусмотренного правилами оптового рынка для продажи мощности указанных генерирующих объектов;

5) установление обязательного для покупателей электрической энергии на оптовом рынке объема приобретения электрической энергии, произведенной на функционирующих на основе использования ВИЭ квалифицированных генерирующих объектах;

6) установление особенностей технологического присоединения объектов микрогенерации (такие объекты согласно ст. 3 Федерального закона «Об электроэнергетике» могут функционировать на основе использования ВИЭ) и определения размера платы за такое присоединение;

7) передача функций признания генерирующих объектов, функционирующих на основе использования ВИЭ, квалифицированными

[28] См.: СЗ РФ. 2009. № 4, ст. 515.

[29] См., напр.: *Камышанский В.П.* Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. 2018. № 4. С. 8–11. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-4-8-11; *Символоков О.А.* Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации // Гражданское право. 2020. № 4. С. 7–10. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-7-10; *Его же.* Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал росс. права. 2020. № 9. С. 63. DOI: 10.12737/jrl.2020.106; *Хмельницкий Л.Ю.* Использование возобновляемых источников энергии как механизм для преодоления диспропорций макроэкономического развития // Проблемы региональной энергетики. 2010. № 3. С. 25–35.

[30] См.: СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5711.

генерирующими объектами, ведения реестра выдачи и погашения сертификатов, подтверждающих объем производства электрической энергии на основе использования ВИЭ, Совету рынка – некоммерческой организации, которая образована в организационно-правовой форме ассоциации (союза) в виде некоммерческого партнерства и объединяет на основе членства субъектов электроэнергетики и крупных потребителей электрической энергии;

8) введение правила, согласно которому сетевые организации обязаны осуществлять компенсацию потерь в электрических сетях в первую очередь за счет приобретения электрической энергии, произведенной на функционирующих на основе использования ВИЭ квалифицированных генерирующих объектах в случаях, установленных основными положениями функционирования розничных рынков.

Постановлением Правительства РФ от 28 мая 2013 г. № 449 утверждены Правила определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии[31].

Стимулирующие механизмы для развития использования ВИЭ предусмотрены также в законодательстве о налогах и сборах. Так, в соответствии со ст. 217 НК РФ при исчислении налога на доходы физических лиц не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) доходы, полученные в период до 1 января 2029 г. от продажи электрической энергии, произведенной на объектах микрогенерации, принадлежащих налогоплательщику на праве собственности или ином законном основании.

В ст. 21 Федерального закона «Об электроэнергетике» содержится отсылка к бюджетному законодательству в части осуществления поддержки использования ВИЭ. В то же время Бюджетный кодекс РФ не выделяет отдельно возобновляемую энергетику. В данном акте в составе единого для бюджетов бюджетной системы Российской Федерации раздела «Национальная экономика» в классификации расходов бюджетов предусмотрен подраздел «Топливно-энергетический комплекс» (ст. 21). В ст. 78 БК РФ установлены правила предоставления субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам. В частности, в федеральном бюджете, а также в установленных федеральными законами случаях в бюджете субъекта Российской Федерации могут предусматриваться бюджетные ассигнования на предоставление субсидий юридическим лицам – коммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) унитарными предприятиями и юридическими лицами, 100% акций (долей) которых принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации на осуществление капитальных вложений в находящиеся в собственности указанных юридических лиц объекты энергетической инфраструктуры в случаях, предусмотренных федеральными законами, необходимые для реализации инвестиционных проектов, отобранных или определенных в соответствии с установленными федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Правительства РФ, высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации порядками отбора или критериями определения таких инвестиционных проектов, а также на возмещение затрат в связи с ранее осуществленными указанными юридическими лицами капитальными вложениями в объекты инфраструктуры, находящиеся в собственности указанных юридических лиц, а также в случаях, установленных федеральными законами, в объекты инфраструктуры, находящиеся в государственной (муниципальной) собственности.

В Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов»[32] не нашла отражения необходимость отдельной поддержки использования ВИЭ, равно как остались не обозначены в разделах бюджета объекты микрогенерации.

Для аграрного законодательства со своей стороны свойственно выстраивание недостаточно тесных связей с правовым регулированием отношений в сфере энергетики. Законы, регулирующие отношения, возникающие в области ведения сельского хозяйства, преимущественно не содержат положений, каким-то образом акцентирующих сферу энергообеспечения сельскохозяйственного производства и сельских территорий. Иначе говоря, в таких актах вообще не упоминаются объекты энергетики, не говоря уж об объектах, основанных на использовании ВИЭ.

Некоторую специфику правового режима для объектов энергетики в сельском хозяйстве и на сельских территориях можно усматривать в общих правоположениях об инфраструктуре, коммуникациях или других объектах. В составе объектов инфраструктуры, конечно, не могут не присутствовать объекты энергетики, но в таких формулировках специфика их значения для сельского хозяйства остается неопределенной.

В частности, в ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского

[31] См.: СЗ РФ. 2013. № 23, ст. 2909.

[32] См.: СЗ РФ. № 50 (ч. I), ст. 8030.

хозяйства»[33] развитие инфраструктуры рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия закреплено в качестве одного из направлений государственной аграрной политики.

Инфраструктура упоминается также в Федеральном законе от 21 июля 2005 г. № 108-ФЗ «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи»[34]. На основании ст. 1, 5 данного Федерального закона под всероссийской сельскохозяйственной переписью следует понимать сплошное федеральное статистическое наблюдение, предусматривающее сбор установленных законодательством сведений об объектах сельскохозяйственной переписи по состоянию на определенную дату и проводимое не реже чем один раз в 10 лет на всей территории страны в соответствии с официальной статистической методологией в целях формирования официальной статистической информации. В числе сведений о физических и юридических лицах, объектах сельскохозяйственной переписи, должны быть указаны производственно-технические условия и инфраструктура, а также состояние социальной, инженерной, транспортной инфраструктур сельских поселений (ст. 10 указанного Закона).

Под данными видами инфраструктуры понимаются и объекты энергетики, в том числе основанные на использовании ВИЭ. Именно таким образом трактуется, в частности, понятие производственной инфраструктуры в приказе Росстата от 29 февраля 2016 г. № 101 «Об утверждении Основных методологических и организационных положений по подготовке и проведению Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года», в котором в составе производственной инфраструктуры, технических средств и технологий сельскохозяйственных производителей учитывается применение ВИЭ (как современных технологий).

Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»[35] определены особенности правового режима объектов производственной инфраструктуры и т.п.

Статьей 77 ЗК РФ предусмотрено, что земли сельскохозяйственного назначения могут быть заняты коммуникациями, зданиями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции. В числе таких объектов могут быть объекты энергетики, функционирующие на основе использования ВИЭ.

Косвенно наличие объектов энергетики в сельском хозяйстве учитывается в ст. 8 Федерального закона от 25 июля 2011 г. № 260-ФЗ «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”»[36]. Согласно данному законоположению оказание государственной поддержки осуществляется при страховании рисков утраты (гибели) урожая сельскохозяйственной культуры, посадок многолетних насаждений, сельскохозяйственных животных, объектов товарной аквакультуры в результате воздействия таких событий, как нарушение электро-, и (или) тепло-, и (или) водоснабжения в результате опасных природных явлений и стихийных бедствий при условии, что для соответствующего вида сельскохозяйственного производства необходимо использование электрической, тепловой энергии, воды.

Кроме того, расширение случаев использования ВИЭ в сельском хозяйстве может базироваться на таких общих целях государственной аграрной политики, которые выделены в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства», как повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции и российских сельскохозяйственных товаропроизводителей; обеспечение устойчивого развития сельских территорий; сохранение используемых для нужд сельскохозяйственного производства природных ресурсов; формирование эффективно функционирующего рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, обеспечивающего повышение доходности сельскохозяйственных товаропроизводителей и развитие инфраструктуры этого рынка; повышение объема инвестиций в сфере сельского хозяйства (ст. 5).

В чуть большем объеме правовая регламентация развития энергетики на основе ВИЭ в сельском хозяйстве осуществляется в подзаконных актах, регулирующих аграрные отношения, в основном – в документах стратегического планирования. Так, Стратегией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 г. № 151-р[37]) для повышения качества жизни сельского населения в аспекте развития инженерной инфраструктуры планируется: во-первых, повышение надежности электроснабжения за счет установки на жизненно важных объектах независимых резервных источников электроснабжения; во-вторых, максимальное использование возможности применения для электроснабжения сельских населенных пунктов нетрадиционных источников энергии (солнечных батарей, ветроэнергетических установок, минигидроэлектростанций, биогазовых установок и др.).

[33] См.: СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I), ст. 27.

[34] См.: СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. I), ст. 3119.

[35] См.: СЗ РФ. 1995. № 50, ст. 4870.

[36] См.: СЗ РФ. 2011. № 31, ст. 4700.

[37] См.: СЗ РФ. 2015. № 6, ст. 1014.

Кроме того, в приложении 8 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия предусмотрены расходы на приобретение автономных источников электроснабжения (они вполне могут быть основаны на использовании ВИЭ), которые могут быть возмещены за счет средств гранта на развитие семейной фермы, представляющего собой адресные бюджетные ассигнования, перечисляемые из бюджета субъекта Российской Федерации и (или) местного бюджета в соответствии с решением региональной конкурсной комиссии семейной ферме для финансового обеспечения ее затрат, не возмещаемых в рамках иных направлений государственной поддержки, предусмотренных указанной Программой.

Правилами предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на обеспечение комплексного развития сельских территорий (приложение № 11 к государственной программе РФ «Комплексное развитие сельских территорий»[38]) предусмотрена реализация проектов комплексного развития сельских территорий или сельских агломераций. При этом содержание проектов составляет комплекс мероприятий, реализуемых на сельских территориях или на территории сельских агломераций. Одним из направлений этих мероприятий обозначено строительство и оборудование автономных и возобновляемых источников энергии для энергообеспечения объектов жилого и нежилого фонда (объектов социального назначения).

Положение о предоставлении социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам, проживающим на сельских территориях (приложение к Правилам предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на улучшение жилищных условий граждан, проживающих на сельских территориях в рамках той же государственной программы) определяет порядок предоставления социальных выплат на строительство (приобретение) жилья гражданам Российской Федерации, проживающим и работающим на сельских территориях либо изъявившим желание переехать на постоянное место жительства на сельские территории и работать там. Жилое помещение (жилой дом), на строительство (приобретение) которого предоставляется социальная выплата, должно быть при этом обеспечено централизованными или автономными инженерными системами (электроосвещение, водоснабжение, водоотведение, отопление, а в газифицированных районах также и газоснабжение).

Вопросы развития использования ВИЭ затронуты в документах стратегического планирования также в аспекте научно-технического обеспечения. В частности, Концепцией развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России до 2025 года (утв. приказом Минсельхоза России от 25.06.2007 г. № 342[39]) определены приоритетные направления развития аграрной науки и научного обеспечения АПК России. В их числе обозначено исследование процессов энергообеспечения и энергоресурсосбережения, электротехнологий, ВИЭ. Кроме того, разработка новых наукоемких электротехнологий и оборудования с использованием нетрадиционных видов и возобновляемых источников энергии (солнечная, ветровая, биотоплива и т.д.) для эффективного энергетического обеспечения технологий производства сельскохозяйственной продукции и социально-бытовой сферы села представляет собой, согласно указанной Концепции, отдельную тактическую задачу из комплекса задач, сформулированных по отраслям аграрной науки.

Среди актуальных документов стратегического планирования большое внимание специалистов привлекает реализация национального проекта «Экология». Паспорт этого национального проекта вообще не содержит положений о ВИЭ, хотя именно с данным документом были связаны ожидания специалистов в части обеспечения развития использования ВИЭ, в т.ч. в сельском хозяйстве[40].

Развитие сельского хозяйства с использованием ВИЭ могло бы составить конкретное направление правового регулирования субъектов Российской Федерации, экономика которых во многом опирается на аграрный сектор. Однако нередко попытки субъектов Федерации соединить в правовом регулировании и стратегическом планировании задачи развития сельских территорий, эффективного ведения сельского хозяйства и расширения числа применения ВИЭ выражены в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации в абстрактных формулировках и общих фразах. Лишь в отдельных субъектах Федерации документы стратегического планирования содержат конкретные планы и направления по развитию объектов энергетики, основанных на использовании ВИЭ, в сельской местности (в Республиках Карелия, Дагестан, Бурятия и др.). В этом случае реально значимыми становятся не столько описание гипотетического потенциала ВИЭ на сельских территориях субъектов Российской Федерации (таких ни к чему, в сущности,

[38] См.: постановление Правительства РФ от 31.05.2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Комплексное развитие сельских территорий” и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 23, ст. 2953.

[39] В официальных источниках не публиковался.

[40] См.: *Попова О.В.* Указ. соч. С. 238.

не обязывающих оценок в региональных нормативных правовых актах содержится немало), сколько всесторонний анализ экономической ситуации в субъекте Российской Федерации, оценка эффективности и обоснованности внедрения новых технологий с учетом существующего энергоснабжения, в т.ч. за счет традиционной энергетики.

* * *

Таким образом, правовые нормы, обеспечивающие расширение использования ВИЭ в сельском хозяйстве, разрозненны, в основном содержатся в подзаконных актах, включая документы стратегического планирования. Их фрагментарность и единичность не позволяют говорить в настоящее время о сформированном правовом институте, регулирующем применение возобновляемой энергетики конкретно в отрасли сельского хозяйства.

Вместе с тем необходимость согласования правового регулирования в отношении таких направлений в развитии российской экономики, как использование ВИЭ и развитие сельского хозяйства, базируется на концепции устойчивого развития, получившей официальное отражение в ряде международных документов. Данные направления могут быть сопоставлены также по основанию применения в праве сходных инструментальных подходов, т.к. и использование ВИЭ, и развитие сельского хозяйства нуждаются в закреплении в действующих правовых нормах механизмов, связанных с финансовой, организационной поддержкой, стимулированием соответствующей деятельности со стороны государства.

Последовательное изучение подходов аграрного и энергетического законодательства к поощрению указанной деятельности и практики применения определенных правоположений будут способствовать нахождению оптимальных совместных решений по обеспечению расширения использования ВИЭ в процессе развития сельского хозяйства и сельских территорий. Установление тесных взаимосвязей между аграрным и энергетическим законодательством, соответствующими отраслевыми документами стратегического планирования должно составить в этом контексте актуальное направление российского правотворчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батарев Г.А., Гайдаш Н.М., Мальцев В.Н., Мальцев В.В.* Отходы сельскохозяйственного производства – перспективный возобновляемый источник для производства энергии // Электрика. 2013. № 8. С. 17–22.
2. *Безруких П.П.* О состоянии и перспективах развития возобновляемой энергетики мира и России // Энергетическое право. 2011. № 1. С. 10–18.
3. *Горюнова Н.Н., Огунлана А.О.* Возобновляемые источники энергии как основа реализации Парижского соглашения по снижению выбросов парниковых газов в России // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 2. С. 34–37.
4. *Камышанский В.П.* Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. 2018. № 4. С. 8–11. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-4-8-11
5. *Коняева О.Н., Коняев Н.В.* Энергосберегающие технологии для сооружений защищенного грунта // Ресурсосбережение и экология строительных материалов, изделий и конструкций: сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч.-практ. конф., Курск, 1 октября 2021 г. Курск, 2021. С. 52–55.
6. *Краснова И.О.* Зарубежный опыт правового регулирования использования возобновляемых источников энергии // Экологическое право. 2019. № 4. С. 23–29.
7. *Латышев Д.С., Коняев Н.В.* Солнечный гелиоколлектор – альтернативный источник энергии в сельском хозяйстве // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых, Курск, 1 декабря 2020 г. / сб. науч. ст. Всеросс. науч. конф. перспективных разработок: в 2 т. Курск, 2020. С. 443.
8. *Латышев Д.С., Куликов М.Е., Коняев Н.В.* Влияние качества электроснабжения на эффективность сельскохозяйственного производства // Молодежь и XXI век-2021: материалы XI Междунар. молодежной науч. конф.: в 6 т., Курск, 18–19 февраля 2021 г. / отв. ред. М.С. Разумов. Курск, 2021. С. 287.
9. *Овчинников Д.Н., Фомина С.В., Михайлов В.В., Низавитин С.Н.* Технологическая линия приготовления пеллет из отходов сельскохозяйственного производства // Инженерное обеспечение в реализации социально-экономических и экологических программ АПК: материалы Всеросс. (национальной) науч.-практ. конф., Курган, 26 марта 2020 г. Курган, 2020. С. 53–57.
10. *Папенов К.В., Казанцева А.Н.* Государственная поддержка развития альтернативной энергетики // Предпринимательское право. 2016. № 2. С. 44–52.
11. *Попова О.В.* Возможное правовое регулирование применения в сельском хозяйстве технологий получения возобновляемых энергоносителей // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: в 4 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский и др. М., 2020. С. 233–243.
12. *Редникова Т.В.* Биоэнергетика в устойчивом развитии сельского хозяйства: проблемы и перспективы развития отрасли // Сельское хозяйство. 2020. № 4. С. 21–30. DOI: 10.7256/2453-8809.2020.4.35335
13. *Символоков О.А.* Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал росс. права. 2020. № 9. С. 63. DOI: 10.12737/jrl.2020.106
14. *Символоков О.А.* Формирование гражданско-правовых механизмов поддержки распределенной генерации // Гражданское право. 2020. № 4. С. 7–10. DOI: 10.18572/2070-2140-2020-4-7-10

15. *Суслов Н.И.* Возобновляемые источники энергии в стране, где много традиционных энергоресурсов: еще о России // ЭКО. 2014. № 3 (477). С. 86.

16. *Татаркин А.И.* Пространственные факторы системной модернизации Российской Федерации // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1. С. 37.

17. *Хмельницкий Л.Ю.* Использование возобновляемых источников энергии как механизм для преодоления диспропорций макроэкономического развития // Проблемы региональной энергетики. 2010. № 3. С. 25–35.

REFERENCES

1. *Batarev G.A., Gaidash N.M., Maltsev V.N., Maltsev V.V.* Agricultural waste – a promising renewable source for energy production // Electricity. 2013. No. 8. P. 17–22 (in Russ.).

2. *Bezrukikh P.P.* On the state and prospects of the development of renewable energy in the world and Russia // Energeticheskoe pravo. 2011. No. 1. P. 10–18 (in Russ.).

3. *Goryunova N.N., Ogunlana A.O.* Renewable energy sources as the basis for the implementation of the Paris Agreement to reduce greenhouse gas emissions in Russia // Society: politics, economics, law. 2017. No. 2. P. 34–37 (in Russ.).

4. *Kamyshanskiy V.P.* Civil Law stimulation of energy supply using renewable energy sources as a form of energy saving // Civil Law. 2018. No. 4. P. 8–11. DOI: 10.18572/2070-2140-2018-4-8-11 (in Russ.).

5. *Konyaeva O.N, Konyaev N.V.* Energy-saving technologies for protected soil structures. Resource-saving and ecology of building materials, products and structures: collection of scientific. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Kursk, October 1, 2021 Kursk, 2021 (in Russ.).

6. *Krasnova I.O.* Foreign experience of legal regulation of the use of renewable energy sources // Ecological Law. 2019. No. 4. P. 23–29 (in Russ.).

7. *Latyshev D.S., Konyaev N.V.* Solar collector – an alternative source of energy in agriculture // Innovative potential for the development of society: the view of young scientists, Kursk, December 1, 2020 / Sat. scientific. articles of the All-Russian scientific. Conf. promising developments: in 2 vols. Kursk, 2020. P. 443 (in Russ.).

8. *Latyshev D.S., Kulikov M.E., Konyaev N.V.* Influence of the quality of power supply on the efficiency of agricultural production // Youth and the XXI century-2021: materials of the XI International Youth Scientific. Conf.: in 6 vols, Kursk, February 18–19, 2021 / res. ed. M.S. Razumov. Kursk, 2021. P. 287 (in Russ.).

9. *Ovchinnikov D.N., Fomina S.V., Mikhailov V.V., Nizavitin S.N.* Technological line for the preparation of pellets from agricultural waste // Engineering support in the implementation of socio-economic and environmental programs of the agro-industrial complex: materials of the scientific-practical Conf., Kurgan, March 26, 2020. Kurgan, 2020. P. 53–57 (in Russ.).

10. *Papenov K.V., Kazantseva A.N.* State support for the development of alternative energy // Entrepreneurial Law. 2016. No. 2. P. 44–52 (in Russ.).

11. *Popova O.V.* Possible legal regulation of the use of renewable energy technologies in agriculture // Law and business: legal space for business development in Russia: in 4 vols / res. ed. S.D. Mogilevsky and others. M., 2020. P. 233–243 (in Russ.).

12. *Rednikova T.V.* Bioenergy in sustainable development of agriculture: problems and prospects for the development of the industry // Agriculture. 2020. No. 4. P. 21–30. DOI: 10.7256 / 2453-8809.2020.4.35335 (in Russ.).

13. *Symbolokov O.A.* Legal support for the development of technologies for the use of renewable energy sources // Journal of Russian law. 2020. No. 9. P. 63. DOI: 10.12737/jrl.2020.106 (in Russ.).

14. *Symbolokov O.A.* Formation of civil law mechanisms to support distributed generation // Civil Law. 2020. No. 4. P. 7–10. DOI: 10.18572 / 2070-2140-2020-4-7-10 (in Russ.).

15. *Suslov N.I.* Renewable energy sources in a country where there are many traditional energy resources: more about Russia // ECO. 2014. No. 3 (477). P. 86 (in Russ.).

16. *Tatarkin A.I.* Spatial factors of systemic modernization of the Russian Federation // Business, management and law. 2012. No. 1. P. 37 (in Russ.).

17. *Khmelnitsky L. Yu.* The use of renewable energy sources as a mechanism to overcome the imbalances in macroeconomic development // Problems of regional energy. 2010. No. 3. P. 25–35 (in Russ.).

Сведения об авторе

ИГНАТЬЕВА Инна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

IGNATEVA Inna A. –
Doctor of Law, Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty at Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 109–121
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 109–121

ПРАВО И МЕДИЦИНА

«ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ» ИММУННЫЙ ОТВЕТ: ПРОБЛЕМЫ ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 (Окончание)[1]

© 2022 г. А. А. Троицкая[1, *], Т. М. Храмова[2, **]

[1]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
[2]Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

**E-mail: stephany@mail.ru*
***E-mail: t.syrunina@gmail.com*

Поступила в редакцию 28.10.2021 г

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы вакцинации от коронавирусной инфекции COVID-19 с позиций междисциплинарного подхода: выясняются как медицинские, так и конституционно-правовые нюансы, влияющие на оценку сбалансированности применяемой в России модели вакцинации. С одной стороны, авторы обозначают преимущества превентивной иммунной защиты перед альтернативными способами противостояния пандемии, с другой – риски, вызванные в первую очередь неопределенностью параметров, влияющих на медицинскую и правовую обоснованность обращения к модели принудительной вакцинации. В статье последовательно изучаются имеющиеся медицинские данные об эффективности и безопасности вакцин, а также проводится анализ пропорциональности правового регулирования, действующего в России на момент написания статьи. Авторы приходят к выводу о том, что конкретные параметры вводимой модели вакцинации должны основываться на обширных научных исследованиях в этой области, а также сопровождаться готовностью государства вести непротиворечивую информационную кампанию и брать на себя ответственность за негативные последствия для жизни и здоровья граждан, столкнувшихся с обозначенными в статье рисками.

Ключевые слова: вакцинация, принудительная вакцинация, пандемия COVID-19, пропорциональность.

Цитирование: *Троицкая А.А., Храмова Т.М.* «Принудительный» иммунный ответ: проблемы вакцинации от COVID-19 (Окончание) // Государство и право. 2022. № 6. С. 109–121.

DOI: 10.31857/S102694520020477-5

"COMPULSORY" IMMUNE RESPONSE: CHALLENGES OF VACCINATION AGAINST COVID-19 (The end)[2]

© 2022 A. A. Troitskaya[1, *], T. M. Khramova[2, **]

[1]Lomonosov Moscow State University
[2]National Research University "Higher School of Economics", Moscow

**E-mail: stephany@mail.ru*
***E-mail: t.syrunina@gmail.com*

Received 28.10.2021

[1] Начало см.: Государство и право. 2022. № 5. С. 89–95.

[2] See the beginning: Gosudarstvo i pravo=State and Law, 2022, No. 6, pp. 89–95.

Abstract. The article adopts an interdisciplinary approach to reflecting the challenges of immunization against COVID-19: it reveals both medical and legal concerns that accompany the current vaccination model in Russia and characterize this model as unbalanced. On the one hand, the authors underline the advantages of vaccination as opposed to alternative means to address the current pandemic. On the other hand, they stipulate the risks associated primarily with the high level of uncertainty of both medical and legal parameters of the vaccination scheme adopted in Russia. The authors consequently analyze a number of medical findings on efficacy and security of the existing vaccines and conduct the proportionality test of current legal regulation that guides vaccination against COVID-19 in Russia. The article concludes with an observation that a well-balanced model of regulation should be based on high-quality research findings and be accompanied by the willingness of the state to carry out a consistent information campaign and take on the responsibility for negative side-effects experienced by some citizens who have gone through vaccination.

Key words: vaccination, compulsory vaccination, COVID-19 pandemic, proportionality.

For citation: *Troitskaya, A.A., Khramova, T.M. (2022).* "Compulsory" immune response: challenges of vaccination against COVID-19 (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 109–121.

2. Принудительная вакцинация от COVID-19: возможно ли пропорциональное решение?

2.1. Понятие принудительной вакцинации

Прежде чем ответить на вопрос, совместима ли принудительная вакцинация от COVID-19 с конституционными ценностями прав человека, необходимо разобраться с понятием и правовой природой этого явления. Следует отметить, что принудительную вакцинацию в научных целях следует изучать как модель, противоположную модели добровольной вакцинации, характеризующей ситуацию, когда субъект совершает свободный выбор в пользу либо против вакцинации в отношении себя или своих детей (подопечных), принимая на себя ответственность за медицинские риски собственного решения и не опасаясь негативных (правоограничивающих) последствий со стороны государства. Модель добровольной вакцинации требует от человека самостоятельного сопоставления выгод и потенциальных рисков вакцинации, а решение об отказе не влечет за собой мер ответственности либо дополнительного ограничения прав или доступа к социальным благам. При добровольной вакцинации государство может стимулировать вовлечение граждан в кампанию по иммунизации через информирование, повышение качества медицинского обслуживания, а также установление определенных преференций для вакцинированных граждан в сравнении с общим правовым статусом, не понижая при этом уровень последнего. Добровольная вакцинация является гарантией реализации права человека на качественную медицинскую помощь и вытекающей из этого права позитивной обязанности государства обеспечить защиту жизни и здоровья[3] каждого человека в отдельности и общества в целом (при этом последний аспект представляет особую важность, т.к. не сводится только к удовлетворению индивидуальных потребностей каждого гражданина в доступе к безопасной и эффективной вакцине, что подчеркивается как иммунологами, так и юристами).

В свою очередь, принудительная вакцинация (*compulsory vaccination*) предполагает непосредственное влияние государства на принятие человеком решения в отношении себя лично либо своих детей (подопечных). Причем воздействие на гражданина, от которого ожидается решение в пользу вакцинации, в абсолютном большинстве случаев происходит не посредством физического принуждения к введению медицинского препарата в организм человека. Принуждение выражается в тех негативных последствиях, которые человек вынужден претерпевать в случае отказа от вакцинации[4]. Как отметил Европейский Суд по правам человека в деле *Вавричка и другие против Чешской Республики*, последствия выбора заявителей «не могут быть конструктивно отделены от исходной обязанности. Наоборот, они незамедлительно и непосредственно вытекают из отношения заявителей [к вакцинации] и, следовательно, неразрывно с ним связаны» (§ 259). В случае с принудительной вакцинацией в арсенале государства имеются не только инструменты убеждения в научной доказанности преимуществ превентивной иммунизации, в эффективности и безопасности доступных вакцин, но

[3] На наличие у государства позитивных обязательств принимать адекватные меры, вытекающие из ст. 2 (право на жизнь) и ст. 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, частью которых может являться вакцинация, указывает Европейский Суд по правам человека в деле *Вавричка и другие против Чешской Республики* (§ 282) со ссылкой на свою многочисленную более раннюю практику (см.: ECtHR, *Vavřička and others v. The Czech Republic (GC)*, Judgment of 8 April 2021). ЕСПЧ также обосновывает наличие позитивных обязательств ссылкой на другие международные документы о правах человека, в частности на Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о правах ребенка, Европейскую социальную хартию (пересмотренную).

[4] См.: *Krasser A.* Compulsory Vaccination in a Fundamental Rights Perspective: Lessons from the ECtHR // ICL Journal. Vol. 15. 2021. No. 2. P. 208.

и карательные методы наложения штрафов, отстранения от работы, недопуска к определенным благам (образовательным, культурным и проч.) в отношении тех, кто не согласен прививаться. Степень строгости государственного воздействия на лиц, не желающих вакцинироваться и не имеющих медицинских противопоказаний к данному виду медицинского вмешательства, а также перечень благ, доступ к которым ограничивается для невакцинированных граждан, могут быть различными, однако даже незначительные «санкции» за отказ от прививки говорят о том, что выбранная модель является не добровольной, а принудительной[5].

Фокус внимания исследователя ориентирован на проблему ограничения прав и свобод, составляющего основу модели принудительной вакцинации, и на поиск оптимального баланса между удовлетворением легитимного государственного интереса по защите индивидуального и общественного здоровья и выбором адекватных, необходимых мер по достижению публично значимых целей.

После того как разные вакцины от коронавируса COVID-19, одобренные с точки зрения их безопасности и эффективности, в достаточном количестве поступили в массовый оборот, многие государства прибегли к той или иной форме принуждения граждан к вакцинации. Некоторые страны установили, что наличие прививки от COVID-19 обязательно для отдельных категорий населения (например, для медицинских работников – во Франции[6], Венгрии[7], Греции[8], работников домов престарелых – в Соединенном Королевстве[9] и Греции[10], государственных служащих – в Канаде[11] и на Фиджи[12], для всех работников государственного и частного секторов – в Италии[13]). Ряд государств ввели ограничения на доступ в публичные места для невакцинированных граждан (например, во Франции паспорт вакцинации требуется для входа в кафе и рестораны, а также для путешествий на самолете, поезде или междугороднем автобусе[14], в Италии – помимо прочего (транспорта, кафе, баров, спортзалов), для входа на территорию школ и университетов[15], в Саудовской Аравии – для доступа в любые общественные места, как государственные, так и частные[16]). Небольшое количество стран уже сделали вакцинацию от коронавируса обязательной для всего взрослого населения (например, Индонезия[17], Микронезия[18], Туркменистан[19]). В ряде государств обязанность вакцинироваться стала предметом судебной оценки: так, Конституционный суд Коста Рики признал не противоречащим Конституции и соответствующим принципу пропорциональности требование об обязательной вакцинации от COVID-19 медицинского

[5] В этом контексте понятна сомнительность некоторых высказываний, в рамках которых принудительный характер вакцинации отрицается в связи с тем, что у человека сохраняется возможность избежать вакцинации, сменив работу и т.п. (см.: Песков назвал вакцинацию добровольной из-за возможности уволиться // Ведомости. 2021. 24 июня. URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/06/24/875435-kremle-dali-sovet-nezhelayuschim-delat-privivku).

[6] См.: France Covid: Vaccinations mandatory for all health workers // BBC, 12 July 2021. URL: https://www.bbc.com/news/world-europe-57814163

[7] См.: Hungary to make Covid-19 vaccinations mandatory for healthcare workers – PM // Reuters, 23 July 2021. URL: https://www.reuters.com/world/europe/hungary-make-covid-19-vaccinations-mandatory-healthcare-workers-pm-2021-07-23/

[8] См.: Greece orders Covid vaccination for healthcare workers as cases rise // Reuters, 12 July 2021. URL: https://www.reuters.com/world/europe/greece-orders-covid-vaccination-healthcare-workers-cases-rise-2021-07-12/

[9] См.: *Ford M.* Covid-19 vaccines to be made mandatory for all care home staff in England // Nursing Times, 16 June 2021. URL: https://www.nursingtimes.net/news/social-care/covid-19-vaccines-to-be-made-mandatory-for-all-care-home-staff-in-england-16-06-2021/

[10] См.: Greece orders COVID vaccination for healthcare workers as cases rise // Reuters, 12 July 2021. URL: https://www.reuters.com/world/europe/greece-orders-covid-vaccination-healthcare-workers-cases-rise-2021-07-12/

[11] См.: Government of Canada to require vaccination of federal workforce and federally regulated transportation sector, Government of Canada, 13 August 2021. URL: https://www.canada.ca/en/treasury-board-secretariat/news/2021/08/government-of-canada-to-require-vaccination-of-federal-workforce-and-federally-regulated-transportation-sector.html

[12] См.: No jab, no job': Covid-19 vaccines made compulsory for Fiji civil servants. URL: https://www.channelnewsasia.com/world/covid-19-fiji-compulsory-vaccination-civil-servants-no-jab-no-job-2113456

[13] См.: Decreto-Legge 21 Settembre 2021, n. 127. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2021/09/21/21G00139/sg; см. также: *Matteucci S.C., Pignataro M. Italy*: Back to school and work with the Green Covid-19 Certificate! URL: https://lexatlas-c19.org/back-to-school-and-work-with-the-green-covid-19-certificate-2/

[14] См.: *Corbet S.* France's virus pass now required in restaurants, trains // AP News, 9 August 2021. URL: https://apnews.com/article/europe-business-health-france-coronavirus-pandemic-655d8451d7494f8663ce2072e64cf7a6

[15] См.: Decreto-Legge 6 Agosto 2021, n. 111. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2021/08/06/21G00125/sg; Decreto-Legge 10 Settembre 2021, n. 122. URL: https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2021/09/10/21G00134/sg.

[16] См.: Saudi Arabia: Covid-19 Vaccination Is Mandatory for Entering All Places from Today, Aug. 1. URL: https://www.spa.gov.sa/viewfullstory.php?lang=en&newsid=2267363

[17] См.: *Aditya A. and Jiao C.* Indonesia to Punish Those Who Refuse to Take Covid-19 Vaccine. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-18/indonesia-to-punish-those-who-refuse-to-take-covid-19-vaccine?sref=yLCixKPR

[18] См.: South Pacific island nation mandates COVID-19 vaccination // Reuters, July 30, 2021. URL: https://www.reuters.com/world/asia-pacific/south-pacific-island-nation-mandates-covid-19-vaccination-2021-07-30/

[19] См.: *Dyer O.* Covid-19: Turkmenistan becomes first country to make vaccination mandatory for all adults // BMJ 2021, 374. URL: https://www.bmj.com/content/374/bmj.n1766

персонала[20]. В свою очередь, решением от 14 сентября 2021 г. Верховный суд Израиля отклонил жалобу, в которой оспаривалось законодательство о «зеленых» паспортах вакцинации (green pass). Суд не нашел дискриминации в несовпадении правового статуса вакцинированных (и переболевших) и не вакцинированных людей, поскольку посчитал, что имеются значимые фактические различия между названными группами[21].

Важно понимать, что государство, вводящее требование об обязательной вакцинации от COVID-19, потенциально ограничивает такие фундаментальные конституционные права, как:

1) право на физическую неприкосновенность, являющееся частью личной свободы или свободы частной жизни (вакцинация является разновидностью медицинского вмешательства)[22];

2) право на охрану жизни и здоровья (вакцинация сопровождается ненулевым риском для жизни и здоровья пациента, что особенно актуально в свете недостаточной изученностью редких негативных последствий и побочных эффектов от недавно разработанных вакцин)[23];

3) свобода совести и вероисповедания (в случае, если отказ от вакцинации невозможен по религиозным убеждениям)[24];

4) право на образование, право на распоряжение способностями к труду, свобода передвижения, право собственности, в зависимости от того, какие последствия влечет за собой отказ от вакцинации (например, недопуск студентов в образовательные учреждения, отстранение от работы, запрет на въезд в государство / на часть его территории, штраф);

5) право на защиту семейной жизни (в случае, если принудительная вакцинация вводится в отношении детей).

Ограничение конституционного права, однако, не является автоматическим свидетельством его нарушения. Для установления справедливого баланса конституционных прав и публичных интересов государству необходимо руководствоваться требованиями пропорциональности, предписывающими выбор той модели вакцинации, которая позволяет достигать легитимной цели с помощью адекватных, наименее обременительных средств, принимающих в расчет ценность подлежащих ограничению благ.

Далее мы оценим действующее российское правовое регулирование вакцинации от COVID-19 с точки зрения конституционных критериев допустимости ограничений прав: проверим его на соответствие *формальному* критерию – «ограничение прав федеральным законом» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), а также *содержательному* тесту на пропорциональность, включающему в себя четыре элемента: 1) легитимную цель; 2) пригодность ограничения; 3) необходимость вмешательства; 4) пропорциональность *stricto sensu*[25].

2.2. Есть ли для принудительной вакцинации от COVID-19 в России достаточные законные основания?

2.2.1. Подход федерального законодателя к иммунопрофилактике инфекционных болезней

Регламентируя правовые основы государственной политики в области профилактики инфекционных болезней, российский законодатель реализует смешанную модель, которая содержит элементы как добровольной, так и принудительной вакцинации. С одной стороны, он напрямую не использует термин «принудительная вакцинация», а напротив, в ст. 5 Федерального закона «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней»[26] (далее – Федеральный закон об иммунопрофилактике) обозначает право граждан на «отказ от профилактических прививок». С другой стороны, Федеральный закон содержит два термина, по которым необходимы специальные пояснения, поскольку они в ряде случаев отменяют действие принципа добровольности

---

[20] См.: Constitutional Court confirms constitutionality of mandatory vaccination, 21 September 2021. URL: https://qcostarica.com/constitutional-court-confirms-constitutionality-of-mandatory-vaccination/

[21] См.: *Albin E., Gross A., Luster T.* Rise Like a Phoenix: The Return of Israel's Green Pass – Questions of Domestic and Global Health Justice. URL: https://lexatlas-c19.org/rise-like-a-phoenix-the-return-of-israels-green-pass-questions-of-domestic-and-global-health-justice/

[22] См.: *Маркова Е.* Обязательная вакцинация в условиях пандемии COVID-19 // Журнал Белорусского гос. ун-та. Право. 2020. № 3. С. 40; *Krasser A.* Op. cit. P. 216.

[23] Следует отметить, однако, что еще в решении европейской Комиссии по делу *Association of Parents v the United Kingdom, No* 7154/75, Decision of 12 July 1978, указано, что, если государство стремится минимизировать риски побочных эффектов от вакцинации, даже некоторое количество смертей, связанных с прививкой, не образуют вмешательство в право на жизнь.

[24] См.: *Маркова Е.Н.* Право на отказ от обязательной вакцинации в соответствии с религиозными убеждениями: pro et contra // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 6. Впрочем, еще в 1998 г. в деле *Boffa and 13 Others v. San Marino*, *Application No 26536/95,* Decision of 15 January 1998, европейская Комиссия отметила, что ст. 9 Конвенции не всегда гарантирует право вести себя в публичной сфере сообразно со своими убеждениями, и не нашла оснований считать, что обязанность вакцинировать детей связана с вмешательством в ст. 9 Конвенции. Аналогично в деле *Vavřička and others v. The Czech Republic* (GC) ЕСПЧ также подчеркнул, что критическое отношение к вакцинации не образует убеждения или верования, достаточно убедительного, серьезного, единообразного и важного для защиты с помощью гарантий ст. 9 Конвенции (§ 335).

[25] См.: *Barak A.* Proportionality: constitutional rights and their limitations. Cambridge; N.Y., 2012. P. 131.

[26] См.: СЗ РФ. 1998. № 38, ст. 4736.

вакцинации: во-первых, перечень работ, выполнение которых «требует обязательного проведения профилактических прививок» (абз. 5 п. 2 ст. 5), а во-вторых, «категории граждан, подлежащие обязательной вакцинации» (п. 2 ст. 9, п. 3 ст. 10).

Что касается первого термина, законодатель признает, что некоторые виды профессиональной деятельности сопряжены с повышенным риском заболевания инфекционными болезнями. Согласно п. 2 ст. 5 Федерального закона об иммунопрофилактике отсутствие профилактических прививок влечет «отказ в приеме граждан на работы или отстранение граждан от работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями». Данное ограничение, являющееся, по сути, принуждением к вакцинации, распространяется по профессиональному признаку на всех лиц, претендующих на выполнение «рисковых» работ и напрямую *не связан* с периодами ухудшения эпидемиологической ситуации, к которым относится, например, пандемия COVID-19. В соответствии с указанным Законом единственное последствие обострения эпидемиологической обстановки для граждан, не прошедших вакцинацию, – это «временный отказ в приеме граждан в образовательные организации и оздоровительные учреждения» (абз. 3 п. 2 ст. 5)[27].

Второй термин – «категории граждан, подлежащие обязательной вакцинации» – связан с понятиями «национальный календарь профилактических прививок» и «календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям». Национальный календарь включает в себя прививки от болезней, перечисленных в п. 1 ст. 9 Федерального закона об иммунопрофилактике. Данный календарь в качестве «категорий граждан, подлежащих обязательной вакцинации», называет детей и взрослых, не имеющих медицинских противопоказаний к профилактической иммунизации, а критерием «обязательности» прививок является возраст человека. Каких-либо мер ответственности за отказ от прививок, предусмотренных национальным календарем (за исключением последствий, связанных с допуском к «рисковым» видам работ, описанным выше), законодательством не предусмотрено. К слову, такое положение позволяет предположить, что термин «обязательная вакцинация» здесь означает не принудительную модель в отношении граждан, не занятых на «рисковых» работах, а обязательства скорее государства – обеспечение вакцинами в соответствии с графиком, предусмотренным в календаре, тех лиц, кто выражает добровольное согласие на вакцинацию. Впрочем, и такое предположение не проясняет ситуацию, потому что конкретный объем обязательств государства (и возможности санкций за их неисполнение) в приведенных документах тоже не обозначен.

Прививки по эпидемическим показаниям в соответствии со ст. 10 Федерального закона об иммунопрофилактике проводятся по решению главного государственного санитарного врача Российской Федерации, главных государственных санитарных врачей субъектов Российской Федерации при угрозе возникновения инфекционных болезней.

Категории граждан, подлежащих обязательной вакцинации, обозначены Минздравом России более узко, чем применительно к национальному календарю прививок.

2.2.2. Введение принудительной вакцинации в ряде субъектов Российской Федерации

Именно на ст. 10 Федерального закона об иммунопрофилактике и на п. 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 12 марта 1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[28], позволяющих выносить мотивированные постановления о проведении профилактических прививок гражданам или отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям, ссылались государственные санитарные врачи субъектов Российской Федерации в своих постановлениях о вакцинации от коронавирусной инфекции, принятых в июне–июле 2021 г. Сначала в г. Москве, а затем в других субъектах Российской Федерации (по состоянию на 10 сентября 2021 г. – в 43 субъектах Российской Федерации) были приняты акты государственных санитарных врачей, предписывающие «обеспечить проведение профилактических прививок по эпидемическим показаниям против новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» гражданам, осуществляющим деятельность в сферах услуг (в организациях торговли, жилищно-коммунального хозяйства, общественного питания, общественного транспорта, образования, здравоохранения, социальной защиты, почтовой связи, салонах красоты, бассейнах и банях, прачечных и химчистках, многофункциональных центрах услуг, театрах, музеях, детских развлекательных центрах и проч.), а также в некоторых регионах государственным и муниципальным служащим, сотрудникам правоохранительных органов, студентам. Некоторые субъекты Российской Федерации проявили оригинальность, добавив в данный список категорий граждан представителей нетипичных для других

[27] В Федеральном законе об иммунопрофилактике названо также третье последствие отсутствия профилактических прививок, а именно «запрет для граждан на выезд в страны, пребывание в которых в соответствии с международными медико-санитарными правилами либо международными договорами Российской Федерации требует конкретных профилактических прививок» (абз. 2 п. 2 ст. 5), однако этот запрет не связан с принуждением к вакцинации со стороны Российской Федерации и, соответственно, не ограничивает права тех граждан, которые остаются под ее юрисдикцией.

[28] См.: СЗ РФ. 1999. № 14, ст. 1650.

регионов профессий (например, сотрудников государственных контрольных органов в пунктах пропуска через государственную границу или работников рыболовецких и промысловых судов – в Республике Дагестан[29], членов избирательных комиссий и наблюдателей – в Чеченской Республике[30]) или жителей отдельных районов региона (например, жителей нескольких северных районов, а также районов, подверженных подтоплению в период прогнозируемого паводка – в Хабаровском крае[31]).

В своих постановлениях главные санитарные врачи субъектов Российской Федерации возложили на руководителей организаций и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сферах, в которых заняты обозначенные категории граждан, обязанность «организовать проведение профилактических прививок», причем по большинству субъектов Федерации, где приняты соответствующие постановления о профилактических прививках, была установлена цель вакцинировать в короткие сроки «не менее 60% от общей численности работников, сотрудников»[32]. Никакие последствия недостижения необходимого результата ни для работодателей, ни для работников в постановлениях государственных санитарных врачей субъектов Российской Федерации не указаны.

Анализ положений федерального законодательства об иммунопрофилактике инфекционных болезней, а также постановлений государственных санитарных врачей части субъектов Российской Федерации, реализовавших свои полномочия в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 51 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», позволяет сделать несколько промежуточных выводов: 1) более чем в половине субъектов Российской Федерации неблагополучная эпидемиологическая ситуация мотивировала государственных санитарных врачей принять меры по обеспечению вакцинации от COVID-19 отдельных групп граждан; 2) обязанность по организации проведения прививок, а также усилению информационно-разъяснительной кампании среди работников о важности профилактики коронавируса возложена на работодателей; 3) ни положения федерального законодательства, ни акты государственных санитарных врачей не содержат однозначного, четкого и ясного регулирования последствий отказа граждан обозначенных категорий от профилактических прививок, а также недостижения требуемых показателей по количеству вакцинированных сотрудников в субъекте Российской Федерации.

Правовая неопределенность позволила органам исполнительной власти и работодателям интерпретировать обязанность последних «организовать проведение профилактических прививок» как требование принудить сотрудников организаций в соответствующих сферах к вакцинации под угрозой применения мер ответственности. Так, в Разъяснениях Министерства труда и социальной защиты РФ совместно с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 23 июля 2021 г. по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учёта процента вакцинированных[33], предназначенных для доведения до общероссийских объединений работодателей, а последними, в свою очередь, – до своих членов, указано, что «граждане, подлежащие вакцинации, вправе отказаться от прививок, но в этом случае они должны быть отстранены от выполняемых работ на период эпидемиологического неблагополучия» (абз. 5 п. 1). Данный вывод является как минимум спорным, поскольку напрямую не вытекает ни из содержания ст. 76 ТК РФ, регламентирующей основания отстранения от работы, ни из положений законодательства об иммунопрофилактике инфекционных болезней, рассмотренных выше. В Разъяснениях данное правоограничительное утверждение приведено без ссылок на нормативные правовые акты и выглядит неаргументированным. Интересно, что по прошествии нескольких недель после выхода Совместных разъяснений Министерство труда и социального развития РФ выпустило Письмо от 10 августа 2021 г. № 14-2/ООГ-7691[34], в котором специально подчеркнуло, что данные разъяснения «носят рекомендательный характер, не являются нормативным правовым актом и не формируют новых обязательств

[29] См.: пункты 1.5, 1.6 постановления Главного государственного санитарного врача по Республике Дагестан от 21.07.2021 г. № 37 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан Республики Дагестан по эпидемическим показаниям».

[30] См.: пункт 1 постановления Главного государственного санитарного врача по Чеченской Республике от 30.06.2021 г. № 5 «О проведении профилактических прививок против новой коронавирусной инфекции по эпидемическим показаниям на территории Чеченской Республики».

[31] См.: пункты 1.3, 1.4 постановления Главного государственного санитарного врача по Хабаровскому краю от 01.07.2021 г. № 6 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям».

[32] В ряде субъектов Российской Федерации, однако, целевые показатели по вакцинированным гражданам отличаются от приведенного. Например, в Чеченской Республике от работодателя требуется вакцинировать не менее 90% работников перечисленных в постановлении категорий, а в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Волгоградской области или Республике Дагестан целевые показатели в постановлениях государственных санитарных врачей вообще не обозначены.

[33] См.: Совместные разъяснения Минтруда России и Роспотребнадзора по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учёта процента вакцинированных от 23.07.2021 г. № 14-4/10/П-5532. URL: https://mintrud.gov.ru/docs/1876

[34] См.: URL: http://ivo.garant.ru/#/document/402615256/paragraph/1:0

для работодателя и работника», еще больше усилив правовую неопределенность и непредсказуемость последствий отказа граждан от профилактических прививок против коронавирусной инфекции[35].

Таким образом, после того как постановления государственных санитарных врачей субъектов Российской Федерации были восприняты работодателями как указания к проведению принудительной вакцинации сотрудников, органы власти обозначили, что такие указания вовсе не имелись в виду. С одной стороны, эта позиция государства позволила ему «выйти из-под удара», тем более что действующая нормативная основа никак не похожа на достаточно определенную для того, чтобы ограничения в виде принудительной вакцинации могли считаться соответствующими конституционным требованиям уже на этом этапе проверки. С другой стороны, ситуация стала окончательно запутанной для работодателей и работников в части объема требований, предъявляемых к ним государством. Эта проблема может вновь актуализироваться при волнообразном развитии пандемии и появлении потребности в ревакцинации по прошествии времени (полгода или дольше) и / или вакцинировании новых категорий граждан (детей). Не исключено, что линия, в рамках которой на работодателей возлагается обязанность по обеспечению определенного процента привитых сотрудников, а затем уточняется, что этот призыв не выходит за рамки рекомендаций и не сопровождается никакими санкциями ни для работодателей, ни для работников, могла быть успешно проведена только один раз.

Несмотря на очевидные правовые дефекты использованной летом 2021 г. модели стимулирования иммунизации от COVID-19, их нельзя считать непреодолимыми. При наличии политической воли даже в рамках действующего законодательства государство могло бы внедрить модель принудительной вакцинации от COVID-19 с соблюдением критерия «законной формы» (например, установить четкое и понятное требование о вакцинации в качестве условия доступа граждан к определенным социальным благам в той же мере, в какой это было признано допустимым Европейским Судом по правам человека в деле *Вавричка и другие против Чешской Республики*). Поэтому важно также оценить соразмерность введения различных моделей принуждения к вакцинации от коронавируса с учетом имеющейся информации об эффективности и безопасности вакцин, доступных в России.

[35] О конституционно-правовых проблемах участившегося в условиях пандемии обращения к механизмам «мягкого права» см.: *Cameron I. and Cornell A.J.* Countering the Spread of COVID-19 by means of Recommendations // IACL-AIDC Blog, 14 September 2021. URL: https://blog-iacl-aidc.org/covid19-future-constitutionalism/2021/9/14/countering-the-spread-of-covid-19-by-means-of-recommendations-and-its-constitutional-implications-y6yds).

2.3. Соразмерность

2.3.1. Легитимность цели

Государству с помощью специалистов в области вирусологии и иммунологии необходимо четко определить цели и желаемый результат вакцинации от COVID-19. Здесь возможен выбор одной из нескольких приведенных ниже стратегий, поскольку четкая формулировка преследуемой цели предопределяет решение о пригодном и необходимом средстве ее достижения.

Первой стратегией может быть попытка государства использовать принудительную вакцинацию для формирования коллективного иммунитета от COVID-19, достаточного для остановки эпидемии. Однако постулированию данной амбициозной цели, которая в абстрактных терминах может формулироваться как защита общественного здоровья, должен предшествовать ответ на многие из вопросов, перечисленных ранее в данной статье. Без получения достоверных данных о том, какой процент вакцинации требуется для остановки распространения вируса и какой процент людей в каждый момент времени имеет стойкий иммунитет от COVID-19, выбор конкретных целевых показателей (вакцинация 60%[36] или 90%[37] работников в определенных сферах или 80% списочного состава сотрудников, включающих в себя переболевших COVID-19 в течение предшествовавших шести месяцев[38]) выглядит как минимум недостаточно обоснованным. К тому же возникает вопрос о том, является ли цель принципиально достижимой, с учетом того, что вакцинация растянута во времени и не предоставляет 100%-ную защиту от заболевания, а вирус склонен к мутациям.

Вторая стратегия предполагает замедление темпов распространения болезни и, как следствие, снижение нагрузки на систему здравоохранения за счет сокращения числа госпитализаций, снижения смертности и проч. Данная цель не предполагает определение конкретных желаемых показателей вакцинации и предопределяется скорее острой сиюминутной необходимостью, чем долгосрочной стратегией

[36] См., напр.: пункт 2.1 постановления Главного государственного санитарного врача по городу Москве от 15.06.2021 г. № 1 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям».

[37] См.: пункт 2.1 постановления Главного государственного санитарного врача по Чеченской Республике от 30.06.2021 г. № 5 «О проведении профилактических прививок против новой коронавирусной инфекции по эпидемическим показаниям на территории Чеченской Республики».

[38] См.: пункт 2 Разъяснений Министерства труда и социальной защиты РФ совместно с Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 23.07.2021 г. по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учёта процента вакцинированных.

остановки эпидемии, однако в экстраординарных условиях именно она может способствовать предотвращению коллапса государства по обеспечению базовых потребностей населения в здравоохранении и постепенному возвращению общества к «нормальной» жизни.

Наконец, *третья* стратегия связана с защитой здоровья уязвимых групп граждан, имеющих противопоказания к вакцинации в целом и (или) к доступным прививкам от COVID-19. Данная цель была признана легитимной в контексте более общей цели «защиты прав и свобод других лиц» (п. 2 ст. 8 Конвенции) в упоминавшемся решении ЕСПЧ по делу *Вавричка и другие против Чешской Республики* (§ 272). Помещенная в еще более широкий контекст данная стратегия связана с реализацией идей социальной солидарности, гуманизма, фактического равенства и взаимной ответственности и является комплементарной к первым двум стратегиям.

Какая бы цель ни приоритезировалась государством в зависимости от текущей эпидемиологической обстановки, каждая из них в отдельности, а также в сочетании друг с другом является легитимной. Вместе с тем четкое обозначение общественно значимого и реалистичного желаемого результата крайне важно для выбора адекватного средства достижения цели и его сопоставления с имеющимися альтернативами. Наблюдаемая путаница с целевыми показателями по вакцинации в России свидетельствует об отсутствии консенсуса как в научном сообществе, так и в политическом руководстве относительно стратегии борьбы с пандемией COVID-19 и, как следствие, может приводить к снижению доверия к иммунизационной кампании и к использованию сугубо формального подхода к выбору оптимального средства достижения цели.

2.3.2. Пригодность средства

Для того чтобы ограничительная мера могла считаться пригодной, должно быть доказано существование связи между используемым средством и достижением легитимной цели. Минимальные требования данного элемента теста на пропорциональность состоят в том, что ограничение права должно создавать как минимум *абстрактную* возможность достижения цели[39].

Вопрос о пригодности ограничения – это в первую очередь вопрос факта[40]. Непригодное ограничение ни абстрактно, ни в контексте конкретного спора не приближает общество к желаемой цели.

Соответственно, когда речь идет о вакцинации как о способе остановить распространение заболевания или хотя бы минимизировать риски его тяжелого течения, ключевой вопрос состоит в том, воздействуют ли конкретные применяемые вакцины искомым образом на адаптивный иммунитет человека и является ли этот эффект достаточно длительным для защиты от инфекции. В этом вопросе юридические решения с необходимостью будут опираться на данные клинических испытаний вакцин, при понимании различий в объеме и степени достоверности этих данных для разных вакцин (и для разных вариантов вируса), особенно в ситуации их применения впервые, в экспериментальном порядке и по ускоренному протоколу.

Так, на сайте, специально посвященном вакцине ГамКовидВак, представлены данные «о вакцинации 3,8 млн россиян, полностью привитых обоими компонентами в период с 5 декабря 2020 года по 31 марта 2021 года в рамках программы массовой гражданской вакцинации», согласно которым «заболеваемость начиная с 35 дня с даты первого укола составила 0,027%; при этом заболеваемость среди невакцинированного взрослого населения за сопоставимый период с 35-го дня после запуска массовой гражданской вакцинации составила 1,1%». Рассчитанная итоговая эффективность вакцины заявляется на уровне 97.6%[41]. Широкое распространение получили ссылки на публикации в журнале *The Lancet*, содержащие указания на выработку в результате вакцинации иммунного ответа, достаточного для защиты (как гуморального в виде антител, так и Т-клеточного)[42]. Кроме того, имеется и публикация, авторы которой утверждают, что вакцина сохраняет эффективность (хотя и несколько сниженную) при различных вариантах коронавируса[43].

Указанные данные не свободны от критики и вопросов (касающихся в т.ч. масштабов и непредвзятости выборки, на основе которой делаются выводы, рисков перекрестной контаминации из-за использования векторной технологии изготовления вакцины

[39] См.: *Должиков А.* Уже пора умом Россию понимать? Требование пригодности в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 56.

[40] См.: *Barak A.* Op. cit. P. 308, 309.

[41] См.: URL: https://sputnikvaccine.com/rus/newsroom/press-releases/effektivnost-vaktsiny-sputnik-v-sostavila-97-6-po-rezultatam-analiza-dannykh-3-8-mln-vaktsinirovanny/

[42] См.: *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Zubkova O.V. et al.* Safety and immunogenicity of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine in two formulations: two open, non-randomised phase 1/2 studies from Russia // The Lancet. 2020 (September). P. 887–897; *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Shcheblyakov D.V. et al.* Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // The Lancet. 2021 (February). P. 671–681.

[43] См.: *Gushchin V.A., Dolzhikova I.V., Shchetinin A.M. et al.* Neutralizing Activity of Sera from Sputnik V–Vaccinated People against Variants of Concern (VOC: B.1.1.7, B.1.351, P. 1, B.1.617.2, B.1.617.3) and Moscow Endemic SARS-CoV-2 Variants // Vaccines. 2021. No. 9. P. 779.

и т.д.[44]), однако в первом приближении позволяют все же сделать вывод о пригодности вакцинации как средства снижения заболеваемости коронавирусом, по крайней мере впредь до аналогичных по уровню публикаций, опровергающих эффективность вакцины[45].

2.3.3. Необходимость в демократическом обществе

Чтобы выяснить, является ли принудительная вакцинация *необходимым* в демократическом обществе ответом на «насущную социальную потребность» (англ. *pressing social need*[46]), необходимо проверить, имеются ли наименее обременительные альтернативы, позволяющие достигать легитимной цели, при этом меньше затрагивая основные права. Существенный момент при выборе менее обременительных средств заключается в том, что они при этом должны быть сопоставимы по уровню затратности. В частности, альтернативы в виде «полных локдаунов» едва ли могут рассматриваться как подходящие в обсуждаемом контексте, не только потому что они также затрагивают существенные права личности (хотя, возможно, и не все из них – те же самые, что при вакцинации), но и потому, что они сопряжены с серьезными последствиями для национальных экономических систем.

При сравнении альтернативных мер реагирования на угрозу пандемии исследователи вновь сталкиваются с проблемой недостатка достоверной информации об эффективности разного рода ограничений. Принципиально выбор осуществляется между медицинской профилактикой (добровольной или принудительной вакцинацией) и социальной профилактикой (в виде дистанцирования, изоляции определенных групп, закрытия мест скопления людей, ношения масок и проч.). Как показала практика, ни первая, ни вторая группа ограничительных мер не являются панацеей, при этом в определенной мере все они работают на ослабление остроты эпидемиологической ситуации. Поскольку государства применяют ограничения из первой и второй групп в совокупности, а также поскольку вирус приспосабливается к этим мерам, «чистого» эксперимента по сопоставлению их эффективности провести невозможно. Можно лишь высказать некоторые обоснованные предположения, например, о том, что маски снижают риск заражения при контакте с инфицированными лицами[47]; вакцинация с высокой вероятностью обеспечивает защиту от тяжелого течения болезни и госпитализации[48]; соблюдение социальной дистанции делает заражение более затруднительным[49] и проч.

Еще один вопрос, на который пока нет ответа, состоит в том, насколько взаимозаменяемыми являются ограничительные меры. От ответа на него зависит выбор между стратегией введения «паспортов вакцинации»[50], открывающих для привитых граждан доступ к социальным благам, и стратегией «суммирования» ограничительных мер, когда вакцинация не освобождает от необходимости соблюдать и другие – «социальные» – ограничения. Ситуация выбора усложняется тем, что в зависимости от тяжести эпидемиологической обстановки в конкретный момент времени представления о достаточном (минимальном) для достижения легитимной цели уровне защиты каждого гражданина могут варьироваться, поскольку вероятность столкнуться с высокой концентрацией вируса гораздо больше на пике эпидемии, чем на спаде заболеваемости.

---

[44] См., напр.: *Gomes de Matos A.A., Cardoso G.P., Rolim Neto M.L.* Sputnik V: Is the Russian Vaccine Safe? // Clinics in Surgery. 2021. No 6. Art. 3265.

[45] Для сравнения: в информационном поле, в т.ч. в русскоязычном его сегменте, можно столкнуться с большой настороженностью относительно нехватки данных об эффективности двух других антиковидных вакцин, зарегистрированных в России. В частности, по вакцине КовиВак в августе 2021 г. была опубликована статья на основе доклинических испытаний (на мышах, хомяках, обезьянах) (см.: *Kozlovskaya L.I., Piniaeva A.N., Ignatyev G.M. et al.* Long-term humoral immunogenicity, safety and protective efficacy of inactivated vaccine against Covid-19 (CoviVac) in preclinical studies // Emerging Microbes & Infections. 2021. Vol 10. No. 1. P. 1790–1806). В российской публикации об ЭпиВакКороне упомянуты 14 добровольцев на первой фазе испытаний и 86 – на второй (см.: *Рыжиков А.Б., Рыжиков Е.А., Богрянцева М.П. и др.* Простое слепое плацебо-контролируемое рандомизированное исследование безопасности, реактогенности и иммуногенности вакцины «ЭпиВакКорона» для профилактики COVID-19 на добровольцах в возрасте 18–60 лет (фаза I–II) // Инфекция и иммунитет. 2021. № 2. С. 283–296).

[46] Согласно сложившейся практике ЕСПЧ требование о «насущной социальной потребности» (*pressing social need*) связывается с «релевантностью и достаточностью» причин, приводимых государством в качестве основания для введения ограничений (*Dubská and Krejzová v. The Czech Republic*, § 174–8, *Vavřička and others v. The Czech Republic* (GC), § 273).

[47] См.: *Kimberly A. Prather, Chia C. Wang and Robert T. Schooley*. Reducing transmission of SARS-CoV-2 // Science, 26 Jun 2020. Vol. 368. No. 6498. P. 1422–1424. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.abc6197

[48] См.: Vaccine efficacy, effectiveness and protection, 14 July 2021. URL: https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/vaccine-efficacy-effectiveness-and-protection

[49] См.: Рекомендации ВОЗ для населения в связи с распространением нового коронавируса (2019-nCoV): мифы и ложные представления, 23 ноября 2020. URL: https://www.who.int/ru/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/advice-for-public/myth-busters

[50] Интересно, что первым государством, запустившим практику «зеленых» паспортов вакцинации еще в феврале 2021 г., стал Израиль, который первым же и отказался от этой практики спустя четыре месяца (см.: *Albin E., Gross A.* First In First Out: The Rise and Fall of Israel's Green Pass. URL: https://lexatlas-c19.org/first-in-first-out-the-rise-and-fall-of-israels-green-pass/). Режим «зеленых» паспортов был возвращен в августе 2021 г. в еще более строгом виде, требующем, например, чтобы с 1 октября 2021 г. граждане могли подтвердить получение не менее трех доз вакцины, включающих «бустерную» дозу ревакцинации (см.: *Albin E., Gross A., Luster T.* Op. cit.).

Исследователи проблемы обязательной вакцинации отмечают также, что при сравнении ограничительных мер с точки зрения их обременительности для общества в целом необходимо учитывать и этические представления о справедливости условного деления граждан на «потенциально заразных» и «неопасных» (вакцинированных, переболевших), а также долгосрочные последствия для ментального и физического здоровья граждан от применения ограничительных мер (психологические последствия социальной изоляции, общественное давление и побочные эффекты от вакцинации и т.д.)[51].

Наконец, выбор наименее обременительной альтернативы зависит также от готовности критического числа граждан к проявлению социальной солидарности через добровольную вакцинацию, а также от эффективности государственной кампании по стимулированию иммунизации от коронавирусной инфекции. Значение имеют множество факторов, таких как: отношение граждан к эффективности и безопасности вакцин; ассортимент доступных вакцин; успешность информационной кампании о пользе и побочных эффектах от прививок, о рисках вакцинации для людей с различными заболеваниями; меры общественного и государственного поощрения вакцинации (от социального одобрения до конкретных материальных стимулов). Притом что кампания по добровольной иммунизации может не привести к достижению желаемого коллективного иммунитета, обязательная вакцинация также может оказаться неподходящей альтернативой вследствие коррумпированности рынка услуг по вакцинации, малой эффективности мер принуждения к вакцинации, высокого недоверия граждан к имеющимся вакцинам и проч.

Таким образом, высокий уровень неопределенности по большинству параметров, характеризующих эффективность и обременительность ограничительных мер, позволяет сделать лишь приблизительные выводы о том, что принудительная вакцинация может пройти тест на «необходимость в демократическом обществе» при соблюдении нескольких условий: 1) меры принуждения являются действенными, но не избыточными; 2) альтернативные ограничительные меры либо не позволяют достигать желаемой легитимной цели, либо сопровождаются обременительными негативными последствиями для ментального и физического здоровья отдельных граждан и для общества в целом.

2.3.4. Пропорциональность ***stricto sensu***

Последним этапом теста на пропорциональность является сопоставление выгод от введения ограничительных мер и потерь в виде ущерба охраняемым конституционным правам и ценностям. Рассуждения на данной стадии также сопровождаются высокой неопределенностью значений всех задействованных переменных, поэтому имеет смысл обозначить лишь самые болезненные точки, не позволяющие на сегодняшний день считать принудительную вакцинацию пропорциональным ответом на проблемы пандемии COVID-19.

Принудительная вакцинация значительно сужает пределы свободного, самостоятельного и рационального выбора индивида, основанного на субъективной оценке ожидаемых выгод и рисков от вакцинации. Конечно, вероятность того, что большинство людей в условиях неопределенности будут действовать рационально и не руководствоваться страхами, слухами и домыслами, невелика, но именно эта предпосылка лежит в основе правовой регламентации общественных отношений, признающей за индивидом свободу воли, автономию и готовность нести ответственность за последствия собственных действий / бездействия. Если решение о том, что вакцинация от коронавируса принесет человеку (и обществу в целом) больше пользы, чем вреда, принимает государство (именно в этом и заключается суть принудительной вакцинации, признающей, что лишь в исключительных случаях подтвержденного медицинского отвода и других оснований риски превышают ожидаемые выгоды), то и последствия ошибочного решения должны возлагаться на государство.

К сожалению, вакцинация от коронавируса сопровождается ненулевой вероятностью побочных эффектов, а также долгосрочных негативных последствий для здоровья человека, вызванных особенностями производства вакцин, а также наблюдаемыми в *редких* случаях и у *небольшого* числа пациентов аллергическими, воспалительными и даже аутоиммунными реакциями *после вакцинации*. В этой сфере, безусловно, требуются длительные и скрупулезные научные исследования, но также и ответственная реакция государства, которое в условиях принуждения к иммунизации обязано предусмотреть варианты страховки для тех лиц, которые станут жертвами указанных рисков. В настоящее время в России отсутствуют как адекватная информационная кампания, так и понятные механизмы установления причинно-следственной связи между вакцинацией и негативными последствиями для здоровья и возмещения вреда пострадавшим лицам. В такой ситуации вопросы вызывают не только суммы компенсаций в ситуации поствакцинальных осложнений (10 000 руб. гражданам с признанным поствакцинальным осложнением, 30 000 руб. нетрудоспособным членам семьи гражданина в случае его смерти от поствакцинального осложнения и др., ст. 19 Федерального закона об иммунопрофилактике), но и порядок, в котором устанавливается, что инвалидность или смерть наступили не просто после, а именно в результате вакцинации.

[51] См.: *Douglas T.* There is no fundamental ethical objection to vaccine passports. The Brussels Times, 27 February 2021. URL: https://www.brusselstimes.com/opinion/157297/there-is-no-fundamental-ethical-objection-to-vaccine-passports/

При выборе модели принудительной вакцинации, когда решение о допустимости рисков опасных для здоровья и жизни человека последствий принимает не он сам, а органы государственной власти, дисбаланс при несении тяжести этих последствий (бремя доказывания причинно-следственной связи между вакцинацией и реакциями организма, высокие расходы на лечение и восстановление, которые, по сути, возлагаются на пациента, и т.п.) явным образом указывает на непропорциональность принимаемых мер.

Заключение. Эпидемия COVID-19 имеет отчетливые медицинские и социальные измерения. Она не только привела к статистически значимым общественным проблемам высокой избыточной смертности, нестабильности, экономического кризиса и / или стагнации, которые явным образом затронули большую часть жителей планеты, но и проявила ряд конституционных проблем, до этого слабо «тлевших» в различных правопорядках. Не отрицая важности вызовов, с которыми столкнулось человечество, следует обратить внимание на проблему соответствия конституционным требованиям тех мер, которые предпринимают государства в ответ на эти вызовы. К сожалению, пренебрежение правовыми стандартами ограничения прав и свобод способно возродить огромное количество проблем, по которым до пандемии с помощью правовых инструментов были сделаны заметные шаги в направлении их цивилизованного решения (в первую очередь речь идет о проблемах дискриминации, соблюдения гарантий справедливой и понятной юридической процедуры, охраны частной жизни, обеспечения как внутригосударственной, так и глобальной мобильности населения и проч.).

Фокусируясь на проблемах вакцинации, можно отметить ряд моментов. С медицинской точки зрения идея вакцинации зарекомендовала себя уже настолько давно и уверенно, что оспаривать ценность принципиальной возможности создания вакцин от опасных заболеваний на рациональных основаниях невозможно. Вместе с тем признание значимости вакцинации предполагает понимание особенностей 1) конкретных патогенов, 2) разбросов иммунных ответов на них и 3) действия созданных достаточно оперативно вакцин. В ситуации сохраняющейся (в т.ч. по вполне объективным причинам) неопределенности в этих вопросах проблема выбора модели добровольной или принудительной вакцинации приобретает особую остроту.

Проблема осложняется тем, что, живя в обществе, находясь в конкретных обстоятельствах, люди порой выбирают то или иное поведение вынужденно. Глобально определение степени свободы воли человека – серьезная философская задача. Однако, когда речь идет о *правовых моделях* добровольной и принудительной вакцинации, водораздел между ними проходит, как представляется, по линии государственно-властных предписаний: установление за отказ от вакцинации санкций (в виде дополнительных обременений или лишения тех уже имевшихся социальных благ, которые в противном случае были бы доступны человеку) указывает на переход к принудительной модели.

Иными словами, это проблема *добровольности добровольного согласия* на медицинское вмешательство. Когда человек дает согласие, допустим, на проведение операции, он делает это скорее всего не потому, что по собственной воле и для собственного удовольствия стремится оказаться на столе у хирурга, а потому, что этого требует состояние его здоровья; однако с точки зрения правового регулирования получения согласия важно не это, а то, что человек самостоятельно оценивает риски заболевания, медицинского вмешательства, перспективы для сохранения жизни и ее качества при разных стратегиях поведения и осознанно выбирает эту стратегию, даже если при сложившихся обстоятельствах для него это выбор из «разных зол».

То же самое можно сказать о вакцинации. Люди не создают и не применяют вакцины от неопасных заболеваний или состояний, не несущих угрозы их жизни и здоровью. Добровольное согласие на вакцинацию в большинстве случаев связано с опасениями относительно последствий болезни и со стремлением предотвратить их. Тем не менее, пока человек сам взвешивает риски от заболевания и от вакцинации, – это его решение; государство предоставляет информацию и различные варианты медицинской помощи, вероятно, стимулирует принятие конкретных решений, имея при этом в виду определенные цели; но пока оно не принимает дополнительных мер принуждения, решение человека остается добровольным для целей регулирования согласия.

Соответственно, разницу между моделями добровольной и принудительной вакцинации необходимо четко представлять себе, причем на сущностном уровне. Если человек оказывается «задавлен» (причем не просто объективными природными обстоятельствами, связанными с распространением в популяции конкретного патогена, а именно социальными ответами на эти обстоятельства – правовыми предписаниями, серьезно влияющими на объем доступных ему юридических возможностей) настолько, что согласен подписать лист добровольного согласия, – это не значит, что согласие осталось добровольным по сути. Иначе мы «растягивали» бы категорию согласия шире ее разумного значения.

Для Российской Федерации обозначенная проблема сохраняет актуальность. До сих пор при выборе модели регулирования вакцинации органы публичной власти и должностные лица пытались балансировать на обозначенной «водораздельной линии». С одной стороны, они принимали акты, которые

могли «считываться» их адресатами (в первую очередь работодателями и работниками) как содержащие положения, не оставляющие им особенного выбора между медицинскими альтернативами. С другой стороны, все это время сохранялись риторика о добровольном характере вакцинации и процедура подписания добровольного согласия на соответствующее медицинское вмешательство, благодаря которой основная тяжесть маловероятных, но все же возможных негативных поствакцинальных последствий ложилась на плечи пациентов. Сам факт такого балансирования подтверждает, что действующее правовое регулирование не является достаточно определенным для того, чтобы на его основе были введены ограничения, соответствующие конституционном требованиям.

Кроме того, даже если на законодательном уровне вещи будут названы своими именами, модель принудительной вакцинации потребует доработки как минимум в плане доступной медицинской информации по разным типам вакцин и более внятных социальных гарантий на случай поствакцинальных осложнений (процедур их регистрации, предметной адресной помощи, адекватной тяжести осложнения и потребностям лица, столкнувшимся с ним). Поскольку принудительная вакцинация практически при всех выявленных целях ее введения выступает как элемент социальной солидарности, можно было бы предложить *механизмы страхования* на случай поствакцинальных осложнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Должиков А.* Уже пора умом Россию понимать? Требование пригодности в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 56.
2. *Маркова Е.* Обязательная вакцинация в условиях пандемии COVID-19 // Журнал Белорусского гос. ун-та. Право. 2020. № 3. С. 40.
3. *Маркова Е.Н.* Право на отказ от обязательной вакцинации в соответствии с религиозными убеждениями: pro et contra // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2. С. 6.
4. *Рыжиков А.Б., Рыжиков Е.А., Богрянцева М.П. и др.* Простое слепое плацебо-контролируемое рандомизированное исследование безопасности, реактогенности и иммуногенности вакцины «ЭпиВакКорона» для профилактики COVID-19 на добровольцах в возрасте 18–60 лет (фаза I–II) // Инфекция и иммунитет. 2021. № 2. С. 283–296.
5. *Aditya A. and Jiao C.* Indonesia to Punish Those Who Refuse to Take Covid-19 Vaccine. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021–02–18/indonesia-to-punish-those-who-refuse-to-take-covid-19-vaccine?sref=yLCixKPR
6. *Albin E., Gross A.* First In First Out: The Rise and Fall of Israel's Green Pass. URL: https://lexatlas-c19.org/first-in-first-out-the-rise-and-fall-of-israels-green-pass/
7. *Albin E., Gross A., Luster T.* Rise Like a Phoenix: The Return of Israel's Green Pass – Questions of Domestic and Global Health Justice. URL: https://lexatlas-c19.org/rise-like-a-phoenix-the-return-of-israels-green-pass-questions-of-domestic-and-global-health-justice/
8. *Barak A.* Proportionality: constitutional rights and their limitations. Cambridge; N.Y., 2012. P. 131, 308, 309.
9. *Cameron I. and Cornell A.J.* Countering the Spread of COVID-19 by means of Recommendations // IACL-AIDC Blog, 14 September 2021. URL: https://blog-iacl-aidc.org/covid19-future-constitutionalism/2021/9/14/countering-the-spread-of-covid-19-by-means-of-recommendations-and-its-constitutional-implications-y6yds
10. *Corbet S.* France's virus pass now required in restaurants, trains // AP News, 9 August 2021. URL: https://apnews.com/article/europe-business-health-france-coronavirus-pandemic-655d8451d7494f8663ce2072e64cf7a6
11. *Douglas T.* There is no fundamental ethical objection to vaccine passports. The Brussels Times, 27 February 2021. URL: https://www.brusselstimes.com/opinion/157297/there-is-no-fundamental-ethical-objection-to-vaccine-passports/
12. *Dyer O.* Covid-19: Turkmenistan becomes first country to make vaccination mandatory for all adults // BMJ 2021, 374. URL: https://www.bmj.com/content/374/bmj.n1766
13. *Ford M.* Covid-19 vaccines to be made mandatory for all care home staff in England // Nursing Times, 16 June 2021. URL: https://www.nursingtimes.net/news/social-care/covid-19-vaccines-to-be-made-mandatory-for-all-care-home-staff-in-england-16-06-2021/
14. *Gomes de Matos A.A., Cardoso G.P., Rolim Neto M.L.* Sputnik V: Is the Russian Vaccine Safe? // Clinics in Surgery. 2021. No 6. Art. 3265.
15. *Gushchin V.A., Dolzhikova I.V., Shchetinin A.M. et al.* Neutralizing Activity of Sera from Sputnik V–Vaccinated People against Variants of Concern (VOC: B.1.1.7, B.1.351, P. 1, B.1.617.2, B.1.617.3) and Moscow Endemic SARS-CoV-2 Variants // Vaccines. 2021. No. 9. P. 779.
16. *Kimberly A. Prather, Chia C. Wang and Robert T. Schooley.* Reducing transmission of SARS-CoV-2 // Science, 26 Jun 2020. Vol. 368. No. 6498. P. 1422–1424. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.abc6197
17. *Kozlovskaya L.I., Piniaeva A.N., Ignatyev G.M. et al.* Long-term humoral immunogenicity, safety and protective efficacy of inactivated vaccine against Covid-19 (CoviVac) in preclinical studies // Emerging Microbes & Infections. 2021. Vol 10. No. 1. P. 1790–1806.
18. *Krasser A.* Compulsory Vaccination in a Fundamental Rights Perspective: Lessons from the ECtHR // ICL Journal. Vol. 15. 2021. No. 2. P. 208, 216.
19. *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Shcheblyakov D.V. et al.* Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // The Lancet. 2021 (February). P. 671–681.
20. *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Zubkova O.V. et al.* Safety and immunogenicity of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine in two formulations: two open, non-randomised phase 1/2 studies from Russia // The Lancet. 2020 (September). P. 887–897.

REFERENCES

1. *Dolzhikov A.* Is it time to understand Russia with your mind? The requirement of fitness in constitutional justice // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 6 (139). P. 56 (in Russ.).
2. *Markova E.* Mandatory vaccination in the conditions of the COVID-19 pandemic // Journal of the Belarusian State University. Law. 2020. No. 3. P. 40 (in Russ.).
3. *Markova E.N.* The right to refuse compulsory vaccination in accordance with religious beliefs: pro et contra // State power and local self-government. 2019. No. 2. P. 6 (in Russ.).
4. *Ryzhikov A.B., Ryzhikov E.A., Bogryantseva M.P. and others.* A simple blind placebo-controlled randomized study of the safety, reactogenicity and immunogenicity of the EpiVacCorona vaccine for the prevention of COVID-19 on volunteers aged 18–60 years (phase I–II) // Infection and immunity. 2021. No. 2. P. 283–296 (in Russ.).
5. *Aditya A. and Jiao C.* Indonesia to Punish Those Who Refuse to Take Covid-19 Vaccine. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021–02–18/indonesia-to-punish-those-who-refuse-to-take-covid-19-vaccine?sref=yLCixKPR
6. *Albin E., Gross A.* First In First Out: The Rise and Fall of Israel's Green Pass. URL: https://lexatlas-c19.org/first-in-first-out-the-rise-and-fall-of-israels-green-pass/
7. *Albin E., Gross A., Luster T.* Rise Like a Phoenix: The Return of Israel's Green Pass – Questions of Domestic and Global Health Justice. URL: https://lexatlas-c19.org/rise-like-a-phoenix-the-return-of-israels-green-pass-questions-of-domestic-and-global-health-justice/
8. *Barak A.* Proportionality: constitutional rights and their limitations. Cambridge; N.Y., 2012. P. 131, 308, 309.
9. *Cameron I. and Cornell A.J.* Countering the Spread of COVID-19 by means of Recommendations // IACL-AIDC Blog, 14 September 2021. URL: https://blog-iacl-aidc.org/covid19-future-constitutionalism/2021/9/14/countering-the-spread-of-covid-19-by-means-of-recommendations-and-its-constitutional-implications-y6yds
10. *Corbet S.* France's virus pass now required in restaurants, trains // AP News, 9 August 2021. URL: https://apnews.com/article/europe-business-health-france-coronavirus-pandemic-655d8451d7494f8663ce2072e64cf7a6
11. *Douglas T.* There is no fundamental ethical objection to vaccine passports. The Brussels Times, 27 February 2021. URL: https://www.brusselstimes.com/opinion/157297/there-is-no-fundamental-ethical-objection-to-vaccine-passports/
12. *Dyer O.* Covid-19: Turkmenistan becomes first country to make vaccination mandatory for all adults // BMJ 2021, 374. URL: https://www.bmj.com/content/374/bmj.n1766
13. *Ford M.* Covid-19 vaccines to be made mandatory for all care home staff in England // Nursing Times, 16 June 2021. URL: https://www.nursingtimes.net/news/social-care/covid-19-vaccines-to-be-made-mandatory-for-all-care-home-staff-in-england-16–06–2021/
14. *Gomes de Matos A.A., Cardoso G.P., Rolim Neto M.L.* Sputnik V: Is the Russian Vaccine Safe? // Clinics in Surgery. 2021. No 6. Art. 3265.
15. *Gushchin V.A., Dolzhikova I.V., Shchetinin A.M. et al.* Neutralizing Activity of Sera from Sputnik V–Vaccinated People against Variants of Concern (VOC: B.1.1.7, B.1.351, P. 1, B.1.617.2, B.1.617.3) and Moscow Endemic SARS-CoV-2 Variants // Vaccines. 2021. No. 9. P. 779.
16. *Kimberly A. Prather, Chia C. Wang and Robert T. Schooley.* Reducing transmission of SARS-CoV-2 // Science, 26 Jun 2020. Vol. 368. No. 6498. P. 1422–1424. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.abc6197
17. *Kozlovskaya L.I., Piniaeva A.N., Ignatyev G.M. et al.* Long-term humoral immunogenicity, safety and protective efficacy of inactivated vaccine against Covid-19 (CoviVac) in preclinical studies // Emerging Microbes & Infections. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 1790–1806.
18. *Krasser A.* Compulsory Vaccination in a Fundamental Rights Perspective: Lessons from the ECtHR // ICL Journal. Vol. 15. 2021. No. 2. P. 208, 216.
19. *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Shcheblyakov D.V. et al.* Safety and efficacy of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine: an interim analysis of a randomised controlled phase 3 trial in Russia // The Lancet. 2021 (February). P. 671–681.
20. *Logunov D.Y., Dolzhikova I.V., Zubkova O.V. et al.* Safety and immunogenicity of an rAd26 and rAd5 vector-based heterologous prime-boost COVID-19 vaccine in two formulations: two open, non-randomised phase 1/2 studies from Russia // The Lancet. 2020 (September). P. 887–897.

Сведения об авторах

ТРОИЦКАЯ Александра Алексеевна –
доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

ХРАМОВА Татьяна Михайловна –
кандидат юридических наук, доцент Департамента публичного права факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 109028 г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

Authors' information

TROITSKAYA Alexandra A. –
Doctor of Law, associate Professor, associate Professor of the Constitutional and Municipal Law Department of the Law Faculty, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

KHRAMOVA Tatiana M. –
PhD in Law, associate Professor of the Public Law Department of the Law Faculty of the National Research University "Higher School of Economics"; 3 B. Trekhsvyatitelsky lane, 109028 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 122–130
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 122–130

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

АЛИМЕНТНЫЙ ФОНД КАК ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ (ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

© 2022 г. М. Н. Кобзарь-Фролова*, Е. Л. Васянина**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: adminlaw@igpran.ru*
***E-mail: elenavasianina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 17.01.2022 г.

Аннотация. В Российской Федерации семья и дети признаны высшей ценностью государства и находятся под его защитой. Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Демографические проблемы, в том числе проблемы детства и семьи, находятся под пристальным вниманием Президента РФ. Выстраивая долгосрочную политику поддержки семьи, Президент РФ исходит из того, что нужно учитывать конкретные жизненные ситуации и те трудности, с которыми сталкивается неполная семья. Дети, оставшиеся без попечения родителей, вправе рассчитывать на государственную поддержку и материальную помощь. Отдавая приоритет семейному воспитанию, в необходимых случаях, государство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. В необходимых случаях каждому государство гарантирует социальное обеспечение для воспитания детей, например, в случае, если один из родителей уклоняется от обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка, не исполняет алиментные обязательства и в иных случаях, установленных законом. В законодательстве закреплен правовой режим алиментных обязательств, а также правовые гарантии их исполнения. Вместе с тем вопросы законодательной реализации конструкции алиментного обязательства до сих пор не утратили актуальность, поскольку снять остроту проблемы уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей пока не удалось. В статье рассматривается проблема целесообразности создания в Российской Федерации алиментного фонда. На основе анализа аналогичного опыта решения данной проблемы в зарубежных странах, ранее существовавшей в СССР правоприменительной практики авторы приводят аргументы в пользу Государственного алиментного фонда. В заключение приводятся соответствующие исследованию выводы и предложения.

Ключевые слова: государственная семейная политика, социальное обеспечение, гарантии, воспитание и содержание детей, дети, алименты, ответственность родителей, алиментные обязательства, алиментный фонд, исполнительное производство.

Цитирование: *Кобзарь-Фролова М.Н., Васянина Е.Л.* Алиментный фонд как правовая защита детей, оставшихся без содержания (финансово-правовой аспект) // Государство и право. 2022. № 6. С. 122–130.

DOI: 10.31857/S102694520020478-6

ALIMENT FUND AS LEGAL PROTECTION OF CHILDREN LEFT WITHOUT MAINTENANCE (FINANCIAL AND LEGAL ASPECT)

© 2022 M. N. Kobzar-Frolova*, E. L. Vasyanina**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: adminlaw@igpran.ru*
***E-mail: elenavasianina@yandex.ru*

Received 17.01.2022

Abstract. In the Russian Federation, family and children are recognized as the highest value of the state and are under its protection. Children are the most important priority of the state policy of the Russian Federation. Demographic problems, including problems of childhood and family, are under the close attention of the President of the Russian Federation. Building a long-term policy of family support, the President of the Russian Federation proceeds from the fact that it is necessary to take into account specific life situations and the difficulties faced by an incomplete family. Children left without parental care have the right to count on state support and financial assistance. Giving priority to family education, if necessary, the State assumes the responsibilities of parents in relation to children left without care. In necessary cases, each State guarantees social security for the upbringing of children, for example, if one of the parents evades his duties for the upbringing and maintenance of his child, does not fulfill his alimony obligations and in other cases established by law. The legislation establishes the legal regime of alimony obligations, as well as legal guarantees of their fulfillment. At the same time, the issues of legislative implementation of the construction of the alimony obligation have not yet lost their relevance, since it has not yet been possible to remove the severity of the problem of avoiding payment of alimony for the maintenance of minor children. The article deals with the problem of the expediency of creating an alimony fund in the Russian Federation. Based on the analysis of similar experience in solving this problem in foreign countries, the law enforcement practice that previously existed in the USSR, the authors present arguments in favor of the State Alimony Fund. In conclusion, the conclusions and suggestions relevant to the study are given.

Key words: state family policy, social security, guarantees, upbringing and maintenance of children, children, alimony, parental responsibility, maintenance obligations, maintenance fund, enforcement proceedings.

For citation: *Kobzar-Frolova, M.N., Vasyanina, E.L. (2022).* Aliment fund as legal protection of children left without maintenance (financial and legal aspect) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 122–130.

Введение. В правовом социальном государстве, каким является Российская Федерация, семья и дети признаны высшей ценностью и находятся под его защитой. В соответствии с поправкой, внесенной Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[1], дети являются важнейшим приоритетом государственной политики Российской Федерации. Государство создает условия, способствующие всестороннему развитию и воспитанию детей. Данная поправка к Конституции РФ стала отражением январского Послания Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации[2], в котором Президент РФ, отмечая демографические проблемы, сказал о том, что судьба Российской Федерации «зависит от того, сколько нас будет», сколько детей родится в российских семьях, «какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни»[3]. Выстраивая долгосрочную политику поддержки семьи, нужно учитывать конкретные жизненные ситуации и те трудности, с которыми сталкивается семья, в том числе неполная семья. Президент РФ сформулировал свою позицию о том, что каждый новый закон, каждая новая принимаемая государственная программа должны приниматься с учетом высшего национального приоритета – приумножения народа Российской Федерации[4].

Новеллы Конституции РФ (ч. 4 ст. 67) соответствуют основополагающим принципам и нормам международного права: Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[5]; Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (ч. 1 ст. 26)[6] и др. Право на достойную жизнь, материальное обеспечение и развитие в Российской Федерации гарантируются каждому. Дети, оставшиеся без попечения родителей, пожилые и престарелые граждане, инвалиды и иные нуждающиеся лица вправе рассчитывать на государственную поддержку и материальную помощь.

Обеспечение алиментных обязательств (постановка проблемы). Российское семейное законодательство исходит из того, что родители несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права), несут ответственность за их воспитание и развитие, обязаны заботиться о здоровье и развитии своих детей. Отдавая приоритет семейному воспитанию, в необходимых случаях государство берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения. В необходимых случаях каждому государство гарантирует социальное обеспечение для воспитания детей, например, в случае потери кормильца (ст. 39 Конституции РФ), в случае, если один из родителей уклоняется от обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка, не

[1] См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[2] См.: Росс. газ. 2020. 16 янв.

[3] Там же.

[4] См.: там же.

[5] См.: Росс. газ. 1995. 5 апр.

[6] См.: Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

исполняет алиментные обязательства и в иных случаях, установленных законом. С 2014 г. в Российской Федерации действует разработанная Правительством РФ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года[7]. Согласно указанному документу основными задачами государственной семейной политики является разработка мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, включая меры по усилению ответственности должников.

В законодательстве закреплен правовой режим алиментных обязательств, а также правовые гарантии их исполнения, к числу которых относятся: 1) положения п. 6 ст. 113 Семейного кодекса РФ[8], согласно которым с физических лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, в доход бюджета взыскиваются суммы, выплат на ребенка в размере, предусмотренном законодательством в период розыска его родителей; 2) административная ответственность в виде обязательных работ и наложение административного штрафа (ст. 5.35.1 КоАП РФ) за неуплату одним из родителей без уважительных причин, в нарушение решения, вынесенного судом или нотариально удостоверенного между родителями соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей; 3) уголовная ответственность в виде исправительных либо принудительных работ за случаи неоднократного уклонения от уплаты одним из родителей без уважительных причин, в нарушение решения суда, или нотариально удостоверенного заключенного сторонами соглашения денежных средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста (ст. 157 УК РФ); 4) вынесение судебным приставом-исполнителем постановления о временном ограничении на выезд должника по алиментным обязательствам за пределы Российской Федерации при неисполнении должником-гражданином или должником, являющимся индивидуальным предпринимателем без уважительных причин, в установленный судом срок для добровольного исполнения требований о взыскании алиментов (ст. 67 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[9]); 5) временные ограничения на пользование специальным правом в отношении должников, уклоняющихся от исполнения содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании алиментов, которое выражается во временном приостановление действия предоставленного должнику в соответствии с законодательством Российской Федерации специального права (например, в виде права управления транспортными средствами до исполнения должником требований исполнительного документа, выданного судебным приставом-исполнителем в полном объеме, либо до возникновения оснований для отмены установленного временного ограничения (ст. 67^1 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ); 6) установление ответственности в порядке Семейного кодекса РФ, предусмотренной соглашениями между родителями, в случае образования по вине должника – лица, обязанного уплачивать алименты по соглашению об уплате алиментов, видов задолженности у стороны, принявшей на себя обязанность по воспитанию ребенка (ч. 1 ст. 115 СК РФ); 7) взыскание по решению суда неустойки (в размере одной десятой процента от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки) с должника в доход получателя алиментов, при образовании задолженности по вине лица, обязанного уплачивать алименты (ч. 2 ст. 115 СК РФ).

Проблемы единообразия в вопросах применения судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов неоднократно были предметом рассмотрения Пленумом Верховного Суда РФ. Так, в Постановлении от 26 декабря 2017 г. № 56 Пленум Верховного Суда РФ постановил, что «алиментные обязательства, установленные СК РФ, направлены на обеспечение условий жизни, необходимых для развития, воспитания и образования несовершеннолетних детей, а также на предоставление содержания иным членам семьи, нуждающимся в материальной поддержке»[10].

Обсуждая в Совете Федераций поручение Президента РФ о решении проблемы неуплаты алиментов, Председатель Совета Федерации ФС РФ В. Матвиенко в очередной раз подняла вопрос о необходимости создания в Российской Федерации фонда, предназначенного для возмещения родителям просроченных алиментных обязательств. В качестве аргумента приведены такие негативные данные, как задолженность по алиментам, которая по состоянию на ноябрь 2021 г. составляет 156 млрд руб., и эта цифра постоянно растет. Федеральной службой судебных приставов выявлено более 180 тыс. человек, которые не платят алименты и у которых нет ни имущества, ни работы[11].

[7] См.: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35, ст. 4811

[8] См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

[9] См.: СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

[10] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Росс. газ. 2017. 29 дек.

[11] См.: URL: https://www.kommersant.ru/doc/4417376 (дата обращения: 20.11.2021).

16 ноября 2021 г. в Совете Федерации ФС прошел «круглый стол», посвященной проблеме создании алиментного фонда как одного из направлений совершенствования законодательства об алиментах на детей[12].

Вместе с тем вопросы законодательной реализации конструкции алиментного обязательства до сих пор не утратили актуальность, поскольку снять остроту проблемы уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей пока не удалось. В частности, это обусловлено тем, что не выработан и не предложен правовой механизм, обеспечивающий реализацию положений п. 6 ст. 113 СК РФ. Кроме указанного, в действующем законодательстве не установлен «минимальный размер алиментов» и суды, взыскивая алименты, не связаны нижним пределом. В результате размер выплачиваемых алиментов зачастую дискредитирует цель их выплаты – содержание детей.

Трансформация гражданско-правовых отношений по алиментным обязательствам в публично-правовые отношения. Регулирование имущественных отношений, складывающихся во всех сферах социально-экономического развития государства, включая материальное обеспечение детей, происходит посредством применения конструкции обязательства «с помощью которой соответствующие отношения приобретают качество двусторонности, выражают собой обоюдный, имущественный или иной экономический интерес сторон»[13].

Обязательство как способ регулирования семейных отношений обеспечивает взаимодействие лиц, обладающих «противоположными качествами, и связанными между собой единством предмета, составляющего в одно и то же время предмет права, принадлежащего первому, и предмет долга, обременяющего последнего из этих лиц»[14].

С позиции теории права алиментные обязательства, в силу которых гражданин обязан поделиться полученным им трудовым доходом с указанными в законе лицами[15], относятся к обязательствам, вытекающим из закона. Так, в работе «Общая теория обязательств» Е. Годэмэ отмечал: если понимать обязательства из закона в ограниченном смысле, то это – обязательства алиментирования, и более общая категория – обязательства, вытекающие из семейных правоотношений (обязательства, возложенные на опекунов и законных управляющих чужим имуществом)[16].

Проблемы правового регулирования алиментных обязательств посредством применения частноправовых конструкций активно исследуются представителями науки гражданского и семейного права[17]. Однако дискуссии цивилистов не привели к решению проблемы и значительное количество несовершеннолетних детей остаются без должного материального обеспечения и содержания, необходимых для развития, воспитания и образования. Вместе с тем очевидно, что правовое регулирование алиментных обязательств носит комплексный характер и не ограничивается сферой действия норм семейного и гражданского права. В этой связи вопросы поиска эффективных финансово-правовых средств, обеспечивающих исполнение алиментных обязательств, в случае уклонения обязанных лиц от уплаты алиментов остаются весьма актуальными.

Особенность законодательной реализации конструкции алиментных обязательств заключается в том, что возникшие на основании норм семейного права, при наличии определенных условий они могут приобретать публично-правовую природу. В частности, механизм трансформации рассматриваемых обязательств закреплен в ст. 113 СК РФ (п. 6), согласно которой с физических лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, в доход бюджета взыскиваются суммы, ежемесячного пособия на ребенка в размере, предусмотренном законодательством в период розыска его родителей[18].

Таким образом, в случае уклонения лиц от уплаты алиментов, регулирование порядка осуществления алиментных обязательств охватывается сферой действия административного, уголовного, а также финансового (бюджетного) права. Так, действующим законодательством предусмотрена административная и уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей. Кроме указанного Федеральным законом от 30 декабря 2021 г.

---

[12] См.: URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/262405968 (дата обращения: 23.11.2021).

[13] *Запольский С.В.* Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988. С. 71.

[14] Первоначальный проектъ общихъ положеній объ обязательствахъ. СПб., 1890. С. 2.

[15] См.: Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды Всесоюз. ин-та юрид. наук НКЮ СССР. М., 1940. Вып. III.

[16] См.: *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств. М., 2020. С. 354.

[17] См.: *Летова Н.В.* Правовая природа соглашений об уплате алиментов: проблемы материального и процессуального права // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 3. С. 133–140; *Гонгало Б.М.* Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 16; *Ксенофонтова Д.С.* Нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов как правовая гарантия осуществления и защиты прав и интересов субъектов алиментного правоотношения // Нотариус. 2014. № 4. С. 19–22; *Усачева Е.А.* Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

[18] См.: *Васянина Е.Л.* Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 30.

№ 479-ФЗ уточнены положения ст. 5.35.1 КоАП РФ, в соответствии с которыми установлена административная ответственность за неполное исполнение требований по исполнительным документам о взыскании алиментов. Федеральным законом от 20 декабря 2021 № 499-ФЗ внесены изменения в ст. 157 УК РФ. Согласно данной новелле уголовная ответственность может наступать за уплату алиментов в меньшем размере, чем установлено исполнительным документом.

Создание дополнительных финансово-правовых гарантий реализации алиментных обязательств, в случае уклонения должника от их исполнения, охватывается сферой финансово-правового регулирования и подчиняется принципам функционирования данного механизма, элементы которого направлены на обеспечение стабильного социально-экономического развития государства.

Публично-правовое регулирование отношений по алиментным обязательствам. В качестве ключевого инструмента обеспечения исполнения алиментных обязательств мог бы выступить алиментный фонд. Проведенный анализ нормативных правовых актов, а также подходов, выработанных в правовой и экономической доктрине, позволяет прийти к выводу о том, что создание государственного алиментного фонда и проблемы его формирования являются предметом парламентских дебатов и активных научных дискуссий.

Пути модернизации системы обеспечения детей алиментами были предметом исследований в научной литературе в СССР. Так, в конце 80-х – начале 90-х годов исследовался вопрос о целесообразности и эффективности функционирования созданного в 1984 г. Государственного алиментного фонда[19]. Механизм его функционирования основывался на постановлении Совета Министров СССР от 6 февраля 1984 № 134 «О введении временных пособий на несовершеннолетний детей в случаях невозможности взыскания алиментов с их родителей»[20]. В соответствии с указанным постановлением Государственный Банк СССР открывал специальный счет, предназначенный для аккумулирования и перечисления средств на выплату пособий и возмещение дополнительных расходов на несовершеннолетних детей в период розыска их родителей, обязанных уплачивать алименты. Контроль за правильным и своевременным поступлением и расходованием денежных средств из данного фонда был возложен на Министерство финансов СССР.

В постперестроечный период Государственный алиментный фонд прекратил свое существование. Однако в связи с обострившейся проблемой относительно поиска эффективных инструментов обеспечения исполнения алиментных обязательств подобного рода исследования вновь стали приобретать актуальность. Так, в 2012 г. Институтом экономики РАН изучалась проблема обеспечения исполнения алиментных обязательств должниками. По результатам исследования был подготовлен документ «Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей»[21], где обосновывается необходимость создания Государственного алиментного фонда. По мнению экспертов, специалистов Института экономики РАН, указанный фонд может стать финансовым транслятором выплат пособий (алиментов) на детей, координатором алиментных отношений и направит свои действия на своевременное и должное, в необходимом объеме обеспечение детей алиментами. Авторы проекта выразили мнение, что новая структура должна обладать полномочиями по представительству интересов ребенка в суде и службе судебных приставов, собирать сведения о нуждающихся в алиментах детях и вести электронный мониторинг уклоняющихся от исполнения алиментных обязательствах родителей и прочее.

Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы»[22] предусмотрена разработка мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей, в т.ч. посредством создания государственного алиментного фонда.

О целесообразности создания в Российской Федерации алиментного фонда. Практика создания алиментных фондов уже сложилась в Швеции, Эстонии, Испании и других странах. Такие фонды представляют собой государственные структуры, финансируемые из государственного бюджета, обладающие правом регрессного требования о возврате затраченных средств на содержание ребенка с должника[23].

Представляется, что в свете экономических реалий и проводимой в государстве реформы оптимизации институтов развития вопрос о целесообразности создания в России финансируемого из бюджета алиментного фонда, т.е. еще одного государственного фонда, требует тщательной проработки, не только правового, но и экономического обоснования.

---

[19] См., напр.: *Литвинова Г.И.* Свет и тени прогресса (соц.-демогр. проблемы СССР). М., 1989. С. 35, 116.

[20] См.: СП СССР. 1984. № 6, ст. 32 (утратил силу).

[21] *Ржаницына Л.С.* Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. Проект Института экономики РАН. М., 2012; см. также: *Соловьев В.Ю., Орлова А.В.* Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве // Современное право. 2021. № 9. С. 69–75.

[22] См.: СЗ РФ. 2012. № 23, ст. 2994.

[23] См.: *Чекулаев С.С., Гордеев К.В., Леонов М.Р.* К вопросу об алиментных фондах как способе обеспечения детей: зарубежный опыт // Вестник КГУ. 2020. № 1. С. 184–189.

В Российской Федерации уже имеется негативная практика и выявлены не единичные случаи неэффективной работы фондов, обеспечивающих доведение бюджетных средств до их получателей. Контрольно-счетными органами государства отмечено, что существенный объем бюджетных средств уходит на финансовое обеспечение деятельности субъектов, участвующих в распределения бюджетных доходов и выступающих в роли посредников в механизме бюджетного финансирования. Например, Счетная палата РФ выявила высокие затраты на функционирование Фонда развития моногородов[24], выступающего посредником при распределении бюджетных субсидий на финансирование инфраструктурных проектов, реализуемых в моногородах. А Контрольно-счетной палатой Санкт-Петербурга обнаружено необоснованное использование бюджетных субсидий на выплаты сотрудникам «Фонда – региональный оператор капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах»[25] и т.д. Уже не говоря о том, что весьма значительные финансовые средства затрачиваются на контроль (надзор) за деятельностью таких фондов.

Негативный опыт создания подобных фондов в государстве привел к реформе оптимизации институтов развития, в рамках которой происходит процесс модернизации и ликвидации неэффективных участников рынка.

Учитывая изложенное, создание самостоятельного Государственного алиментного фонда, финансируемого за счет бюджетных средств, представляется нецелесообразным ввиду следующего:

во-первых, это не укладывается в параметры проводимой в Российской Федерации реформы оптимизации институтов развития, в рамках которой ликвидируются и подвергаются модернизации неэффективные структуры, участвующие в механизме распределения бюджетных средств;

во-вторых, создание самостоятельного государственного алиментного фонда в целях осуществления дополнительных мер социальной поддержки детей противоречит обсуждаемой реформе масштабного преобразования существующих государственных внебюджетных фондов в публично-правовые компании в целях создания социального мегарегулятора. Одним из направлений развития обозначенной реформы является порядок формирования единой цифровой платформы, а также переход к предоставлению мер социальной поддержки, оказанию государственных услуг и осуществлению функций в формате «Социального казначейства», что позволит повысить адресность и эффективность предоставления мер социальной поддержек (Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 г. № 431-р));

в-третьих, создание Государственного алиментного фонда приведет к тому, что неисполнение алиментных обязательств, возникающих между физическими лицами и регулируемых семейным законодательством, повлечет наступление негативных финансовых последствий для бюджетной системы государства и исключит заинтересованность обязанных лиц уплачивать алименты;

в-четвертых, следует учитывать, что формирование Государственного алиментного фонда за счет бюджетных средств и осуществление из него соответствующих выплат, представляет собой не что иное, как создание дополнительного инструмента бюджетного финансирования, представляющего собой форму эмиссии бюджетного рубля. Создание подобного фонда напрямую затрагивает проблемы проведения денежной эмиссии, связанные с поиском эффективных инструментов как денежно-кредитной, так и бюджетной политики.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным рассмотреть вопрос о создании алиментного фонда посредством применения страхового механизма, обеспечивающего исполнение алиментных обязательств, в случае уклонения должников от их исполнения.

Формирование страховой модели осуществления выплат в пользу детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, может осуществляться по следующим направлениям:

1. Создание негосударственных алиментных фондов. Страховой механизм, лежащий в основе формирования таких фондов, обеспечит осуществление выплат в пользу ребенка при наступлении страхового случая – уклонения родителя от исполнения алиментных обязательств.

Реализация изложенного подхода потребует закрепления в законодательстве нового вида обязательного страхования – страхование риска

[24] См.: *Агапцов А.А., Шторгин С.И.* Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (утв. коллегией Счетной палаты РФ 26.03.2019 г.) // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2019. № 7 (259).

[25] Информация о результатах контрольного мероприятия «Выборочная проверка законности, эффективности и целевого использования бюджетных средств, предоставленных в форме субсидий Жилищным комитетом некоммерческой организации «Фонд – региональный оператор капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах», контроль за реализацией региональных проектов в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года». URL: https://ksp.org.ru/article/633200020/1670/Informaciya-o-rezultatah-kontrolnogo-meropriyatiyaVyborochnaya-proverka-za-konnosti-effektivnosti-i-celevogo-ispolzovaniya-byudzhetnyh-sredstv-predostavlennyh-v-forme-subsidiy-Zhilischnym-komitetom-nekommercheskoy-organizacii-Fond-regionalnyy-operat

ответственности по алиментным обязательствам, который может наступить в случае неисполнения содержащихся в исполнительном документе требований о взыскании алиментов.

Формирование рассматриваемой модели обязательного страхования потребует ее финансово-экономического обоснования. Принципиальным моментом является подход к определению минимальных размеров страховых сумм по данному виду обязательного страхования и застрахованным страховым рискам. Экономистам следует найти оптимальное соотношение между размером страхового взноса по обязательному страхованию и предоставляемой по этому страхованию страховой защитой.

2. Возложение полномочий по возмещению расходов на содержание детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, на Фонд социального страхования РФ (далее – ФСС РФ), являющийся финансово-кредитным учреждением при Правительстве РФ, средства которого не входят в состав бюджетов соответствующих уровней бюджетной системы и используются для выплаты различных социальных пособий[26], включая пособия на содержание детей.

На современном этапе развития финансово-правовых отношений ФСС РФ не является единственным источником выплаты социальных пособий на содержание детей. В соответствии с законодательством выплата государственных пособий гражданам, имеющим детей, производится за счет средств как ФСС РФ, так и федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ[27] утратила силу ст. 17 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ (ред. от 06.12.2021 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»[28]. Ранее указанная статья Закона № 81-ФЗ закрепляла размер ежемесячного пособия на ребенка, родители которого уклоняются от уплаты алиментов. С утратой силы данной статьи размер и порядок назначения, индексации и выплаты пособия на ребенка, включая условия и периодичность его выплаты (не реже одного раза в квартал), в т.ч. с применением критериев нуждаемости, устанавливается нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Реформы бюджетно-правового регулирования[29] привели к тому, что порядок назначения и выплаты ежемесячного пособия на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов на содержание детей, определяются актами субъектов Российской Федерации, соответственно финансирование этих мер социальной поддержки детей, не получающих ежемесячно алименты, является расходными обязательствами субъектов Российской Федерации. Пример таких актов – Закон города Москвы от 23 ноября 2005 г. № 60 (ред. от 20.10.2021 г.) «О социальной поддержке семей с детьми в городе Москве»[30].

В целях закрепления единообразного механизма осуществления выплат на содержание детей представляется целесообразным возложить выплату рассматриваемых социальных пособий на детей на ФСС РФ. Такая положительно зарекомендовавшая себя практика уже сложилась в государствах ближнего зарубежья. Например, в Республике Беларусь, выплаты социальных пособий на содержание детей, недополучающих алименты от родителей, возложены на государственный внебюджетный фонд социальной защиты населения[31].

Уместно заметить, что похожая схема имела место и применялась в РСФСР в 80-е – начале 90-х годов. На основе постановления Совета Министров СССР от 25 января 1989 г. № 67 «О мерах по улучшению материального положения несовершеннолетних детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов»[32] были введены временные пособия на содержание несовершеннолетних детей, родители которых, обязанные к уплате алиментов, разыскиваются органами внутренних дел по определениям, вынесенным судом, и постановлениям следственных органов в связи с уклонением от обязанности уплаты алиментов. Указанным актом был закреплен порядок выплаты пособий на несовершеннолетних детей. Для целей стимулирования выплат пособий по алиментам и возмещения расходов на содержание детей на размер невыплаченных сумм с доходов родителей, уклоняющихся от уплаты

[26] См.: постановление Правительства РФ от 12.02.1994 г. № 101 «О Фонде социального страхования Российской Федерации» // САПП РФ. 1994. № 8, ст. 599.

[27] См.: Федеральный закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г.) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации””» // СЗ РФ. 2004. № 35, ст. 3607.

[28] См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1929.

[29] См.: *Кобзарь-Фролова М.Н.* Развитие финансово-правого механизма бюджетной, налоговой, таможенной политики Российской Федерации // Финансовое право. 2016. № 4. С. 11–18.

[30] См.: Вестник МПМ. 2005. № 70.

[31] См.: Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 г. № 278-З; Положение «О Фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь» (утв. Указом Президента РБ от 16.01.2009 г. № 40).

[32] См.: СП СССР. 1989. № 12, ст. 36. Документ утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.02.2020 г. № 80.

алиментов в срок, производилось начисление процентов (10% от суммы ежемесячного дохода). Указанные (штрафные) средства поступали на счет фонда социального обеспечения населения союзных республик. В этой связи контроль за своевременным поступлением денежных средств и выплата пособий на детей по их содержанию была возложена на органы социального обеспечения союзных республик.

Анализ полномочий ФСС РФ по состоянию на декабрь 2021 г. показал, что данный Фонд наделен полномочиями по взысканию алиментов в части удержания денежных средств с пособий по временной нетрудоспособности уклоняющихся от уплаты алиментов родителей. С порядком получения выплат от ФСС РФ можно ознакомиться на официальном сайте Фонда. Так, с учетом разъяснений ФСС РФ после направления одним из родителей запроса в территориальный орган Федеральной службы судебных приставов и получения постановления об обращении взыскания на пособие по временной нетрудоспособности застрахованного лица территориальный орган Фонда обязан удержать денежные средства по исполнительным документам с пособия по временной нетрудоспособности[33].

Заключение. В существующих условиях правового регулирования отношений по взысканию алиментов на содержание детей расширение полномочий ФСС РФ в части взыскания алиментов и осуществления выплат на содержание детей потребует соответствующего изменения действующего законодательства и закрепления самостоятельного вида обязательного социального страхования на случай уклонения от уплаты алиментов и финансово-экономического обоснования его введения. Представляется, что данный вид обязательного страхования целесообразно встроить в механизм обязательного социального страхования, охватывающий несколько его подвидов, в т.ч. страховые взносы, правовое регулирование отношений в рамках которых регулируется Налоговым кодексом РФ. Отдельно следует подчеркнуть, что, в отличие от других способов регулирования отношений об обязательных платежах, закрепленная законодательством Российской Федерации о налогах и сборах модель фискального администрирования всеобще признана достаточно совершенной.

При этом принципиально важным является провести соответствующие исследования и определить подходы к действию: 1) механизма взаимодействия ФНС России, ФСС РФ и Федеральной службы судебных приставов по вопросам установления оснований выплат социальных пособий, перечисления страховых взносов, а также денежных средств, взыскиваемых в порядке регрессного требования к должникам; 2) порядка определения источников формирования доходов, за счет которых будут производиться выплаты пособий на детей при наступлении страхового случая.

Кроме отмеченных предложений необходимо найти оптимальное соотношение между размером страхового взноса по обязательному страхованию и предоставляемой по этому страхованию страховой защитой.

Источником формирования доходов в рамках реализации данного направления социальной защиты детей и обеспечения гарантий получений должного содержания, помимо страховых взносов, может быть взимание неустойки с должников, а также средства, взыскиваемые в порядке регрессного требования о возврате затраченных средств на содержание ребенка с должника.

Введение рассматриваемого инструмента осуществления алиментных обязательств, основанного на функционировании Фонда социального страхования РФ, позволит обеспечить реализацию положений п. 6 ст. 113 СК РФ, согласно которым с физических лиц, уклоняющихся от уплаты алиментов, в доход бюджета взыскиваются суммы, выплаченные на ребенка в размере, предусмотренном законодательством в период розыска его родителей.

Вместе с тем следует учитывать, что передача ФСС РФ полномочий по выплате пособий на содержание детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, не исключает использование на эти цели средств федерального бюджета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапцов А.А., Шторгин С.И.* Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг и оценка хода реализации приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов» (утв. коллегией Счетной палаты РФ 26.03.2019 г.) // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2019. № 7 (259).
2. *Васянина Е.Л.* Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 30.
3. *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств. М., 2020. С. 354.
4. *Гонгало Б.М.* Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 16.
5. *Запольский С.В.* Самофинансирование предприятий (правовые вопросы). М., 1988. С. 71.
6. *Кобзарь-Фролова М.Н.* Развитие финансово-правового механизма бюджетной, налоговой, таможенной политики Российской Федерации // Финансовое право. 2016. № 4. С. 11–18.
7. *Ксенофонтова Д.С.* Нотариальное удостоверение соглашения об уплате алиментов как правовая гарантия осуществления и защиты прав и интересов субъектов алиментного правоотношения // Нотариус. 2014. № 4. С. 19–22.

[33] См.: Письмо Фонда социального страхования РФ от 14.01.2021 г. № 02-08-01/15-03-15268л // В официальных источниках не публиковалось.

8. *Летова Н.В.* Правовая природа соглашений об уплате алиментов: проблемы материального и процессуального права // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 3. С. 133–140.

9. *Литвинова Г.И.* Свет и тени прогресса (соц.-демогр. проблемы СССР). М., 1989. С. 35, 116.

10. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды Всесоюз. ин-та юрид. наук НКЮ СССР. М., 1940. Вып. III.

11. Первоначальный проектъ общихъ положеній объ обязательствахъ. СПб., 1890. С. 2.

12. *Ржаницына Л.С.* Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. Проект Института экономики РАН. М., 2012.

13. Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

14. *Соловьев В.Ю., Орлова А.В.* Актуальные проблемы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в исполнительном производстве // Современное право. 2021. № 9. С. 69–75.

15. *Усачева Е.А.* Соглашение об уплате алиментов в российском семейном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

16. *Чекулаев С.С., Гордеев К.В., Леонов М.Р.* К вопросу об алиментных фондах как способе обеспечения детей: зарубежный опыт // Вестник КГУ. 2020. № 1. С. 184–189.

REFERENCES

1. *Agaptsov A.A., Shtorgin S.I.* Report on the results of the expert-analytical event "Monitoring and evaluation of the implementation of the priority program "Integrated development of single-industry towns"" (approved by the Board of the Accounts Chamber of the Russian Federation on 26.03.2019) // Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 2019. № 7 (259) (in Russ.).

2. *Vasyanina E.L.* Theoretical fundamentals of legal regulation of public revenues in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2016. P. 30 (in Russ.).

3. *Godeme E.* General theory of obligations. M., 2020. P. 354 (in Russ.).

4. *Gongalo B.M.* Alimony obligation // Family and Housing Law. 2016. No. 5. P. 16 (in Russ.).

5. *Zapolsky S.V.* Self-financing of enterprises (legal issues). M., 1988. P. 71 (in Russ.).

6. *Kobzar-Frolova M.N.* Development of the financial and legal mechanism of budgetary, tax, customs policy of the Russian Federation // Financial Law. 2016. No. 4. P. 11–18 (in Russ.).

7. *Ksenofontova D.S.* Notarization of the alimony payment agreement as a legal guarantee of the exercise and protection of the rights and interests of the subjects of alimony legal relationship // Notary. 2014. No. 4. P. 19–22 (in Russ.).

8. *Letova N.V.* The legal nature of alimony agreements: problems of substantive and procedural law // Socio-political sciences. 2021. Vol. 11. No. 3. P. 133–140 (in Russ.).

9. *Litvinova G.I.* Light and shadows of progress (social and demographic problems of the USSR). M., 1989. P. 35, 116 (in Russ.).

10. Obligation to Soviet Civil Law // Scientific works of the All-Union in-t legal of Sciences of the NKYU of the USSR. M., 1940. Issue III (in Russ.).

11. The initial design of the general provisions of the obligations. SPb., 1890. P. 2 (in Russ.).

12. *Rzhanitsyna L.S.* Alimony in Russia: problem analysis and strategy in the interests of children. Project of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. M., 2012 (in Russ.).

13. Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI (in Russ.).

14. *Solovev V. Yu., Orlova A.V.* Actual problems of protection of the rights and legitimate interests of minors in enforcement proceedings // Modern law. 2021. No. 9. P. 69–75 (in Russ.).

15. *Usacheva E.A.* Agreement on the payment of alimony in Russian Family Law: abstract ... PhD in Law. M., 2017 (in Russ.).

16. *Chekulaev S.S., Gordeev K.V., Leonov M.R.* On the issue of alimony funds as a way to provide for children: foreign experience // Vestnik of KSU. 2020. No. 1. P. 184–189 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая сектором административного права и процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСЯНИНА Елена Леонидовна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. – Doctor of Law, Professor, chief researcher, Head of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASYANINA Elena L. – Doctor of Law, associate Professor, leading researcher of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 131–141
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 131–141

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ИСТОКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

© 2022 г. И. И. Бутрим*, А. И. Чучаев**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: acad.sec@igpran.ru*
***E-mail: moksha1@rambler.ru*

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Аннотация. В статье показаны поводы и причины принятия трех актов, явившихся основой зарождавшегося международного гуманитарного права: Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны, определившей так называемое женевское направление развития права войны; инструкции полевым войскам Соединенных Штатов и Декларации о запрещении употребления разрывных пуль, положивших начало «права Гааги». Раскрыто содержание указанных актов и определено их значение для дальнейшего развития права международных конфликтов.

***Ключевые слова*:** международное гуманитарное право, право войны, А. Джентили, Г.И. Солнцев, Анри Дюнан, улучшение участи раненых и больных воинов, Кодекс Либера, запрещение употребления разрывных пуль.

Цитирование: *Бутрим И.И., Чучаев А.И.* Истоки международного гуманитарного права // Государство и право. 2022. № 6. С. 131–141.

DOI: 10.31857/S102694520020479-7

THE ORIGINS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

© 2022 I. I. Butrim*, A. I. Chuchaev**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: acad.sec@igpran.ru*
***E-mail: moksha1@rambler.ru*

Received 11.05.2022

Abstract. The article shows the reasons and reasons for the adoption of three acts that formed the basis of the nascent International Humanitarian Law: The Convention on Improving the Fate of Wounded and Sick Soldiers during the Land war, which determined the so-called Geneva direction of the development of the law of war; instructions to the field troops of the United States and the Declaration on the Prohibition of the Use of Explosive Bullets, who laid the foundation of the "Hague law". The content of these acts is disclosed and their significance for the further development of the law of international conflicts is determined.

Key words: International Humanitarian Law, the law of war, A. Gentili, G.I. Solntsev, Henri Dunant, improvement of the fate of wounded and sick soldiers, the Lieber Code, prohibition of the use of explosive bullets.

For citation: *Butrim, I.I., Chuchaev, A.I. (2022).* The origins of International Humanitarian Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 131–141.

Международное гуманитарное право как таковое как совокупность норм, цель которых заключается в ограничении последствий вооруженных конфликтов в гуманитарной сфере, в своем современном виде возникло относительно недавно, хотя при этом обычаи войны, положенные в его основу, имеют длительную историю. Иногда это право именуют правом вооруженного конфликта или правом войны (jus in bello)[1]. В основе международного гуманитарного права «лежит определенное равновесие между соображениями военной необходимости и требованиями гуманности. С одной стороны, признается.., чтобы одержать победу над противником во время войны, военная необходимость может потребовать убивать, наносить ранения и вызывать разрушения, а также принимать более суровые меры безопасности, чем разрешено в мирное время. С другой стороны, МГП (международное гуманитарное право. – *Авт.*) устанавливает, что военная необходимость не предоставляет воюющим carte blanche для ведения ничем не ограниченной войны. Скорее соображения гуманности налагают некоторые ограничения на средства и методы ведения войны...»[2].

У истоков международного гуманитарного права стоял итальянский юрист, представитель поздней схоластики Альберико Джентили, «отец права народов»[3]. В России одним из первых, пожалуй, о праве войны начал говорить Г.И. Солнцев, фактически положив начало формированию международного уголовного права (примерно за 130 лет до принятия Женевских конвенций): «Также будет преступлением даже против неприятельских подданных, безоружных на время военное, их умерщвление, убийство женского пола, младенцев, священников и старых людей.., умерщвление пленных, коим дана пощада, насилие женскому полу»[4].

Договоры о нормах ведения войны начали заключаться в 60-е годы XIX в. Первая конвенция по результатам Женевской конференции 1864 г. была посвящена вопросу об участи солдат, раненных на поле боя; вторая, заключенная на конференции в Санкт-Петербурге в 1868 г., запрещала использование разрывных винтовочных пуль. «Из этих скромных начинаний развились два отдельных (хотя и связанных между собой) направления в праве вооруженного конфликта, каждое из которых имеет свою цель: одно, так называемое “право Женевы”, уделяет особое внимание положению жертв войны, попавших в руки противной стороны (например, военнопленных или интернированных гражданских лиц), тогда как другое, обычно... называемое “право Гааги”, касается самих военных действий и допустимых средств и методов ведения войны»[5].

Участь раненных на поле боя и попавших в плен всегда была, мягко говоря, незавидной. Однако, вероятно, самым худшим стало то, что наполеоновские войны начала XIX столетия уничтожили правило, считавшееся чуть ли не сакральным: щадить полевые госпитали противника и уважать неприкосновенность его медицинского персонала и раненых. Фронтовые медсанбаты стали подвергаться уничтожению, а медицинский персонал – превращаться в мишени для ружейного огня. Местное население также не могло оказать им помощь; рискнувшие сделать это, признавались активными пособниками врага.

История сохранила описание многих событий, поражающих своей бессмысленной жестокостью. Скорее всего это признавали многие, но потребовались неимоверные усилия одного человека, который после битвы при Сольферино в Северной Италии[6] в течение нескольких суток вместе с другими добровольцами оказывал помощь раненым, облегчал страдания умирающих (по некоторым сведениям, их было около 9 тыс. человек). Его имя – Жан Анри Дюнан, швейцарский предприниматель и общественный деятель, инициатор создания действующей в настоящее время международной гуманитарной организации Международного Комитета Красного Креста (МККК)[7],

[1] «Право вооруженных конфликтов – право, рассчитанное на исключительные ситуации, которое применяется тогда, когда многие нормы перестают действовать. Оно – последнее укрепление, возведенное среди варварства войны, чтобы не допустить еще большего варварства, каковым стало бы нарушение этих норм, применение которых не может быть подчинено противоположному соглашению, а значит, произволу самих воюющих» (см.: *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций / пер. с франц. 2-е рус. изд., основанное на 4-м франц. изд., с доп. авт. М., 2011. С. 102).

[2] *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс: справ. изд. М., 2017. С. 26.

[3] См. подр.: *Александренко В.Н.* Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 3. С. 109; *Балашова Н.Ю.* Судьба итальянского юриста Альберико Джентили (1552–1608): сб. ст. М., 2004. Ч. 3. С. 134; и др.

[4] *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Ярославль, 1907. С. 77.

[5] *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 8.

[6] Эта битва – крупнейшее сражение австро-итало-французской войны, состоявшееся 24 июня 1859 г. между объединенными войсками Франции и Сардинского королевства против австрийской армии. Полем боя стали окрестности ломбардской деревушки Сольферино. Сражение закончилось победой франко-итальянской коалиции (см.: *Драгомиров М.* Сольферинская битва (с двумя планами). СПб., 1861). С битвой при Сольферино связано появление Общества Красного Креста.

[7] 8 мая – день рождения Анри Дюнана (1828–1910) – отмечается как Международный день Красного Креста и Красного Полумесяца.

ставший в 1901 г. совместно с Фредериком Пасси[8] первым лауреатом Нобелевской премии мира. Обо всем увиденном и пережитом он рассказал в книге «Воспоминания о битве при Сольферино», опубликованной в 1862 г.[9] Пьер Буассье[10] в предисловии к ней пишет: «Дюнан проклинал войну более страстно, чем кто бы то ни было. И невозможно читать его повествование, не разделяя чувств автора. Но цель Дюнана была не в этом. Он хотел показать всему миру, как это страшно, как жестоко призывать солдат в армию, заставлять их переносить невероятные тяготы и лишения, идти в бой, презирая опасность, для того чтобы потом, когда пули неприятеля выведут их из строя, оставить их умирать, как собак»[11].

Французские писатели-натуралисты братья Жюль и Эдмон Гонкур, обычно, как отмечают исследователи их жизни и творчества, щедрые на язвительные замечания, в своем общем дневнике, который вели с 1851 г., замечают: «Эти страницы наполнили... душу волнением. Высокие чувства, которыми книга проникнута, касаются сокровенных струн сердца. Она прекраснее, в тысячу раз прекраснее, чем Гомер, чем “Анабасис” Ксенофонта[12], прекраснее всего... Эта книга заставляет проклясть войну»[13].

Подробно, пожалуй, почти фотографически запечатлев весь тот ужас, который испытал от увиденного, Дюнан задается двумя вопросами: 1) зачем было рассказывать обо всех этих страданиях и вызывать, вероятно, излишнее впечатление? 2) зачем описывать потрясающие картины с мельчайшими подробностями, кажущимися безнадежными до отчаяния? На эти естественные, по его мнению, вопросы автор отвечает также вопросом: почему нельзя основать добровольные общества, которые во время войны помогали или организовали бы помощь раненым и уход за ними? «Вопрос этот, при общем обсуждении, вызовет рассуждения и письменные отзывы людей более сведущих, но надо, прежде всего, чтобы эта мысль нашла отклик и сочувствие в сердцах людей.., горячо принимающих страдания ближних», – размышляет Дюнан.

Автор наметил конкретные меры, которые надлежало осуществить незамедлительно. Во-первых, в каждой стране силами общественности требовалось учредить национальную организацию помощи для оказания существующим военно-медицинским службам содействия в выполнении соответствующих задач. Предлагаемые общества, будучи постоянными, исполняли бы свои обязанности главным образом во время войны. В мирное же время они могли бы оказывать неоценимые услуги при природных катаклизмах: наводнениях, землетрясениях, пожарах и т.д. Эти общества должны находиться под защитой государства, на территории которого они были образованы, а в военное время должны беспрепятственно получать разрешения от воюющих сторон для реализации своей миссии.

В комитеты общества входят достойные, пользующиеся всеобщим уважением люди. Они наделяются правом обращаться к согражданам с просьбой помогать военным управлениям оказывать медицинскую помощь раненым на поле сражения и осуществлять уход в больницах до полного их выздоровления. «Вспомним... два примера самоотвержения... относящихся к войне на востоке и прямо подходящих к интересующему... вопросу, – пишет Дюнан. – Когда сестры милосердия ходили за ранеными и больными французской армии в Крыму, к русским и английским войскам прибыли с севера и запада два отряда под предводительством двух святых женщин. Вскоре после начала войны русская великая княгиня Елена Павловна, урожденная принцесса Шарлота Вюртембергская, выехала из Петербурга с тремястами дам, пожелавших нести всю больничную службу в госпиталях Крыма, за что их благославляли тысячи русских солдат»[14].

Во-вторых, Дюнан считал необходимым заключить между государствами договор, который способствовал бы работе предлагаемых обществ и служил гарантией участи раненых.

---

[8] Фредерик Пасси (1822–1912) – французский политический деятель, миротворец. Основатель и первый руководитель Международной лиги мира (1868), активный участник создания Международного межпарламентского союза (1889), член (1877) и президент (1890) Академии моральных и политических наук.

[9] На русском книга впервые издана в 1904 г. (см.: *Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С.Н. Норман; под ред. А.П. Плетнева. СПб., 1904). В 2015 г. вышло репринтное издание, осуществленное МККК.

[10] Пьер Буассье (1920–1974) – швейцарский юрист, выполнял несколько миссий МККК в качестве делегата в различных международных конфликтах, автор и редактор ряда книг по истории МККК.

[11] *Буассье П.* Предисловие // *Дюнан А.* Указ. соч. С. X.

[12] «Ана́басис» (др.-греч. – восхождение) или «Поход вглубь страны», также именуемое как «Отступление десяти тысяч» (название, вероятно, отражает количество оставшихся в живых), – самое известное из историко-биографических сочинений древнегреческого писателя и историка из Афин Ксенофонта. Книга содержит описание похода греческого войска в Азию и после битвы при Кунаксе (401 г. до н.э.) последующее отступление оставшихся в живых греков под командованием в т.ч. и самого Ксенофонта. В произведении также изложен опыт формирования греческой армии, взаимоотношения солдат и командования и др. (см. подр.: *Ксенофонт*. Отступление десяти тысяч. СПб., 1837).

Явные и скрытые аллюзии на «Анабасис» часто встречаются в произведениях мировой литературы (например, глава книги Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка», роман М.П. Шишкина «Венерин волос» и др.).

[13] По материалам интернет-изданий.

[14] *Дюнан А.* Указ. соч. С. 58.

Для воплощения указанных идей потребовалось всего меньше года. В феврале 1863 г. Дюнан совместно с Гюставом Муанье[15] создал Комитет, в который помимо них вошли:

генерал Гийом-Анри Дюфур (1787–1875) – инженер-мостостроитель, топограф, основатель Швейцарского федерального топографического ведомства, президентом которого был с 1838 по 1865 г. В его честь названа самая высокая точка Швейцарии – пик Дюфур;

доктор Луи Поль Амеде Аппиа (1818–1898) – хирург, достигший особых успехов в военной медицине;

доктор Теодор Давид Эжен Монуар (1806–1869) – хирург[16].

В этом же году в Вюртемберге было учреждено первое национальное общество помощи, в 1864 г. подобное общество появилось в Ольденбурге, Бельгии и Пруссии, в 1866 г. – в Нидерландах. В последующие годы они начали работать во многих странах Европы и стали называться обществами Красного Креста и Красного Полумесяца.

В целях распространения своих идей члены первого Комитета решили воспользоваться проходившим в 1863 г. в Берлине международным конгрессом по статистике. Выступая на площадках конгресса, они агитировали за заключение государствами подготовленного Дюнаном договора, предусматривающего возможность оказания помощи раненым на поле боя и защиту медицинского персонала. В результате предпринятых усилий удалось добиться того, что по предложению правительства Швейцарии 8 августа 1864 г. в Женеве была созвана дипломатическая конференция, которая уже 22 августа того же года приняла Конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны[17]. Текст Конвенции, на наш взгляд, целесообразно привести полностью.

«1) Амбулансы[18] и военные госпитали будут признаваться нейтральными и как таковые почитаться неприкосновенными (respectes) и пользоваться покровительством (proteges) воюющих сторон, пока в них будут находиться больные или раненые.

Нейтральность прекращается, если эти амбулансы или госпитали охраняются военной силой.

2) Права нейтральности будут распространяться на личный состав госпиталей и амбулансов, включая части интендантскую, врачебную, административную и перевозочную для раненых, а также включая священнослужителей, – когда он будет в действии и пока будут оставаться раненые, коих требуется подобрать или оказать им помощь.

3) Поименованные в предыдущей статье лица могут, и по занятии места неприятелем, продолжать исполнение своих обязанностей в госпитале или амбулансе, при котором они состоят, или удалиться, чтобы присоединиться к корпусу, к которому они принадлежат.

В этих случаях означенные лица, по прекращении исполнения ими своих обязанностей, будут, попечением занявшей место армии, сдаваемы на неприятельские аванпосты.

4) Движимость (materiel) военных госпиталей подчиняется действию законов войны, и состоящие при этих госпиталях лица, удаляясь из них, могут брать с собою только те вещи, которые составляют личную их собственность.

Амбуланс, напротив, при тех же обстоятельствах будет сохранять свою движимость.

5) Местные жители, подающие помощь раненым, будут пользоваться неприкосновенностью и останутся свободными.

Командующие воюющих держав будут обязаны предупреждать жителей о таком призыве к их человеколюбию и о праве нейтральности, имеющем последовать за оное.

Каждый раненый, принятый и пользующийся уходом в каком-либо доме, будет служить охраной тому дому. Местный житель, принявший у себя раненых, будет освобождаться от воинского постоя, а также от некоторой части налагаемых военных контрибуций.

6) Раненые и больные воины будут принимаемы и пользуемы без различия, к какой бы нации они ни принадлежали.

Главнокомандующим войск будет предоставлено право немедленно сдавать на неприятельские аванпосты раненых в сражении военных чинов, когда будут

[15] Луис Габриэль Гюстав Муанье (1826–1910) – швейцарский юрист, общественный деятель, филантроп. В 1859 г. возглавил Женевское общество общественного благосостояния. В 1864 г. занял пост председателя Комитета Красного Креста, руководил этой организацией с 1865 по 1910 г. В 1870–1871 гг. выступал с предложениями о создании международного суда, в компетенцию которого входило бы рассмотрение дел о нарушении международного гуманитарного права. В 1873 г. совместно с Густавом Ролен-Жакмэном основал Институт международного права (Женева), который возглавил в 1892 г.

[16] По материалам интернет-изданий.

[17] В русскоязычной литературе встречается под разными названиями, в некоторых случаях имеются незначительные расхождения в тексте.

[18] Амбуланс – полевой лазарет, повозка для раненых, санитарный автомобиль.

то дозволять обстоятельства и с согласия обеих сторон.

Те лица, которые по выздоровлении будут признаны неспособными к военной службе, будут отправляемы обратно в отечество.

Остальные могут также быть отправляемы в отечество, но с обязательством не браться за оружие во все продолжение войны.

Эвакуация и лица ею распоряжающиеся будут находиться под защитой безусловного нейтралитета.

7) Для госпиталей, амбулансов и при эвакуации будет принят для всех одинаковый, отличительный флаг. Он должен во всех случаях быть поставлен вместе с флагом национальным.

Равным образом для лиц, состоящих под защитою нейтралитета, будет допущено употребление особого знака на рукаве; но выдача оного будет предоставлена военному начальству.

Флаг и нарукавная повязка представляют красный крест на белом фоне.

8) Подробные правила исполнения настоящей конвенции в частностях будут постановлены главнокомандующими воюющих сторон согласно с полученными ими от их правительств инструкциями и основными началами, выраженными в этой конвенции...»[19].

Конвенция была подписана 32 государствами (всеми европейскими, шестью американскими и одним азиатским). Россия присоединилась к ней 22 мая 1867 г.

Наиболее принципиальными являются положения Конвенции, к числу которых можно, например, отнести следующие:

в условиях войны санитарным транспортным средствам и полевым госпиталям присваивался статус нейтральных; более того, пока имелись на лечении раненые и больные, они находились под покровительством сторон военного конфликта;

медицинский и санитарный персонал не мог быть захвачен в плен и подвергнут обстрелу, он сохранял нейтральный статус до тех пор, пока на поле боя оставались раненые, которым требовалась медицинская помощь;

раненых и больных комбатантов, к какой из воюющих сторон они ни относились, следовало обеспечивать надлежащим уходом, лечением и др.

Особо следует выделить еще один момент. Конвенцией предусматривался отличительный знак госпиталей, санитарного транспорта и личного состава подразделений, занимающихся эвакуацией раненых, – флаг или нарукавная повязка единого образца с изображением красного креста на белом фоне.

Оценивая первую Женевскую конвенцию 1864 г., Ф. Кальсховен отмечает: «За этим первым, скромным шагом должны были последовать еще многие другие, прежде чем право Женевы приобрело ту значимость и относительную полноту, которые оно имеет сегодня. Дальнейшие шаги делались либо в направлении расширения круга лиц, подлежащих защите, либо совершенствования правил в свете приобретенного опыта»[20].

Примерно через 20 лет существования Конвенции стали раздаваться голоса либо о прекращении ее действия, либо о замене регламентами отдельных государств. «С этим взглядом можно было бы согласиться, – пишет И.И. Ивановский, – если бы было действительно доказано, что цель, преследуемая Женевской конвенцией, не может быть ни в каком случае примирена с военными интересами, или ее недостатки не могут быть исправлены, а неудобства превышают приносимые ею услуги. Можно лишь согласиться с тем, что конвенция 1864 г. нуждается в пересмотре, дополнении и исправлении»[21].

Государства – участники рассматриваемой Конвенции отказались заменять ее национальными регламентами, в т.ч. и отдельными правилами для различных армий. Преимущества международно-правового регулирования оценивались выше, чем национальное регулирование оказания помощи раненым. Во-первых, этим достигается единый подход к разрешению соответствующей проблемы; во-вторых, положения международных договоров являются обязательными для всех участников договора. Ничего подобного нельзя добиться при закреплении аналогичных правил в рамках национальной правовой системы.

В 1899 г. был заключен новый договор, распространивший принципы Конвенции 1864 г. на раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море. В дальнейшем Конвенция изменялась и дополнялась в 1906 и 1907 гг. и только в 1929 г. в Женеве была принята новая.

Так называемое гаагское направление права войны, несмотря на наименование, на самом деле берет свое начало вовсе не в Гааге, а в двух других городах – в Вашингтоне и Санкт-Петербурге.

В Вашингтоне в 1863 г. был обнародован ставший знаменитым Указ «Инструкция полевым войскам

[19] Текст приводится по: *Ивановский И.И.* Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Киев, 1864. С. 37–39.

[20] *Кальсховен Ф.* Указ. соч. С. 11.

[21] *Ивановский И.И.* Указ. соч. С. 37–39.

США»[22], вошедший в литературу как Кодекс Либера. Фрэнсис Либер (изначально Франц, 1800–1872) – юрист немецкого происхождения, специалист по международному праву, политолог. В 1815 г. подростком добровольно участвовал в битвах при Линьи и Ватерлоо, был серьезно ранен в шею при штурме Намюра, перенес тиф. В ранние годы обладал столь радикально-либеральными взглядами, что мечтал о покушении на Наполеона III. В годы войны между Севером и Югом профессор был одним из самых сильных в академической среде сторонников Союза, часто консультировал министерство обороны по наиболее важным и актуальным проблемам. В 1863 г. по просьбе президента Авраама Линкольна написал проект указанной Инструкции, который был обнародован 24 апреля 1863 г. в виде общего приказа № 100 войскам северян[23]. «Пропитанный идеями лучших мыслителей XVIII в. и основанный на общей концепции того, что война может быть законна только при условии соответствия методов ее ведения определенным правилам, этот текст, будучи внутренним документом и предназначенным для применения в условиях гражданской войны, послужил импульсом для последующей кодификации законов и обычаев войны и явился затем основой знаменитых Гаагского и Женевского международных договоров»[24].

Кодекс Либера содержит 157 статей, объединенных в 10 разделов. Об объеме регулируемых отношений свидетельствуют хотя бы названия последних:

Раздел 1. Военное положение. Военная юрисдикция. Военная необходимость. Возмездие (ст. 1–30).

Раздел 2. Государственная и частная собственность врага. Защита лиц, и особенно женщин, религии, искусств и наук. Наказание преступлений против жителей враждебных стран (ст. 31–47).

Раздел 3. Дезертиры. Военнопленные. Заложники. Добыча на поле боя (ст. 48–80).

Раздел 4. Партизаны. Вооруженные враги, не принадлежащие к враждебной армии. Разведчики. Вооруженные бродяги. Война. Повстанцы (ст. 81–85).

Раздел 5. Безопасность. Шпионы. Война. Предатели. Захваченные гонцы. Злоупотребление флагом перемирия (ст. 86–104).

Раздел 6. Обмен пленными. Флаги перемирия. Флаги защиты (ст. 105–118).

Раздел 7. Условно-досрочное освобождение (ст. 119–134).

Раздел 8. Перемирие. Капитуляция (ст. 135–147).

Раздел 9. Покушение (ст. 148).

Раздел 10. Восстание. Гражданская война. Восстание (ст. 149–157).

В Кодексе детально регламентирован широкий круг обстоятельств, связанных с военными действиями. Так, он проводит различие между военным положением и военным угнетением. «Военное положение – это просто военная власть, осуществляемая в соответствии с законами и обычаями войны. Военное угнетение – это не военное положение[25], это злоупотребление властью, которую дает этот закон. Поскольку военное положение осуществляется военной силой, те, кто его вводит, обязаны строго руководствоваться принципами справедливости, чести и человечности – добродетелями, украшающего солдата даже больше, чем других людей, по той самой причине, что он обладает силой своего оружия против безоружного» (ст. 4).

Военное положение может быть более или менее строгим. Последнее характерно для регионов и стран, полностью оккупированных или справедливо завоеванных. Первое же имеет место там, где существуют или предполагаются реальные военные действия, к которым необходима соответствующая подготовка. Оно может быть объявлено и в собственной стране командующего, что обусловлено первостепенной обязанностью защищать ее от вторжения.

Военная юрисдикция также бывает двух видов: во-первых, определяемая законом; во-вторых, вытекающая из общего права войны. Военные преступления, предусмотренные статутным законом, должны рассматриваться в порядке, им регламентированным; наказуемость деяний аналогичного характера, не подпадающих под статут, определяется законами каждой конкретной страны и правом войны[26].

Кодекс обстоятельно перечисляет все возможные действия (причинение урона противоборствующей стороне) и их последствия, допускаемые в рамках военной необходимости. В их перечень входят: уничтожение вооруженного врага, причинение увечий воюющим; случайная гибель иных

[22] В литературе встречаются и несколько иные названия этого документа: «Инструкция для правительства армий Соединенных Штатов на местах», «Инструкция для командования армий Соединенных Штатов на полях сражений» и др.

[23] См. подр.: *Корюшкин А.И.* Фрэнсис Либер – первый профессор политологии // Политекс. 2010. Т. 6. № 3. С. 5–19.

[24] Там же. С. 17.

[25] По Кодексу военное положение состоит в приостановлении оккупирующей военной властью уголовного и гражданского права, а также деятельности внутренней администрации правительства на оккупированной территории и в замене их военными правилами, а также «в диктовке общих законов», поскольку военная необходимость требует этого (ст. 3).

[26] В армии Соединенных Штатов дела о первых рассматривались военными судами, а о вторых – военными комиссиями.

лиц; захват как вооруженного, так и безоружного врага, имеющего значение для враждующего правительства или представляющего особую опасность для захватчика; уничтожение имущества, транспортных коммуникаций, тылового обеспечения и т.д. Однако при этом специально в Кодексе оговорено: «Люди, которые поднимают оружие друг против друга в общественной войне, не перестают быть моральными существами, ответственными друг перед другом и перед Богом» (ст. 15). Отсюда вытекает и запрет на определенные виды поведения воюющих сторон. Так, военная необходимость не предполагает проявления жестокости, т.е. применения страданий ради страданий или из мести, увечий или ранений, пыток и вымогательства признаний, ядов, бессмысленного опустошения местностей. Военная необходимость не предполагает никаких актов враждебности, которые делают возвращение к миру излишне трудным. «Неприятель, прибегающий в сражении к недозволенным военным средствам, тем самым ставит себя вне законов войны. Он подлежит закону возмездия, в особенности если мщение может постигнуть настоящих виновников», – пишет А.-В. Гефтер[27].

В Кодексе затронуты проблемы возмездия, являющегося, по признанию современников Либера, самой суровой чертой войны. Безрассудный противник зачастую не оставляет другой стороне никаких иных средств обезопасить себя от повторения варварского бесчинства. Однако представляется очевидным: «несправедливое или необдуманное возмездие все дальше и дальше уводит воюющих от смягчающих правил регулярной войны и быстрыми шагами приближает их к междоусобным войнам дикарей» (ст. 28).

Особое внимание в Кодексе уделено защите ряда категорий лиц, религии, произведений искусства и науки. Так, признается незаконным принуждение подданных противника. Имущество, принадлежащее церквям, больницам или другим учреждениям исключительно благотворительного характера, учебным заведениям или фондам содействия знаниям – государственным школам, университетам, академии наук, обсерваториям, музеям изящных искусств, научным учреждениям, не относится к общественной собственности и, следовательно, не может быть реквизировано победителем. Более того, классические произведения искусства, библиотеки, научные коллекции или драгоценные инструменты (например, астрономические телескопы), а также больницы должны быть защищены от всех возможных повреждений.

Судьба вывезенных из страны произведений искусства, библиотек, коллекций или инструментов должна определяться последующим мирным договором. Однако и в этом случае Кодекс содержит примечательную оговорку: они не могут быть проданы или переданы кому-то, присвоены частными лицами либо уничтожены.

На оккупированных территориях признаются и защищаются религия и мораль, обеспечивается безопасность их жителей, особенно детей и женщин, «святость семейных отношений». Правонарушения, посягающие на указанные ценности, подлежат строгому наказанию. Всякое бессмысленные насилие, совершаемое против лиц в захваченной стране, уничтожение имущества, разграбление имущества, изнасилование, ранение, увечье или убийство мирных жителей запрещается под страхом смертной казни. Кодекс закрепляет правило, согласно которому «солдат, офицер или рядовой, совершивший такое насилие или не подчинившийся приказу начальника воздержаться от него, может быть законно убит на месте таким начальником» (ст. 44).

Солдатам и офицерам запрещается использовать свое положение или власть в оккупированной стране для личной выгоды, в т.ч. совершение коммерческих сделок. Нарушение этого запрета предполагает: в отношении офицеров – наказание в виде кассирства[28] или аналогичной меры в соответствии с тяжестью проступка; в отношении солдат – другие меры воздействия, исходя из характера правонарушения. Так называемые общеуголовные преступления, караемые уголовным законодательством воюющих стран (убийство, нанесение увечий, изнасилование, грабеж, кража, мошенничество, поджог, подлог документов), если они совершены против жителей оккупированной страны, предусматривали двойную наказуемость: по месту совершения преступления и по отечественному уголовному праву. При этом рекомендовалось применять к виновным более суровое наказание (кроме смертной казни).

Несомненный интерес представляет определение военнопленного, содержащееся в Кодексе. Согласно ст. 49 «военнопленный – это враг общества, вооруженный или прикрепленный к вражеской армии, который попал в руки захватчика, сражаясь или раненый, на поле или в госпитале, путем индивидуальной капитуляции или капитуляции»[29].

[27] См.: *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 241.

[28] Кассирство, или церемония деградации представляет собой ритуальное увольнение офицера из армии за нарушение дисциплины. До Первой мировой войны кассирование предполагало церемонию на плацу перед войсками с уничтожением символов офицерского статуса: срыванием эполет, снятием значков и знаков отличия, срыванием шапки, ломанием меча, разбрасыванием по земле медалей и т.д.

[29] К категории военнопленных относились и заложники – лица, принятые «в залог исполнения» соглашения, заключенного между воюющими сторонами во время войны или вследствие войны.

В качестве таковых могут быть солдаты любого рода войск; лица, прикрепленные к армии и непосредственно способствующие достижению целей войны; инвалиды; офицеры; враги, бросившие оружие и просящие пощады, и др. К их числу также относятся сатлеры[30], редакторы, репортеры, подрядчики. С одной стороны, все они претерпевали невзгоды, обусловленные их пленением, с другой – имели право на привилегии военнопленных. «Ни один воюющий не имеет права заявлять, что он будет обращаться с каждым захваченным человеком с оружием в руках en masse (в массовом порядке. – *Авт.*) как с разбойником или бандитом» (ст. 52). Военнопленный не подлежит наказанию за то, что он является врагом. Месть в отношении него недопустима в какой бы то ни было форме, включая умышленное причинение увечий, страданий, позора, жестокое содержание в тюрьме, другое варварское отношение и т.д. В то же время военнопленный оставался ответственным за преступления, совершенные до пленения; в связи с этим в отношении него принимались карательные меры (если за указанные деяния он не был наказан собственными властями).

Особый статус имели военнопленные, являвшиеся монархом или членом царствующей семьи (как мужчины, так и женщины), главным офицером противоборствующего правительства, дипломатическим агентом, а также лицом, представляющим особую и исключительную пользу для враждебной армии.

«Послы и все другие дипломатические агенты нейтральных держав, аккредитованные при неприятеле, могут получать безопасные проводы через территории, занятые воюющими сторонами, если только нет причин для обратного и если они не могут удобно добраться до места назначения другим путем. Это не означает никакого международного оскорбления, если отказано в безопасном поведении. Такие пропуска обычно выдаются верховной властью государства, а не подчиненными офицерами» (ст. 87).

Вражеские капелланы, офицеры медицинского персонала, аптекари, медсестры больниц, если они попадают в руки воюющей стороны, не могут признаваться военнопленными. Из этого общего правила Кодекс содержит одно изъятие, изложенное в нем достаточно широко: «если у командующего нет причин удерживать их» (ст. 53). В этом случае с ними обращаются как с военнопленными, могут обменять на других военнопленных, если командир сочтет это нужным. Указанные лица могли и добровольно остаться в плену, чтобы быть вместе со своими пленными товарищами.

[30] Сатлер – гражданский торговец, продающий провизию офицерам и солдатам, путешествовавший с армией.

Военнопленными признавались и партизаны, но только «солдаты, вооруженные и одетые в форму своей армии.., принадлежащие к корпусу, который действует отдельно от основного корпуса с целью вторжения на территорию, оккупированную врагом...» (ст. 81)[31].

Военнопленные привлекаются к работе в зависимости от ранга (звания) и состояния здоровья.

Пленные содержатся под охраной. Это обстоятельство потребовало регламентацию ответственности за побеги. Следует заметить, что они карались сурово – вплоть до лишения жизни. Вместе с тем наказание исключалось, если имела место попытка к бегству. Законы войны не признавали ее преступлением, подобного рода действия влекли за собой ужесточение мер безопасности. Военнопленные, сбежавшие из плена и вновь плененные на поле боя после присоединения к собственной армии, также не могли быть наказанными за побег, в отношении них лишь применялись более строгие меры изоляции.

При наличии же заговора, целью которого являлся общий побег или побег группы лиц, подлежали наказанию вплоть до смертной казни.

Несколько норм Кодекса посвящены вопросам проявления пощады к неприятельским силам[32]. Во-первых, закреплено правило, согласно которому ни один отряд войск не имеет права заявлять, что он не даст пощады и, следовательно, не будет ожидать жалости для себя. Однако из этого правила сделано

[31] Как видим, понятие партизана Кодекс трактовал принципиально иначе, чем в последующие столетия. Например, в годы Великой Отечественной войны им признавалось лицо, добровольно ведущее вооруженную борьбу за свободу и независимость своей страны на территории, оккупированной противником. В соответствии с Кодексом такие лица признавались «грабителями с большой дороги» или пиратами. В случае их пленения они не могли рассчитывать на статус военнопленного (ст. 82). «Неприятель нисколько не обязан относиться к этим частным лицам как к солдатам регулярной армии. Они рассматриваются в этих случаях как разбойники.., хотя наименование это неприменимо с нравственной точки зрения ко всем разрядам партизан», – пишет А.-В. Гефтер (см.: *Гефтер А.-В.* Указ. соч. С. 236).

Такая же участь ожидала шпионов, они подлежали казни через повешение (ст. 83, 88). Аналогичным образом поступали и с изменником (ст. 90). «Закон о войне, как и уголовный закон о других преступлениях, не делает различий по признаку пола в отношении шпиона, военного изменника или военного мятежника» (ст. 102).

[32] «Право войны, тождественное с правом необходимой обороны, не допускает также жестокого обращения с положившим оружие или раненным неприятелем, который может быть взят в плен. Попечение о раненых неприятельской армии есть собственно дело великодушия победителя; но в интересе взаимности он не должен отказываться от этих забот, по предварительном обеспечении участи собственных больных и раненых. Он никогда не должен убивать неприятельских раненых. Подобное зверство извинительно только в одном случае, именно, когда доказано, что солдаты, подвергшиеся убиению, виновны в умерщвлении раненых противной стороны» (см.: *Гефтер А.-В.* Указ. соч. С. 242).

исключение: военачальнику разрешается ради спасения собственных сил не брать в плен. Во-вторых, войска, исключающие пощаду, не имеют права убивать врагов, уже выведенных из строя или плененных другими войсками. «Тот, кто намеренно наносит дополнительные раны врагу, уже полностью выведенному из строя, или убивает такого врага, или кто приказывает или поощряет солдат делать это, подлежит смертной казни...» (ст. 71). В-третьих, закреплен принцип взаимности: коль скоро ты не даешь пощады противоборствующей стороне, то от нее тоже не ожидай милости. В-четвертых, не могут рассчитывать на нее войска, сражающиеся в форме своих врагов, не имеющей какого-либо простого, яркого и единообразного знака отличия.

Использование вражеского национального штандарта, флага иди другой национальной эмблемы с целью обмана противника в бою признается актом вероломства; на такие обстоятельства не распространяются законы войны.

В Кодексе отдельно регламентирован обмен военнопленными. «Происходит обмен пленными – число на число, ранг на ранг, раненые на раненых, с добавленным условием на добавленное условие, например, не служить определенный срок» (ст. 105). Однако в Кодексе подчеркивается, что ни одна воюющая сторона не обязана делать этого. Более того, картель, заключенный между противниками, может быть оспорен, как только одна из сторон допустит его нарушение.

Наконец, следует хотя бы абрисно охарактеризовать сущность норм Кодекса, посвященных флагу перемирия. Использование в качестве такового белого флага в литературе связывается с решениями Гаагских конференций. Вероятно, в этом случае речь должна идти об официальном признании данного обстоятельства, фактически же белый флаг, символизирующий факт перемирия, использовался с незапамятных времен, что было зафиксировано еще при правлении восточной династии Хань (202 г. до н.э. – 220 г. н.э.). В Кодексе закреплено несколько правил. Так, парламентарий не может настаивать на том, чтобы его впустили в расположение армии воюющей стороны, более того, содержится специальное указание о том, что делать это следует с большой осторожностью, избегая ненужной частоты общения. «Если носитель флага перемирия предлагает себя во время сражения, он может быть принят только как очень редкое исключение. Сохранение такого флага перемирия, если оно будет допущено во время боя, не является нарушением доброй воли. Стрельба не обязана прекращаться при появлении флага перемирия в бою» (ст. 112). Убийство или ранение парламентера во время сражения не дает оснований для жалобы.

Иная точка зрения позднее была высказана в литературе. Так, утверждается, что парламентеры, движущиеся к лагерю другой стороны с соблюдением условных знаков, пользуются неприкосновенностью. Им дается достаточный срок и обеспечивается необходимая безопасность для свободного возвращения в расположение своей части[33].

Использование указанного атрибута для тайного получения соответствующих военных сведений влечет признание переговорщика шпионом. «Флаг перемирия настолько священен и необходим, что... злоупотребление им является особенно тяжким преступлением...» (ст. 115).

Флагами другого цвета (как правило, желтого) в местах, которые обстреливаются, обозначаются больницы, чтобы избежать стрельбы по ним, а также госпитали, располагающиеся в пределах поля боя[34]. Однако это несомненно гуманное правило содержит исключение. «Благородный воюющий позволяет себе руководствоваться флагами или сигналами защиты в той мере, в какой это позволяют обстоятельства и необходимость боя» (ст. 116).

Кодекс Либера, как уже отмечалось ранее, является внутренним документом Соединенных Штатов, был ориентирован на применение в условиях гражданской войны, тем не менее он оказал огромное влияние на развитие гуманитарного международного права, по сути, став основой для ряда стран приемлемой кодификации законов и обычаев войны.

В 1868 г. в Санкт-Петербурге по инициативе правительства России состоялось заседание Международной военной комиссии, на которой была принята Декларация о запрещении употребления разрывных пуль[35]. Таким образом, предмет международного договора назывался в наименовании самого документа,

---

[33] См.: *Гефтер А.-В.* Указ. соч. С. 242.

[34] Современные ученые отмечают, что «изначальная и главная цель отличительных эмблем заключается в том, чтобы быть хорошим видимым знаком защиты, на которую имеют право медицинский персонал и объекты. Использование отличительных эмблем в целях защиты ограничено медицинскими формированиями и санитарно-транспортными средствами, а также медицинским и духовным персоналом, оборудованием и запасами по смыслу МГП (международного гуманитарного права. – *Авт.*). Более того, такое использование в целях защиты должно всегда получить разрешение заинтересованной воюющей стороны и контролироваться ею» (см.: *Мельцер Н.* Указ. соч. С. 184).

[35] См.: Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. II. Трактаты с Австрией. 1849–1878 г. / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1878.

В литературе эта Декларация встречается и под другим названием, например, Санкт-Петербургская декларация 29 ноября (11 декабря) 1868 г. Е.Ю. Бондаренко именует ее Декларацией об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль (см.: *Бондаренко Е.Ю.* Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и российских нормативно-правовых актах XIX–XX вв. // Международное право и международные организации / International Law and international organizations. 2012. № 2. С. 155).

который в силу его уникальности и важности целесообразно воспроизвести полностью.

«По предложению Императорского Российского Кабинета, военная международная комиссия была собрана в С.-Петербурге с целью обсудить возможность запрещения употребления во время войны между цивилизованными народами известного рода снарядов, и по определении этой комиссией на основании взаимного соглашения, технических границ, в которых потребности войны должны остановиться перед требованиями человеколюбия, нижеподписавшиеся уполномочены разрешениями их правительств объявить нижеследующее:

Приняв во внимание, что успехи цивилизации должны иметь последствием уменьшение по возможности бедствий войны.

Что единственная законная цель, которую должны иметь государства во время войны, состоит в ослаблении военных сил неприятеля.

Что для достижения этой цели достаточно выводить из строя наибольшее по возможности число людей.

Что употребление такого оружия, которое по нанесении противнику раны без пользы увеличивает страдания людей, выведенных из строя, или делает смерть их неизбежною, должно признавать не соответствующим упомянутой цели.

Что употребление подобного оружия было бы противно законам человеколюбия.

Договаривающиеся стороны обязуются в случае войны между собой отказаться взаимно от употребления как сухопутными, так и морскими войсками снарядов, которые при весе менее 400 граммов имеют свойство взрывчатости или снаряжены ударным или горючим составом.

Они обязуются пригласить все государства, уполномоченные которых не принимали участие в совещаниях бывшей в С.-Петербурге военной международной комиссии, пристать к настоящему договору.

Договор этот обязателен только для договаривающихся сторон или сторон, которые пристанут к нему впоследствии, в случае войны между двумя или несколькими из них; он необязателен в отношении сторон, не подписавших договора или которые не приступили к нему впоследствии.

Равномерно договор перестает быть обязательным, когда во время войны между двумя сторонами, подписавшими договор или к нему приступившими, к одной из воюющих сторон присоединится сторона, не подписавшая договора или не приступившая к нему.

Стороны договаривающиеся и приступившие предоставляют себе право входить впоследствии между собою в новое соглашение всякий раз, когда с целью поддержать постановленные принципы и для соглашения между собою требований войны и законов человеколюбия, – вследствие усовершенствований, произведенных науками в вооружении войск – будет сделано какое-либо определенное предложение».

Санкт-Петербургская декларация – прямая противоположность Кодекса Либера. Как указывалось ранее, последний является внутренним актом одного государства, следовательно, его действие ограничивается территорией одной страны, охватывает чрезвычайно широкий круг обстоятельств, тогда как Декларация относится к международным договорам, посвящена одной проблеме – применению определенного вида снарядов. Предмет договора был обусловлен появлением разрывных и зажигательных снарядов небольшого веса. В Декларации он ограничен 400 г. «Ограничение, правда, было более или менее произвольным: винтовочная пуля весила намного меньше, а артиллерийские снаряды того времени были значительно тяжелее. Смысл здесь, конечно же, был в том, чтобы разграничительная линия пролегла где-то между этими крайними величинами»[36].

* * *

Таким образом, Санкт-Петербургская декларация вместе с Кодексом Либера заложили основы «права Гааги».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александренко В.Н.* Очерки по истории науки международного права. А. Джентили и Г. Гроций // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. Ч. 3. С. 109.
2. *Балашова Н.Ю.* Судьба итальянского юриста Альберико Джентили (1552–1608): сб. ст. М., 2004. Ч. 3. С. 134.
3. *Бондаренко Е.Ю.* Международно-правовые аспекты военного плена в межгосударственных и российских нормативно-правовых актах XIX–XX вв. // Международное право и международные организации / International law and International organizations. 2012. № 2. С. 155.
4. *Буассье П.* Предисловие // *Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С.Н. Норман; под ред. А.П. Плетнева. СПб., 1904. С. X.
5. *Гефтер А.-В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 236, 241, 242.
6. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций / пер. с франц. 2-е рус. изд., основанное на 4-м франц. изд., с доп. авт. М., 2011. С. 102.
7. *Драгомиров М.* Сольферинская битва (с двумя планами). СПб., 1861.
8. *Дюнан А.* Воспоминание о битве при Сольферино / пер с франц. С.Н. Норман; под ред. А.П. Плетнева. СПб., 1904. С. 58.

[36] *Кальсховен Ф.* Указ. соч. С. 14.

9. *Ивановский И.И.* Женевская конвенция 10/22 августа 1864 г. Киев, 1864. С. 37–39.
10. *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 8, 11, 14.
11. *Корюшкин А.И.* Фрэнсис Либер – первый профессор политологии // Политекс. 2010. Т. 6. № 3. С. 5–19.
12. *Ксенофонт*. Отступление десяти тысяч. СПб., 1837.
13. *Мельцер Н.* Международное гуманитарное право: общий курс: справ. изд. М., 2017. С. 26, 184.
14. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. II. Трактаты с Австрией. 1849–1878 г. / сост. Ф. Мартенс. СПб., 1878.
15. *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Ярославль, 1907. С. 77.

REFERENCES

1. *Alexandrenko V.N.* Essays on the history of the science of International Law. A. Gentili and H. Grotius // Journal of the Ministry of Public Education. 1906. Part 3. P. 109 (in Russ.).
2. *Balashova N. Yu.* The fate of the Italian lawyer Alberico Gentili (1552–1608): collection of articles. M., 2004. Part 3. P. 134 (in Russ.).
3. *Bondarenko E. Yu.* International legal aspects of military captivity in interstate and Russian normative legal acts of the XIX–XX centuries. // International Law and international organizations. 2012. No. 2. P. 155 (in Russ.).
4. *Boissier P.* Preface // *Dunant A.* Recollection of the Battle of Solferino / transl. from French by S.N. Norman; ed. by A.P. Pletnev. SPb., 1904. P. X (in Russ.).
5. *Gefter A.-V.* European International Law. SPb., 1880. P. 236, 241, 242 (in Russ.).
6. *David E.* Principles of the law of armed conflicts: a course of lectures / transl. from French. 2nd Russian edition, based on the 4th French edition, with additional author. M., 2011. P. 102 (in Russ.).
7. *Dragomirov M.* Solferinskaya battle (with two plans). SPb., 1861 (in Russ.).
8. *Dunant A.* Recollection of the Battle of Solferino / transl. from French S.N. Norman; ed. by A.P. Pletnev. SPb., 1904. P. 58 (in Russ.).
9. *Ivanovsky I.I.* Geneva Convention August 10/22, 1864. Kiev, 1864. P. 37–39 (in Russ.).
10. *Kalskhoven F.* Limitations of methods and means of warfare. M., 1994. P. 8, 11, 14 (in Russ.).
11. *Koryushkin A.I.* Francis Lieber – the first professor of political science // Politex. 2010. Vol. 6. No. 3. P. 5–19 (in Russ.).
12. *Xenophon.* Retreat of ten thousand. SPb., 1837 (in Russ.).
13. *Meltzer N.* International Humanitarian Law: General course: reference edition. M., 2017. P. 26, 184 (in Russ.).
14. Collection of treatises and conventions concluded by Russia with foreign powers. Vol. IV. Part II. Treatises with Austria. 1849–1878 / comp. F. Martens. SPb., 1878 (in Russ.).
15. *Solntsev G.I.* Russian Criminal Law. Yaroslavl, 1907. P. 77 (in Russ.).

Сведения об авторах

БУТРИМ Игорь Иосифович –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. ученого секретаря Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BUTRIM Igor I. –
PhD in Law, leading researcher, Acting Scientific Secretary of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

CHUCHAEV Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 142–151
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 142–151

ЗА РУБЕЖОМ

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ БОРЬБЫ С ИНФОРМАЦИЕЙ, НЕ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, В ИНТЕРНЕТЕ (НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИИ)

© 2022 г. А. К. Жарова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: anna_jarova@mail.ru

Поступила в редакцию 13.12.2021 г.

Аннотация. Ложное чувство анонимности и безнаказанности в Сети ведет к появлению такого правонарушения, как распространение информации, не соответствующей действительности, нарушающей права третьих лиц (диффамации). Несмотря на юридическую ответственность за такие действия, количество подобных правонарушений в Сети не уменьшается. Интернет вносит свою специфику в регулирование возникающих отношений, например, для определения места и источника опубликования, личности публикатора требуется информация обо всей происходящей активности в Интернете, которая хранится у интернет-посредников. Соответственно, система организационно-правовых механизмов регулирования интернет-отношений должна учитывать технологическую специфику деятельности различных интернет-посредников.
В статье проведен анализ основных изменений законодательства Австралии, направленных на определение ответственности интернет-посредников за распространение информации, не соответствующей действительности; рассмотрены этапы формирования организационно-правовой системы предотвращения распространения данной информации в австралийском сегменте сети Интернет, а также правоприменительная практика.

Ключевые слова: интернет-платформы, поисковые системы, клевета, информация, не соответствующая действительности, Безопасная гавань, контент.

Цитирование: *Жарова А. К.* Правовая модель борьбы с информацией, не соответствующей действительности, в Интернете (на примере Австралии) // Государство и право. 2022. № 6. С. 142–151.

DOI: 10.31857/S102694520020522-5

LEGAL MODEL FOR COMBATING INFORMATION INACCURATE ON THE INTERNET (ON THE EXAMPLE OF AUSTRALIA)

© 2022 A. K. Zharova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: anna_jarova@mail.ru

Received 13.12.2021

Abstract. A false sense of anonymity and impunity on the Internet leads to the emergence of such an offense as the dissemination of information that does not correspond to reality that violates the rights of third parties. Despite the legal responsibility for such actions, the number of such offenses on the Internet does not decrease. The Internet brings its own specifics to the regulation of emerging relations, for example, to determine the place and source of publication, the identity of the publisher requires information about all ongoing activity on the Internet, which is stored by Internet intermediaries. Accordingly, the system of organizational and legal mechanisms for regulating Internet relations should take into account the technological specifics of the activities of various Internet intermediaries.
In the article analyzes the main changes in Australian legislation aimed at determining the responsibility of Internet intermediaries for the dissemination of information that does not correspond to reality; the stages of the formation of an organizational and legal system for preventing the dissemination of this information in the Australian segment of the Internet, as well as law enforcement practice.

Key words: internet platforms, search engines, slander, information that does not correspond to reality, Safe Harbor, content.

For citation: *Zharova, A.K. (2022).* Legal model for combating information inaccurate on the Internet (on the example of Australia) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 142–151.

Человек готов делиться своими мыслями с другими людьми, но в основу их формулировки может быть положена как достоверная информация, так и не соответствующая действительности, помимо этого форма выражения мыслей играет также существенную роль в восприятии высказанной точки зрения. Кроме того, видимость отсутствия человека, оппонента в процессе интернет-общения, создает ложное чувство анонимности и безнаказанности, которое некоторыми людьми расценивается как возможность оскорбить и оклеветать человека без всяких для себя последствий. Примеры тому – распространение заведомо ложной информации, не соответствующей действительности, при обсуждении проблем на каких-либо форумах в Сети. Источником данной проблемы являются низкая культура общения, ложное чувство вседозволенности, которое связано с невысокой правовой культурой.

Соотношение истинности информации и формы ее выражения порождает различные конфликтные ситуации, связанные с нарушением чести, достоинства, с оскорблением и клеветой.

Хотя анонимность в Сети – это иллюзия, правоохранительный орган может получить всю информацию о регионе и времени выхода в Интернет устройства и фактически о личности человека, который опубликовал информацию несоответствующую действительности. Однако для установления личности необходима системная информация обо всей происходящей активности в Интернете за временной отрезок, в который произошло распространение сведений. Такая системная информация хранится у интернет-посредников, в связи с чем их роль в регулировании интернет-отношений велика. Для обеспечения правового регулирования должны быть предусмотрены положения о взаимодействии уполномоченных государственных органов с различными видами интернет-посредников.

Анализ существующей судебной практики, проведенного Е.В. Гавриловым, позволяет заключить, что в судебно-арбитражной практике (согласно ст. 152 ГК РФ), связанной с распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, на интернет-форумах, в социальных сетях, отсутствует единообразие[1]. Судебная практика по категории данных дел позволяет выделить несколько проблем: сложность определения круга лиц, привлекаемых к юридической ответственности и обязанных компенсировать моральный и материальный ущерб пострадавшему, фиксации (собирания, представления) доказательств, определения их допустимости и достоверности[2]. Можно назвать и другие проблемы, связанные с распространением информации на интернет-форумах, отличающие ее от распространяемой информации в СМИ, например, отсутствие таких критериев, как периодичность, тираж, территория распространения и др.[3]

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» «несоответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения» (п. 7).

Однако распространение тех же несоответствующих действительности сведений может быть квалифицировано как преступление (согласно ст. 128^1 УК РФ) в случае, если лицо заранее знало о ложности таких сведений и распространенные сведения опорочили честь и достоинство другого лица или подорвали его репутацию.

В целях борьбы с клеветой в 2020 г. в Российской Федерации ст. 128^1 УК РФ была дополнена новыми квалифицирующими признаками, в т.ч. клеветой, совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет[4]. Распространение клеветы в Сети имеет повышенную степень общественной опасности[5]. В связи с этим придание клевете в Интернете статуса квалифицированного состава обоснована в научных исследованиях и подтверждается судебной практикой[6].

---

[1] См.: *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от диффамации на интернет-форумах // Право в сфере Интернета: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018.

[2] См.: *Чеботарева А.А.* Права граждан в контексте деятельности средств массовой информации, функционирующих в сети Интернет // Юридический мир. 2007. № 3. С. 4.

[3] См.: *Терещенко Л.К.* Глобальная сеть: проблемы в праве // Росс. юстиция. 2000. № 2. С. 49, 50.

[4] См.: Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I), ст. 77.

[5] См.: *Егорова Н.А.* Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3. С. 41–45.

[6] См.: *Харитонов И.И.* Уголовная ответственность за клевету: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 165–168.

Несмотря на регулирование гражданским, административным и уголовным законодательством распространения несоответствующих действительности сведений, такой негативной информации в Интернете не становится меньше[7]. Данная категория информации служит инструментом «информационной войны», применяемым субъектами предпринимательства[8].

Однако для разрешения конфликта, связанного с распространением несоответствующих действительности сведений в Интернете, необходима организационно-правовая система взаимодействующих лиц, включающая в т.ч. различных интернет-посредников.

Именно интерес автора к практике зарубежного правового регулирования и предопределил анализ мер государственной поддержки и этапы реформирования законодательства, проводимые в Австралии.

Этапы формирования в Австралии правового обеспечения безопасности в Интернете

В июне 2018 г. Департамент юстиции штата Новый Южный Уэльс опубликовал отчет о пересмотре законодательства в области диффамации данного штата. В феврале 2019 г. федеральная рабочая группа по диффамации опубликовала свое мнение для обсуждения[9]. Темы этих документов и различных публичных выступлений официальных лиц, которые последовали в дальнейшем, заключались в том, что Закон Австралии «О диффамации» не подходит для эпохи цифровых технологий.

В 2019 г. стартовал процесс реформы Закона Австралии «О диффамации», поскольку существующие нормы законодательства уже не справлялись с распространением вредной информации в Интернете. В связи с этим правительством Австралии в том же году было предложено разработать новый закон «О безопасности в Интернете».

Целью обсуждаемой законодательной реформы являлось предотвращение вреда, описываемого как «запугивание в Интернете, оскорбительные комментарии или «троллинг», обмен интимными образами без согласия лица (насилие на основе изображений), распространение контента, содержащего сексуальное насилие над детьми, киберфлешинг[10], доксинг[11] и киберпреследование»[12]. Некоторые (но не все) из перечисленных действий могли содержать и клеветническую информацию.

26 июля 2019 г. Комиссия по конкуренции и защите прав потребителей (ACCC) Австралии опубликовала итоговый отчет об исследовании деятельности цифровых платформ, в котором содержатся выводы о функциях цифровых платформ и рекомендации по реформе в области законодательства о конкуренции, регулированию средств массовой информации и законодательства о конфиденциальности. Правительство Австралии опубликовало свой ответ на отчет ACCC в декабре 2019 г.[13] В свете этих событий, а также сложности ответов заинтересованных сторон Консультативная группа по содержанию (Content Advisory Group) согласилась провести второй этап реформирования законодательства.

Формат реформирования, проводимого на федеральном уровне, был воспринят общественностью неоднозначно, поскольку клевета является предметом законодательных актов правительства штатов и территорий Австралии. Но выстраивание единой системы регулирования – главный приоритет реформы. В связи с этим реформированию подвергаются типовые положения о диффамации (Model Defamation Provisions), зафиксированные в законодательных актах правительства штатов и территорий Австралии. Основными направлениями реформирования являются ответственность третьих лиц в Интернете, интернет-посредников, цифровых платформ и поисковых систем за распространение клеветнического контента.

23 декабря 2020 г. Департамент Правительства Австралии по инфраструктуре, транспорту, региональному развитию и коммуникации опубликовал предварительный проект закона «О безопасности в Интернете» 2020 г. (Cth). 24 февраля 2021 г. правительство Австралии представило проект закона «О безопасности в Интернете» 2021 г. в парламент.

В июне 2021 г. обеими палатами парламента был принят Закон «О безопасности в Интернете»,

---

[7] См.: *Карпенков В.* Защита деловой репутации в сети Интернет // Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес. 2015. № 3. С. 21.

[8] См.: *Парыгина Н.Н.* Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 137.

[9] См.: Review of Model Defamation Provisions – Discussion Paper. February 2019. URL: https://www.justice.nsw.gov.au/justicepolicy/Documents/review-model-defamation-provisions/Final-CAG-Defamation-Discussion-Paper-Feb-2019.pdf

[10] Вид сексуальных извращений.

[11] Раскрытие в сети идентифицирующей информации о ком-либо, такой как настоящее имя, домашний адрес, место работы, номер телефона и др.

[12] Online Safety Bill 2021. URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2021B00018 (дата обращения: 10.11.2021).

[13] См.: Australian Competition and Consumer Commission (ACCC), Digital Platforms Inquiry: Final report 2019. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-finalreport, p. 63 (дата обращения: 30.10.2021).

который развивает и дополняет положения Закона «О повышении безопасности в Интернете» 2015 г.[14]

Ключевыми элементами нового Закона Австралии «О безопасности в Интернете» являются: введение основных требований в качестве отправной точки к обеспечению безопасности в Интернете, которые будут применяться ко всем социальным сетям; расширение сферы применения существующей схемы определения действий, связанных с запугиванием, осуществляемых не только в социальных сетях, но и посредством «соответствующих электронных услуг», а также «специальных интернет-услуг»; определение дополнительных критериев для квалификации киберпреступлений, направленных на взрослых, в связи с распространением сведений, носящих угрожающий или оскорбительный характер и могущих причинить вред человеку; расширение возможностей федерального правительства по блокировке и запросам на удаление определенного онлайн-контента[15]; сокращение времени ответа интернет-посредников на поступившее обращение к ним до 24 часов, а также возложение обязанности принятия решения об удалении вредной информации в течение 24 часов следующих категорий интернет-посредников: служб социальных сетей, соответствующих электронных служб и поставщиков услуг хостинга. Кроме того, Комиссару по электронной безопасности предоставляются правомочия получения идентификационной информации и контактных данных конечного пользователя от поставщика интернет-услуг и услуг социальных сетей. Интернет-пользователем также предоставляются полномочия подавать официальные жалобы на контент в Сети Комиссару по электронной безопасности, который уполномочен проводить расследования этих жалоб и выдавать уведомления об удалении незаконного контента.

Кроме того, в апреле 2019 г. парламент Австралии принял Закон «О распространении отвратительных материалов насилия», вступивший в силу 6 апреля 2019 г., который внес поправки в Уголовный кодекс Австралии, требуя удаления новой категории контента, размещенного в Интернете, а именно «отвратительных материалов насилия». Теперь Уголовный кодекс Австралии содержит два новых состава преступления, предусматривающих уголовное наказание за любой отказ интернет-провайдеров и провайдеров хостинговых услуг от удаления ссылки на контент, содержащий насилие, а также за отказ от удаления отвратительных материалов, содержащих насилие. Новые составы преступлений направлены на выявление и предотвращение использования интернет-платформ в целях распространения агрессивной и экстремистской пропаганды, а также принуждение интернет-провайдеров и провайдеров хостинговых услуг к активному мониторингу контента на своих платформах.

Комиссар по электронной безопасности сообщил, что в 2019 и 2020 гог. он издал 16 предписаний провайдеру хостинговых услуг о блокировке отвратительных и агрессивных материалов, предоставляемых через их сервис[16].

Судебные дела, направленные на разъяснение применения законов Австралии о диффамации к контенту в Интернете, затрагивают также и вопросы контента, появляющегося при автозаполнении поисковой строки. Например, в июне 2018 г. Высокий суд Австралии по делу о диффамации против Google вынес решение в пользу Милорада Тркулья[17]. Конфликт был связан с поиском изображений, связанных с именем Милорада Тркулья, появлением подсказок в поисковой системе Google при автозаполнении поисковой строки, вводимой третьими лицами о том, что он был связан с преступным миром.

Основные направления реформирования положений о диффамации

Пунктами 8–10 Закона Австралии «О безопасности в Интернете»[18] определены критерии выявления материала, размещенного в Сети, как оскорбительного, а именно: стандарты морали, порядочности и приличия, общепринятые разумными взрослыми; а также литературные, художественные или образовательные достоинства материала (если таковые имеются); а также общий характер материала (включая его медицинский, юридический или научный характер), в т.ч. мнение «обычного разумного лица в положении конкретного взрослого австралийца рассматривающего материал как оскорбительный при любых обстоятельствах».

Закон Австралии «О безопасности в Интернете» разделяет понятия «социальное взаимодействие

[14] См.: Supreme Court: Google left open to defamation suits after dismissal of appeal against Dr Janice Duffy, The West Australian, October 4, 2017. URL: https://thewest.com.au/news/crime/supreme-court-google-left-open-to-def (дата обращения: 20.11.2021).

[15] См.: Safe harbour rules Australia's new copyright battleground. URL: https://www.computerworld.com/article/3464946/safe-harbour-rules-australia-s-new-copyright-battleground.html (дата обращения: 30.11.2021).

[16] См.: Australian Communications and Media Authority (ACMA), "Annual Reports: 2019–2020". URL: https://www.esafety.gov.au/sites/default/files/2020–10/ACMA%20and%20eSa (дата обращения: 30.11.2021).

[17] См.: Columbia University: Global Freedom of Expression, "Trkulja v. Google LLC". June 13, 2018. URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/trkulja-v-google-l (дата обращения: 19.11.2021).

[18] См.: Online Safety Bill 2021. URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/Bills_Search_Results/Result?bId=r6680 (дата обращения: 30.10.2021).

в Интернете» и «деловое взаимодействие в Интернете». Социальное онлайн-взаимодействие включает онлайн-взаимодействие, которое позволяет конечным пользователям обмениваться материалами в социальных целях. Социальные цели взаимодействия не включают (например) бизнес-цели.

К категориям электронных служб отнесены электронные услуги, предоставляемые посредством: сервиса, позволяющего конечным пользователям общаться с другими конечными пользователями по электронной почте; службы обмена мгновенными сообщениями, которые позволяют конечным пользователям общаться с другими конечными пользователями; службы SMS; услуги MMS, чата и др.

Части 5 и 6 указанного Закона направлены на определение схемы киберпреступлений, совершенных совершеннолетними, которая будет распространена на материалы, носящие угрожающий или оскорбительный характер и могущие причинить серьезный вред, а также уменьшение времени ответа интернет-провайдера на обращение до 24 часов.

Предусматриваются основания удаления вредной информации, содержащие кибериздевательства, нацеленной на ребенка, в соответствии с которой поставщику услуги социальной сети, соответствующей электронной услуги или указанной интернет-услуги может быть направлено уведомление об удалении из данных служб таких материалов.

Лицу, опубликовавшему в Сети материалы, содержащие информацию, пугающую ребенка, может быть отправлено уведомление от служб и (или) поставщиков услуг хостинга, требующее от этого человека выполнить одно или все из следующих действий: а) предпринять все разумные шаги для удаления материала; б) воздержаться от размещения любых материалов с запугиванием в Интернете, целью которых является ребенок; с) извиниться за размещение материала.

Поисковые услуги предлагается рассматривать как общие, используемые всеми интернет-посредниками (провайдерами) в целях классификации ответственности посредников за клевету. Обсуждается и альтернативная позиция – если исходить из того, что у поисковых систем существуют различные функции, то какие из них можно рассматривать как основания ответственности за клевету?

Кроме того, в части классификации интернет-посредников, вопрос поставлен и о том, возможно ли рассматривать поисковые системы как подмножество цифровых платформ или как отдельную категорию, которая может иметь доступ к отдельным конкретным средствам защиты.

В 2018 г. Комиссар по электронной безопасности разработал перечень принципов, которые ставят электронную безопасность и права пользователей в центр внимания. 11 декабря 2019 г. правительство Австралии опубликовало Онлайн-Хартию по безопасности. Хартия признает, что интернет-провайдеры должны нести ответственность за принятие значимых действий по устранению и предотвращению вреда, наносимого контентом. Хартия поддерживает электронную безопасность.

Изменения в классификации интернет-посредников

Планируется систематизировать функции интернет-посредников по трем категориям: «базовые интернет-услуги», «цифровые платформы» и «хосты форумов», используя которые можно будет определить основания привлечения к ответственности.

Обсуждается вопрос о пересмотре функций, которые следует относить к категории базовых интернет-услуг. Так, функции базовых интернет-услуг оказывают такие интернет-посредники, как телефонные линии и почтовые службы. Их функции заключаются в облегчении доступа к услугам в Интернете, но не активном участии и извлечении выгоды из создания и распространения пользовательского контента.

Обсуждается также вопрос об отнесении интернет-посредника к категории базовой интернет-услуги в качестве простого канала (аналогично телефонным или почтовым службам) на основании того, что он не имеет интереса или не участвует в изменении содержания контента, который он передает или размещает. В связи с этим в научной литературе проходит дискуссия о том, можно ли пассивность и нейтралитет определить как основание того, что интернет-посредник не может быть привлечен к ответственности?[19]

Планируется определить перечень посреднических функций, осуществляемых интернет-посредниками, обстоятельства оказания интернет-услуг, которые можно отнести к категории «базовых», и выход за пределы базовых функций в дальнейшем позволят интернет-посреднику освободиться от юридической ответственности.

Проходят дискуссии о необходимости и целесообразности предоставления иммунитета от ответственности за клевету для интернет-посредников, предоставляющих базовые интернет-услуги. Например, основываясь на концепциях пассивности и нейтральности контента, к таким услугам могут быть отнесены провайдеры, использующие приложения создания онлайн-документов (например,

[19] См.: *Madiega T.* Reform of the EU liability regime for online intermediaries Background on the forthcoming digital services act. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/649404/EPRS_IDA(2020)649404_EN.pdf (дата обращения: 12.11.2021).

Microsoft Office 365 и пакет Google Docs) и почтовые службы (например, Outlook и Gmail). Это фактически базовые интернет-услуги.

Если такой иммунитет должен был быть введен, то должен ли он быть основан на принципах или должен быть отнесен к функциям основных интернет-сервисов? Особенно выделяется вопрос об эффективности применения юридических инструментов – принципы или функции интернет-посредников для решения вопроса об их ответственности за информацию, распространяемую третьими лицами.

Преимущество предлагаемого иммунитета состоит в том, что интернет-компании, предоставляющие основные, базовые интернет-сервисы будут уверены в том, что они не подвергаются риску преследования за клевету в отношении контента третьих лиц. Это также дало бы понимание заявителям к каким интернет-посредникам они могут или не могут обращаться за решением вопроса. В свою очередь, установление точного понимания перечня функций устранило бы необходимость судебного разбирательства по делам о клевете. В случае судебного разбирательства закон, определивший базовые функции, позволит Суду определить, является ли интернет-посредник, предоставивший базовую интернет-услугу издателем рассматриваемого контента.

В то же время если законом установить иммунитет за интернет-посредниками, осуществляющими базовые интернет-услуги, то они полностью исключаются из ответственности за клевету в отношении контента третьих лиц. Кроме того, предлагается, что иммунитет должен распространяться на интернет-посредника независимо от того, знал ли он о предположительно клеветнических материалах или нет[20]. Предлагаемый подход в Законе «О безопасности в Интернете» отличается от уже принятого подхода, который обеспечивает иммунитет интернет-провайдеров и провайдеров хостовых услуг только до тех пор, пока они не знают о содержании контента.

В рамках реформирования иммунитета, предлагается предоставлять полный иммунитет всем цифровым платформам в отношении стороннего контента – даже если они уведомлены о размещенном контенте третьими лицами, который затрагивает честь, достоинство и деловую репутацию лица. Иммунитет может быть предоставлен только в том случае, если цифровые платформы не внесли существенный вклад в публикацию – контент.

В случае предоставления общего иммунитета обсуждается вопрос о необходимости разработки дополнительных или новых способов привлечения к ответственности интернет-посредников[21].

Поскольку в отсутствии общего иммунитета интернет-посредники будут удалять контент, в целях ухода от потенциальной ответственности, что может отрицательно сказаться на свободе выражения мнений, в связи с этим необходимо определить критерии и разработать дополнительные или новые способы привлечения к ответственности интернет-посредников[22]. В пользу новых способов говорит и то, что интернет-посредники заявляют, что они не знают и не могут быть в курсе всего контента, размещенного третьими сторонами, который появляется на их веб-страницах или в результатах поиска и, что не следует требовать от них удалять контент без постановления суда, т.к. они не в состоянии оценить – является ли контент дискредитирующим.

Предложенный выше иммунитет позволит гарантировать, что свобода выражения мнений не будет чрезмерно ограничена, поскольку у соответствующих посредников не будет необходимости удалять контент в целях ухода от ответственности. Такой «новый» подход обеспечит юридическую определенность интернет-посредникам, способствуя развитию здоровой цифровой экономики, а также определенность интернет-посредникам, которые вряд ли будут считаться издателями.

Цифровые платформы

Цифровые платформы столь же разнообразны, как и их различные базовые бизнес-модели, включая, например, онлайн-торговые площадки, поисковые системы, социальные сети, платформы обмена контентом, магазины приложений, коммуникационные услуги или онлайн-платформы для путешествий и проживания[23]. Цифровые платформы – промежуточное звено между информационными и коммуникационными потоками в Интернете.

[20] См.: Section 230 as First Amendment Rule. MAY10, 2018. Vol. 131. No. 7 Harv. L. Rev. 2027. URL: https://harvardlawreview.org/2018/05/section-230-as-first-amendment-rule/ (дата обращения: 20.11.2021).

[21] См.: *Johnson A., Castro D.* How Other Countries Have Dealt with Intermediary Liability, Feb. 22, 2021. URL: https://itif.org/publications/2021/02/22/how-other-countries-have-dealt-intermediary-liability (дата обращения: 05.10.2021).

[22] См.: Recommendation CM/Rec(2018)2 of the Committee of Ministers to member States on the roles and responsibilities of internet intermediaries (Adopted by the Committee of Ministers on 7 March 2018 at the 1309th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://rm.coe.int/1680790e14 (дата обращения: 16.10.2021).

[23] См.: How do online platforms shape our lives and businesses? – Brochure. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/how-do-online-platforms-shape-our-lives-and-businesses-brochure (дата обращения: 19.10.2021).

К цифровым платформам планируется отнести онлайн-поисковые системы, социальные медиаплатформы и другие платформы агрегирования цифрового контента.

К требованиям в отношении деятельности и функций цифровых платформ отнесены анализ, оценивание, ранжирование и упорядочивание контента. Разрабатываемая нормативно-правовая база должна быть нейтральной для обеспечения эффективного и последовательного регулирующего надзора за всеми субъектами, участвующими в производстве или доставке контента в Австралии, включая медиа-компании, издателей, вещательные компании и цифровые платформы[24].

Вопрос о соотнесении цифровых платформ и СМИ возник в связи с тем, что успешные онлайн-платформы получают выгоду за счет масштабов и некоторой своей монополии: как только у цифровой интернет-платформы увеличивается количество пользователей, сразу же увеличивается и объем данных, которые эти платформы накапливают и обрабатывают с течением времени. Это может привести к ситуациям, когда несколько платформ могут оказывать влияние на характер интернет-коммуникаций и интернет-взаимодействий, а также контролировать рынок, тем самым определяя правила игры и условия на рынке[25].

В связи с тем что СМИ фактически можно отнести к цифровым платформам, правительство Австралии проводит также поэтапный процесс реформирования регулирования деятельности СМИ. Так, рассматриваются функции СМИ и издательские функции цифровых платформ[26], которые не должны быть основанием привлечения к ответственности. Исследуется вопрос о том, можно ли рассматривать цифровые платформы как имеющие функции, сопоставимые с онлайн-медиа-компаниями, или их следует рассматривать как отдельные категории с разными обязанностями и методами юридической защиты.

Дальнейшая реформа онлайн-безопасности и предложения по реформе регулятивной деятельности, направлена на разработку Обязательного кодекса ведения переговоров для СМИ и цифровых платформ[27].

Эксперты считают, что 2021 год был еще одним напряженным годом для реформы регулирования СМИ, поскольку назрела необходимость реформы законодательства в области СМИ и начат второй этап правительственной программы реформы регулирования СМИ, включая регулирование распространение рекламы на всех площадках, платформах, в т.ч. Интернет[28].

Имеются противоречивые данные об общем влиянии цифровых технологий на платформы для новостного и журналистского контента. Так, обсуждаются негативные эффекты, такие как быстрое распространение информации через цифровые платформы, что может серьезно нарушить условия выпуска новостей и потенциально девальвировать журналистику.

Цифровые платформы теперь могут рассматриваться как ключевые участники в более широкой структуре СМИ. Хотя они могут не быть издателями, но их роль как дистрибьюторов становится все более смешанной по своей природе.

Однако как участники распространения информации СМИ и цифровые платформы несут ответственность за нанесение вреда общественному благу новостями, журналистским контентом и способами его продвижения[29].

Реформирование процедуры признания «невиновного распространения»

В целях выяснения, могут ли по умолчанию администраторы цифровых платформ или форумов являться вторичными распространителями контента, в связи с этим рассматриваются возможности применения принципа невиновного распространения при диффамации. В разд. 32 Закона Австралии «О диффамации» (Defamation act 2005)[30] определен принцип «невиновного распространения» как защита от ответственности за публикацию информации, не соответствующей действительности, если ответчик сможет доказать, что: а) он опубликовал материал, будучи сотрудником СМИ или агентом подчиненного дистрибьютора;

[24] См.: SBS submission to Australian Competition and Consumer Commission Digital Platforms Inquiry: Preliminary Report February. URL: 2019https://www.accc.gov.au/system/files/Special%20Broadcasting%20Service%20%28February%202019%29.PDF (дата обращения: 10.10.2021).

[25] См.: How do online platforms shape our lives and businesses? – Brochure. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/how-do-online-platforms-shape-our-lives-and-businesses-brochure (дата обращения: 20.11.2021).

[26] См.: Digital platforms inquiry – final report. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-final-report (дата обращения: 20.11.2021).

[27] См.: Australia: Media Regulatory Reform Update. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4ca563d0-0750-4eb3-8e26-a02a241093f5 (дата обращения: 20.09.2021).

[28] См.: Centre for Media Transition. URL: https://www.accc.gov.au/system/files/ACCC%20commissioned%20report%20%20The%20impact%20of%20digital%20platforms%20on%20news%20and%20journalistic%20content%2C%20Centre%20for%20Media%20Transition%20%-282%29.pdf (дата обращения: 17.10.2021).

[29] См.: ibid.

[30] См.: DEFAMATION ACT 2005 – SECT 32. URL: http://www5.austlii.edu.au/au/legis/nsw/consol_act/da200599/s32.html (дата обращения: 30.11.2021).

б) он не знал и не должен был знать, что материал носит клеветнический характер; в) его незнание не было результатом халатности с его стороны.

Кроме того, законы «Об авторском праве» 1968 г. и «О реализации Соглашения о свободной торговле с США» 2004 г. содержат подобный принципу «невиновное распространение» принцип «Безопасная гавань»[31]. В соответствии с данным принципом телекоммуникационные компании Австралии защищены от судебных исков за нарушение авторских прав со стороны третьих лиц, пользующихся их услугами (например, в случае загрузки нелицензионной копии фильма).

Принцип Безопасной гавани охватывает четыре направления деятельности: «передача информации, маршрутизация или обеспечение соединений»; «автоматическое кэширование, хранение материалов, защищенных авторским правом»; «технические действия, осуществляемые по указанию пользователя»; «переадресация пользователей посредством инструментов или технологий определения размещения информации» – например, предоставление услуги поисковой системы.

Распространение принципа Безопасной гавани на отношения, связанные с распространением несоответствующей действительности информации в Интернете, позволит интернет-посреднику еще на предварительной стадии судебного разбирательства доказать, что он выполнял требования закона[32]. Кроме того, в случае, если действия интернет-посредника будут соответствовать критериям правовой защиты, зафиксированным в принципе Безопасной гавани, интернет-посредник также сможет доказать свою невиновность. В дальнейшем принцип Безопасной гавани планируется распространить и на поисковые системы.

Таким образом, такие изменения позволят ответчику предоставить документы, позволяющие доказать его невиновность еще перед началом судебного разбирательства.

Однако вопрос, которому пока эксперты так и не нашли ответа, – порог изменений, вносимых интернет-посредниками в распространяемый контент. По нему нет единого мнения, какой процент изменений является предельным для определения изменений, внесенных интернет-посредником в качестве существенных. Ответ на данный вопрос позволит определить виновность интернет-посредников в распространении информации и, соответственно, правомерность распространения на него принципа Безопасной гавани[33].

Заключение

Таким образом, обобщив приведенный опыт правового регулирования, можно заключить, что основные изменения в законодательстве Австралии направлены на определение ответственности интернет-посредников за распространение информации, не соответствующей действительности.

Интернет-платформы, на которых размещается сторонний контент, обязаны направлять уведомление о жалобе на клевету издателю контента – обладателю информации (в т.ч. СМИ) и удалять контент, если издатель не отвечает на его уведомление. Невыполнение данных требований со стороны интернет-платформ приводит к наложению штрафов.

Интернет-платформы не обязаны давать оценку существа уведомления о жалобе и не признаются «издателями», а также не несут ответственности за сторонний контент в соответствии с Законом Австралии «О диффамации». Интернет-провайдеры и поисковые системы должны подчиняться судебному запрету на удаление незаконного контента.

Комиссар по электронной безопасности наделен полномочиями обращения к службе агрегатора поиска в Сети для того, чтобы или исключить, или понизить рейтинг веб-сайтов, которые, как было установлено Комиссаром, систематически и неоднократно способствовали публикации сообщений о клевете, киберзапугивании или являются нарушителями законодательства Австралии, направленного на регулирование интернет-отношений.

Комиссар по электронной безопасности также имеет возможность получать идентификационную информацию конечного пользователя и его контактные данные от поставщиков онлайн-услуг, включая поставщиков услуг социальных сетей. Насколько это возможно, информация, подлежащая удалению, должна быть включена в уведомление об удалении таким образом, чтобы поставщик услуг мог выполнить это требование.

---

[31] Законы Австралии об авторском праве содержат простой порядок действий в случае нарушения авторских прав в Интернете. Этот процесс обычно называют «Безопасной гаванью», потому что он обеспечивает правовую защиту провайдеров интернет-услуг в обмен на их помощь правообладателям в обеспечении соблюдения своих прав в Интернете (см.: URL: https://www.aph.gov.au/DocumentStore.ashx?id=2eab9481-e067-4355-b8a1-8e05fff8fb47&subId=563021#:~: text=Australia's%20copyright%20laws%20contain%20a, owners%20enforce%20their%20rights%20online (дата обращения: 20.11.2021)).

[32] Данная процедура, осуществляется перед началом судебного разбирательства и предусмотрена процессуальным правом Австралии.

[33] См.: Australia to get digital platforms watchdog. URL: https://www.governmentnews.com.au/australia-to-get-digital-platforms-watchdog/#:~: text=%E2%80%9CThe%20outcomes%20of%20the%20pilot, their%20services%2C%E2%80%9D%20it%20says (дата обращения: 10.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов Е.В.* Защита деловой репутации от диффамации на интернет-форумах // Право в сфере Интернета: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018.
2. *Егорова Н.А.* Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3. С. 41–45.
3. *Карпенков В.* Защита деловой репутации в сети Интернет // Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес. 2015. № 3. С. 21.
4. *Парыгина Н.Н.* Защита права на деловую репутацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. С. 137.
5. *Терещенко Л.К.* Глобальная сеть: проблемы в праве // Росс. юстиция. 2000. № 2. С. 49, 50.
6. *Харитонов И.И.* Уголовная ответственность за клевету: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 165–168.
7. *Чеботарева А.А.* Права граждан в контексте деятельности средств массовой информации, функционирующих в сети Интернет // Юридический мир. 2007. № 3. С. 4.
8. Australia: Media Regulatory Reform Update. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4ca563d0-0750-4eb3-8e26-a02a241093f5 (дата обращения: 20.09.2021).
9. Australia to get digital platforms watchdog. URL: https://www.governmentnews.com.au/australia-to-get-digital-platforms-watchdog/#:~: text=%E2%80%9CThe%20outcomes%20of%20the%20pilot, their%20services%2C%E2%80%9D%20it%20says (дата обращения**:** 10.11.2021).
10. Australian Communications and Media Authority (ACMA), “Annual Reports: 2019–2020”. URL: https://www.esafety.gov.au/sites/default/files/2020-10/ACMA%20and%20eSa (дата обращения: 30.11.2021).
11. Australian Competition and Consumer Commission (ACCC), Digital Platforms Inquiry: Final report 2019. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-finalreport, p. 63 (дата обращения: 30.10.2021).
12. Centre for Media Transition. URL: https://www.accc.gov.au/system/files/ACCC%20commissioned%20report%20%20The%20impact%20of%20digital%20platforms%20on%20news%20and%20journalistic%20content%2C%20Centre%20for%20Media%20Transition%20%282%29.pdf (дата обращения: 17.10.2021).
13. Columbia University: Global Freedom of Expression, “Trkulja v. Google LLC”. June 13, 2018. URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/trkulja-v-google-l (дата обращения: 19.11.2021).
14. Digital platforms inquiry – final report. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-final-report (дата обращения: 20.11.2021).
15. How do online platforms shape our lives and businesses? – Brochure. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/how-do-online-platforms-shape-our-lives-and-businesses-brochure (дата обращения: 19.10.2021).
16. *Johnson A., Castro D.* How Other Countries Have Dealt with Intermediary Liability, Feb. 22, 2021. URL: https://itif.org/publications/2021/02/22/how-other-countries-have-dealt-intermediary-liability (дата обращения: 05.10.2021).
17. *Madiega T.* Reform of the EU liability regime for online intermediaries Background on the forthcoming digital services act. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/649404/EPRS_IDA(2020)649404_EN.pdf (дата обращения: 12.11.2021).
18. Review of Model Defamation Provisions – Discussion Paper. February 2019. URL: https://www.justice.nsw.gov.au/justice-policy/Documents/review-model-defamation-provisions/Final-CAG-Defamation-Discussion-Paper-Feb-2019.pdf
19. SBS submission to Australian Competition and Consumer Commission Digital Platforms Inquiry: Preliminary Report February. URL: 2019https://www.accc.gov.au/system/files/Special%20Broadcasting%20Service%20%28February%202019%29.PDF (дата обращения: 10.10.2021).
20. Safe harbour rules Australia’s new copyright battleground. URL: https://www.computerworld.com/article/3464946/safe-harbour-rules-australia-s-new-copyright-battleground.html (дата обращения: 30.11.2021).

REFERENCES

1. *Gavrilov E.V.* Protection of business reputation from defamation on Internet forums // Law in the field of the Internet: collection of articles / ed. by M.A. Rozhkova. M., 2018 (in Russ.).
2. *Egorova N.A.* New in criminal law counteraction to slander // Legality. 2021. No. 3. P. 41–45 (in Russ.).
3. *Karpenkov V.* Protection of business reputation on the Internet // Library of the journal “Lawyer”. Law and business. 2015. No. 3. P. 21 (in Russ.).
4. *Parygina N.N.* Protection of the right to business reputation of legal entities and individual entrepreneurs under the civil legislation of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2017. P. 137 (in Russ.).
5. *Tereshchenko L.K.* Global network: problems in law // Russ. justice. 2000. No. 2. P. 49, 50 (in Russ.).
6. *Kharitonov I.I.* Criminal liability for libel: dis. ... PhD in Law. M., 2015. P. 165–168 (in Russ.).
7. *Chebotareva A.A.* The rights of citizens in the context of the activities of mass media functioning on the Internet // Legal World. 2007. No. 3. P. 4 (in Russ.).
8. Australia: Media Regulatory Reform Update. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4ca563d0-0750-4eb3-8e26-a02a241093f5 (accessed: 20.09.2021).
9. Australia to get digital platforms watchdog. URL: https://www.governmentnews.com.au/australia-to-get-digital-platforms-watchdog/#:~: text=%E2%80%9CThe%20outcomes%20of%20the%20pilot, their%20services%2C%E2%80%9D%20it%20says (accessed: 10.11.2021).
10. Australian Communications and Media Authority (ACMA), “Annual Reports: 2019–2020”. URL: https://www.esafety.gov.au/sites/default/files/2020-10/ACMA%20and%20eSa (accessed: 30.11.2021).
11. Australian Competition and Consumer Commission (ACCC), Digital Platforms Inquiry: Final report 2019. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-finalreport, p. 63 (accessed: 30.10.2021).
12. Centre for Media Transition. URL: https://www.accc.gov.au/system/files/ACCC%20commissioned%20report%20%20

The%20impact%20of%20digital%20platforms%20on%20news%20and%20journalistic%20content%2C%20Centre%20for%20Media%20Transition%20%282%29.pdf (accessed: 17.10.2021).

13. Columbia University: Global Freedom of Expression, "Trkulja v. Google LLC". June 13, 2018. URL: https://globalfreedomofexpression.columbia.edu/cases/trkulja-v-google-l (accessed: 19.11.2021).
14. Digital platforms inquiry – final report. URL: https://www.accc.gov.au/publications/digital-platforms-inquiry-final-report (accessed: 20.11.2021).
15. How do online platforms shape our lives and businesses? – Brochure. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/how-do-online-platforms-shape-our-lives-and-businesses-brochure (accessed: 19.10.2021).
16. *Johnson A., Castro D.* How Other Countries Have Dealt with Intermediary Liability, Feb. 22, 2021. URL: https://itif.org/publications/2021/02/22/how-other-countries-have-dealt-intermediary-liability (accessed: 05.10.2021).
17. *Madiega T.* Reform of the EU liability regime for online intermediaries Background on the forthcoming digital services act. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2020/649404/EPRS_IDA(2020)649404_EN.pdf (accessed: 12.11.2021).
18. Review of Model Defamation Provisions – Discussion Paper. February 2019. URL: https://www.justice.nsw.gov.au/justice-policy/Documents/review-model-defamation-provisions/Final-CAG-Defamation-Discussion-Paper-Feb-2019.pdf
19. SBS submission to Australian Competition and Consumer Commission Digital Platforms Inquiry: Preliminary Report February. URL: 2019https://www.accc.gov.au/system/files/Special%20Broadcasting%20Service%20%28February%202019%29.PDF (accessed: 10.10.2021).
20. Safe harbour rules Australia's new copyright battleground. URL: https://www.computerworld.com/article/3464946/safe-harbour-rules-australia-s-new-copyright-battleground.html (accessed: 30.11.2021).

Сведения об авторе

ЖАРОВА Анна Константиновна –
доктор юридических наук, доцент**,** старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ResearcherID H-4012-2015
ORCID 0000-0002-2981-3369

Authors' information

ZHAROVA Anna K. –
Doctor of Law, associate Professor, senior researcher of the Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 152–167
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 152–167

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА (К 100-летию со дня принятия)

© 2022 г. А. И. Чучаев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 04.04.2022 г.

Аннотация. В статье раскрыта предыстория подготовки Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., указаны причины кодификации, дана характеристика действовавшего в 1917–1922 гг. уголовного законодательства, осуществлена его классификация (выделены три группы норм, во-первых, определяющих сущность нового уголовного права; во-вторых, вызванных к жизни текущим моментом и, в-третьих, транзиторных), проанализированы проекты уголовного кодекса Общеконсультационного отдела Наркомюста РСФСР и секции судебного права и криминологии Института советского права, представлены концептуальные основы первого УК РСФСР и характеристика его Общей и Особенной частей, определено значение Уголовного кодекса РСФСР для дальнейшего развития законодательства и науки уголовного права.

Ключевые слова: советская власть, уголовное законодательство 1917–1922 гг., кодификация, проекты первого Уголовного кодекса РСФСР, Общая и Особенная части, значение Уголовного кодекса РСФСР.

Цитирование: *Чучаев А.И.* Первый советский Уголовный кодекс: концептуальные основы и общая характеристика (К 100-летию со дня принятия) // Государство и право. 2022. № 6. С. 152–167.

DOI: 10.31857/S102694520020481-0

THE FIRST SOVIET CRIMINAL CODE: CONCEPTUAL FRAMEWORK AND GENERAL CHARACTERISTICS (To the 100th anniversary of the adoption)

© 2022 A. I. Chuchaev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 04.04.2022

Abstract. The article reveals the background of the preparation of the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the reasons for the codification, the characteristics of the criminal legislation in force in 1917–1922 are given, its classification is carried out (three groups of norms are identified, firstly, defining the essence of the new Criminal Law; secondly, brought to life by the current moment and, in the third, transient), the drafts of the Criminal Code of the General Advisory Department of the People's Commissariat of the RSFSR and the section of Judicial Law and Criminology of the Institute of Soviet Law are analyzed, the conceptual foundations of the first Criminal Code of the RSFSR and the characteristics of its General and Special parts are presented, the significance of the Code for further the development of legislation and the science of Criminal Law.

Key words: Soviet power, criminal legislation of 1917–1922, codification, drafts of the first Criminal Code of the RSFSR, General and Special parts, meaning of the Criminal Code of the RSFSR.

For citation: *Chuchaev, A.I. (2022).* The first Soviet Criminal Code: conceptual framework and general characteristics (To the 100th anniversary of the adoption) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 152–167.

Предыстория УК РСФСР 1922 г. В первые годы советской власти уголовное законодательство было ситуативным. Это наглядно явствует из видов и содержания актов, в которых имеются уголовно-правовые нормы (воззвания, декреты, обращения, постановления, письма и т.д.). В большинстве они касались особенной части уголовного права, были направлены на противодействие отдельным преступлениям (с 26.10.1917 г. по 1922 г. принято более 400 нормативных актов с уголовно-правовыми нормами)[1].

Анализ уголовно-правовых установлений того периода позволяет выделить два их вида: первый представляет собой нормы, которые выражали сущность зарождающегося советского уголовного права, его характер и принципы. Поэтому они сохраняли свое значение на протяжении длительного времени. Например, выделение материального признака преступления[2] в Декрете II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. «О земле»[3], обращениях председателя СНК В.И. Ленина от 5 ноября 1917 г. «К населению»[4] и народного комиссара по Министерству почт и телеграфов от 9 ноября 1917 г. «О борьбе с саботажем высших почтово-телеграфных чиновников»[5].

В ряде актов формулировалось понятие бездействия, закреплялись условия уголовной ответственности за эту форму преступного деяния (например, Декрет СНК от 12 декабря 1917 г. «Об оставлении в силе обязательств, возложенных договором на контрагентов по поставкам и заготовкам продовольствия для армии»[6]; приказ Народного Комиссариата по военным делам от 14 июня 1918 г. «Об условиях службы лиц, призванных согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 12 июня 1918 г.»[7]; Декрет СНК от 20 июля 1918 г. «О тыловом ополчении»[8] и др.).

Принципиальное значение имел Декрет СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних»[9], на долгие годы определивший уголовно-правовую политику в отношении лиц, не достигших возраста 17 лет[10].

В документах первых лет советской власти встречаются установления о действии уголовно-правовой нормы во времени, пространстве и по кругу лиц, об обратной силе закона, субъекте преступления и др. Однако следует заметить, что до постановления Народного Комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»[11] вопросам общей части уголовного законодательства уделялось мало внимания. В какой-то степени это объясняется объективными обстоятельствами: формирование нового уголовного права начинается с норм его особенной части, создание общей части всегда отстает от последней. Данная тенденция была присуща и дореволюционному уголовному праву.

Вторая группа норм была обусловлена текущим моментом, т.е. той конкретной исторической обстановкой, в которой они принимались. Вызванные к жизни сложившимися обстоятельствами, время их действия также определялось последними: их исчезновение или изменение влекло отмену или суброгацию соответствующих норм. Таким образом, они носили временный и вынужденный характер, выступали средством упрочения советской власти и социалистического строя. Об этом свидетельствуют, например, декреты СНК от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции»[12] и от 8 ноября 1917 г. «О введении государственной монополии на объявления»[13], обращение

---

[1] См. подр.: *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 24.

[2] В советской литературе встречаются и иные утверждения, например, М.Д. Шаргородский считал, что в первое время советское уголовное право исходило из формального определения преступления (см.: *Шаргородский М.Д.* Предмет и система уголовного права // Сов. государство и право. 1941. № 4. С. 42).

Другие авторы, основываясь на анализе нормативных актов первых лет советской власти, исходили из материальной сущности преступления (см., напр.: *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М., 1948. С. 248; *Мишунин П.Г.* Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М., 1954. С. 150). Эта точка зрения подтверждается и тем, что при отсутствии исчерпывающего перечня уголовно наказуемых деяний правоприменитель, исходящий при отправления правосудия из революционного правосознания и революционной совести, мог опираться только на такое обстоятельство, как причинение вреда общественным отношениям, т.е. материальный признак преступления. Д.И. Курский писал: «Декреты фиксируют внимание народного суда на тех или иных деяниях, которые являются в настоящий переходный момент наиболее дезорганизующими, наиболее опасными, и дают лишь самые общие указания, часто лишь называют деяние, предоставляя народному суду всю индивидуализацию не только отдельных случаев преступлений, но и определение того, какое деяние требует уголовной репрессии и, следовательно, является преступлением» (см.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Курский Д.И. Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 52).

[3] См.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 1.

[4] См.: СУ РСФСР. 1917. № 2, ст. 2.

[5] См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 30.

[6] См.: СУ РСФСР. 1917. № 8, ст. 119.

[7] См.: СУ РСФСР. 1918. № 43, ст. 529.

[8] См.: СУ РСФСР. 1918. № 54, ст. 604.

[9] См.: СУ РСФСР. 1918. № 16, ст. 227.

[10] Впоследствии возраст уголовной ответственности неоднократно менялся, но принципиальный подход сохранился до настоящего времени: в работе с несовершеннолетними правонарушителями основным является воспитательное воздействие на них и только потом – карательное.

[11] См.: СУ РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.

[12] См.: СУ РСФСР. 1917. № 5, ст. 70.

[13] См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 41.

СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира»[14] и др. На особый характер подобного рода актов указывает и порядок их введения в действие – это осуществлялось после передачи их по телеграфу[15].

Вероятно, в т.ч. и в связи с преобладанием уголовно-правовых норм второй группы некоторые авторы утверждали, что отсутствие кодифицированного уголовного законодательства было сознательной политикой советского государства. Созданный таким образом «правовой вакуум» позволял эффективнее и безжалостнее бороться с классовыми и идеологическими противниками[16]. Отвечая на эти обвинения, П.И. Стучка писал: «Мы часто встречаем одну легенду, которую необходимо опровергнуть, а именно, что мы будто бы всегда были против законов вообще и кодексов в особенности. Напротив, мы начали с таких законов, как социализация земли, 8-ми часовой рабочий день и т.д.

И не могло быть иначе. Ведь наша революция является самой организованной из всех бывших революций. И разве мы могли отказаться от такого организованного способа переорганизации общества, как законодательство?»[17].

Сложившееся положение, в частности отсутствие кодифицированного законодательства, один из авторов первых законов советской власти, председатель Малого Совнаркома М.Ю. Козловский объяснял, например, тем, что «работу в области карательной будет направлять не буржуазная лицемерная, индивидуальная гуманность, а классовый интерес непреклонного подавления посягательств паразитирующего меньшинства на условия общежития, соответствующие интересам трудящихся масс... Конкретизировать эту работу, установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас – значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему. Кодификация уголовного права во время социалистической революции – напрасный труд; я думаю, что задача власти в этой правовой области сводится главным образом к руководству, к инструктированию масс»[18].

Несколько позднее он изменил точку зрения. Выступая на III съезде деятелей советской юстиции, М.Ю. Козловский утверждал: «Мы исходим из положения, что если мы существовали до сих пор без кодекса, то не потому, что были противниками кодекса, а потому, что не было возможности создать его, но никто не сомневался в необходимости его создания»[19].

Необходимо выделить и третью, особую группу норм, которые принимались в первый год советской власти. Эти нормы также были вызваны к жизни соответствующей социально-политической обстановкой, сложившейся в России после победы революции, но по своей сути они не являются уголовно-правовыми, а представляют собой транзиторные нормы. Появление нового общественно-политического строя, государства рабочих и крестьян автоматически не привело и не могло привести к появлению нового законодательства вообще и уголовного в частности. Правовой вакуум был недопустим, поэтому было принято решение о применении, вплоть до последующей полной отмены, буржуазного уголовного законодательства. В целом это нашло отражение в Декрете СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде»: «Суды... руководятся... законами свергнутых правительств... постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»[20].

Транзиторные нормы содержатся и в документах ведомств, относящихся к органам государственного управления. Например, в обращении народного комиссара земледелия ко всем земельным (губернским, уездным и волостным) комитетам и всем Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов от 6 декабря 1917 г. «О сохранении “Советов лесничеств”, организованных для

---

[14] См.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 39.

[15] Согласно Декрету СНК от 30 октября 1917 г. «О порядке утверждения и опубликования законов» (см.: СУ РСФСР. 1917. № 1, ст. 12) днем вступления постановления в законную силу считался день опубликования его в официальном издании – «Газете Временного рабочего и крестьянского Правительства». Из этого общего правила допускались изъятия: день вступления в законную силу нормативного акта мог определяться в самом постановлении либо начало действия обусловливалось передачей последнего по телеграфу. В этом случае днем вступления в законную силу считался день опубликования соответствующей телеграммы.

Данные условия действия закона во времени были сохранены и в Декрете от 17 ноября 1917 г. «О времени вступления в силу узаконений и распоряжений Правительства» (см.: СУ РСФСР. 1917. № 3, ст. 40).

[16] См. подр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 14, 15.

[17] *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. М., 1924. С. 98.

[18] *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1. С. 27.

[19] Материалы Наркомата юстиции РСФСР. Пг., 1921. Вып. 11–12. С. 73.

[20] См.: СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50. Отмененными признавались все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских депутатов и рабоче-крестьянского Правительства, а также программам-минимум РСДР партии и партии СР.

управления государственными лесами»[21] имеется ссылка на признание незаконной рубки леса преступлением, наказываемым по действовавшему ранее законодательству.

Согласно Декрету ЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде»[22] (ст. 36) суд руководствуется прежними уголовными законами постольку, поскольку они не отменены декретами ЦИК и СНК и не противоречат социалистическому правосознанию. При этом оговаривалось, что он не должен ограничиваться «формальным законом», а обязан руководствоваться соображениями справедливости. Д.И. Курский писал: «Практика местных судов... столкнулась с явным противоречием между буквой дореволюционного Уложения о наказаниях и революционным правосознанием – прежде всего в области наказания. Уложение заранее, по-аптекарски, скрупулезно отмеряло дозы возмездия за те или иные деяния... Между тем революционная совесть и революционное правосознание, которыми прежде всего руководствовались в своих решениях местные суды, подсказывали и могли подсказывать единственный вывод: суд свободен в выборе наказаний в зависимости от обстоятельств дела...»[23].

В это же время ряд инструкций, наказов, положений, касающихся применения буржуазного законодательства, принимаются губернскими и уездными властями. Так, в соответствии с § 18 положения о временных революционных судах Новгородской губернии от 30 декабря 1917 г.[24] «признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же необязательного для себя руководства суд может пользоваться Уложением о наказаниях и Уголовным уложением».

Однако уже в конце 1917 г. предлагалось вообще запретить использовать уголовное законодательство свергнутых правительств. Например, в наказе Изюмского уездного съезда мировых судей участковым мировым судам и мировому съезду (20 декабря 1917 г.) сказано: «Все правовые нормы, противоречащие революционной народной воле, не принимать во внимание как ненужный балласт в свободном творчестве судейской совести, и руководствоваться единственно голосом этой последней...»[25].

Декрет СНК от 20 июля 1918 г. № 3 «О суде»[26] не упоминал в качестве источника уголовного права дореволюционное законодательство. Из этого, конечно, можно сделать вывод о том, что в нем уже отсутствовали транзиторные нормы, но надо иметь в виду, что он не содержал и прямого запрета использования прежних уголовных законов. Такой запрет впервые был отражен в примечании к ст. 22 Положения о народном суде РСФСР, утвержденного Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г.[27]: «Ссылки в приговорах... на законы свергнутых правительств воспрещаются».

По сути, советской власти потребовалось немногим более года, чтобы в результате интенсивной законотворческой деятельности создать собственную уголовно-правовую базу противодействия преступности в стране. Законодательство было некодифицированным; подготовка советского уголовного уложения, предпринятая Наркоматом юстиции в 1918 г., не изменила ситуацию на правовом поле, т.к. оно вследствие ряда обстоятельств на практике, по сути, не применялось[28].

Как уже отмечалось ранее, Руководящие начала знаменуют первую попытку советского законодателя систематизировать уголовно-правовые нормы, относящиеся к общей части уголовного права. В этом отношении они выступают прообразом Общей части УК РСФСР 1922 г. В их основе лежал ничем не прикрытый классовый подход, который наглядно проявился в определении понятия преступления. Однако необходимо подчеркнуть интересную деталь: к этому времени, формально порвав с прошлым законодательством, составители постановления во многом использовали структуру общей части дореволюционного уголовного права[29].

Особо следует выделить законотворчество судебных органов, осуществлявшееся ими в послереволюционный период вплоть до принятия Руководящих начал. Наиболее зримо это проявлялось в выборе видов и сроков (размеров) наказания. При этом определяющими в развитии института наказания являлись программные партийные документы[30], взгляды руководителей партии и го-

---

[21] См.: Газета рабочего и крестьянского Правительства. 1917. 6 дек.

[22] См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 466.

[23] *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. С. 30.

[24] См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. М., 1918. Вып. 2. С. 42, 43.

[25] См.: там же. С. 35.

[26] См.: СУ РСФСР. 1918. № 52.

[27] См.: СУ РСФСР. 1918. № 85.

[28] См. об этом подр.: *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015.

[29] См.: *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 61.

[30] Например, в Программе РКП(б) были зафиксированы задачи в сфере судебной деятельности: «В области наказания организованные таким образом (выборность судей. – *А.Ч.*) суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя

сударства, в частности В.И. Ленина, о значении репрессии в отношении классовых врагов победившего пролетариата[31]. Характеризуя роль суда в становлении нового уголовного законодательства, П.И. Стучка писал: «Старые законы были “сожжены”. Пролетарская революция обязывает к творчеству. И в этом именно заключается своеобразная роль суда в пролетарской революции, что он становится творческою силою в создании нового правопорядка...»[32].

Судебное законотворчество сформировало достаточно пеструю картину наказуемости деяний, признаваемых противоречащими интересам революции, различающуюся как по видам уголовно-правового воздействия, так и их репрессивностью. Например, согласно наказу Камышевского народного гласного суда виновные могли быть приговорены: 1) к аресту от 10 дней до 1 мес.; 2) к денежному взысканию от 25 до 150 руб.; 3) к заключению в арестное помещение от шести месяцев до двух лет. Арест и штраф могли быть заменены общественными работами[33]. Согласно сообщению комиссара юстиции Западно-Сибирской области и Степного края И.А. Апина, за выплату взноса окружному суду нотариусы были приговорены к лишению общественного доверия, им запретили выступать на собраниях[34].

Встречаются нормативные акты, содержащие обстоятельно разработанные перечни видов наказаний, претендующие на определенную систему; в них были представлены не только виды и сроки (размеры) наказаний, но и определена их эквивалируемость (даны коэффициенты перевода одного вида наказания в другой). Например, положение о Самарском революционном трибунале, инструкция комиссиям для суждений о преступных деяниях несовершеннолетних, принятая съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана и др.[35]

В некоторых местах даже принимались собственные уложения о наказаниях, содержавшие широкий перечень видов наказаний, ряд из которых возвращали судебную практику на несколько веков назад. Так, в уложении с. Лубны Лебедянского уезда Тамбовской области говорилось: «Если кто ударит, то потерпевший должен ударить обидчика десять раз. Если кто кого ударит с покалением или повреждением кости, то обидчика лишить жизни»[36]. В Киренском уезде (Иркутская губерния) народный революционный суд постановил «зашить в мешок крестьянку, виновную в выгоне самотека, и бить ее о землю до тех пор, пока жива»[37]. В Сарапульском уезде (Вятская губерния) за убийство мужа суд решил «женщину зарыть живой в землю, а ее любовника убить»[38].

Сложившаяся ситуация в литературе оценивалась по-разному, зачастую оценки были диаметрально противоположными. Например, утверждалось, что «местный характер этого права отнюдь не умаляет значение его роли в деле охраны революционного порядка. Эта местная законность в тот период, когда государство как единое целое еще только начинало организовываться и когда места очень часто – вследствие ли еще не наладившейся связи или расстройства транспорта – были оторваны от центра, была в своей основе подлинно революционной законностью»[39].

Более реалистичен в характеристике карательной практики, на наш взгляд, Ставропольский губернский комиссар юстиции Тесленко, считавший, что «необходимы законоположения, ясно и точно выраженные и обязательные для всех судов. Центральная Советская власть должна собрать в них общечеловеческие демократические правовые нормы, которые в силу своей общечеловечности должны быть обязательны для всех граждан и учреждений Российской Советской Республики, но наряду с этими общечеловеческими законами должен быть представлен известный простор местному законодательному творчеству правомочных органов Советской власти и народа. Законы, составленные местной властью и представителями из народа – местные законы, имеющие в своей основе местные правовые обычаи и местную судебную практику, кодифицированную и надлежащим образом изученную, и законы, изданные Центральной

лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983. Т. 3. 1917–1922. С. 25).

[31] См. подр.: *Тоскина Г.Н.* Уголовное наказание в законодательстве РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2005.

[32] *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3.

[33] См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 2. С. 51.

[34] См.: там же. М., 1918. Вып. 1. С. 4.

[35] См.: там же. М., 1918. Вып. 3. С. 52.

[36] Революционный суд на первом же заседании приговорил к смертной казни двух воров. Приговор исполнили сразу же. «Вначале убили одного... Разбили голову безменом и ... мертвого выбросили на дорогу. Товарищ убитого стал умолять послать за священником, чтобы исповедаться и причаститься... Священник вымолил у толпы прощение осужденному. Толпа отменила смертный приговор, заменив его двадцатью пятью ударами розг» (см.: Новое слово. 1918. № 20).

[37] Свобода России. М., 1918. С. 38.

[38] Там же.

[39] История советского уголовного права. М., 1947. С. 113; см. также: *Грингауз Ш.* К вопросу об уголовном праве и правотворчестве масс в 1917–1918 гг. // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 82.

Советской властью – общенародные законы, – должны составлять одно стройное целое, не противоречащее друг другу, а взаимно дополняющее и усовершенствующее»[40].

Такая же позиция стала преобладающей на втором Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции (2–6 июля 1918 г., Москва). В частности, ее поддержал зам. народного комиссара юстиции Д.И. Курский, заявивший, что перед органами юстиции России встала задача создания уголовного права, формирования норм, которыми суд мог бы руководствоваться при назначении наказания преступника, при этом не ограничивая его усмотрения в выборе конкретной меры уголовно-правового воздействия[41].

Подготовка и принятие уголовного кодекса. Некоторые ученые полагают, что работы по кодификации уголовного законодательства начались еще в 1917 г.[42] При этом они не приводят каких-либо доводов в обоснование такого утверждения, а лишь ссылаются на то, что уже в то время в составе Наркомюста, возглавляемого П.И. Стучкой, был образован специальный отдел законодательных предположений и кодификации. П.И. Стучка в 1917 г. народным комиссаром юстиции был меньше месяца, в конце ноября его заменил И.З. Штейнберг, под руководством которого разрабатывалось Советское уголовное уложение. В указанное время даже не упоминается о проведении кодификационных работ как таковых. Да и фактически вряд ли это было возможно: советского уголовного законодательства еще не существовало, его необходимо было создать, а уж потом кодифицировать. Поэтому обоснованным выглядит предположение, что начало работ по кодификации относится к середине 1918 г.[43]; именно к этому времени была создана основа для Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., а затем и УК РСФСР 1922 г.

На втором съезде областных и губернских комиссаров юстиции Д.И. Курский только заявил о начале проведения работы, «которая... систематизирует уголовное право социалистической республики»[44]. Следует заметить, что в литературе нет единой точки зрения о том, какой законодательный акт в этом случае имелся в виду. Б.С. Утевский утверждал, что Д.И. Курский, настаивая о необходимости фиксации норм «в точные и определенные формы», говорил не об уголовном кодексе, а проекте руководящих начал[45]. По мнению же Н.Д. Дурманова, из выступления Д.И. Курского можно сделать вывод о том, что «в Народном комиссариате юстиции был уже подготовлен проект Уголовного кодекса или Свода уголовного права», но по каким-то причинам оказавшийся невостребованным[46]. Скорее всего прав был Г.В. Швеков, считавший, что в это время шло накопление необходимого правового материала[47]. Нормативные акты НКЮ обобщались и систематизировались, устранялись пробелы в уголовно-правовом регулировании[48]. На основе имеющегося законодательного материала издавались обобщенные акты, как, например, циркуляр Кассационного отдела при ВЦИК от 6 октября 1918 г. «О подсудности революционных трибуналов», явившийся в т.ч. основой Особенной части УК РСФСР[49].

Началом подготовки первого уголовного кодекса следует признать 9 октября 1918 г. В этот день коллегия НКЮ заслушала доклад М.Ю. Козловского «О законопроектах уголовных», по результатам обсуждения которого была создана комиссия в составе Д.И. Курского, М.Ю. Козловского и Л.А. Саврасова для подготовки проекта уголовного кодекса. Работу предполагалось выполнить в несколько этапов. На первом этапе следовало определить круг изданных актов, имеющих уголовно-правовые нормы. Д.И. Курским был представлен проект такого перечня, 15 января 1919 г. он был обсужден на заседании коллегии НКЮ[50].

---

[40] Свобода России. С. 36.

[41] См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 3. С. 10.

[42] См., напр.: Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. С. 15.

[43] См., напр.: *Сулейманов А.А.* Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16; *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 115.

[44] Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 3. С. 10.

[45] См.: *Утевский Б.С* Сорок лет развития советского уголовного законодательства // Вопросы советского социалистического права. М., 1958. С. 310.

[46] См.: *Дурманов Н.Д.* Первый советский уголовный кодекс // Сов. государство и право. 1947. № 9. С. 29.

[47] См.: *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 119.

[48] См.: *Чистяков О.И.* Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти (1917–1923) // Сов. государство и право. 1956. № 5. С. 11.

[49] См.: *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 83.

[50] По сути, в этом случае речь идет о первой научной систематизации 49 законодательных актов, распределенных по 11 разделам (см.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 23). Автор писал: «Перечень уголовных норм действующего права показывает, что преступление и наказание в новом праве получили крайне своеобразную постановку, совсем отличную от той, которую знали прежние буржуазные кодексы. Всевозможного рода уложения и уставы о наказаниях, во-первых, всегда точно определяли “состав преступления”, его основные признаки и стремились дать исчерпывающий перечень запрещенных деяний; во-вторых, они всегда скрупулезно точно определяли меру наказания. Новое уголовное право не знает ни того, ни другого. Декреты фиксируют внимание народного суда на тех или иных деяниях, которые являются в настоящий

В связи с этим неточным представляется утверждение В.Г. Смирнова и М.Д. Шаргородского, считавших, что в 1918–1920 гг. систематизация имеющихся уголовно-правовых норм не представляла какого-либо значения для подготовки уголовного кодекса, поскольку за основу УК РСФСР предполагалось взять Уголовное уложение 1903 г.[51]

Начало второго этапа подготовки первого уголовного кодекса можно датировать 30 апреля 1919 г., когда на заседании коллегии НКЮ был представлен доклад Д.И. Курского «О разработке Наказа народным судам по применению уголовно-правовых норм». По результатам его обсуждения было принято решение поручить М.Ю. Козловскому подготовить общую часть Наказа, а Д.И. Курскому – его особенную часть. Наказ должен был стать прообразом Кодекса, но, к сожалению, в силу различных причин он не был подготовлен. Более того, на этом этапе разработка УК РСФСР вообще приостановилась.

Наркомат юстиции возобновил работы по проекту лишь в марте 1920 г. М.Ю. Козловскому было поручено подготовить проект плана уголовного кодекса, использовав для этого материалы НКЮ. Данный проект с небольшими поправками был утвержден 10 июня 1920 г., а 20 июня 1920 г. вопрос о кодексе был вынесен на обсуждение III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции. Основы проекта представил делегатам М.Ю. Козловский, отметивший, что Наркомюст стремится «дать такую структуру и такой его план, чтобы он более выпукло и наглядно обнаружил те новые отношения, которые новый закон будет защищать. Ведь, собственно говоря, что такое уголовный закон? Это мера или норма, которая охраняет определенные... отношения»[52].

Мнения делегатов съезда о проекте поляризовались. Основной довод противников уголовного кодекса сводился к одному – для его принятия еще не наступило время. Большинство же выступали за его подготовку, отметив в резолюции[53]: «Съезд признает необходимость классификации уголовных норм, приветствует работу в этом направлении НКЮ и принимает за основу предложенную схему классификации деяний по проекту уголовного кодекса, не предрешая вопроса об установлении кодексом карательных санкций»[54].

Оговорка о санкциях скорее всего объясняется тем, что по ним не был достигнут консенсус. Все позиции, не беря во внимание нюансы, можно свести к следующим: 1) время законодательного нормирования санкций еще не наступило, поэтому следует обойтись вообще без них (большинство делегатов); 2) кодекс должен предусматривать только нижнюю границу наказания, максимум наказания оставляя на усмотрение суда (Д.И. Курский и др.); 3) в отношении некоторых преступлений (например, имущественных) следует в санкции указать как минимальный, так и максимальный размер (срок) наказания (Л.А. Саврасов и др.); 4) кодекс не должен содержать ни абсолютно, ни относительно определенных санкций (Н.Н. Крыленко и др.). В связи с этим в отчете съезда отмечено: «Вопрос о карательных санкциях и установлении минимума либо максимума... снять с обсуждения ввиду малой разработанности»[55].

Таким образом, к 1920 г. дискуссии о необходимости уголовного кодекса практически были исчерпаны, а предметом научных споров стал вопрос о его характере, концептуальных основах и структуре. Например, М.Ю. Козловский[56], Я.Л. Берман[57] и др. настаивали на том, что уголовный кодекс должен быть не кодексом в его обычном буржуазном понимании, а «примерной инструкцией», «директивой центра местам», изложением общих основ социалистической карательной политики». Д.И. Курский видел кодекс «без точных дефиниций преступлений»[58], а Н.В. Крыленко считал, что особенная часть кодекса не должна содержать санкций[59]. Оригинальную форму кодекса предлагал П.И. Стучка. Его идея заключалась в том, чтобы уголовный кодекс был представлен в виде вопросов и ответов; по его мнению, отказ от постатейного изложения нормативных установлений «будет формой

переходный момент наиболее дезорганизующими, наиболее опасными, давая лишь самые общие указания, часто лишь называя деяние, предоставляя народному суду всю индивидуализацию не только отдельных случаев преступлений, но и определение того, какое деяние требует уголовной репрессии и, следовательно, является преступным» (см.: *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 27, 28).

[51] См.: *Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Уголовное право // Сорок лет советского права. Л., 1957. Т. 1. С. 527.

[52] Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. С. 74.

[53] Некоторые авторы дату принятия этой резолюции признают началом работы над проектом первого уголовного кодекса РСФСР (см.: История советского уголовного права 1917–1947 гг. М., 1948. С. 267).

[54] Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. Приложение. С. 2, 3.

[55] Там же. С. 82.

[56] См.: там же. С. 78.

[57] См.: *Берман Я.* К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 39.

[58] Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 11–12. С. 81.

[59] См.: там же. С. 78. Позднее подобного рода утверждения Н.В. Крыленко признал «левацкой ошибкой» (см.: *Крыленко Н.В.* Три проекта реформы Уголовного кодекса. Тезисы доклада. М., 1931. С. 8).

пролетарского права будущего, когда оно потеряет всякую тень буржуазного строя»[60].

Эти и подобные им взгляды объяснимы одним – желанием создать абсолютно новое, отличающееся от предыдущего социалистическое уголовное право. Данное обстоятельство точно обрисовал П.И. Стучка: «Задача наших теоретиков, занимающихся этим строительством, нелегка, ибо их работа не имеет прецедентов и готовых образцов и вдобавок происходит в отсталых условиях российской действительности»[61].

По свидетельству А.А. Герцензона, во время работы над проектом уголовного кодекса, в особенности в 1921 г., активизировались попытки рецепции буржуазного уголовного права, внесения в формирующееся советское право идей социологической школы и т.д., высказывались предложения «перелицовки» Уложения 1903 г. Сторонники социологической школы уголовного права исходили из того, что ее идеи родственны правовым взглядам революционного пролетариата. Представителями академической науки были разработаны два проекта уголовного кодекса, основанных на положениях социологической школы (Общеконсультационного отдела НКЮ и секции судебного права и криминологии), но были отвергнуты коллегией Наркомата юстиции[62].

Авторы проекта общей части Общеконсультационного отдела[63] при решении вопроса о преступности и наказуемости деяния исходили не из его общественной опасности, а из опасного состояния личности, его «миросозерцания», отрицали значение вины, ее форм, видов и т.д. В подготовленном этим же отделом проекте ряда разделов особенной части уголовного кодекса содержался лишь перечень ориентировочных (демонстрационных) родовых составов преступлений, при этом нормы не содержали санкций.

Ученые разошлись в оценке проекта. Одни высказывались в отношении него отрицательно[64]. Другие же отмечали и положительные моменты, связанные с подготовкой проекта. Так, В.Г. Смирнов и М.Д. Шаргородский полагали, что имеет место его односторонняя характеристика, которая «допускает вывод о никчемности этого документа. Такое безапелляционное открещивание от документов периода становления, формирования принципов советского уголовного права не может быть признано уместным вообще, а в особенности в плане историческом. Идеи проекта de lege ferenda должны быть признаны ошибочными. Однако они не явились чем-то неожиданным. Напротив, Проект как бы завершает собой определенный этап в развитии уголовно-правовых идей первых лет существования Советского государства... Именно с этих позиций и возможна исторически объективная оценка проекта Особенной части УК РСФСР, разработанного особой комиссией Общеконсультационного отдела НКЮ; данный проект отражал прошлые задачи и не был приспособлен для осуществления новой экономической политики»[65].

По сути, такую же оценку проекту Общеконсультационного отдела дал и Институт советского права, при этом особо подчеркнув, что он полностью ориентирован на уже прошедший этап революции. В связи с этим Институт принял решение подготовить свой проект кодекса, однако и он был отвергнут, поскольку, как было признано, основывался на чуждых советскому праву положениях буржуазного права, в частности на концепции опасного состояния личности. Проект носил эклектичный характер, содержал противоречащие между собой установления. Особенно наглядно это видно при сопоставлении, например, проектов норм об опасном состоянии лица, влекущем возможность применения мер социальной защиты от пяти до 20 лет, и о наказании в виде лишения свободы за совершенное преступление на срок от шести месяцев до пяти лет. Проект предусматривал возможность назначения относительно неопределенных приговоров. Наконец, постулированное положение “nullum crimen sine lege” и положение об опасной личности фактически являются взаимоисключающими[66].

В это время в Наркомюсте продолжалась работа над подготовкой проекта уголовного кодекса. 14–15 сентября 1921 г. коллегия Наркомата обсудила и одобрила главу «Об имущественных преступлениях», а к середине ноября в основном была завершена работа над общей частью уголовного кодекса и рядом разделов его особенной части. Однако к этому времени все еще оставалась неразрешенной проблема санкций уголовно-правовых норм. Поэтому 16 ноября 1921 г. на заседание коллегии был специально вынесен вопрос о подходах к их формированию, с докладом «Об установлении санкций уголовных норм в проекте нового Уголовного уложения и о дальнейшем направлении работ

[60] *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. С. 101. В последующем он уже не настаивал на такой форме уголовного кодекса.

[61] Известия. 1918. 16 апр.

[62] См.: *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. М., 1970. С. 221, 222.

[63] См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 7. М., 1920. С. 8.

[64] См.: История советского уголовного права 1917–1947 гг. С. 260; *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 133.

[65] *Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Указ. соч. С. 532.

[66] См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 16–17. М., 1922. С. 22.

по его завершению и опубликованию» выступил Д.И. Курский. Решение было принято достаточно своеобразное: относительно одной группы преступлений («вытекающих из пережитков прежнего строя») предлагалось фиксировать максимальный предел репрессии («до такого-то размера», «не более...»); относительно другой (посягающих «на советский строй и начала коммунистического строительства») – устанавливать лишь минимальную границу («не ниже...»).

С конца ноября 1921 г. и по январь 1922 г. на заседаниях коллегии НКЮ шли постатейные обсуждения проекта кодекса (два заседания были посвящены общей части, четыре – особенной), которые завершились его одобрением. После этого он был опубликован отдельным изданием, в истории значится проектом УК РСФСР 1921 г.[67]

Следует особо заметить, что документ был далек от совершенства. Так, труднообъяснимым представляется отсутствие в дефиниции преступления его материального признака, что отбрасывало проект назад по сравнению с Руководящими началами (ст. 5) и многими законодательными актами, принятыми с 1917 по 1921 г. Более того, еще при обсуждении проекта Общеконсультационного отдела НКЮ была принята редакция статьи, дающей материальное определение преступления[68].

Особенная часть проекта уголовного кодекса также не была лишена недостатков; причем ряд из них носил системный характер, другие касались конкретных норм, по сути, дословно воспроизводящих ранее изданные нормативные правовые акты.

Проект уголовного кодекса решено было обсудить на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции 26 января 1922 г.[69] Делегатам его представил член коллегии НКЮ Н.А. Чарлюнчакевич[70]. Характеризуя цель принятия кодекса, он подчеркнул: задача «заключается в том, чтобы углубить и конкретизировать, что является преступным и в какой мере данное преступление действительно является опасным для общественного организма»[71].

Замечания, высказанные делегатами съезда, и отзывы, поступившие с мест, стали основой доработки проекта. 6 февраля 1922 г. коллегия НКЮ, обсудив переработанный вариант проекта, создала комиссию в составе Н.А. Чарлюнчакевича, Н.В. Крыленко и Л.А. Саврасова, которой было поручено в трехдневный срок подготовить текст к опубликованию[72]. В историографию он вошел как проект УК РСФСР 1922 г.

Мнения авторов о дате внесения проекта УК в СНК разделились. Одни считают, что это было сделано в феврале, другие – в конце марта 1922 г.[73]

Совнарком проект не обсуждал, для этого была создана специальная комиссия, которая внесла в него более 100 поправок. Однако, как утверждает М.М. Исаев, существенного влияния на проект они не оказали[74].

Проекты уголовного кодекса 1921 и 1922 гг. существенно различались между собой. Основные, принципиальные отличия сводились к следующим: 1) были более четко сформулированы задачи уголовного законодательства; 2) дано материальное определение преступления; 3) установлены формы вины; 4) представлено иная классификация преступлений: выделены, во-первых, деяния, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными; во-вторых, прочие преступления (по формулировке Д.И. Курского, преступления, не представляющие собой прямого покушения на защищаемый строй); 5) особенная часть дополнена новыми нормами, предусматривающими ответственность за агитацию и пропаганду, содержащие призывы к разжиганию национальной вражды и розни[75], злоупотребление властью, провокацию взятки, спекуляцию валютой, разглашение сведений, имеющих соответствующий гриф, бесхозяйственное использование предоставленного арендатору государственного имущества и др. Кроме того, уголовно наказуемыми предлагалось признать незаконный аборт, сводничество, заражение венерической болезнью, скупку заведомо краденного имущества.

Темпы разработки нового уголовного кодекса с позиции нынешнего времени можно оценить как очень форсированные, однако тогда они были признаны недопустимо медленными, за что НКЮ

[67] См.: Проект Народного комиссариата юстиции. УК РСФСР. М., 1922.

[68] См. подр.: *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 142.

[69] Проект кодекса до этого обсуждался на многих местных съездах работников юстиции (см.: Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 3. С. 245).

[70] См.: Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 5. С. 9.

[71] Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. 16–17. С. 15.

[72] Проект был опубликован отдельным изданием (см.: УК РСФСР. Проект НКЮ, измененный на основании работ IV съезда деятелей советской юстиции и поступивших в НКЮ отзывов и замечаний. М., 1922).

[73] См.: *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 146; *Дурманов Н.Д.* Первый советский уголовный кодекс. С. 29.

[74] См.: *Исаев М.М.* Указ. соч. С. 95.

[75] В основу этой нормы лег Декрет СНК УССР от 18.02.1918 г. «О наказуемости агитации, направленной к возбуждению национальной вражды».

подвергался критике со стороны руководителей партии и правительства[76].

Проект УК РСФСР широко и обстоятельно обсуждался на III сессии ВЦИК IX созыва 12–27 мая 1922 г.[77] Достаточно сказать, что ему были посвящены четыре пленарных заседания и три заседания комиссии, специально созданной для доработки кодекса[78]. С докладом выступил Д.И. Курский, который, акцентировал внимание делегатов на нескольких моментах. Во-первых, подчеркнул, что проект представляет собой обобщенный опыт предыдущего законотворчества, деятельности народных судов и революционных трибуналов. Роль уголовно-правовой науки докладчик оценил очень скромно, заявив, что были использованы работы теоретического характера, которые «в той или иной плоскости ставили вопросы уголовного права».

Во-вторых, Д.И. Курский, характеризуя положения проекта общей части уголовного кодекса, выделил материальное определение преступления. При этом отметил, что согласно кодексу борьба с преступлениями строится не на основе устрашения или возмездия, а на началах целесообразного обеспечения безопасности советской республики «от опасных для нее деяний».

В-третьих, докладчик обосновал целесообразность относительно определенных санкций. По его мнению, именно этим их видом «суду и дается возможность руководствоваться своим социалистическим правосознанием, которое, наряду с руководящим началом этого кодекса, и будет служить для него ориентировкой в вопросах уголовного права».

В-четвертых, Д.И. Курский подробно остановился на выборе видов наказания, особо выделив те из них, которые не предусматривались дореволюционным законодательством, например, исправительно-трудовые работы, и смертную казнь, не включенную в общий перечень видов наказаний из-за того, что она носит временный характер, применяется до ее отмены ВЦИК, назначается только по делам, находящимся в производстве военных трибуналов[79].

По результатам обсуждения в проект было внесено более 110 поправок, в основном относящихся к особенной части уголовного кодекса. После обсуждения уже дополненного проекта на пленарном заседании 22 мая 1922 г. он был еще раз существенно дополнен, а также уточнен ряд его положений. В частности, кардинально изменено определение контрреволюционного преступления, выделены конкретные виды таких преступлений, как, например, участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, не признающей равноправия пришедшей на смену капитализма коммунистической системы собственности, террористический акт и др.

24 мая 1922 г. на сессии состоялось постатейное голосование, проект был принят в целом и передан для окончательного редактирования Президиуму ВЦИК. Одновременно с этим было принято постановление ВЦИК «О введение в действие Уголовного кодекса РСФСР».

Уголовный кодекс РСФСР вступил в силу 1 июня 1922 г. В указанном постановлении ВЦИК говорится, что Уголовный кодекс преследует цели «ограждения Рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания»[80].

Согласно этому же постановлению закон не обладал обратной силой, применялся в отношении всех преступных деяний, уголовные дела по которым не были рассмотрены до введения Уголовного кодекса в действие.

В связи с принятием УК РСФСР потеряло силу абсолютное большинство уголовно-правовых норм, предусматривавших ответственность за деяния, признаваемые советской властью преступными.

Характеристика Уголовного кодекса. Архитектоника Общей части Кодекса достаточно проста, охватывает пять разделов: пределы действия Уголовного кодекса; общие начала применения наказания; определение меры наказания; роды и виды наказаний; порядок отбывания наказаний. Нетрудно заметить, что последний раздел является инородным в структуре Кодекса, поскольку содержит нормы, регулирующие порядок отбывания наказания. Вторая деталь – это то, что все институты уголовного права «растворены» в наказании. В какой-то степени такой подход напоминает сложившуюся практику в дореволюционной науке уголовного права, когда все исследования, учебники, конспекты лекций и другие компендиумы начинались с анализа института наказания. По сравнению с Руководящими началами, по сути, в законодательной технике сделан шаг назад; в отличие

[76] См., напр.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 166.

[77] Об обсуждении проекта уголовного кодекса подробно см.: *Герцензон А.А.* Из истории создания первого советского Уголовного кодекса // Сов. уголовное право. 1967. № 3. С. 92.

[78] См.: III сессия ВЦИК IX созыва (12–27 мая 1922 г.) // Бюллетень. 1922. № 3, 4, 8–10.

[79] См.: там же // Бюллетень. 1922. № 8. С. 23, 24.

[80] Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 116.

от Уголовного кодекса, наряду с наказанием в них выделялись институты преступления, стадий, соучастия, действия уголовного закона в пространстве (даны в такой последовательности).

Пределы действия Уголовного кодекса (разд. 1) регламентированы в целом традиционно. Как советские, так и иностранные граждане, в случае совершения преступления на территории РСФСР, подлежат ответственности в соответствии с нормами Уголовного кодекса. Кодекс подлежал применению и в том случае, если преступление было совершено за границей, при этом граждане несли ответственность независимо от характера совершенного преступления, а действия иностранных граждан наказывались по Уголовному кодексу РСФСР только в том случае, если они были направлены против основ государственного строя. Практически такое же условие ответственности иностранных граждан содержится и в ст. 12 УК РФ (в Уголовном кодексе РФ говорится об интересах Российской Федерации или ее граждан).

Действие по кругу лиц, в частности в отношении иностранных граждан, УК РСФСР ограничивает «иностранцами, если последние по своему дипломатическому положению не пользуются правом экстерриториальности» (ст. 1). Таким образом, делалось изъятие в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом. Кроме того, предусматривались ограничения действия уголовного закона по кругу лиц согласно особым договорам, заключенным РСФСР с отдельными государствами[81].

Понятие преступления дается в разд. II УК РСФСР, посвященном общим началам применения наказания. В этом случае, как представляется, в дихотомической связке «преступление – наказание» нарушена взаимосвязь явлений и понятий; как известно, наказание обусловлено преступлением, а не наоборот. Уголовный кодекс РСФСР преступление определяет несколько иначе, чем Руководящие начала[82]. «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК РСФСР). Как отмечал М.М. Исаев, благодаря влиянию Руководящих начал классовый характер советского уголовного права проявился и в Уголовном кодексе РСФСР, в частности, это видно из его установки на борьбу с классовыми врагами[83].

Признак общественной опасности отнесен не только к деянию, но и к личности виновного. «Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7 УК РСФСР). Указанная норма привела к расширению границ уголовной репрессии. Согласно ст. 49 УК РСФСР лица, признанные по связи с преступной средой данной местности социально опасными, по приговору суда могли быть лишены права пребывания в определенных местностях на срок до трех лет.

Сохранив материальную характеристику преступления, законодатель в дефиниции никак не упоминает его уголовную противоправность. В этом есть определенная логика: наличие последней и аналогия закона (ст. 10 УК РСФСР) взаимно исключают друг друга. Это обстоятельство некоторыми авторами упускается из виду[84].

Уголовный кодекс не содержит понятие вины, в уголовно-правовых нормах закреплены ее формы (умысел и неосторожность) и даны отдельные элементы умысла и неосторожности, которые как тогда, так и сейчас признаются научно обоснованными, в целом воспроизведены в Уголовном кодексе РФ.

К отсутствию упоминания в тексте закона вины ученые отнеслись по-разному. Одни видели в этом влияние социологической школы[85], другие – окончательный разрыв с буржуазным уголовным правом[86]. М.М. Гродзинский, оценивая подход законодателя, писал, что советский Уголовный кодекс, сохраняя понятия умысла и неосторожности, «нисколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля»[87].

---

[81] Институт уголовно-правовых иммунитетов находился на стадии становления, некоторым образом именно этим обстоятельством объясняются имеющиеся законодательные формулировки (см. подр.: *Герфанова Е.И.* Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019).

[82] Некоторые ученые считают, что между дефинициями преступления по Руководящим началам и УК РСФСР нет никаких различий, хотя при этом, например, А.Я. Эстрин сам же отмечает, что «Кодекс... с редакционной стороны улучшил определение...» (см.: *Эстрин А.* Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 23. С. 1).

[83] См.: *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. С. 89.

[84] См.: *Епифанцева Е.В., Недилько Ю.В.* Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес и закон. 2015. № 1. С. 10, 11.

[85] См., напр.: *Пионтковский А.А.* Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // Сов. право. 1923. № 3 (6). С. 33; *Немировский Э.* Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 4.

[86] См.: *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 92.

[87] *Гродзинский М.М.* Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник сов. юстиции. 1927. № 17. С. 585.

В современной литературе отмечается, что сейчас трудно понять первоосновы такого решения, в т.ч. и то, что было первичным: законодательное решение или научные позиции ученых тех лет. Вероятно, это был определенный симбиоз: легальная формулировка отражала уголовно-правовую мысль того времени и сама же обусловила соответствующий подход в науке к оценке вины[88]. Например, А.Н. Трайнин вину и виновность рассматривает не как социально-психологические категории, а как уголовно-правовые понятия с юридическим содержанием[89]. Эти и другие высказывания подобного рода были признаны ошибочными, обусловленными стремлением юристов видеть специфику советского уголовного права практически во всем и, конечно, в отказе от принципа вины. Характеризуя их, И.С. Ной писал, что с буржуазной концепцией вины и «злой воли» юристы-марксисты согласиться не могли, «научная же разработка основных положений только что возникшего советского уголовного права на базе марксизма лишь началась»[90].

Стадии совершения преступления определялись традиционно, выделялись приготовление и покушение. Их понятия в целом совпадают с современными трактовками выделяемых стадий, однако наказуемость предварительной преступной деятельности была специфичной. Так, в ст. 12 УК РСФСР говорилось, что «приготовление к преступлению карается лишь в том случае, если оно само по себе является наказуемым действием». Кроме того, приготовление к совершению преступления, в отличие от современного законодательства, судя по тексту закона, ограничивалось одной формой деяния.

Покушение на преступление каралось «как совершенное преступление, причем отсутствие или незначительность вредных последствий покушения могут быть приняты во внимание судом при определении меры наказания» (ст. 13 УК РСФСР).

Надо заметить, что в теории уголовного права в это время бытовало мнение, согласно которому выделение приготовления и покушения не имеет практического значения, поскольку как степень подготовленности преступления, так и близость наступления последствий подлежат свободной судебной оценке[91]. Эта позиция в том или ином виде продержалась до 50-х годов прошлого века[92].

При отказе от доведения преступления до конца на стадии покушения виновный наказывался за то «преступление, которое фактически им совершено» (ст. 14 УК РСФСР). Данный подход к оценке деяния сохранился и в действующем Уголовном кодексе РФ.

Соучастие в Уголовном кодексе не определялось, назывались лишь виды соучастников: исполнитель, подстрекатель и пособник (в перечне не упоминался организатор). Это, возможно, было обусловлено тем, что в советской литературе проблемы соучастия стали активно разрабатываться уже после принятия Уголовного кодекса 1922 г.[93]

В отличие от Руководящих начал УК РСФСР различал соучастие и прикосновенность к преступлению. В Особенной части Уголовного кодекса предусматривалась самостоятельная ответственность за попустительство, укрывательство и недоносительство[94]. Это обстоятельство исключило применение аналогии при юридической оценке недоносительства как пособничества.

Уголовный кодекс РСФСР оперировал двумя понятиями: наказание и меры социальной защиты, что привело к достаточно оживленным дискуссиям в научной среде. Определение этих понятий не дается, соотношение между ними установить достаточно сложно. Так, Г.В. Швеков полагал, что по смыслу ряда статей Уголовного кодекса наказание являлось разновидностью мер социальной защиты[95]. Для такого вывода есть некоторые основания. «К другим мерам социальной защиты, заменяющим по приговору суда наказание или следующим за ним, относятся...» (ст. 46 УК РСФСР). Указанные меры имеют единые цели: 1) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; 2) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; 3) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (ст. 8 УК РСФСР).

---

[88] См.: *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Указ. соч. С. 27.

[89] См.: *Трайнин А.Н.* Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 16.

[90] *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 16.

[91] См.: *Васильев-Южин М.В.* Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР. 1928. № 1; *Гедеонов И.И.* Приготовление и покушение по новейшим кодексам и по проектам // Право и жизнь. 1924. № 7–8; и др.

[92] В это время были защищены три кандидатские диссертации: *Лясс Н.В.* Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952; *Кузнецова Н.Ф.* Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953; *Тишкевич И.С.* Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953.

В 1955 г. вышла работа: *Дурманов Н.Д.* Стадии совершения преступления. М., 1955. Предложенные автором понятия приготовления к совершению преступления и покушения на совершение преступления нашли отражение в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

[93] См., напр.: *Эстрин А.Я.* О соучастии по Уголовному кодексу РСФСР // Сов. право. 1922. № 3.

[94] См.: *Сухоплюев И.* Наказуемо ли недоносительство? // Вестник сов. юстиции. 1923. № 2; и др.

[95] См.: *Швеков Г.В.* Указ. соч. С. 172.

Согласно ст. 32 УК РСФСР к видам наказания относились: 1) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; 2) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; 3) принудительные работы без содержания под стражей; 4) условное осуждение; 5) конфискация имущества (полная или частичная); 6) штраф; 7) поражение прав; 8) увольнение от должности; 9) общественное порицание; 10) возложение обязанности загладить вред. Иные меры социальной защиты предполагали помещение в учреждение для умственно или морально дефективных, принудительное лечение, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью либо промыслом, удаление из определенной местности.

При выборе меры наказания суды обязаны были учитывать степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления.

Особенная часть Уголовного кодекса РСФСР объединяет восемь глав, некоторые из них подразделялись на разделы: 1) государственные преступления (контрреволюционные преступления и преступления против порядка управления); 2) должностные (служебные) преступления; 3) нарушение правил отделения церкви от государства; 4) преступления хозяйственные; 5) преступления против жизни, здоровья свободы и достоинства личности (убийство, телесные повреждения и насилие над личностью, оставление в опасности, иные посягательства на личность и ее достоинство); 6) имущественные преступления; 7) воинские преступления; 8) нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок.

В трех главах даны видовые понятия соответствующих преступлений. Статья 57 УК РСФСР содержит определение контрреволюционного преступления. Таковым «признается всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и тому подобными средствами». Понятие контрреволюционного преступления было сформулировано лично В.И. Лениным в письме Д.И. Курскому[96].

Преступлением против порядка управления считалось деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, сопряженное с сопротивлением или неповиновением законам советской власти, с препятствием деятельности ее органов и иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти (ст. 74 УК РСФСР).

Согласно ст. 200 УК РСФСР специально воинскими преступлениями являются деяния военнослужащих Красной Армии и Красного Флота, направленные против установленного законом порядка несения военной службы и выполнения вооруженными силами республики своего назначения, и «притом такие именно, которые по своему характеру и значению не могут быть совершены гражданами, не состоящими на военной или морской службе».

В последующем в Уголовный кодекс РСФСР неоднократно вносились изменения и дополнения, все они, как правило, касались определенных деяний и их уголовно-правовых характеристик. И только постановлением 2-й сессии ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г. Кодекс был дополнен главой, содержащей пять разделов, нормы которой действовали отдельно только на территории следующих образований: автономной Киргизской ССР, автономной Туркестанской ССР, автономной Башкирской ССР, Ойратской автономной области и Адыгейской автономной области.

Значение Уголовного кодекса. Первый кодифицированный уголовно-правовой акт знаменовал собой не только определенный этап в становлении советского уголовного законодательства и науки уголовного права, обеспечившей в первую очередь разработку концептуальной основы Уголовного кодекса, но и сам явился катализатором дальнейшего развития уголовно-правовой мысли. После его принятия началась разработка ряда институтов уголовного права (соучастия, стадий и т.д.), подготовка Общих начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., ряда других важных нормативных правовых актов (например, Положения о воинских преступлениях 1924 г.) и т.д. Уголовный кодекс 1922 г. предопределил становление социалистического уголовного права не только в РСФСР, но и в других республиках СССР, на долгие годы определил основные направления развития советского уголовного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берман Я.* К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 39.
2. *Васильев-Южин М.В.* Приготовление и покушение на преступление // Вестник Верховного Суда СССР. 1928. № 1.

[96] См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190.

3. *Гедеонов И.И.* Приготовление и покушение по новейшим кодексам и по проектам // Право и жизнь. 1924. № 7–8.
4. *Герфанова Е.И.* Реализация юридических иммунитетов в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2019.
5. *Герцензон А.А.* Из истории создания первого советского Уголовного кодекса // Сов. уголовное право. 1967. № 3. С. 92.
6. *Герцензон А.А.* Уголовное право и социология. М., 1970. С. 221, 222.
7. *Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И.* Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015.
8. *Грингауз Ш.* К вопросу об уголовном праве и правотворчестве масс в 1917–1918 гг. // Сов. государство и право. 1940. № 3. С. 82.
9. *Гродзинский М.М.* Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник сов. юстиции. 1927. № 17. С. 585.
10. *Дурманов Н.Д.* Первый советский уголовный кодекс // Сов. государство и право. 1947. № 9. С. 29.
11. *Дурманов Н.Д.* Понятие преступления. М., 1948. С. 248.
12. *Дурманов Н.Д.* Стадии совершения преступления. М., 1955.
13. *Епифанцева Е.В., Недилько Ю.В.* Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес и закон. 2015. № 1. С. 10, 11.
14. *Исаев М.М.* Общая часть уголовного права РСФСР. Л., 1925. С. 83, 89, 95.
15. История советского уголовного права. М., 1947. С. 113.
16. История советского уголовного права 1917–1947 гг. М., 1948. С. 260, 267.
17. *Козловский М.Ю.* Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1. С. 27.
18. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 61.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1983. Т. 3. 1917–1922. С. 25.
20. *Крыленко Н.В.* Три проекта реформы Уголовного кодекса. Тезисы доклада. М., 1931. С. 8.
21. *Кузнецова Н.Ф.* Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953.
22. *Курский Д.И.* Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 30.
23. *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Курский Д.И. Избр. статьи и речи. М., 1948. С. 52.
24. *Курский Д.И.* Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. 1919. № 2 (12) – 4 (14). С. 23, 27, 28.
25. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 190; т. 54. С. 166.
26. *Лясс Н.В.* Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952.
27. Материалы Наркомата юстиции РСФСР. М., 1918. Вып. 1. С. 4; вып. 2. С. 35, 42, 43, 51; вып. 3. С. 10, 52; 1920. Вып. 7. С. 8; Пг., 1921. Вып. 11–12. С. 73, 74, 78, 81, 82; приложение. С. 2, 3; 1922. Вып. 16–17. С. 15, 22.
28. *Мишунин П.Г.* Очерки по истории советского уголовного права. 1917–1918 гг. М., 1954. С. 150.
29. *Немировский Э.* Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 4.
30. *Ной И.С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. С. 16.
31. *Пионтковский А.А.* Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // Сов. право. 1923. № 3 (6). С. 33.
32. Проект Народного комиссариата юстиции. УК РСФСР. М., 1922.
33. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 116.
34. Свобода России. М., 1918. С. 36, 38.
35. *Смирнов В.Г., Шаргородский М.Д.* Уголовное право // Сорок лет советского права. Л., 1957. Т. 1. С. 527, 532.
36. *Стучка П.И.* Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 3.
37. *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства. М., 1924. С. 98, 101.
38. *Сулейманов А.А.* Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.
39. *Сухоплюев И.* Наказуемо ли недоносительство? // Вестник сов. юстиции. 1923. № 2.
40. *Тишкевич И.С.* Понятие приготовления и покушения в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1953.
41. *Тоскина Г.Н.* Уголовное наказание в законодательстве РСФСР и СССР (1917–1926 гг.) / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2005.
42. *Трайнин А.Н.* Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 16.
43. Уголовное право. История юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1978. С. 14, 15.
44. УК РСФСР. Проект НКЮ, измененный на основании работ IV съезда деятелей советской юстиции и поступивших в НКЮ отзывов и замечаний. М., 1922.
45. *Утевский Б.С* Сорок лет развития советского уголовного законодательства // Вопросы советского социалистического права. М., 1958. С. 310.
46. *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. С. 92.
47. *Чистяков О.И.* Организация кодификационных работ в первые годы Советской власти (1917–1923) // Сов. государство и право. 1956. № 5. С. 11.
48. *Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.* Руководящие начала 1919 года как прообраз Общей части УК РСФСР 1922 года // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. 2019. № 4. С. 24. 27.
49. *Шаргородский М.Д.* Предмет и система уголовного права // Сов. государство и право. 1941. № 4. С. 42.
50. *Швеков Г.В.* Первый советский уголовный кодекс. М., 1970. С. 115, 119, 133, 142, 146. 172.

51. *Эстрин А.* Уголовный Кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Еженедельник сов. юстиции. 1922. № 23. С. 1.

52. *Эстрин А.Я.* О соучастии по Уголовному кодексу РСФСР // Сов. право. 1922. № 3.

REFERENCES

1. *Berman Ya.* On the question of the Criminal Code of the socialist State // The Proletarian Revolution and law. 1919. № 2 (12) – 4 (14). P. 39 (in Russ.).

2. *Vasiliev-Yuzhin M.V.* Preparation and attempted crime // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1928. No. 1 (in Russ.).

3. *Gedeonov I.I.* Preparation and attempt according to the latest codes and projects // Law and life. 1924. No. 7–8 (in Russ.).

4. *Gerfanova E.I.* Implementation of legal immunities in the Criminal Law of Russia: dis. ... PhD in Law. Kazan, 2019 (in Russ.).

5. *Herzenzon A.A.* From the history of the creation of the first Soviet Criminal Code // Soviet Criminal Law. 1967. No. 3. P. 92 (in Russ.).

6. *Herzenzon A.A.* Criminal Law and sociology. M., 1970. P. 221, 222 (in Russ.).

7. *Gracheva Yu. V., Malikov S.V., Chuchaev A.I.* Soviet Criminal Code (scientific commentary, text, comparative tables) / ed. by A.I. Chuchaev. M., 2015 (in Russ.).

8. *Gringauz Sh.* On the question of criminal law and the lawmaking of the masses in 1917–1918. // Soviet State and Law. 1940. No. 3. P. 82 (in Russ.).

9. *Grodzinsky M.M.* The New Criminal Code of the Ukrainian SSR. General part // Herald of the Soviets. justice. 1927. No. 17. P. 585 (in Russ.).

10. *Durmanov N.D.* The first Soviet Criminal Code // Soviet State and Law. 1947. No. 9. P. 29 (in Russ.).

11. *Durmanov N.D.* The concept of crime. M., 1948. P. 248 (in Russ.).

12. *Durmanov N.D.* The stages of committing a crime. M., 1955 (in Russ.).

13. *Epifantseva E.V., Nedilko Yu. V.* The concept of crime through the prism of interpretation of criminal law norms // Business and law. 2015. No. 1. P. 10, 11 (in Russ.).

14. *Isaev M.M.* The General part of the Criminal Law of the RSFSR. L., 1925. P. 83, 89, 95 (in Russ.).

15. History of Soviet Criminal Law. M., 1947. P. 113 (in Russ.).

16. History of Soviet Criminal Law 1917–1947. M., 1948. P. 260, 267 (in Russ.).

17. *Kozlovsky M. Yu.* Proletarian revolution and Criminal Law // The Proletarian Revolution and Criminal Law. 1918. No. 1. P. 27 (in Russ.).

18. *Konyakhin V.P.* Theoretical foundations of the construction of the General part of Russian Criminal Law. SPb., 2002. P. 61 (in Russ.).

19. CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee. M., 1983. Vol. 3. 1917–1922. P. 25 (in Russ.).

20. *Krylenko N.V.* Three draft reforms of the Criminal Code. Abstracts of the report. M., 1931. P. 8 (in Russ.).

21. *Kuznetsova N.F.* Responsibility for preparation and attempt under Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. M., 1953 (in Russ.).

22. *Kursky D.I. Selected* articles and speeches. M., 1948. P. 30 (in Russ.).

23. *Kursky D.I.* New Criminal Law // Kursky D.I. Selected articles and speeches. M., 1948. P. 52 (in Russ.).

24. *Kursky D.I.* New Criminal Law // The Proletarian Revolution and law. 1919. № 2 (12) – 4 (14). P. 23, 27, 28 (in Russ.).

25. *Lenin V.I.* The complete works. Vol. 45. P. 190; vol. 54. P. 166 (in Russ.).

26. *Lyass N.V.* Stages of criminal activity in Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. L., 1952 (in Russ.).

27. Materials of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR. M., 1918. Issue 1. P. 4; issue. 2. P. 35, 42, 43, 51; vol. 3. P. 10, 52; 1920. Issue 7. P. 8; Pg., 1921. Issue 11–12. P. 73, 74, 78, 81, 82; appendix. P. 2, 3; 1922. Issue 16–17. P. 15, 22 (in Russ.).

28. *Mishunin P.G.* Essays on the history of Soviet Criminal Law. 1917–1918. M., 1954. P. 150 (in Russ.).

29. *Nemirovsky E.* Dangerous state of personality and repression // Law and life. 1924. No. 1. P. 4 (in Russ.).

30. *Noy I.S.* Questions of the theory of punishment in Soviet Criminal Law. Saratov, 1962. P. 16 (in Russ.).

31. *Piontkovsky A.A.* Measures of social protection in the Criminal Code of the RSFSR // Soviet law. 1923. No. 3 (6). P. 33 (in Russ.).

32. Project of the People's Commissariat of Justice. The Criminal Code of the RSFSR. M., 1922 (in Russ.).

33. Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR. 1917–1952 / ed. by I.T. Golyakov. M., 1953. P. 116 (in Russ.).

34. Freedom of Russia. M., 1918. P. 36, 38 (in Russ.).

35. *Smirnov V.G., Shargorodsky M.D.* Criminal Law // Forty years of Soviet Law. L., 1957. Vol. 1. P. 527, 532 (in Russ.).

36. *Stuchka P.I.* Proletarian Revolution and Court // Proletarian Revolution and Law. 1918. No. 1. P. 3 (in Russ.).

37. *Stuchka P.I.* The revolutionary Role of Law and the state. M., 1924. P. 98, 101 (in Russ.).

38. *Suleymanov A.A.* The Criminal Code of the RSFSR of 1922: conceptual foundations and general characteristics: abstract ... PhD in Law. M., 2007. P. 16 (in Russ.).

39. *Sukhoplyuev I.* Is non-reporting punishable? // Herald of Sov. justice. 1923. No. 2 (in Russ.).

40. *Tishkevich I.S.* The concept of preparation and assassination in Soviet Criminal Law: abstract ... PhD in Law. Minsk, 1953 (in Russ.).

41. *Toskina G.N.* Criminal punishment in the legislation of the RSFSR and the USSR (1917–1926) / ed. by A.I. Chuchaev. Ulyanovsk, 2005 (in Russ.).

42. *Trainin A.N.* Etudes on Criminal Law. Guilt and guilt // Law and life. 1924. No. 1. P. 16 (in Russ.).

43. Criminal Law. History of legal science / res. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1978. P. 14, 15 (in Russ.).

44. Criminal Code of the RSFSR. The draft of the NKYU, modified on the basis of the works of the IV Congress of Figures of Soviet Justice and the feedback and comments received by the NKYU. M., 1922 (in Russ.).

45. *Utevsky B.* With Forty years of development of Soviet criminal legislation // Questions of Soviet Socialist Law. M., 1958. P. 310 (in Russ.).

46. *Cheltsov-Bebutov M.A.* Crime and punishment in history and in Soviet law. Kharkov, 1925. P. 92 (in Russ.).

47. *Chistyakov O.I.* Organization of codification works in the first years of Soviet power (1917–1923) // Soviet State and Law. 1956. No. 5. P. 11 (in Russ.).

48. *Chuchaev A.I., Gracheva Yu. V., Malikov S.V.* The guiding principles of the beginning of 1919 as a prototype of the General part of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 // Legal Herald of the Kuban State University. 2019. No. 4. P. 24. 27 (in Russ.).

49. *Shargorodsky M.D.* The subject and the system of Criminal Law // Soviet State and Law. 1941. No. 4. P. 42 (in Russ.).

50. *Shvekov G.V.* The first Soviet Criminal Code. M., 1970. P. 115, 119, 133, 142, 146. 172 (in Russ.).

51. *Estrin A.* The Criminal Code and "Guiding principles on Criminal Law of the RSFSR" // Weekly Sov. justice. 1922. No. 23. P. 1 (in Russ.).

52. *Estrin A. Ya.* On complicity under the Criminal Code of the RSFSR // Soviet law. 1922. No. 3 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧУЧАЕВ Александр Иванович –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHUCHAEV Alexander I. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 168–175
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 168–175

ЭМИССИОННОЕ ПРАВО В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО ПРАВА И ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА С.Ю. ВИТТЕ В 1895–1897 гг.

© 2022 г. К. С. Бельский

Российский государственный университет правосудия, г. Москва

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Поступила в редакцию 07.07.2021 г.

Аннотация. В статье анализируется эмиссионное право как право «открытое» и представляющее собой, с одной стороны, важный правовой институт (подотрасль) финансового права; с другой – как право, преобразовавшее Государственный банк в эмиссионный банк и позволившее провести денежную реформу 1895–1897 гг.

Ключевые слова: эмиссия, эмиссионная система, эмиссионный банк, денежная реформа, денежный рынок, денежное обращение.

Цитирование: *Бельский К.С.* Эмиссионное право в системе финансового права и денежная реформа С.Ю. Витте в 1895–1897 гг. // Государство и право. 2022. № 6. С. 168–175.

DOI: 10.31857/S102694520020482-1

ISSUE LAW IN THE SYSTEM OF FINANCIAL LAW AND MONETARY REFORM BY S. YU. WITTE IN 1895–1897

© 2022 K. S. Belsky

Russian State University of Justice, Moscow

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Received 07.07.2021

Abstract. The article analyzes the issue law as an “open” law and, on the one hand, an important legal institution (sub-branch) of Financial Law; on the other hand, as the law that transformed the State Bank into an issue bank and allowed for the monetary reform of 1895–1897.

Key words: emission, emission system, emission bank, monetary reform, money market, money circulation.

For citation: *Belsky, K.S. (2022).* Issue Law in the system of Financial Law and monetary reform by S. Yu. Witte in 1895–1897 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 168–175.

«Я совершил денежную реформу так,
что население России
совсем не заметило ее, будто ничего
не было... И ни единой жалобы!»
С.Ю. Витте[1]

Эмиссионное право – первый цивилизованный институт финансового права. Древние корни денежного обращения, по мнению историков, уходят в обменные процессы, которые начались в человеческом обществе около 150 тыс. лет назад, когда оно находилось на стадии первобытного общества. Вследствие повышения производительности труда появляются излишки как в области продуктов питания (рыба, птица), так и в изготовлении технических предметов (сети, корзины, копья). С ростом производительности и благодаря мышлению в обмен постепенно входит новый его элемент – понятие стоимости, глубоко преображающее обменный процесс, т.к. обменивающиеся стороны сравнивают обмениваемые предметы (оружие, скот, меха) с точки зрения их ценности или величины затрат на них.

Первобытные деньги или протоденьги, в роли которых выступали меха, лошади, быки, раковины

[1] См.: *Витте С.Ю.* Избр. воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 148.

и другие предметы, являлись крайне неудобными для людей в обменном процессе: их было затруднительно хранить, обменивать, транспортировать. Системе первобытных денег соответствовали, особенно в исторически ранних государствах Древней Руси (Киевское государство времен Олега и Игоря), несовершенные правовые регуляторы, какими были нормы-обычаи или нормы первых княжеских уставов. Эти нормы не всегда ясно были сформулированы и понятны. В русской истории известен «казус князя Игоря»: недовольный взятой им данью с племен древлян князь возвратился к ним снова с требованием дополнительной дани, за что был убит. Трудно сказать, за что был убит Игорь: потому ли, что был алчным, или потому, что налоговые нормы были двусмысленно сформулированы.

Дальнейшая эволюция обменного процесса приводит к появлению в обмене медных, серебряных и золотых слитков: они обладали отличными денежными качествами, а их стоимость (цена) зависела от веса. Следующий шаг в обмене – это изобретение монеты из уже названных металлов. Впервые монетное обращение появляется в странах Западной Европы в районах Средиземноморья, затем в Восточной Европе в XI–XII вв. в процессе образования Древнерусского государства: сначала в Новгороде, затем в Киеве, позже, в XIII–XV вв., в Москве.

С помощью византийских советников при денежных дворах разрабатываются уставы с правилами изготовления монет, которые предусматривали их форму, вид металла, вес, платежную способность, изображение на каждой стороне монеты, организацию денежного обращения. Эти правила определяют порядок выпуска денег, а поэтому их правильно называют нормами эмиссионного права (лат. *emission* – выпуск). Благодаря стоимости (цене), обозначенной на металле, и нормам эмиссионного права в XI–XII вв. в Древнерусском государстве появились цивилизованные деньги – величайшее изобретение человеческого разума, которому можно дать следующее определение в соответствии с временем: деньги – это синтез двух элементов, которые представляют (1) вещественные (металлические) знаки и (2) нормы эмиссионного права, определяющие их форму (монеты), вес, изображения на обеих сторонах, стоимость с использованием числовой системы.

Если Русское государство Рюриковичей на самых ранних ступенях развития (IX–X вв.) было, по существу, сторонним наблюдателем за экономическими процессами, осуществлявшимися посредством первобытных обменных эквивалентов (меха, скот), то с появлением в качестве денег металла, особенно из серебра и золота, государство, будучи хозяйствующим субъектом, берет проблему выпуска денежных знаков и организации денежного обращения на себя, причем появившаяся письменность и числовая система приходят к нему на помощь в этом деле. Путем принятия эмиссионных законодательных актов государство закрепляет монополию на ведение денежного дела и управление им. Оно вносит порядок в производство денежных знаков и организацию денежного обращения, создает монетные дворы, как это было в государствах Древнего Востока, Средиземноморья, Византийском государстве.

Эмиссионная деятельность как особый вид финансовой деятельности государства. Если в системе финансового права каждой подотрасли соответствует ее исполнительная деятельность, то эмиссионному праву, можно полагать, соответствует ее эмиссионная деятельность. Действительно, эмиссионное право, как показывает название, есть совокупность юридических норм, которые регламентируют эмиссионную деятельность государства, направленную на выпуск в обращение денег и организацию денежного обращения в стране. Но что собой представляет денежное обращение?

Для настоящего времени – это движение денег в наличной и безналичной формах, обслуживающее обращение товаров в универмагах, универсамах, на ярмарках, в кафе и ресторанах. Иными словами, денежное обращение сводится прежде всего к купле-продаже, а возникающие в связи с этим общественные отношения регулируются в первую очередь нормами гражданского права. В гл. 30 «Купля-продажа» ГК РФ (ст. 454) читаем: «По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определённую денежную сумму (цену)». Но данная передача товара одной стороны другой корректируется эмиссионным правом, в частности ст. 493 ГК РФ: «договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового или товарного чека или иного документа, подтверждающего оплату товара». Это не гражданско-правовая, а эмиссионно-правовая норма, содержащаяся в Гражданском кодексе РФ и корректирующая денежное обращение, делающая его организованным.

Но как без денежного обращения невозможно представить современную жизнь, так и жизнь 500–800 лет назад в Древнерусском государстве. Вот как историк В.О. Ключевский описывает денежное обращение в Древнем Киеве в XI–XII вв.: «Денежные знаки обращались в изобилии. Не говоря о серебре, в обороте было много гривен золота, слитков весом в греческую литру (72 золотника)... Нужно было иметь в распоряжении много

свободных богатств, чтобы построить из такого дорогого материала и с такой художественной роскошью храм, подобный киевскому Софийскому собору Ярослава»[2].

К сожалению, денежное обращение прошедших столетий имело серьёзный недостаток: оно не было организованным. Исторический опыт показывал и показывает, что денежное обращение как реальное явление болезненно и капризно. Оно не может быть стихийным и оставаться без контроля со стороны государства. В выпуске денег и в денежном обращении могут быть серьезные неполадки, обусловленные разными факторами. Может иметь место подделка денег. Деньги становятся ветхими и их необходимо изымать из обращения. В период ведения войны государство может выпускать в обращение денег больше, чем нужно, что приводит к инфляции.

Тем не менее в течение многих столетий со времени изобретения денег государство находилось в стороне от текущего денежного обращения, если не считать его постоянной борьбы с фальшивомонетчиками. По этой причине денежное обращение работало стихийно, будучи неупорядоченным, подверженным разного рода кризисам: ослаблению денежной системы, инфляционным процессам и т.д. Нередко как правительства Западной Европы, так и русские цари прибегали к финансовым уловкам для увеличения доходов, что оказывало отрицательное воздействие на денежное обращение. Так, поиски «государевой прибыли» привели московских финансистов в правление царя Алексея Михайловича в 1654 г. к выпуску медной монеты, которая должна была обращаться одновременно с серебряной и иметь с ней одинаковый курс. Доходы казны первое время росли, но столь же стремительно поднимались цены на рынке, особенно на хлеб. Цена медных денег в 1663 г. уменьшилась в 12–15 раз. Подобное денежное обращение привело к Медному бунту[3].

Первые зачатки идей об эмиссионной деятельности, корректирующей и оздоровляющей денежное обращение, появляются в работах английских финансистов в XVI–XVII вв. Указывая на роль государства в организации денежного обращения, известный английский ученый-финансист В. Петти (XVII в.) писал, открывая один из законов денежного обращения: «Ибо деньги – это только жир политического тела, избыток которого столь же часто мешает его активности, как часто недостаток влечет за собой болезнь»[4].

Только в XVIII–XIX вв. политики и практики-финансисты в государствах Западной Европы начинают путем планомерного использования эмиссионных рычагов регулировать возникающие в области денежного обращения диспропорции и кризисы. Если традиционно банковское дело заключалось в собирании, хранении и предоставлении в пользование лицам и организациям денежных средств под проценты, т.е. в торговле денежным капиталом, то для организации правильного денежного обращения создаются специальные эмиссионные банки – шведский, английский и др., которые позже, в XIX–XX вв., получат названия «центральных», «государственных», «национальных». Эти банки выполняли две основные функции: эмиссионную и коммерческую. Первая удовлетворяла потребностям страны в денежных знаках и регулировала денежное обращение; вторая имела дело с хозяйственными операциями и в этом отношении выполняла те же задачи, какие выполнял любой коммерческий банк. Однако коммерческие операции являлись вторичными и должны были рассматриваться под углом их соответствия эмиссионной деятельности центрального банка. В XVIII–XIX вв. самым известным эмиссионным банком являлся английский, эмиссионная деятельность которого регулировалась знаменитым банковским актом Роберта Пиля, принятого английским парламентом в 1844 г. и послужившего образцом для подражания во многих странах, в т.ч. в России при проведении денежной реформы Витте в 1895–1897 гг.[5]

Эмиссионная деятельность есть особый вид финансовой деятельности государства, который первичен и предшествует всем другим видам: налоговой, бюджетной, банковской, финансово-контрольной и т.д. На эмиссионное право и эмиссионную деятельность в Западной Европе обратили внимание поздно, не ранее XVI–XVII вв. Еще позднее на этот вид деятельности обратили внимание ученые-финансисты и финансисты-практики в России. Оглядывая многоэтажный жилой дом, человек в силу обстоятельств обращает свое внимание на этажи и балконы; только после этого он подумает о фундаменте, на котором это сооружение стоит. Эта метафора, возможно, поможет понять эмиссионное право как подотрасль, на которой стоят и поднимаются вверх другие подотрасли, образующие систему финансового права.

Развитие эмиссионного права в России во второй половине XIX – начале XX в. Крымская война, которую вела Россия в 50-е годы XIX в., расстроила денежное обращение в стране. Так получилось, что Россия вступила в полосу реформ буржуазного характера с неразменным бумажноденежным обращением. Бумажный рубль не разменивался на серебряный рубль. Устранить колебания рубля, что

[2] *Ключевский В.О.* Соч. М., 1956. Т. 1. С. 273.

[3] См.: История СССР: в 12 т. М., 1967. Т. 3. С. 48, 49.

[4] *Петти В.* Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 85.

[5] См.: *Бернацкий М.В.* Русский Государственный Банк как учреждение эмиссионное. СПб., 1913. С. 13.

крайне отрицательно отражалось на денежном обращении, можно было путем проведения денежной реформы, похожей на денежную реформу Канкрина. Ее результатом являлась возможность свободно обменивать бумажный рубль (кредитный билет) на рубль серебряный. Новая денежная реформа должна была заменить серебро на золото. Дело в том, что крупные европейские страны перестроили свои денежные системы, положив в основу денежных единиц золото, а серебро используя только для чеканки из него разменной монеты.

Необходимость проведения денежной реформы стала особенно острой во время и после русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда правительство выпустило значительное количество бумажных денег, вследствие чего курс рубля сильно упал. Однако царское правительство Александра II придавало особое значение денежному обращению и стабилизации валюты. Император хорошо помнил успешную реформу министра финансов Канкрина в правление его отца. Вместе с тем Александр II не соглашался с подходом Канкрина к банковской системе, полагал, что ее деятельность способствует нормальному денежному обращению. Поэтому в 1862 г. на Комитет финансов была возложена обязанность рассматривать вопросы, связанные с денежным обращением и проведением новой денежной реформы. В правительстве Александра II отлично понимали, что догоняя финансово-экономически Западную Европу и Америку, планируемая денежная реформа также должна сделать основой денежного рубля золото, причем бумажный рубль мог бы свободно обмениваться на золотой металлический рубль. Такая реформа способствовала бы здоровому денежному обращению.

Денежной реформе мешали два фактора – отсутствие в стране банков и недостаток в казне золота. За год до отмены крепостного права в 1861 г. казенные банки были упразднены. Был учрежден Государственный банк, Устав которого был утвержден 31 мая 1860 г. Банк правом эмиссии не обладал, но некоторые эмиссионные права у него были: он наблюдал за денежным обращением, мог обменивать за счет государственного казначейства ветхие деньги на новые, обменивать крупные деньги на мелкие и обратно, осуществлять прием монеты и драгоценных слитков с выдачей за них кредитных билетов, оказывать помощь частным коммерческим банкам, способствовать развитию финансового рынка. Государственный банк не был эмиссионным банком, он не выпускал денежные знаки, но в его Уставе содержались нормы эмиссионного права, касавшиеся денежного обращения.

В 1863–1873 гг. возникло большинство частных коммерческих банков с правлениями в Петербурге, Москве и других торгово-промышленных губернских городах, а для банковских операций были открыты по всей России свои отделения. В 1882 г. был открыт Крестьянский поземельный банк, а в 1885 г. – Дворянский банк. Кроме того, на местах быстро росли общества взаимного кредита. Это свидетельствовало о возникновении в России финансового рынка. Данный аспект, естественно, способствовал укреплению денежного обращения, а он был недостаточен без восстановления размена кредитного (бумажного) рубля на металлическую монету, но это требовало от правительства, точнее – его министра финансов особых усилий.

Прежде всего необходимо было накопить большое количество золота, что позволило бы приступить к проведению денежной реформы и устранить колебания курса рубля. Эффективное, даже блестящее управление финансами Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте, в период правления которых экспорт товаров превышал их импорт, позволили расширить государственные запасы золота. Золотой запас Государственного банка в 1885–1897 гг. был увеличен до 800 млн руб. Кроме того, денежной реформе предшествует принятие 6 июня 1894 г. нового Устава Государственного банка, который становится эмиссионным банком, выпускающим денежные знаки.

Государственный банк как эмиссионный институт и проведение денежной реформы в 1895–1897 гг. Достаточный запас золота, накопленный Государственным банком, и его преобразование в эмиссионный банк позволили Министру финансов Российской Империи С.Ю. Витте провести в 1895–1897 гг. денежную реформу. По новому Уставу Русский Государственный банк становился учреждением эмиссионным. В ст. 1 гл. 1 Устава читаем: «Государственный банк имеет целью облегчение денежных оборотов, содействие посредством краткосрочного кредита отечественной торговле, промышленности и сельскому хозяйству, а также упрочение денежной кредитной системы»[6].

В эмиссионном банке различают два вида деятельности – эмиссионную и коммерческую. Первый вид деятельности – это обязанности банка удовлетворять потребности страны в денежных знаках: выпускать их и контролировать денежное обращение, корректируя и делая его нормальным. Вместе с тем ученый-финансист М.В. Бернацкий полагал, что «строгое разделение упомянутых операций логически неправильно вследствие того, что эмиссионный банк выпускает денежные знаки прежде всего именно для коммерческих операций граждан страны, а также – для собственных коммерческих операций».

[6] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. 1894. Т. 6. № 10767.

М.В. Бернацкий, называя эмиссионный банк эмиссионным институтом, писал: «Поведение центрального кредитного института, снабжающего рынок денежными знаками, должно быть иным, в сравнение с работой обычных кредитных посредников крупного и малого масштаба. Стало быть, прежде всего эмиссионное право возлагает на Государственный банк обязанности, отличающие его от других кредитных учреждений и долженствующие быть особо изучаемы с точки зрения интересов денежного обращения страны»[7].

Достаточный запас золота и преобразование Государственного банка в эмиссионный позволили Министру финансов С.Ю. Витте провести денежную реформу в несколько этапов путем введения свободного размена кредитных (бумажных) билетов на золото, точнее – золотые монеты. Витте положил начало денежной реформы, издав Указ от 3 января 1897 г., в котором извещал население страны «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет»[8]. Указ от 29 августа 1897 г. предписывал, что государственные кредитные билеты (бумажные деньги) выпускаются «под обеспечение золотом»[9]. В Указе от 14 ноября 1897 г. предписывалось, что «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы»[10].

19 июня 1899 г. императором Николаем II был утверждён Монетный устав, завершивший денежную реформу Министра финансов С.Ю. Витте, в результате которой совершился переход к полной золотой конвертируемости русского рубля. В ст. 3 Устава говорилось: «Российская монетная система основана на золоте. Государственная монетная единица есть рубль, содержащий 17,424 долей чистого золота...».

Монетный устав 1899 г. объединил все законоположения денежной реформы 1895–1897 гг., которая привела к ликвидации серебряного рубля как основной денежной единицы Российской Империи. С 29 августа 1897 г. до 1915 г. по Указу об эмиссионных операциях Госбанка, получившего право выпуска банкнот, обеспеченных золотом, серебряный рубль превратился в физическое платежное средство, прикрепленное к новой денежной единице – золотому рублю.

В результате проведения денежной реформы С.Ю. Витте изменилась структура денежного обращения страны, Россия на период до 1914 г. получила устойчивую валюту, обеспеченную золотом. Денежная реформа укрепила не только внутренний, но также и внешний курс рубля, улучшила инвестиционный климат в стране, способствовала привлечению в экономику отечественных и иностранных капиталов.

С.Ю. Витте провел денежную реформу не только успешно, но даже блестяще. Реформа была положительно встречена всеми классами населения, т.к. она не отразилась на ценах товаров[11]. Сам Витте оценивал реформу следующим образом: «Я совершил денежную реформу так, что население России совсем не заметило ее, будто ничего не было... И ни единой жалобы! Ни единого недоразумения со стороны людей»[12].

Установление твердой валюты, способствовавшей оздоровлению денежного обращения, отвечало интересам всего населения страны. Заметим, что в 90-е годы XIX в. в России начинается бурный рост промышленности, в котором приняли активное участие частные банки путем кредитования и финансирования этого процесса. Укажем еще на один финансовый институт, который возник и начал развиваться благодаря денежной реформе Витте 1895–1897 гг. – институт финансового рынка. В отличие от других основных правовых институтов финансового права, которые формировались в России с периода возникновения новгородской и киевской государственности, финансовый рынок как публично-правовой институт, т.е. как элемент системы финансового права, начал развиваться на рубеже XIX–XX вв., в эпоху, когда министрами финансов были Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте. Названные государственные деятели не только оздоровили денежное обращение, но и способствовали образованию параллельного денежного обращения – где «продаваемым» товаром были деньги. Спрос на ссудный капитал, т.е. заемные деньги, предъявляется промышленниками, купцами, зажиточными крестьянами. Денежные средства могли предлагать Государственный банк, частные банки, Дворянский и Крестьянский банки, страховые компании, кредитные товарищества. Таким образом, основными участниками денежного рынка, складывавшегося в России в последней четверти XIX в. и в первом десятилетии XX в., были в основном банки и кредитные товарищества, предлагавшие деньги под проценты, и с другой стороны, – хозяйствующие субъекты, нуждавшиеся в заемных деньгах.

Денежное обращение и денежный рынок были тесно связаны. У них была единая стартовая площадка, на которой работал эмиссионный банк,

[7] *Бернацкий М.В.* Указ. соч. С. 2.

[8] См.: ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 7. 1897. № 13611. СПб., 1900.

[9] См.: там же.

[10] См.: там же.

[11] См.: *Яцунский В.К.* Торговля, денежное обращение и кредит в 80–90 гг. XIX века // История СССР: в 12 т. М., 1968. Т. 5. С. 323.

[12] *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 148.

выпускавший денежные знаки на основе норм эмиссионного права для каналов как денежного обращения, так и денежного рынка. Оба института – и денежное обращение, и денежный рынок – работали в тесном переплетении. Денежный рынок в дореволюционной России на рубеже XIX–XX вв. весьма эффективно выполнял прежде всего инвестиционную функцию. На деньги, «продаваемые» на этом рынке, железнодорожные компании развернули масштабное железнодорожное строительство, которое соединило центр Российской Империи с Сибирью и Дальним Востоком, Средней Азией, Кавказом и Причерноморьем. Спрос на денежные средства на финансовом рынке предъявляло также царское правительство для финансирования своих расходов на военные нужды и для покрытия бюджетного дефицита.

Нормы эмиссионного права: теоретические аспекты. Денежная реформа Канкрина в правление Николая I и денежная реформа Витте в правление Николая II сопоставимы и похожи по целям и причинам их проведения. Но обе реформы сильно отличаются друг от друга. Реформа Витте была подготовлена более обдумано: она учитывала фактор норм эмиссионного права, роль частных коммерческих банков, поставив их под контроль Министерства финансов Российской Империи и Государственного банка; трансформировала Государственный банк в банк эмиссионный, разделив его деятельность на два вида: эмиссионную, направленную на выпуск денежных знаков, и организационную, связанную с денежным обращением и денежным рынком, а также контролем за этими каналами.

Нормы эмиссионного права обеспечивали организационно проведение денежной реформы Канкрина в правление Николая I, но они составляли содержание манифестов и не были видны обществу. В основу денежной реформы были положены три Указа Министра финансов С.Ю. Витте, которые по форме являлись эмиссионными законами. Например, Указ от 29 августа 1897 г. предписывал, что государственные кредитные билеты выпускаются «под обеспечение золотом». По Указу от 14 ноября 1897 г. «Государственный банк разменивает кредитные билеты на золотую монету без ограничения суммы». Приведем пример правовой нормы из Монетного устава. Статья 21 сообщает золотой монете характер законного платежного средства: «Полноценная золотая монета обязательна к приему во всех платежах на неограниченную сумму». Приведенные правовые нормы представляли собой классические нормы эмиссионного права.

Явление эмиссионного права науке финансового права. Теоретические аспекты. Денежные реформы в России начались с XVI в. Первой являлась денежная реформа царицы Елены Глинской в 1533–1535 гг., затем проводились денежные реформы в правление Петра I, Екатерины II, Николая I (проводил Е.Ф. Канкрин), Николая II – блистательная денежная реформа С.Ю. Витте. Но на что следует обратить внимание, сравнивая их?

Все денежные реформы осуществляются с помощью и на базе норм эмиссионного права, но они в отличие от норм, регулирующих налоги, бюджет, финансовый контроль, не замечаемы ни юридически, ни политически. Об этих нормах не говорится даже в «Плане финансов» М.М. Сперанского[13], хотя в этой работе уже заметны контуры системы финансового права, формирующейся в России. Нормы эмиссионного права работают, двигают финансы страны вперед, но в туннеле и выходят на открытую дорогу в период управления финансами С.Ю. Витте. В этот период Государственный банк становится эмиссионным банком, осуществляется денежная реформа с ее переходом к золотому монометаллизму, завершается становление денежной системы России. Нормы эмиссионного права не только открыто регулируют денежные отношения, но постепенно становятся предметом научного исследования. И действительно, сначала законодатель, имея в виду практические задачи, формулирует правовые нормы, позже они становятся предметом теоретического осмысления. По мнению проф. С.С. Алексеева, исследование правовых норм «лишь тогда приводит к формированию особой науки, когда они нашли выражение в специфических научных понятиях, идеях, теоретических конструкциях, классификациях, которые отражают особенности данного предмета изучения, представляют собой целостный, скоординированный во всех своих частях понятийный аппарат науки»[14].

На рубеже XIX–XX вв., особенно после проведения денежной реформы 1895–1897 гг., выходят статьи и монографии, в которых исследуются вопросы денежного обращения, деятельности Государственного банка как банка эмиссионного и коммерческого, разрабатываются общетеоретические вопросы содержания и сущности эмиссионных операций. В одной из своих статей Н.Х. Бунге обосновывает важное в науке финансового права понятие «денежная система»; М.П. Кашкаров глубоко анализирует понятие «денежное обращение» в двухтомной монографии[15]; блестящую статью о политической экономии и бухгалтерии

[13] См.: *Сперанский М.М.* План финансов / под ред. А.Н. Козырина; сот. А.А. Ялбулганов. М., 1998.

[14] *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 12.

[15] См.: *Кашкаров М.П.* Денежное обращение в России: в 2 т. СПб., 1898.

помещает в журнале «Русская мысль» П.Б. Струве[16]. Интересную работу о Государственном банке как банке эмиссионном публикует М.В. Бернацкий, где, пожалуй, впервые читатель встречает понятие «эмиссионное право»[17]. Автор прямо говорит, не раскрывая его полностью, что это понятие пришло в Россию в конце XIX в., т.е. тогда, когда Государственный банк стал эмиссионным. М.В. Бернацкий также использует в своей работе понятия «русский эмиссионный закон», «орудие обращения», «эмиссионная деятельность», «денежное обращение», «деньги», «денежная система», «система эмиссионного права», «деятельность эмиссионного банка». Уже эта начальная группа понятий складывается в некоторый понятийный аппарат, способный организовать нормы эмиссионного права в отрасль. Кроме того, преобразование Государственного банка, согласно принятому в 1894 г. о нем Уставу, в эмиссионный банк, а также открытый выход в процессе проведенной С.Ю. Витте денежной реформы на юридическую сцену значительного числа норм эмиссионного права позволяют говорить о том, что в России на рубеже XIX–XX вв. сформировалась полноценная денежная система, не уступающая по своим качествам западноевропейским аналогам.

Элементы денежной системы. Российская денежная система есть исторически сложившаяся на рубеже XIX–XX вв. форма эмиссии денежных знаков и организации денежного обращения в данной стране, закрепленная нормами эмиссионного права. К элементам денежной системы относятся: денежная единица – золотой металлический рубль, на который свободно обменивается кредитный (бумажный) рубль; виды денежных знаков, являющиеся законным платежным средством; эмитент – Государственный банк, осуществляющий функции эмиссионного банка; порядок эмиссии денег, т.е. изготовление каждого денежного знака из особого материала; нормы эмиссионного права, закрепляющие на каждом денежном знаке посредством цифровой системы и авторитета государства меру стоимости, что создает условия для приобретения товаров и услуг по их цене. Эту денежную систему разрабатывали самые выдающиеся финансисты в истории России. Правда, функционировала она недолго.

Эпилог. Золотая валюта обеспечивала денежное обращение в России до Первой мировой войны, когда размен кредитных билетов на золото был прекращен[18]. Основным источником пополнения государственного бюджета в годы Первой мировой войны являлась бумажноденежная эмиссия. Общая сумма бумажных денег, находившихся в обращении, возросла с 1.5 млрд руб. в 1913 г. до 10 млрд руб. накануне Февральской революции 1917 г.

Началось быстрое падение курса бумажного рубля. Эмиссия бумажных денег, которую проводило Временное правительство Керенского, привела к дороговизне товаров, особенно продовольственных, что вызывало недовольство широких масс населения. Эмиссия не прекращалась, причем с августа 1917 г. стали выпускать кредитные билеты упрощенного образца, с сентября 1917 г. – казначейские знаки в 20 и 40 руб. без подписи и номера, получившие название «керенки». Этот финансовый хаос продолжился при большевиках, захвативших власть в октябре 1917 г. Страна в финансовом отношении подошла к пропасти[19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 12.
2. *Бернацкий М.В.* Русский Государственный Банк как учреждение эмиссионное. СПб., 1913. С. 2, 13.
3. *Витте С.Ю.* Избр. воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 148.
4. История СССР: в 12 т. М., 1967. Т. 3. С. 48, 49.
5. *Кашкаров М.П.* Денежное обращение в России: в 2 т. СПб., 1898.
6. *Ключевский В.О.* Соч. М., 1956. Т. 1. С. 273.
7. *Петти В.* Экономические и статистические работы. М., 1940. С. 85.
8. Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков: в 16 т. М., 1974. Т. 15. С. 138, 139.
9. *Сперанский М.М.* План финансов / под ред. А.Н. Козырина; сот. А.А. Ялбулганов. М., 1998.
10. *Струве П.Б.* Политическая экономия и бухгалтерия // Русская мысль. 1913. № 11.
11. *Яцунский В.К.* Торговля, денежное обращение и кредит в 80–90 гг. XIX века // История СССР: в 12 т. М., 1968. Т. 5. С. 323.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* General Theory of Law. M., 1981. Vol. 1. P. 12 (in Russ.).
2. *Bernatsky M.V.* Russian State Bank as an issuing institution. SPb., 1913. P. 2, 13 (in Russ.).
3. *Witte S. Yu.* Elected memoirs, 1849–1911. M., 1991. P. 148 (in Russ.).
4. History of the USSR: in 12 vols. M., 1967. Vol. 3. P. 48, 49 (in Russ.).

[16] См.: *Струве П.Б.* Политическая экономия и бухгалтерия // Русская мысль. 1913. № 11.

[17] *Бернацкий М.В.* Указ. соч.

[18] См.: Советская историческая энциклопедия / гл. ред. Е.М. Жуков: в 16 т. М., 1974. Т. 15. С. 138, 139.

[19] См.: там же.

5. *Kashkarov M.P.* Monetary circulation in Russia: in 2 vols. SPb., 1898 (in Russ.).
6. *Klyuchevsky V.O.* Essays. M., 1956. Vol. 1. P. 273 (in Russ.).
7. *Petty V.* Economic and statistical works. M., 1940. P. 85 (in Russ.).
8. Soviet Historical Encyclopedia / editor-in-chief E.M. Zhukov: in 16 vols. M., 1974. Vol. 15. P. 138, 139 (in Russ.).
9. *Speransky M.M.* Plan of finance / ed. by A.N. Kozyrin; the compiler A.A. Yalbulganov. M., 1998 (in Russ.).
10. *Struve P.B.* Political economy and accounting // Russian Thought. 1913. No. 11 (in Russ.).
11. *Yatsunsky V.K.* Trade, money circulation and credit in the 80–90 years of the XIX century // The History of the USSR: in 12 vols. M., 1968. Vol. 5. P. 323 (in Russ.).

Сведения об авторе

БЕЛЬСКИЙ Константин Степанович –
доктор юридических наук, профессор,
профессор Российского государственного
университета правосудия; 117418 г. Москва,
ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BELSKY Konstantin S. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian
State University of Justice;
69 Novocheremushkinskaya str.,
117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 176–179
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 176–179

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© 2022 г. В. Н. Коваль

Севастопольский государственный университет

E-mail: v.n.koval@sevsu.ru

Поступила в редакцию 03.02.2022 г.

Аннотация. Гражданско-правовое регулирование инновационной деятельности является одним из важнейших факторов развития экономики. В статье рассмотрен и проанализирован вопрос о правовом происхождении понятий «инновация», «инновационная деятельность», изучены основные европейские и национальные нормативно-правовые акты гражданского права в области инноваций. Применяя различные научные методы, автор делает конкретные выводы и рекомендации, которые позволят предвидеть правовые риски развития инновационной деятельности.

Ключевые слова: гражданское право, гражданские правоотношения, инновационные технологии, правовое регулирование сферы инноваций, искусственный интеллект.

Цитирование: *Коваль В.Н.* Влияние инновационных технологий на развитие гражданских правоотношений // Государство и право. 2022. № 6. С. 176–179.

DOI: 10.31857/S102694520018458-4

THE IMPACT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES ON THE FURTHER DEVELOPMENT OF CIVIL RELATIONS

© 2022 V. N. Koval

Sevastopol State University

E-mail: v.n.koval@sevsu.ru

Received 03.02.2022

Abstract. Civil law regulation of innovation activity is one of the most important factors in the development of the economy. The article examines and analyzes the question of the legal origin of the concept of “innovation”, “innovation activity”, the main European and national normative legal acts of Civil Law in the field of innovation are studied. Applying various scientific methods, the author draws specific conclusions and recommendations that allow us to foresee the legal risks of the development of innovative activity.

Key words: Civil Law, civil legal relations, innovative technologies, legal regulation of innovation, artificial intelligence.

For citation: *Koval, V.N. (2022).* The influence of innovative technologies on the further development of civil legal relations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, 2022. No. 6, pp. 176–179.

В период развития цифровизации во всех сферах человеческой деятельности правовое обеспечение должного регулирования инновационных технологий приобретает актуальность и всё чаще находится в поле зрения зарубежных и отечественных ученых-правоведов.

Цифровые технологии (большие данные, искусственный интеллект, кибербезопасность, облачные технологии, интернет и т.д.) охватили все сферы деятельности социума. Эти технологии используются каждый день и существенно влияют на жизнь. С появлением новых отношений появляется необходимость их правового регулирования.

Именно использование инноваций является показателем продвижения вперед. Сосуществование двух стратегий организации общества – традиционной и инновационной является лишь переходным периодом к образованию нового общества. Поэтому законодательные органы государств

должны не обновлять прежние нормативные правовые акты, а принимать новые.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена и тем, что важнейшим фактором эффективности модернизации развития инновационных технологий является наличие научно-обоснованной и действенной системы управления с использованием инновационных технологий. Именно поэтому целью настоящей статьи было выявление проблем правового регулирования, возникающих в процессе внедрения инновационных технологий во все сферы человеческой деятельности, и очерчивание перспектив их использования.

Для объективного и комплексного исследования необходимо рассмотреть основные понятие регулируемых отношений. За основу предлагаем термин «инновация», который имеет комплексное значение, поскольку состоит из двух форм: идеи и процесса ее практической реализации.

Несмотря на то что законодатель определяет ряд понятий, всё же следует отметить об отставании национального законодательства в развитии правового регулирования инновационной деятельности. Да, именно эти нормативные правовые акты призваны помочь грамотной организации и направлять инновационную и экспериментальную деятельность в публичных и частных секторах, в гражданском обществе.

Рассмотрим отдельные проблемы понятийного аппарата в данной сфере.

Необходимо отметить, что внедрение новейших технологий в информатизации, прежде всего путём цифровизации общества обеспечивает: высокий уровень информационного обслуживания, доступность каждого физического лица в государстве к источникам соответствующей информации, существенность используемых данных; активное использование постоянно расширяющего интеллектуального потенциала общества, которое сконцентрировано в печатном фонде, научной, производственной и других видах деятельности его членов; интеграцию инновационных технологий в научных и производственных видах деятельности, инициирующей развитие всех сфер общественного производства, интеллектуализацию трудовой деятельности.

Кроме этого, обладая навыками использования необходимой информации на соответствующих инфоресурсах, которые являются открытыми и доступными для общества, способствует повышению благосостояния, гуманизации, демократизации и в целом развивает культуру его членов, увеличивает роль социума в совершенствовании, прежде всего правового механизма управления общественным строем.

Принято считать, что информатизация положительно влияет на развитие научно-технического прогресса. Совершенствование процесса интеллектуализации всех видов деятельности человека положительно отражается на создании качественно нового информационного потенциала для обеспечения творческой деятельности каждого члена общества. Однако также следует отметить, что в связи с незнаниями правильного использования технологий, которые способствуют информатизации, появляются и новые, ранее не встречавшиеся проблемы в обществе. Например, зависимость от новых технологий, различные фобии и расстройства, о которых раньше человечество не знало. Большинство негативных последствий из-за внедрения и дальнейшего использования новых технологий возможно урегулировать посредством правовых норм.

Для полноты исследования необходимо рассмотреть международный опыт. В частности, считаем, что актуальным для нас будет опыт развитых европейских государств. Так как инновации – обширное понятие, рассмотрим только одно из направлений правового регулирования инновационных технологий, а именно искусственный интеллект.

21 апреля 2021 г. Европейская комиссия опубликовала проект постановления об искусственном интеллекте[1]. Это первый проект по регулированию искусственного интеллекта в Европейском Союзе. Безусловно, решение попытаться регулировать использование искусственного интеллекта в Европейском Союзе связано с тем, что он обозначен как ключевая технология будущего.

В глобальном масштабе почти 70% из производителей различных товаров и услуг работают над использованием искусственного интеллекта в своих проектах. Согласно глобальному исследованию этики искусственного интеллекта, проведенному EY и The Future Society, благодаря искусственному интеллекту компании в первую очередь хотят предлагать инновационные решения. Их деятельность сосредоточивается в основном на эффективности и ценности, которые инновационные технологии приносят конечному пользователю[2].

Большинство производителей считают, что законодательство не успевает за развитием новых технологий, и мы с этим согласны, т.к. это крайне сложно или даже, можно сказать, почти невозможно. 90% польских компаний, которых спросили об этом в опросе, считают искусственный интеллект самой большой юридической проблемой[3]. Это результат отсутствия правил регулирования, связанных с такой технологией, как искусственный интеллект.

Искусственный интеллект подпадает под действие различных правил. Например, таких как защиты данных и конфиденциальности, защиты потребителей, безопасности продукции и ответственности и т.д. Однако это общие, разрозненные и часто неоднозначные правила. Таким образом, кажется, что идеальным решением является проект Положения об искусственном интеллекте, который ставит людей на передний план и направлен на обеспечение контроля над указанной системой.

Проект Регламента по искусственному интеллекту регулирует не вопрос самой технологии, а способ ее использования и должен применяться к публичным и частным организациям в Европейском Союзе и за его пределами в ситуациях, когда на рынок будет продаваться конкретная система искусственного интеллекта в ЕС или его применение окажет влияние на жителей ЕС. В результате производители данной технологии должны будут уделять внимание соблюдению нового Регламента искусственного интеллекта, а поставщики, расположенные в государствах за пределами ЕС, должны будут назначать своих представителей в странах ЕС.

---

[1] См.: EU Draft Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://www.ey.com/en_ch/ai/eu-draft-regulation-on-artificial-intelligence

[2] См.: Bridging AI's trust gaps Aligning policymakers and companies July 2020. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/ai/ey-bridging-ais-trust-gaps-report.pdf

[3] См.: EY: Ponad 90% firm uważa, że prawo nie nadąża za rozwojem nowych technologii. URL: https://www.money.pl/gielda/ey-ponad-90-firm-uwaza-ze-prawo-nie-nadaza-za-rozwojem-nowych-technologii-6527732876404865a.html

Объем регулирования систем искусственного интеллекта, представленный в Регламенте, основан на правиле: чем больше риск, связанный с использованием искусственного интеллекта, тем строже его правовое регулирование. Системы, которые могут существенно мешать жизни человека, такие как удаленные биометрические системы идентификации в реальном времени, системы, используемые для найма или кредитного рейтинга, а также медицинские приложения искусственного интеллекта, были классифицированы как системы высокого риска. Поэтому они будут подвергаться ряду обязательств, предъявляемых к производителям, дистрибьюторам и пользователям таких систем.

Например, обязательства поставщика систем искусственного интеллекта с высоким уровнем риска будут включать внедрение систем управления рисками и качеством, проверку качества данных, используемых для обучения систем искусственного интеллекта, предоставление инструкций пользователям, обеспечение согласованности, точности, надежности и кибербезопасности. Поставщикам также необходимо будет записывать сведения о системе искусственного интеллекта в базу данных ЕС, отслеживать производительность системы, сообщать об инцидентах, исправлять или отзывать несовместимые системы, а также сотрудничать с регулирующими органами и предоставлять им информацию, когда это необходимо.

В ответ на проект Положения об искусственном интеллекте ведущие регулирующие органы ЕС защиты данных – Европейский совет по защите данных (далее – EROD) и Европейский надзорный орган по защите данных (далее – EDPS) – приняли совместное решение, в котором призвали запретить использование искусственного интеллекта для автоматического распознавания человеческих черт в общественных местах и некоторых других видов использования искусственного интеллекта, которые могут привести к несправедливой дискриминации. Заключение указывает на высокий риск вмешательства в права и свободы людей, связанных с удаленной биометрической идентификацией в публичном пространстве. Поэтому органы власти призывают к запрету биометрии для автоматической идентификации людей в общественных местах «в любом контексте», также указывая на риск вмешательства в права и свободы людей, связанный с дистанционной идентификацией походки, отпечатков пальцев, ДНК и др.

В соответствии со ст. 21 Хартии основных прав ЕС, посвященной защите от дискриминации, вышеуказанные организации EROD и EDPS призывают к запрету использования биометрических приложений, которые классифицируют людей по этническому признаку, полу, политической, сексуальной ориентации и т.д.[4] Распознавание эмоций также «крайне нежелательно» в соответствии с ведущими регуляторами ЕС по защите данных и должно быть запрещено, за исключением определенных приложений в сфере здравоохранения, а также любого типа социального скоринга. Такие приложения, как распознавание лиц в реальном времени, нарушают основные права и свободы до такой степени, что могут подорвать суть этих прав и свобод. Общий запрет на распознавание лиц в общедоступных местах – необходимая отправная точка, если мы хотим сохранить общие свободы и создать ориентированную на человека структуру для искусственного интеллекта.

[4] См.: Charter of fundamental rights of the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf

Проект Положения об искусственном интеллекте будет предметом консультаций. Если Регламент будет принят, он будет напрямую применяться в ЕС. Несомненно, мы имеем значительное развитие этой технологии. Есть причины для беспокойства. Поскольку логика алгоритмов сейчас привлекает бизнес, а в то же время говорят, что системы искусственного интеллекта никогда не будут идеальными, нам нужны гарантии, особенно правовые, связанные с сохранением права на неприкосновенность частной жизни, недискриминацией и, следовательно, правовой основой для регулирования искусственного интеллекта. Использование современных технологий в повседневной деятельности человека является необходимостью для комфортного существования и дальнейшего развития общества. Индивид применяет компьютерную, телекоммуникационную технику, другие инновационные технологии, что требует дополнительных изменений в процесс регулирования фиксации, обработки, сохранения, передачи информации и др. Новые подходы к организации менеджмента и маркетинга требуют создания высокоэффективных управленческих информационных технологий, которые значительно повысят роль использования информационных ресурсов в различных отраслях деятельности общества.

Информационные технологии неразрывно связаны с компьютеризацией важнейших, трудоемких процессов и прежде всего процесса управленческого, который все больше зависит от использования компьютерной и другой телекоммуникационной техники. Растущее значение новейших информационных технологий требует высокой технологической подготовки персонала, а также значительных затрат, связанных с использованием наукоемкой техники. Внедрение новейших информационных технологий невозможно представить без создания надлежащей программно-технологической базы, которая должна обеспечивать все больший объем процессов общественной деятельности, что, в свою очередь, требует применения соответствующего правового регулирования.

Очевидно, что в нынешних условиях инновации должны отвечать следующим требованиям: обеспечивать высокую степень расчленения всего процесса обработки информации на этапы (фазы), операции, действия; включать весь набор элементов, необходимых для достижения поставленной цели; иметь регулярный характер, вследствие которого этапы, действия, операции технологического процесса могут быть стандартизированы и унифицированы, что позволит эффективно осуществлять целенаправленное управление информационными процессами.

Итак, требования времени, быстрое развитие и внедрение новейших инновационных технологий практически во все сферы человеческой жизни побуждают публичные и частные учреждения существенно менять свою деятельность, выходить на новый уровень развития, что невозможно без специальных механизмов правового регулирования соответствующей деятельности. Главной целью инноваций, которые внедряются в практику человеческой деятельности, являются улучшение обслуживания пользователей, создание комфортных условий для качественного удовлетворения пользователей (субъектов гражданского общества), а также обеспечения баланса между необходимостью инноваций и сохранением ценных традиций.

Традиционно к основным видам инновационной деятельности относят: продуктовые и сервисные инновации, когда изменения претерпевают услуги и продукция; технологические инновации, когда меняются процессы

использования технологий; организационные инновации, когда происходят структурные изменения, реорганизуются существующие элементы соответствующих структур или создаются новые; социальные инновации, когда изменяются методы управления социумом, традиции формирования обществ и другие социальные аспекты.

Учитывая эти требования, законодатель обязан использовать современные юридические техники в своей деятельности для подготовки соответствующих нормативно-правовых актов, которые эффективно регулировали бы вышеуказанные отношения.

Необходимо обратить внимание на то, что недостаточно развитое правовое регулирование инновационной деятельности создаёт проблемы, тормозящие дальнейшее развитие цифровизации в условиях информационного общества. Одной из главных проблем является отставание от существующих реалий, которое прежде всего обусловлено недостаточностью научно-практических исследований по этой проблематике.

Здесь следует выделить следующее: недостаточное соответствие нормативной правовой базы и стандартов современным требованиям развития инновационной деятельности; недостаточная эффективность научного сопровождения подготовки законодательства регулирующего инновационную деятельность, отсутствие механизма широкого внедрения результатов научных исследований в практику, ограниченную участием отечественных специалистов в международных исследовательских программах и обменах; несоответствие формирования правовой основы развития инноваций требованиям общества; недостаточные темпы и отсталость внедрения механизмов правового регулирования информационных технологий в регионах, что затрудняет или делает невозможным выполнение производственных процессов и обслуживание пользователей на должном уровне; отсутствие исследовательских программ и национальных проектов, поддерживаемых государством и направленных на развитие единого информационного пространства в Российской Федерации, интеграцию в глобальное информационное пространство и др.

Одним из недостатков действующего законодательства также является отсутствие толкования нового терминологического аппарата, используемого в инновационной деятельности, неопределенность научных, методических и организационно-правовых аспектов.

Таким образом следует усовершенствовать нормативную правовую базу, касающуюся инновационной деятельности, урегулирования стандартов информационной отрасли в соответствии с международными стандартами.

Необходимо способствовать интенсивному развитию правовой культуры в области правильного использования и внедрения новых технологий через информирование о законодательном регулировании информационных ресурсов, инноваций, использование цифровизации и др.

Постоянное научное сопровождение развития инновационной деятельности в условиях качественных изменений. Речь идёт о реализации направления через обеспечение научного сопровождения инновационной деятельности для качественных трансформаций и устойчивого развития всех отраслей.

Следовательно, дальнейшее развитие инновационной деятельности является возможным благодаря использованию широкого спектра новейших технологий, развития законодательства.

Для безопасного режима развития инновационной деятельности необходимо правовое регулирование. Правовую основу в данном вопросе прежде всего составляют Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[5], Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[6] и другие нормативные правовые акты, регламентирующие особенности правоотношений в сфере инновационных технологий.

* * *

Проанализировав материал, следует отметить, что внедрение инновационных технологий в повседневную деятельность есть необходимость, поступательное движение, которое приводит к качественно позитивным изменениям в социуме.

REFERENCES

1. Bridging AI's trust gaps Aligning policymakers and companies July 2020. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/ai/ey-bridging-ais-trust-gaps-report.pdf
2. Charter of fundamental rights of the European Union. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf
3. EU Draft Regulation on Artificial Intelligence. URL: https://www.ey.com/en_ch/ai/eu-draft-regulation-on-artificial-intelligence
4. EY: Ponad 90% firm uważa, że prawo nie nadąża za rozwojem nowych technologii. URL: https://www.money.pl/gielda/ey-ponad-90-firm-uwaza-ze-prawo-nie-nadaza-za-rozwojem-nowych-technologii-6527732876404865a.html

Сведения об авторе

КОВАЛЬ Владимир Николаевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Севастопольского государственного университета; 299053 г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Authors' information

KOVAL Vladimir N. – Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of Sevastopol State University; 33 Universitetskaya str., 299053 Sevastopol, Russia

[5] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

[6] См.: СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 180–184
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 180–184

РАСШИРЕНИЕ СЕТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ БЮРО ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОЦИАЛЬНО НЕЗАЩИЩЕННЫХ ГРАЖДАН: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

© 2022 г. Л. В. Борисова

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.02.2022 г.

Аннотация. В статье проведен анализ аргументов представителей адвокатского сообщества против повсеместного создания во всех субъектах Российской Федерации государственных юридических бюро для защиты прав социально незащищенных граждан. Указанные в них опасения признаны несущественными. Сделан вывод о том, что существование в России смешанной модели юридической помощи (адвокат и ГЮБ) имеет больше преимуществ, нежели указанные в приведенных отрицательных аргументах возможные негативные последствия. С учетом этого высказаны отдельные предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности государственных юридических бюро, повышающие уровень защищенности их участников.

Ключевые слова: государственное юридическое бюро, защита, права, социально незащищенные граждане, адвокат, бесплатная юридическая помощь, чат-бот, ответственность, государственный контроль, интернет.

Цитирование: *Борисова Л.В.* Расширение сети государственных юридических бюро для защиты прав социально незащищенных граждан: за или против? // Государство и право. 2022. № 6. С. 180–184.

DOI: 10.31857/S102694520020483-2

EXPANDING THE NETWORK OF STATE LEGAL BUREAU TO PROTECT THE RIGHTS OF SOCIALLY VULNERABLE CITIZENS: FOR OR AGAINST?

© 2022 L. V. Borisova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Received 08.02.2022

Abstract. The article analyzes the arguments of representatives of the legal community against the widespread creation of state legal bureaus in all subjects of the Russian Federation to provide free legal assistance and protect the rights of socially unprotected citizens. The fears mentioned in them are recognized as insignificant. It is concluded that the existence in Russia of a mixed model of legal assistance (lawyer and HUB) has more advantages than the possible negative consequences indicated in the negative arguments given. With this in mind, some proposals were made to improve the legal regulation of the activities of state legal bureaus, increasing the level of protection of their participants.

Key words: state legal bureau, protection, rights, socially unprotected citizens, lawyer, free legal assistance, chatbot, responsibility, state control, internet.

For citation*: Borisova, L.V. (2022).* Expansion of the network of state legal bureaus to protect the rights of socially unprotected citizens: for or against? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 180–184.

Обеспечение бесплатной юридической помощью социально незащищенных категорий граждан остается актуальным для современной России.

Согласно данным Росстата, в 2021 г. малообеспеченность граждан составила почти 20 млн человек, что составляет 15% от общей численности населения страны[1].

Совершенно очевидно, что многодетные семьи, инвалиды, пенсионеры, ветераны Великой Отечественной войны и др., как правило, не имеют материальной возможности воспользоваться юридической помощью на возмездной основе. Тем не менее оплачиваемая государством бесплатная юридическая помощь оказывается при назначении адвоката в уголовном судопроизводстве или только отдельным категориям граждан, что не обеспечивает потребностей граждан как обладателей права на ее получение[2].

В целях повышения эффективности работы системы государственной бесплатной юридической помощи Министр юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко предложил создать государственные юридические бюро (далее – ГЮБ) на территории всех субъектов Российской Федерации. Как подчеркнул министр, рассматриваемая система наиболее эффективна именно в тех субъектах Российской Федерации, где созданы такие юридические бюро, например, в Ульяновской, Оренбургской областях, Республике Карелии и др.[3]

Данную идею поддержал Президент РФ, подчеркнув использование бесплатной юридической помощи в России только 2% граждан[4].

Вместе с тем, несмотря на поддержку Президента РФ, необходимо отметить сложности, которые стоят на пути реализации этой программы. Так, представители адвокатского сообщества, выступившие против повсеместного создания в России наряду с существующей системой адвокатуры ГЮБ, подчеркивают чрезмерную и неоправданную затратность данного проекта. С их точки зрения основная часть выделенных из бюджета денежных средств будет расходоваться не только на оплату труда сотрудников, непосредственно оказывающих юридическую помощь, но и администрирование ГЮБ (аренду помещений, транспорт, бухгалтерию и т.д.). Эти затраты будут нести налогоплательщики, тогда как оказание бесплатной юридической помощи только адвокатскими образованиями обеспечит экономию бюджетных средств, исключит расходы на содержание отдельной государственной структуры[5].

Следующей проблемой, на которую указывает адвокатское сообщество, является нарушение состязательности в суде из-за выполнения государством несвойственной ему роли юридического консультанта, например, в случаях, когда малоимущий гражданин обращается в ГЮБ за защитой от действий государственного органа[6]. Как правило, соответствующие трудовые, налоговые, жилищные и иные споры с государственными органами составляют основную массу заявлений граждан в ГЮБ.

Третья проблема, по мнению адвокатов, связана с тем, что реализация программы расширения сети ГЮБ приведет к разрушению традиционной адвокатуры и оттоку значительной части адвокатов из профессии. В глубинке многие из них зарабатывают за счет оказания бесплатной юридической помощи по уголовным делам, тогда как ГЮБ лишит этих средств к существованию, в том числе приведет к огосударствлению адвокатуры[7]. Как отметил в данном отношении Ю.И. Стецовский, создание ГЮБ вызовет прямое огосударствление адвокатуры и превращение адвокатов в государственных служащих, что несовместимо с конституционным правом граждан на квалифицированную юридическую помощь[8].

Адвокаты также указывают, что создание по всей стране ГЮБ будет препятствовать развитию современных электронных технологий, хотя на практике вопросы граждан в рамках бесплатной юридической помощи, как правило, однотипны, а ответы стандартны. В этой связи ими высказано предложение по созданию на платформе портала государственных услуг чат-бота для оказания бесплатной юридической помощи, использование которого позволило бы удовлетворить до 80% обращений граждан, тем самым более экономично защитить их права и интересы[9].

Таким образом, по мнению представителей адвокатского сообщества, изменения в области соблюдения прав граждан на получение БЮП посредством повсеместного создания ГЮБ являются нецелесообразными как с социальной, так и с экономической и организационной точек зрения.

Действительно, на протяжении многих лет адвокатура остается одним из основных институтов в системе оказания юридической помощи гражданам, в т.ч. в рамках созданной системы

---

[1] См.: Росстат впервые оценил число малоимущих исходя из «границы бедности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/03/12/2021/61aa34739a7947e24f034e11 (дата обращения: 08.02.2022).

[2] См.: Федеральный закон 31.05.2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (принят Гос. Думой 02.11.2011 г., одобрен Советом Федерации 09.11.2011 г.) (п. 1, 3 ст. 26) // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725.

[3] См.: Министр юстиции Российской Федерации К.А. Чуйченко выступил с докладом о состоянии бесплатной юридической помощи в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.myseldon.com/ru/news/index/250784343 (дата обращения: 01.01.2022).

[4] См.: Путин поддержал идею создать бюро бесплатной юридической помощи по всей стране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/11366573 (дата обращения: 01.01.2022).

[5] См.: Проект создания госюрбюро чрезмерно и неоправданно затратный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/polemic/interview/proekt-sozdaniya-gosyurbyuro-chrezmerno-i-neopravdanno-zatratnyy/ (дата обращения: 01.01.2022); *Куликов В.* Союз адвокатов высказался против расширения сети госюрбюро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2021/10/28/soiuz-advokatov-vyskazalsia-protiv-rasshireniia-seti-gosiurbiuro.html (дата обращения: 01.01.2022).

[6] См.: Адвокаты увидели риски в создании государственных юрбюро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/news/233440 (дата обращения: 01.01.2022).

[7] См.: *Трифонова Е.* Минюст делает первый шаг к государственной адвокатуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2021-05-16/3_8148_lawyers.html (дата обращения: 01.02.2022).

[8] См.: *Стецовский Ю.И.* Огосударствление адвокатуры несовместимо с правом. Юридическая природа адвокатуры // Адвокат. 2007. № 7. С. 8–16.

[9] См.: Адвокаты увидели риски в создании государственных юрбюро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/news/233440 (дата обращения: 01.01.2022).

бесплатной юридической помощи. Услугами государственного адвоката можно воспользоваться в предусмотренных законом случаях в уголовном, гражданском и административном судопроизводствах. Однако вопреки сложившемуся мнению адвокаты по назначению бесплатными не являются. Так, ч. 5 ст. 50 УПК РФ установлено, что услуги адвоката по назначению компенсируются за счет средств федерального бюджета.

В целом институт адвокатуры, успешно преодолев этап существования «традиционных» и «параллельных» структур, имеет свои преимущества по оказанию юридических услуг, например, в части высокой квалификации адвокатов. В то же время нельзя отрицать сложности в реализации малообеспеченными гражданами возможности получить бесплатную адвокатскую помощь. Фактически существующая система государственной помощи адвокатами работает недостаточно эффективно.

С нашей точки зрения, предложение Минюста России по созданию ГЮБ во всех субъектах Российской Федерации необходимо поддержать по следующим основаниям. *Во-первых,* создание ГЮБ для реализации права социально незащищенных граждан на получение бесплатной юридической помощи отвечает конституционно закрепленным задачам правового и социального государства, коим является Российская Федерация.

В соответствии со ст. 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, такая помощь оказывается бесплатно. Статья 2 Конституции РФ провозглашает, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Во-вторых, существующие в отдельных субъектах Российской Федерации ГЮБ оказывают бесплатную юридическую помощь по достаточно широкому кругу вопросов, при этом расширен перечень категорий граждан, которые могут обратиться за ее получением. Благодаря ГЮБ решаются вопросы по гражданским, семейным, жилищным, административным, уголовным и иным делам. Юридическая помощь оказывается инвалидам I и II групп, ветеранам Великой Отечественной войны, неработающим пенсионерам, малоимущим гражданам и др., в т.ч. посредством устных консультаций.

В юридической литературе подчеркивается выгодное отличие ГЮБ от более длительной процедуры рассмотрения заявления адвокатами. В ГЮБ юридическая помощь оказывается в день обращения гражданина[10].

Заметим также, что система ГЮБ в целом весьма успешно функционирует в зарубежных странах (Финляндии, Нидерландах, Соединенном Королевстве, Королевстве Норвегия и др.). Например, в Нидерландах граждане получают бесплатную юридическую помощь в специально созданных «окнах юридической помощи», где административный персонал изначально проводит собеседование, затем решает проблему лица посредством направления в соответствующий государственный орган либо к юристу данной структуры для оказания помощи в определенной правовой сфере[11].

В-третьих, несмотря на ведущую роль адвокатуры в оказании населению квалифицированной юридической помощи, адвокаты в первую очередь заинтересованы в платном оказании юридических услуг. Размер оказываемой адвокатом бесплатной юридической помощи за счет бюджетных средств в любом случае ниже размера его вознаграждения на основании соглашения с клиентом[12].

К сожалению, не каждый гражданин Российской Федерации может позволить себе воспользоваться юридической помощью. Что же тогда говорить о самых незащищенных слоях населения – пенсионерах, малоимущих и инвалидах? Исходя из этого, возможность выбора обратиться к адвокату или ГЮБ – лучшая возможность обеспечить право таких граждан на бесплатные юридические услуги. При этом качество бесплатной юридической помощи могут обеспечивать те же адвокаты, которые в соответствии с Федеральным законом от 2 ноября 2011 г. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» могут привлекаться к работе в ГЮБ на основании соглашения об оказании бесплатной юридической помощи по государственным расценкам[13]. Как верно отмечено в доктрине, данная норма роднит ГЮБ и адвокатуру, предлагая противодействию сотрудничество ради общего блага[14].

В-четвертых, совершенно очевидно, что создание на Портале государственных услуг чат-бота бесплатной юридической помощи не обеспечит защиту права социально незащищенных категорий граждан на получение бесплатной юридической помощи. В Российской Федерации и в иных государствах уже существуют коммерческие юристы-боты, которые могут консультировать граждан по юридическим вопросам, определить конкретное решение для спорных правовых ситуаций, вести работу с правовыми документами и др. Например, онлайн-бот Doogue O'Brien George составляет судебную речь, бот-юрист DoNotPay оказывает юридическую помощь по мелким категориям гражданских дел, LawBot – проводит анализ и определяет ошибки в юридической документации и др.[15] В США созданный компанией IBM юрист-бот Росс возглавляет работу отдела компании Baker & Hostetler. Он распознает речь человека, отвечает на вопросы, изучает данные, делает выводы со ссылками на закон, обладает актуальной информацией по изменениям в законодательстве[16].

Тем не менее, несмотря на стремительное развитие платформ по созданию чат-ботов, со слов экспертов, полноценного бота, дающего осмысленные юридические консультации, в России нет[17]. Такие программы, как правило, представляют собой поисковый интерфейс по базе нормативных актов и судебной практики, не менее удобный, чем

---

[10] См.: *Дзотов Ч.А.* Государственное юридическое бюро или адвокатура? // Молодой ученый. 2011. № 7 (30). Т. 2. С. 10–15.

[11] См., напр.: *Rhudy R.* Description and Analysis of Legal Aid Models / Legal Aid Models for Latin America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gsdrc. org/go/display/document/legacyid/452 (дата обращения: 08.02.2022).

[12] См.: *Залуцкая И.А.* Создание и деятельность государственных юридических бюро // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 14.

[13] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725.

[14] См.: *Дзотов Ч.А.* Указ. соч. С. 10–15.

[15] См. подр.: *Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М.* Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. 2020. № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chat-bot-kak-element-pravovoy-realnosti (дата обращения: 28.01.2022).

[16] См.: В США юрфирма наняла робота-юриста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/interpravo/news/view/129043/ (дата обращения: 28.01.2022).

[17] См.: Минюст вложит 230 млн рублей в создание бесплатного бота для юридических консультаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vc.ru/legal/243021-minyust-vlozhit-230-mln-rubley-v-sozdanie-besplatnogo-bota-dlya-yuridicheskih-konsultaciy (дата обращения: 28.01.2022).

обычные поисковые системы, имеющиеся в Интернете, а потому «живой», индивидуальной консультации с юристом по конкретному делу никакой чат-бот не заменит.

Не существует на сегодняшний день ни системы ответственности, ни государственного контроля за результатами деятельности соответствующих чатов-ботов, тогда как их использование связано с большими рисками. Например, в виде ошибочной консультации по делу, которая может привести к отказу в принятии искового заявления в суде, пропуску срока исковой давности, привлечению к установленной законом ответственности и т.д.

Названные последствия вызывают вопросы определения ответчика и вида ответственности организации-владельца или компании-разработчика чат-бота. На наш взгляд, оказание бесплатной юридической помощи на портале государственных услуг с использованием чат-бота без контроля со стороны «живого» юриста имеет много рисков, а потому не позволит в полной мере защитить нарушенные права социально незащищенных граждан.

Во многих малоимущих или, например, многодетных семьях, которые обращаются в ГЮБ, нет технической возможности получить консультацию от чат-бота по причине отсутствия нужного компьютерного оборудования или интернета. При этом, согласно данным Mediascope, в России около 6 млн человек вовсе не пользуются интернетом. Основная часть таких лиц – пожилые люди в возрасте от 55 лет и старше[18].

В-пятых, создание ГЮБ в субъектах Российской Федерации обусловлено объективными причинами, в числе которых следует назвать низкий уровень доходов граждан и размер пенсий по старости, высокую стоимость услуг, оказываемых адвокатами и др., и, соответственно, призвано уравновесить, а не ликвидировать состязательность участников в судебном производстве. Аналогичная ситуация складывается с защитой прокурором в гражданском судопроизводстве прав, свобод и законных интересов социально незащищенных слоев населения (инвалиды, пенсионеры, многодетные, и т.д.), которые по объективным причинам не могут самостоятельно обратиться в суд.

Отметим также, что деятельность ГЮБ в рамках компетенции не может вызвать конфликта интересов, учитывая, что в соответствии с конституционным принципом разделения властей исполнительная и судебная власти являются независимыми.

На основании вышеизложенного представляется, что существование в России смешанной модели юридической помощи (адвокат и ГЮБ) имеет все же больше преимуществ, позволяющих обеспечить защиту прав социально незащищенных категорий населения на получение бесплатной юридической помощи.

Однако, принимая во внимание полное финансирование ГЮБ из бюджета и дотационность отдельных субъектов Российской Федерации, которые могут вызвать неоправданные государственные расходы, первоначально такие государственные структуры целесообразно создать в тех субъектах Федерации, где испытывается дефицит адвокатских кадров. Это позволит нивелировать такую нехватку и обеспечить равный доступ граждан к правовой помощи.

Для эффективного функционирования ГЮБ необходимо дальнейшее совершенствование законодательной базы, регулирующей их деятельность. Так, дополненный перечень категорий граждан, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, следует предусмотреть в федеральном законе. В правовой доктрине высказано предложение по разработке отдельного федерального закона, регулирующего деятельность ГЮБ[19]. Постановления правительств субъектов Российской Федерации такой перечень предусматривать не могут, поскольку, согласно ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, юридическая помощь оказывается гражданам бесплатно только в случаях, указанных в законе.

Практика работы ГЮБ доказала необходимость установления более высокого размера оплаты труда его работников (начальника, юрисконсульта, бухгалтера и т.д.), а также повышения требований к штатным юристам ГЮБ в виде опыта работы по специальности или сдачи квалификационных экзаменов. Как верно заметил Г.Н. Нилус, требование о наличии диплома – это лишь стартовое условие, тогда как юристу необходима соответствующая квалификация[20].

С нашей точки зрения, в ГЮБ могут трудиться юристы с небольшим опытом практической деятельности. Они, как правило, уделяют каждому обращению больше времени, нежели профессионалы, выслушивают клиента.

На законодательном уровне следует также предусмотреть обязанность органов государственной власти и местного самоуправления, общественных и иных организаций по направлению ответов на запросы юристов ГЮБ о предоставлении информации или документов, необходимых для оказания бесплатной юридической помощи по аналогии с нормой п. 2 ст. 6^1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63 «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[21].

Разумно, на наш взгляд, поддержать предложение Минюста России о разработке кодекса профессиональной этики участников ГЮБ и стандарта оказания бесплатной юридической помощи. Они будут минимизировать случаи, когда бесплатная юридическая помощь гражданину, который обращается за помощью, превращается в платную[22].

* * *

Безусловно, перечисленные нами направления по совершенствованию правового регулирования деятельности ГЮБ не являются исчерпывающими. Будем надеяться, что предложение по созданию на территории всех субъектов Российской Федерации ГЮБ будет реализовано, что позволит обеспечить бесплатной юридической помощью всех социально незащищенных категорий граждан, которые нуждаются в защите.

---

[18] См.: *Ефимович Е., Соболев С.* 6 млн россиян до 55 лет в последнее время не пользовались интернетом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/23/5f69e8209a794751dd22b98d (дата обращения: 28.01.2022).

[19] См.: *Дзотов Ч.А.* Указ. соч. С. 10–15.

[20] См.: *Нилус Г.Н.* Система юридической помощь малоимущим нуждается в совершенствовании // Адвокат. 2006. № 1. С. 11.

[21] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725.

[22] См.: *Горовцова М.* В 2022 году появится федеральная государственная информационная система «Правовая помощь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1463018/ (дата обращения: 04.02.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горовцова М.* В 2022 году появится федеральная государственная информационная система «Правовая помощь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/news/1463018/ (дата обращения: 04.02.2022).
2. *Дзотов Ч.А.* Государственное юридическое бюро или адвокатура? // Молодой ученый. 2011. № 7 (30). Т. 2. С. 10–15.
3. *Ефимович Е., Соболев С.* 6 млн россиян до 55 лет в последнее время не пользовались интернетом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/23/5f69e8209a794751dd22b98d (дата обращения: 28.01.2022).
4. *Залуцкая И.А.* Создание и деятельность государственных юридических бюро // Мониторинг правоприменения. 2012. № 3. С. 14.
5. *Нилус Г.Н.* Система юридической помощь малоимущим нуждается в совершенствовании // Адвокат. 2006. № 1. С. 11.
6. *Стецовский Ю.И.* Огосударствление адвокатуры несовместимо с правом. Юридическая природа адвокатуры // Адвокат. 2007. № 7. С. 8–16.
7. *Трифонова Е.* Минюст делает первый шаг к государственной адвокатуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2021-05-16/3_8148_lawyers.html (дата обращения: 01.02.2022).
8. *Усольцева Н.А., Усольцев Ю.М.* Чат-бот как элемент правовой реальности // Юридическая наука. 2020. № 9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/chat-bot-kak-element-pravovoy-realnosti (дата обращения: 28.01.2022).
9. *Rhudy R.* Description and Analysis of Legal Aid Models / Legal Aid Models for Latin America [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gsdrc. org/go/display/document/legacyid/452 (дата обращения: 08.02.2022).

REFERENCES

1. *Gorovtsova M.* In 2022, the federal state information system "Legal Aid" will appear [Electronic resource]. – Access mode: https://www.garant.ru/news/1463018/ (accessed: 04.02.2022) (in Russ.).
2. *Dzotov Ch.A.* State legal bureau or advocacy? // Young scientist. 2011. No. 7 (30). Vol. 2. P. 10–15 (in Russ.).
3. *Efimovich E., Sobolev S.* 6 million Russians under 55 have not recently used the Internet [Electronic resource]. – Access mode: https://www.rbc.ru/newspaper/2020/09/23/5f69e8209a794751dd22b98d (accessed: 28.01.2022) (in Russ.).
4. *Zalutskaya I.A.* Creation and activity of state legal bureaus // Law enforcement monitoring. 2012. No. 3. P. 14 (in Russ.).
5. *Nilus G.N.* The system of legal assistance to the poor needs to be improved // Lawyer. 2006. No. 1. P. 11 (in Russ.).
6. *Stetsovsky Yu. I.* Nationalization of the bar is incompatible with law. Legal nature of advocacy // Lawyer. 2007. No. 7. P. 8–16 (in Russ.).
7. *Trifonova E.* The Ministry of Justice takes the first step towards the state advocacy [Electronic resource]. – Access mode: https://www.ng.ru/politics/2021-05-16/3_8148_lawyers.html (accessed: 01.02.2022) (in Russ.).
8. *Usoltseva N.A., Usoltsev Yu. M.* Chatbot as an element of legal reality // Legal Science. 2020. No. 9 [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/chat-bot-kak-element-pravovoy-realnosti (accessed: 28.01.2022). (in Russ.).
9. *Rhudy R.* Description and Analysis of Legal Aid Models // Legal Aid Models for Latin America [Electronic resource]. – Access mode: http://www.gsdrc. org/go/display/document/legacyid/452 (accessed: 08.02.2022).

Сведения об авторе

БОРИСОВА Лилия Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

BORISOVA Liliya V. –
PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the Sector of Procedural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 185–189
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 185–189

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.Н. Савенков. НЮРНБЕРГ: ПРИГОВОР ВО ИМЯ МИРА. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. – 760 с.

© 2022 г. С. Н. Бабурин[1, *], Ю. В. Голик[2, **]

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Москва

**E-mail: 1357343@mail.ru*
***E-mail: ygolik@list.ru*

Поступила в редакцию 11.05.2022 г.

Аннотация. Рецензируемая монография А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» затрагивает по содержанию многие проблемы международного уголовного права, международных отношений, правосознания, нравственного содержания права, правовой и политической идеологии. Высоко оценивается анализ автором правовых основ и концепций Нюрнбергского трибунала, рассмотрение процесса и Приговора как в широком контексте мировых политических и правовых процессов между двумя мировыми войнами, так и с позиции формирования принципов международного уголовного права на вторую половину XX в., их влияния на последующие суды над военными преступниками. Особой ценностью работы признается публикация полного официального текста Приговора Международного военного трибунала 1946 г.

Ключевые слова: Нюрнбергский трибунал, Нюрнбергский процесс, Приговор, государство, нацизм, фашизм, справедливость, мировой порядок.

Цитирование: *Бабурин С.Н., Голик Ю.В.* А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира // Государство и право. 2022. № 6. С. 185–189.

DOI: 10.31857/S102694520020473-1

A.N. Savenkov. NUREMBERG: A VERDICT FOR NAME OF PEACE. MOSCOW: PROSPEKT, 2021. – 760 pp.

© 2022 S. N. Baburin, Yu. V. Golik

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

**E-mail: 1357343@mail.ru*
***E-mail: ygolik@list.ru*

Received 11.05.2022

Abstract. A.N. Savenkov's peer-reviewed monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace" touches upon many problems of International Criminal Law, international relations, legal consciousness, moral content of law, legal and political ideology. The author highly appreciates the author's analysis of the legal foundations and concepts of the Nuremberg Tribunal, the consideration of the trial and Verdict both in the broad context of the world political and legal processes between the two world wars, and from the position of the formation of the principles of International Criminal Law for the second half of the twentieth century, their impact on subsequent trials of war criminals. The publication of the full official text of the Verdict of the International Military Tribunal of 1946 is recognized as a special value of the work.

Key words: Nuremberg Tribunal, Nuremberg trials, Verdict, state, nazism, fascism, justice, world order.

For citation: *Baburin, S.N., Golik, Yu. V. (2022).* A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 185–189.

Юридическая наука XXI в. богата многими достижениями правовой мысли, переосмыслением классических подходов к государству и праву, формированием новых правовых доктрин и даже новых направлений научного поиска. Но и на фоне обилия публикаций по отраслевым и межотраслевым проблемам права монографическое исследование члена-корр. РАН А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» выделяется своей научной значимостью и общественно-политической актуальностью.

Формально работа посвящена историко-правовым вопросам международного уголовного права, проблемам правовых основ трансформаций мирового порядка, когда автор рассматривает защиту исторической памяти человечества как часть правового суверенитета Российской Федерации (с. 25). Фактически же она является весомым вкладом в вопросы правосознания, нравственного содержания права, правовой и политической идеологии, причём исследователь во многом углубляет и развивает ранее намеченные им подходы к философии права и правопониманию[1].

В монографии А.Н. Савенкова продолжена стратегическая линия отечественной правовой науки рассматривать право как неотъемлемую часть человеческой культуры и один из инструментов её охраны и защиты, когда именно через него важная роль, особенно в нравственном, духовном аспекте, закрепляется за такими категориями, как истина и справедливость, свобода и ответственность[2]. Современная эпоха требует, как никогда ранее, пристального внимания к укреплению гарантий прав и свобод личности, защите и обеспечению коллективных прав наций и народностей, пресечению любых посягательств на эти социальные ценности[3].

О глубине и обстоятельности исследования свидетельствует и количество использованных автором литературных источников – 1174, в т.ч. 576 на иностранных языках. Многие из них никогда даже не упоминались в отечественной литературе.

Для того чтобы полно и всесторонне показать тот путь, который предшествовал Нюрнбергскому процессу, А.Н. Савенков начинает своё исследование с анализа событий, задолго предшествовавших ему. С Версальского мирного договора, который, по сути, подвёл итоги Первой мировой войны (подписан в Версале 28 июня 1919 г.). Почему так? – Да потому, что Первая мировая закончилась и тут же началась подготовка к следующей. Империализм по-другому просто не может. В наши дни происходит нечто похожее: после объявления об окончании холодной войны тут же началась новая холодная война, которую стали называть гибридной. А в последние годы добавилась ещё и прокси война – новая форма холодной войны. Особенно ярко она проявляется в событиях на Украине в 2014–2022 гг.

С 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. в Нюрнберге (Германия) шёл процесс, закрепившийся в истории как Нюрнбергский трибунал. Четыре страны-победительницы: СССР, США, Великобритания и Франция – сформировали суд для рассмотрения преступлений, совершенных нацистской Германией в годы Второй мировой войны.

Несколько слов из истории этого уникального судебного процесса.

8 августа 1945 г. (как видим, уже после окончания войны) в Лондоне было заключено Соглашение между Правительствами СССР, США, Великобритании и Временным правительством Французской Республики о создании трибунала для суда над военными преступниками Германии. Переговоры о создании такого суда шли несколько лет, сведения об этом не скрывались. Значимую роль в подготовке, организации и проведении Международного военного трибунала сыграли ученые Института права Академии наук СССР, о чем так подробно рассказано впервые именно в этой монографии.

Суд длился без малого год. Очень оперативная работа. Организаторы трибунала помнили старую истину: «Ничто не обходится обществу так дорого, как дешёвая юстиция». Не случайно, ссылаясь на эту формулу, А.И. Бастрыкин подчёркивает важность соединения политической воли народов с достижениями в области розыска и идентификации, с мощной материальной, финансовой и организационной поддержкой правоохранительных и криминалистических учреждений со стороны государства и общества[4]. К началу работы трибунала была проделана колоссальная работа по фиксации фактов преступлений, нахождению свидетелей, сбору и анализу доказательств нацистских преступлений.

За время процесса было проведено 403 судебных заседания. Суду были преданы 24 обвиняемых, один из них повесился до начала процесса, ещё один был признан неизлечимо больным. Таким образом, реально перед судом предстал 21 человек (Мартин Борман был признан скрывшимся, его судили заочно). Все подсудимые выступили на суде с последним словом. Они всячески обеляли себя, даже пытались выставить себя миротворцами и борцами с режимом. Всё это опубликовано[5].

Из представших перед судом 12 человек были приговорены к смертной казни (один заочно), трое – к пожизненному заключению, четверо – к различным срокам тюремного заключения, а трое были оправданы. Уже 16 октября 10 осуждённых были повешены в тюрьме (Г. Геринг накануне повешения отравился).

---

[1] См, напр.: *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9–92; *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018.

[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Право как элемент культуры // Право и власть. М., 1990. С. 241, 246, 248, 252; см. также: *Жуков В.Н.* Справедливость // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 691–696; *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Свобода и ответственность» // Государство и право. 2007. № 3. С. 109–127.

[3] См.: *Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А.* На пути к социалистическому правовому государству // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 24; см. также: *Бабурин С.Н.* Возмездие как политическая, правовая и нравственная ценность // Последняя точка Второй мировой: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 192–197.

[4] См.: *Бастрыкин А.И.* Криминалистика: современные методы криминалистического исследования. СПб., 2003. С. 257.

[5] См.: Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1999. Т. 8. С. 525–560.

Казалось бы, известные истины, но именно их сегодня пытаются вымарать из истории, делая всякие нелепые заявления, которые мы не будем даже упоминать. Вот почему ценна работа А.Н. Савенкова: процесс надо изучать и передавать эти знания идущим вслед за нами поколениям. В этой связи обращают на себя внимание слова, с которых автор начинает своё повествование: «Замысел этой работы сопровождает меня многие десятилетия» (с. 7). Повторяем, это самые первые слова в фундаментальном профессиональном исследовании. Они означают, что это – не конъюнктурная работа на потребу дня, что автор очень серьёзно продумал то, что написано, пропустив итог своих размышлений через сердце.

Весьма содержательно анализирует исследователь процесс и Приговор Нюрнбергского трибунала, делая это в широком контексте мировых политических и правовых процессов между двумя мировыми войнами (с. 20–161). Важны и многогранны приводимые им аргументы о необходимости отказаться от англо-американской интерпретации причин и самих сроков Второй мировой войны (с. 79–107), тем более что Нюрнбергский трибунал установил, что оккупация Германией Чехословакии планировалась детально задолго до Мюнхенского соглашения, подписанного официальными представителями Великобритании, Германии, Италии и Франции в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. (с. 100).

Соглашаясь с датировкой начала Второй мировой войны – 7 июля 1937 г., когда Япония и её сателлиты напали на Китай (с. 93), давно пора считать началом мировой войны в Европе 1 октября 1938 г., когда Германия и Польша, прикрываясь мюнхенским сговором ведущих европейских держав, напали на Чехословакию. Оснований для такого вывода в Приговоре Нюрнбергского трибунала более чем достаточно (с. 103, 104, 458–460, 553, 554, 558, 561 и др.).

Много внимания в работе уделено анализу правовых основ и концепций Нюрнбергского трибунала. Этому посвящена целая глава (с. 162–233). При её внимательном изучении видна вся убогость и ничтожность современных критиков Нюрнбергского процесса. Слишком мудрые головы из разных стран мира с разной идеологической основой работали над проектом Нюрнберга, чтобы их сегодня могли легко опровергать какие-то малограмотные недоучки. В этой связи полагаем обоснованным обратить внимание на содержание нормы ч. 2 ст. 13 Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Страны антигитлеровской коалиции, возможно, не смогли бы одержать победу над гитлеризмом, если бы в каждой из них не было государственной идеологии – любви к Отечеству и его ценностям. Есть, что возразить против этого?

Несомненным достоинством монографии является публикация впервые полного официального текста Приговора Международного военного трибунала (с. 427–631). До этого он никогда не публиковался в полном виде в открытой печати на русском языке. Было бы неплохо в обязательном порядке изучать этот документ хотя бы студентам-юристам. Он ещё нам пригодится.

Помимо Нюрнбергского процесса был ещё Токийский трибунал над японскими военными преступниками (Токио, 3 мая 1946 г. – 12 ноября 1948 г.). О нём у нас писали значительно меньше. Между тем этот Суд во многом испытал на себе влияние Нюрнбергского трибунала, что, естественно. К ответственности было привлечено 29 человек, семеро из них были повешены.

Ещё меньше мы знаем о судебных процессах над военными преступниками, проходившими в Советском Союзе в 1945–1947 гг. (Смоленск, Ленинград, Великие Луки, Минск, Рига, Киев, Николаев). Никакой политики, суды анализировали только голые факты. Во время многих процессов люди в зале теряли сознание от услышанного.

На основе принципов, выработанных в Нюрнберге, суды над военными преступниками проходили позже как в самой Германии, так и в других странах. И уж совсем ничего не знаем мы о процессах над японскими военными преступниками, проходившими в Китае. Обо всем этом А.Н. Савенков пишет (с. 367–420). Для многих читателей это станет откровением.

Очень важный вывод, который напрашивается после прочтения работы: фашистскую гадину надо уничтожать полностью и до конца. Никакое проявление либерального гуманизма здесь недопустимо. Послевоенные события, возрождение бандеровщины на Украине продемонстрировали всю гнусность и, по сути, подлость в отношении своего народа по «гуманному отношению к военным преступникам». Повторять такое нельзя ни в коем случае.

Именно на Нюрнбергском процессе впервые в официальных документах стало фигурировать слово «геноцид», позднее вошедшее отдельным составом преступления в международное уголовное право. В последние годы в нашей стране возбуждено несколько уголовных дел о геноциде русского и советского народа в годы Великой Отечественной войны. Они возбуждались с учётом документов Нюрнбергского процесса. Такие дела появятся ещё. Сроки давности не имеют значения. Не имеет значения и то, что в живых практически не осталось никого из обвиняемых. У нас останется Приговор Суда как юридически значимый документ. Это важно для успешной реализации государством его социальной функции, особенно с учётом того, что любое государство, чтобы быть сильным, помимо власти политической и экономической должно располагать и значительной долей власти духовной, тем более что отношение к наказанию и к процессу исполнения наказания – это слепок с нравственной характеристики общества, в котором применяется это наказание, как важно само соединение в современной реальности права и нравственности, государства и нравственности[6]. Это важно для будущих поколений человечества.

Значение Нюрнбергского процесса огромно. Очень жаль, но в наши дни оно даже возрастает. Это связано с событиями на Украине. Недаром Президент РФ В.В. Путин сказал о том, что суд над военными преступниками неизбежен[7].

---

[6] См.: *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 52; *Голик Ю.В.* Нравственность наказания как проблема общества // Преступность и наказание. Философия наказания. О нравственности наказания: материалы конф. в формате «круглого стола», посвященного презентации книг д-ра юрид. наук, проф. И.М.-о. Рагимова. Елец, 2016. С. 18; *Бабурин С.Н.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 81. DOI: 10.31857/S102694520015033-7

[7] См.: Обращение Президента Российской Федерации, 24 февраля 2022 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67843 (дата обращения: 11.05.2022).

Это будет, разумеется, международный суд (под эгидой ООН или без таковой – это самостоятельный вопрос). Следственный комитет РФ уже восемь лет собирает материалы о преступлениях, совершённых в Донецкой и Луганской народных республиках, на Украине и в России украинскими военными преступниками и не только. Доказательная база собрана огромная. Представители каких стран могут войти в этот суд – думать об этом надо уже сегодня. Преждевременно пока об этом говорить детально. Где будет проходить суд – решится позже. На наш взгляд, его заседания следует проводить в Мариуполе или Донецке.

Актуализация темы Нюрнбергского трибунала и его Приговора произошла в 2022 г., когда Россия начала специальную военную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, а парламент Литовской Республики объявил Российскую Федерацию «государством, которое поддерживает и осуществляет терроризм», призвав мировое сообщество создать против России международный уголовный суд, который, дескать, даст оценку «агрессии России» на Украине[8]. И пусть Министерство иностранных дел РФ заявило, что к демаршу Литвы «нужно относиться ровно как к элементу провокации, экстремизма и политического лицемерия»[9], в правовом и политическом отношении реакция России должна быть суровой и незамедлительной.

* * *

Научное исследование А.Н. Савенкова позволяет не только отвергнуть наветы на Нюрнбергский трибунал лиц, жаждущих переписать мировую историю, но и экстраполировать его уроки на современные попытки реванша неонацизма. Военным преступлениям нацистов и их преступлениям против человечности (с. 521–523) не может быть оправдания. Наследникам их идеологии и продолжателям их дел не должно быть пощады. Соответствующая всем современным международно-правовым критериям гуманитарная операция России по демилитаризации и денацификации Украины – прямое исполнение заветов Нюрнберга и Устава ООН. Как подчеркивают крупнейшие современные сербские специалисты по международному праву, приводя аргументы в обоснование законности действий России, если бы кто-то спросил, «почему Российская Федерация вторглась за пределы территории ЛНР и ДНР, если она защищала свою территориальную целостность от украинской агрессии, ему можно было бы ответить встречным вопросом: почему Красная Армия дошла до Берлина в 1945 году и почему армия США дошла до Эльбы? Когда доходит до войны, действует логика войны, и главный элемент этой логики – сражаться, чтобы победить»[10].

Монография члена-корр. РАН А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» по праву является уникальным фундаментальным научным изданием и глубоко энциклопедична. На наш взгляд, ее должен прочесть каждый, а Нюрнбергские принципы войти в конституции всех стран мира. Потому и заслуживает высокой оценки социальная и духовно-нравственная значимость данной работы, что Суд над главными нацистскими военными преступниками в Нюрнберге стал знаменательным событием в развитии современного международного права и продолжает оказывать большое влияние на наше понимание международного уголовного права и правосудия (с. 421), на наше понимание справедливости и возмездия.

[8] См.: URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/05/11/17716544.shtml (дата обращения: 11.05.2022).

[9] URL: https://ria.ru/20220511/litva-1787825438.html (дата обращения: 11.05.2022).

[10] Зашто је Русија у праву: Проглас 11 српских професора права, 11 марта 2022 г. URL: https://rs.sputniknews.com/20220311/zasto-je-rusija-u-pravu-proglas-11-srpskih-profesora-prava-1135294760.html (дата обращения: 21.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.Н.* Возмездие как политическая, правовая и нравственная ценность // Последняя точка Второй мировой: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы современной международной законности и уроки Токийского и Хабаровского процессов». М., 2009. С. 192–197.
2. *Бабурин С.Н.* Предотвратить эвтаназию человечества: нравственность и интеграционный конституционализм как основа трансформации современного права // Государство и право. 2021. № 6. С. 81. DOI: 10.31857/S102694520015033-7
3. *Бастрыкин А.И.* Криминалистика: современные методы криминалистического исследования. СПб., 2003. С. 257.
4. *Голик Ю.В.* Нравственность наказания как проблема общества // Преступность и наказание. Философия наказания. О нравственности наказания: материалы конф. в формате «круглого стола», посвященного презентации книг д-ра юрид. наук, проф. И.М.-о. Рагимова. Елец, 2016. С. 18.
5. *Жуков В.Н.* Справедливость // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 691–696.
6. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 52.
7. *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Свобода и ответственность» // Государство и право. 2007. № 3. С. 109–127.
8. *Кудрявцев В.Н.* Право как элемент культуры // Право и власть. М., 1990. С. 241, 246, 248, 252.
9. *Кудрявцев В.Н., Лукашева Е.А.* На пути к социалистическому правовому государству // Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М., 1989. С. 24.
10. Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. М., 1999. Т. 8. С. 525–560.
11. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 7, 25, 79–107, 162–233, 241, 427–456, 458–460, 553, 554, 558, 561, 631.
12. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9–92.
13. *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М., 2018.
14. Зашто је Русија у праву: Проглас 11 српских професора права, 11 марта 2022 г. URL: https://rs.sputniknews.com/20220311/zasto-je-rusija-u-pravu-proglas-11-srpskih-profesora-prava-1135294760.html (дата обращения: 21.03.2022).

REFERENCES

1. *Baburin S.N.* Retribution as a political, legal and moral value // The last point of the Second World War: materials of the International Scientific and Practical Conference “Problems of modern international legality and lessons of the Tokyo and Khabarovsk processes”. M., 2009. P. 192–197 (in Russ.).

2. *Baburin S.N.* Prevent euthanasia of mankind: morality and integrative constitutionalism as the basis for the transformation of modern law // State and Law. 2021. No. 6. P. 81. DOI: 10.31857/S102694520015033-7 (in Russ.).

3. *Bastrykin A.I.* Criminalistics: modern methods of forensic research. SPb., 2003. P. 257 (in Russ.).

4. *Golik Yu. V.* Morality of punishment as a problem of society // Crime and punishment. The philosophy of punishment. On the morality of punishment: materials of the conference in the format of a "Round Table" dedicated to the presentation of Doctor of Law, Prof. I.M.-O. Ragimov. Elets, 2016. P. 18 (in Russ.).

5. *Zhukov V.N.* Justice // Zhukov V.N. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 691–696 (in Russ.).

6. *Kerimov A.D.* State organization of public life: questions of theory. M., 2018. P. 52 (in Russ.).

7. *Krotkova N.V.* "Round Table": "Freedom and responsibility" // State and Law. 2007. No. 3. P. 109–127 (in Russ.).

8. *Kudryavtsev V.N.* Law as an element of culture // Law and power. M., 1990. P. 241, 246, 248, 252 (in Russ.).

9. *Kudryavtsev V.N., Lukasheva E.A.* On the way to a socialist legal state // Pulse of Reforms. Lawyers and political scientists ponder. M., 1989. P. 24 (in Russ.).

10. The Nuremberg Trial: collection of materials: in 8 vols. M., 1999. Vol. 8. P. 525–560 (in Russ.).

11. *Savenkov A.N.* Nuremberg: A Verdict in the name of Peace. M., 2021. P. 7, 25, 79–107, 162–233, 241, 427–456, 458–460, 553, 554, 558, 561, 631 (in Russ.).

12. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law, legal thinking and global problems of modern civilization // Transformation of the paradigm of law in the civilizational development of mankind: reports of RAS members / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 9–92 (in Russ.).

13. *Savenkov A.N., Zhukov V.I.* Sociology of legal deviations and social addictions. M., 2018 (in Russ.).

14. Why Russia is Right: Proclamation of 11 Serbian Law professors, March 11, 2022 URL: https://rs.sputniknews.com/20220311/zastoje-rusija-u-pravu-proglas-11-srpskih-profesora-prava-1135294760.html (accessed: 21.03.2022).

Сведения об авторах

БАБУРИН Сергей Николаевич –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код 1212-8150

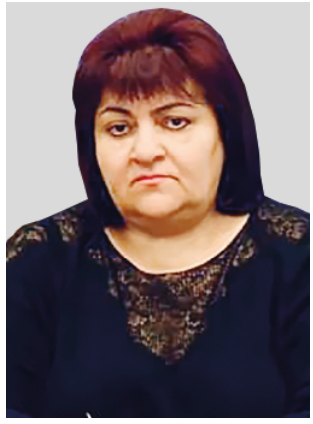
ГОЛИК Юрий Владимирович –
доктор юридических наук, профессор, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации; 125080 г. Москва, ул. Врубеля, д. 12

Authors' information

BABURIN Sergey N. –
Doctor of Law, Professor, chief rsearcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

GOLIK Yuri V. –
Doctor of Law, Professor, Professor of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 12 Vrubel str., 125080 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 190–191
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 190–191



А.Н. Савенков. НЮРНБЕРГ: ПРИГОВОР ВО ИМЯ МИРА. М.: ПРОСПЕКТ, 2021. – 760 с.

© 2022 г. Э. В. Айриян

Суд Евразийского экономического союза, г. Минск, Республика Беларусь

E-mail: info@courteurasian.org

Поступила в редакцию 25.05.2022 г.

Аннотация. Рецензируемая монография А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» анализирует фундаментальный массив российских и иностранных источников, проводит глубокое исследование исторических предпосылок Второй мировой войны, осуществляет обзор мирных договоров, сформировавших миропорядок начала столетия и во многом предопределивших дальнейшие события. Автором дан анализ правовых основ и концепций Нюрнбергского процесса как в контексте происходящих мировых политических и правовых процессов, так и с позиции формирования принципов международного права. В работе наиболее полно представлено осмысление Нюрнбергского трибунала с точки зрения формально-юридической оценки его природы, а также влияния его Приговора на развитие международного права.

Ключевые слова: Международный военный трибунал, Нюрнбергский процесс, институт международной уголовной ответственности, Международный уголовный суд, принципы международного правосудия, мировой порядок.

Цитирование: *Айриян Э.В.* А.Н. Савенков. Нюрнберг: Приговор во имя Мира // Государство и право. 2022. № 6. С. 190–191.

DOI: 10.31857/S102694520020600-1

A.N. Savenkov. NUREMBERG: A VERDICT FOR NAME OF PEACE. Moscow: PROSPEKT, 2021. – 760 pp.

© 2022 E. V. Airiyan

Court of the Eurasian Economic Union, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: info@courteurasian.org

Received 25.05.2022

Annotation. A.N. Savenkov's peer-reviewed monograph "Nuremberg: A Verdict for name of Peace" analyzes the fundamental array of Russian and foreign sources, conducts an in-depth study of the historical prerequisites of the Second World War, reviews the peace treaties that formed the world order of the beginning of the century and largely predetermined future events. The author analyzes the legal foundations and concepts of the Nuremberg Trials both in the context of the ongoing global political and legal processes, and from the perspective of the formation of the principles of International Law. The work most fully presents the understanding of the Nuremberg Tribunal from the point of view of a formal legal assessment of its nature, as well as the impact of its verdict on the development of International Law.

Key words: International Military Tribunal, Nuremberg Trials, institute of international criminal responsibility, International Criminal Court, principles of international justice, world order.

For citation: *Airiyan, E.V. (2022)*. A.N. Savenkov. Nuremberg: A Verdict for name of Peace // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 190–191.

Развитие международных отношений в XX в. ознаменовалось значимыми событиями с точки зрения эволюции международных организаций и международных судов, отправной точкой для которых послужила Вторая мировая война. Учреждение Организации Объединенных Наций и Международного Суда ООН, принятие международных соглашений о правах человека и создание международных судов, призванных обеспечивать их защиту, – все это стало реакцией мирового сообщества на события Второй мировой войны. Особое место среди юридического наследия тех лет занимает Международный военный трибунал, именуемый также Нюрнбергским трибуналом, который прочно вошел не только в историю права, но и во всемирную историю.

Значение Нюрнбергского трибунала для развития международного права сложно переоценить. Модели Трибунала следовал Устав Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Вынесенный им приговор оказал влияние на становление института ответственности лиц за военные преступления, преступления против человечности, преступления против мира, стал предпосылкой для формирования в 90-е годы XX в. Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, а также для принятия Римского статута Международного уголовного суда. Будучи впервые установлен в Приговоре Нюрнбергского трибунала, институт международной уголовной ответственности физических лиц предопределил развитие целых отраслей международного права, а сформулированные им принципы вошли в международные соглашения о правах человека и национальные конституции.

В российской и зарубежной доктрине, исторической литературе представлено осмысление Нюрнбергского трибунала с точки зрения формально-юридической оценки его природы, а также влияния его Приговора на развитие международного права. Подобное осмысление итогов работы Нюрнбергского трибунала, бесспорно, значимо для международно-правовой теории. Вместе с тем представляется целесообразной дальнейшая и всеобъемлющая оценка значения Нюрнбергского трибунала в совокупности международно-правового и социально-политического контекстов, исторических реалий, в которых проходил данный процесс, выявление его влияния на развитие национальных конституционных норм.

Данным вопросам посвящена монография члена-корр. РАН А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира». Автор на основе анализа фундаментального массива российских и иностранных источников проводит глубокое исследование исторических предпосылок Второй мировой войны, которое начинает с событий первой половины XX в.; осуществляет обзор мирных договоров, сформировавших миропорядок начала столетия и во многом предопределивших дальнейшие события.

С позиций теории международного права принципиальное значение имеет исследование идеи международного уголовного суда, которое автор проводит как с правовых, так и с философских позиций, а также Устава Нюрнбергского трибунала. Осуществленный в монографии анализ позволяет проследить основные этапы подготовки Устава Нюрнбергского трибунала, принципы которого стали значимым шагом в развитии правового общества. Несомненный интерес представляет порядок формирования Нюрнбергского трибунала, процессуальные аспекты его функционирования и организация деятельности. Значимым вкладом в развитие доктрины международного права и права международных судов следует считать разработку теоретических основ международного уголовного правосудия.

Глубокое погружение в историю Второй мировой войны и развивавшихся в ее период международных отношений отличает главу монографии, посвященную подготовке к проведению Нюрнбергского трибунала. Немаловажное значение для истории международного права имеет анализ правовых основ деятельности Токийского трибунала и трибуналов над нацистскими преступниками, проходивших в СССР, в оккупированной зоне, а также в других странах на основе принципов, выработанных в Нюрнберге.

Ценность фундаментального труда «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» для права международных судов заключается в том, что в ней выявлены основополагающие принципы международного правосудия, подходы к организации судебного процесса, имеющие межотраслевое значение. Приговор Нюрнбергского трибунала важен для развития международно-правового обеспечения прав человека и последующей деятельности во второй половине XX столетия специализированных судов, призванных гарантировать их защиту.

Именно с Нюрнбергского процесса началась история международного уголовного права. Принципы, закрепленные в Уставе Трибунала, вскоре были подтверждены решениями Генеральной Ассамблеи ООН как общепризнанные принципы международного права.

Сведения об авторе

АЙРИЯН Эрна Владимировна –
Председатель Суда Евразийского экономического союза; 220006 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кирова, д. 5

Authors' information

Airiyan Erna V. –
Chairman Court of the Eurasian Economic Union; 5 Kirov str., 220006 Minsk, Republic of Belarus

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2022, № 6, с. 192–195
STATE AND LAW, 2022, No. 6, pp. 192–195

О ЗНАЧИМОСТИ ПЕРЕВОДА КОДЕКСА ЮСТИНИАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА ПРАВА[1]

© 2022 г. О. Л. Лысенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: ollysenko@mail.ru

Поступила в редакцию 30.12.2021 г.

Аннотация. В рецензии на перевод на русский язык 6-й книги Кодекса Юстиниана показана значимость этого перевода, а также отмечено, что в отечественный научный оборот вводится важный первоисточник. Обращено внимание на то, что весьма высокое качество на русский язык 6-й книги Кодекса Юстиниана обеспечил коллектив переводчиков, сумевший учесть при переводе все аспекты данного позднеримского источника права: юридические, лингвистические и исторические, – и таким образом избежать многих ошибок и неточностей.

Ключевые слова: 6-я книга Кодекса Юстиниана, Дигесты Юстиниана, Древний Рим, источник права.

Цитирование: *Лысенко О.Л.* О значимости перевода Кодекса Юстиниана на русский язык: взгляд историка права // Государство и право. 2022. № 6. С. 192–195.

DOI: 10.31857/S102694520020488-7

ON THE SIGNIFICANCE OF THE TRANSLATION OF THE CODEX IUSTINIANUS INTO RUSSIAN: THE VIEW OF A LEGAL HISTORIAN[2]

© 2022 O. L. Lysenko

Lomonosov Moscow State University

E-mail: ollysenko@mail.ru

Received 30.12.2021

Abstract. The review of the translation into Russian of the 6th book of the Codex Iustinianus shows the significance of this translation, and also notes that an important primary source is being introduced into domestic scientific circulation. Attention is drawn to the fact that the very high quality of the 6th book of the Codex Iustinianus into Russian was provided by a team of translators who managed to take into account all aspects of this late Roman source of law: legal, linguistic and historical, and thus avoid many errors and inaccuracies.

Key words: the 6th book of the Codex Iustinianus, Digests of Iustinianus, Ancient Rome, the source of law.

For citation: *Lysenko, O.L. (2022).* On the significance of the translation of the Codex Iustinianus into Russian: the view of a legal historian // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 192–195.

[1] См.: Кодекс Юстиниана=Codex Iustinianus / пер. с лат.; отв. ред. А.В. Копылов. М.: Статут, 2021. Кн. 6. – 372 с.

[2] See: Codex Iustinianus / transl. from Latin; res. ed. A.V. Kopylov. M.: Statute, 2021. Book 6. – 372 pp.

Перевод на русский язык одной из книг Кодекса Юстиниана – событие эпохальное. В отечественный научный оборот вводится важный первоисточник, значение которого в мировой правовой истории трудно переоценить.

Известный испанский романист М.Х.Г. Гарридо отмечает, что начиная с V в. именно на Востоке, в Восточной части Римской империи – в будущей Византии – в отличие от Западной ее части проявилась «ориентация на классическую традицию» в римской юриспруденции, на достижения правовой мысли Рима в классическую эпоху.

По мнению Гарридо, этому способствовали различные факторы, и в первую очередь то, что «греческая культурная среда предполагала формирование обширной и глубокой культуры, в которой преимущество отдавалось изучению права в специализированных школах» и которая решительно противостояла «проникновению в юриспруденцию элементов вульгаризации права»[3], характерного для западных провинций Рима, захваченных древними германцами-варварами. В силу этого именно на Востоке «стали возможны все три вида деятельности: сохранение, толкование и преподавание классического права», что создало благоприятные условия для осуществления колоссальной, невиданной доселе работы по составлению огромного свода действующего права – Свода Юстиниана[4]. И Кодекс Юстиниана – собрание конституций римских императоров, состоящий из 12 книг, безусловно, стал его важной и неотъемлемой частью. Начиная с XII в. в средневековой Европе Свод Юстиниана стал называться *Corpus iuris*, а в 1583 г. Дионисий Готофред добавляет к его наименованию слово *civilis* с целью отличить его от Свода канонического права – *Corpus iuris Canonici*[5].

С установления домината, начало которого в исторической и историко-правовой науке принято связывать с правлением императора Диоклетиана (284–305 гг.), римские императоры становятся уже неограниченными законодателями. Число сохранившихся императорских конституций достигает многих тысяч[6].

Во введении к настоящему изданию, составленному переводчиками, довольно подробно освещена история принятия Кодекса Юстиниана, что представляется весьма полезным для читателя.

Обращает на себя внимание тот факт, что интерес императора Юстиниана I прежде всего был направлен на собрание императорских конституций: необходимо было как минимум систематизировать и привести в порядок конституции, принятые после издания Кодекса Феодосия II (438 г.н.э.). Однако Юстиниан задумал провести более масштабную работу, а именно пересмотреть все прежние кодексы: кодексы Грегориана (*codex Gregorianus*) конца III в., Гермогениана (*codex Germogenianus*) начала IV в., Феодосия II (*codex Theodosianus*), исключив из них все устаревшие положения, а действующие нормы объединив в одном сборнике[7].

В итоге довольно быстро принятый после начала работ – 7 апреля 529 г. – Кодекс Юстиниана вобрал в себя все действующие конституции римских императоров, начиная с императора Адриана (117–133 гг.). Второе, переработанное издание Кодекса под названием *Codex repetitae prealectionis* или *Codex Iustinianus,* вобравшее в себя в т.ч. и отдельные конституции самого Юстиниана, увидело свет в 534 г. По мнению М.Х.Г. Гарридо, текст именно этого издания дошел до нашего времени[8].

Учитывая недостаточное владение латинским языком большинством современных российских правоведов, введение в научный оборот переведенного на русский язык Кодекса Юстиниана позволит им ближе познакомиться с великим правовым наследием Древнего Рима, создаст условия для глубокого анализа его положений, содержащегося в нем правового материала.

Нельзя не обратить внимание и на указанную переводчиками во введении глобальную цель перевода Кодекса Юстиниана на русский язык: «*показать совершенство и внутреннюю красоту правовых категорий римского частного права*, положенных в основу современного континентального права, и их безусловное превосходство над теми упрощенными... конструкциями, бездумно заимствованными из англо-американского права, которые порой пытаются внедрять в современное европейское (в том числе и российское) гражданское законодательство многочисленные зарубежные и отечественные “реформаторы”» (с. 13).

Следует отметить и весьма значимое и похвальное стремление переводчиков Кодекса Юстиниана «всесторонне *учесть в целом положительный опыт перевода и редактирования Дигест Юстиниана* и добиться максимальной юридической точности и ясности при передаче сложных мест императорских конституций (курсив наш. – *О.Л.*)» (с. 17).

Переведенная на русский язык 6-я книга Кодекса Юстиниана посвящена правовому положению вольноотпущенника, а также институтам вещного, семейного и наследственного права, и прежде всего наследованию по завещанию. В данной книге отражены такие институты права Древнего Рима, как родство, опека, патронат, владение, завещательная способность, завещательный отказ (легат и фидеикомисс), недостойный наследник, отказ от наследства, выморочное имущество и др.

Очевидно, что выбор коллективом переводчиков именно 6-й книги Кодекса для первоначального перевода на русский язык обусловлен прежде всего актуальностью исследования содержащейся здесь правовой материи, ее значимостью для правоведов ввиду рецепции многих институтов вещного, семейного и наследственного права Рима в странах континентальной Европы и России.

Для историков права изучение Кодекса Юстиниана – одного из четырех произведений (наряду с Институциями, Дигестами и Новеллами), созданных в ходе широкомасштабной систематизации римского права при императоре Юстиниане I (VI в.), позволяет лучше понять происхождение отдельных правовых институтов и юридических конструкций и их отражение в более поздних источниках права, выявить особенности их эволюции.

Благодаря переводу на русский язык Кодекса Юстиниана становятся понятными отдельные положения некоторых средневековых памятников права континентальной Европы, созданных на основе рецепции римского права, в частности

[3] *Гарридо М.Х.Г.* Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005. С. 71.

[4] См.: там же.

[5] См.: там же. С. 74.

[6] См.: *Кунп Т.* История источников римского права / пер. с нем. М., 2016. С. 65, 71.

[7] См.: *Покровский И.А.* История римского права. М., 2004. С. 259.

[8] См.: *Гарридо М.Х.Г.* Указ. соч. С. 73.

Каролины – Уголовно-судебного уложения императора Священной Римской империи германской нации Карла V[9].

Знаменитая Каролина (лат. *Constitutio criminalis Carolina;* нем. *Peinliche Gerichtsordnung*) 1532 г. стала важным этапом в ходе рецепции римского права в средневековой Германии. В связи с этим германские правоведы называют Каролину «ребенком рецепции» *("ein Kind der Rezeption")*[10].

Историкам права хорошо известны прямые заимствования в Каролине из Дигест Юстиниана. Так, знаменитая ст. 146 Каролины о «брадобрее и стрелке», в которой показаны различия между совершением преступления по неосторожности и казусом – невиновным причинением вреда, почти дословно воспроизводит фрагменты Дигест Юстиниана «об убийстве раба во время метания дротиков» (D. 9.2.9. § 4) и «об убийстве раба цирюльником» (D. 9.2.11)[11].

Однако в научной литературе не указывается, что содержание не менее знаменитой статьи Каролины «Наказание самоубийства» (ст. 135) перекликается по смыслу с содержанием кн. 6 титула XXII «Кто может либо не может совершать завещание» фрагмента 2 Кодекса Юстиниана, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о значительном влиянии норм реципированного римского права и на эту статью Каролины.

В ст. 135 Каролины указывается следующее: «*Если кто-либо, будучи обвинен и вызван или доставлен в суд по такому делу, за которое он может быть лишен жизни и имущества, убьет сам себя из страха перед подобным заслуженным наказанием, то в таком случае его наследники лишаются права наследовать его имущество и такое наследство и имущество должны перейти в казну тех властей, коим принадлежит право наказания, денежной пени и конфискации. Но если кто-либо убьет себя, помимо указанных очевидных побуждений, в тех случаях, когда он подлежал только телесному наказанию, либо по иным причинам, из-за телесной болезни, меланхолии, повреждения рассудка или иного подобного слабоумия, то из-за сего не должно препятствовать его наследникам в получении наследства...*»[12].

Согласно Кодексу Юстиниана «*если тот, кто назначил тебя наследником вместе с твоей женой, при составлении завещания был в здравом уме и после этого не был обременен сознанием вины за какое-либо преступление или, не умея совладать с болью или охваченный какой-нибудь безумной яростью, ринулся вниз головой и его беспорочность ты можешь засвидетельствовать ясными доказательствами, то его последняя воля не должна опровергаться под предлогом принятой смерти. § 1. Если же он из страха перед будущим наказанием предупредил казнь добровольной смертью, законы запрещают, чтобы его завещательное распоряжение сохраняло законную силу*» (C. 6.22.2).

Обращает на себя внимание, что в кн. 28 титуле III «О противоправном, отмененном и недействительном завещании» фрагменте 6 § 7 Дигест Юстиниана содержится прямая отсылка к «конституциям» императоров (а Кодекс Юстиниана, как известно, как раз и является не чем иным, как собранием императорских конституций): «*Ведь конституции (принцепсов) объявляют недействительными завещания тех, кто смерть предпочел осуждению по причине осознания ими совершенного преступления, хотя они и умерли полноправными гражданами. Однако если кто-то (предпочтет умереть) по причине усталости от жизни либо от неспособности вынести тяготы болезни, либо ради хвастовства, как некоторые философы, то эти случаи таковы, что их завещания остаются в силе*»[13].

Одной из особенностей настоящего издания, обусловившей весьма высокое качество перевода на русский язык 6-й книги Кодекса Юстиниана, является сам коллектив переводчиков, в состав которого входят: *правовед-романист* (канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Копылов); *филолог* (д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.И. Солопов); *историк* (канд. ист. наук А.В. Щеголев). Подобный состав переводчиков позволил учесть при переводе все аспекты данного позднеримского источника права: юридические, лингвистические и исторические, – и таким образом избежать многих ошибок и неточностей.

Замечания к настоящему изданию, с нашей точки зрения, касаются главным образом содержания программы перевода Кодекса Юстиниана на русский язык. Как отмечается во введении, «на первом этапе деятельности в рамках научного проекта "Кодекс Юстиниана: от Древнего Рима до наших дней" будет осуществлен перевод 6-й, 7-й и 8-й книг Кодекса... В дальнейшем предполагается поэтапно перевести на русский язык остальные 9 книг Кодекса Юстиниана» (с. 16).

Хотя подобная очередность объясняется актуальностью правовой материи, содержащейся в вышеуказанных книгах (с. 16), тем не менее, на взгляд историка права, подобным образом составленная программа и выбор именно 6-й, а не 1-й, книги Кодекса Юстиниана для первоначального перевода на русский язык является некоторым «вырыванием» правового материала из общего контекста, что затрудняет целостное восприятие данного памятника римского права постклассического периода, препятствует глобальному пониманию его содержания.

Несмотря на указанное замечание, представляется, что огромный и кропотливый труд (проделанный немногочисленным коллективом переводчиков в составе А.В. Копылова, А.И. Солопова и А.В. Щеголева) по переводу на русский язык 6-й книги Кодекса Юстиниана с целью введения в отечественный научный оборот столь важного первоисточника являет собой яркий пример бескорыстного и высокого служения российской науке.

---

[9] Опосредованное влияние Каролина оказала в т.ч. и на уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Империи начала XVIII в., прежде всего на Артикул воинский и «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» императора Петра I (см.: *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex russica (Русский закон). 2013. № 2. С. 113–121).

[10] См.: *Rüping H.* Grundriss der Strafrechtsgeschichte. München, 1991. S. 33; *Wesel U.* Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart. München, 2001. S. 389; *Gmür R., Roth A.* Grundriss der deutschen Rechtsgeschichte. München, 2018. S. 141.

[11] См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. II. С. 399.

[12] Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и прим. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. С. 71.

[13] Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2004. Т. V, п/т. 1. С. 63.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гарридо М.Х.Г.* Римское частное право: казусы, иски, институты. М., 2005. С. 71, 73, 74.
2. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. Т. II. С. 399; 2004. Т. V, п/т. 1. С. 63.
3. Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и прим. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967. С. 71.
4. *Kunn T.* История источников римского права / пер. с нем. М., 2016. С. 65, 71.
5. Кодекс Юстиниана=Codex Iustinianus / пер. с лат.; отв. ред. А.В. Копылов. М., 2021. Кн. 6. С. 13, 16, 17.
6. *Покровский И.А.* История римского права. М., 2004. С. 259.
7. *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex russica (Русский закон). 2013. № 2. С. 113–121.
8. *Gmür R., Roth A.* Grundriss der deutschen Rechtsgeschichte. München, 2018. S. 141.
9. *Rüping H.* Grundriss der Strafrechtsgeschichte. München, 1991. S. 33.
10. *Wesel U.* Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart. München, 2001. S. 389.

REFERENCES

1. *Garrido M.H.G.* Roman Private Law: incidents, lawsuits, institutes. M., 2005. P. 71, 73, 74 (in Russ.).
2. Digests of Iustinianus / transl. from Latin; res. ed. L.L. Kofanov. M., 2002. Vol. II. P. 399; 2004. vol. V, h/vol. 1. P. 63 (in Russ.).
3. Carolina. The Criminal-judicial Code of Charles V / transl., preface and note by S. Ya. Bulatov. Alma-Ata, 1967. P. 71 (in Russ.).
4. *Kipp T.* The history of sources of Roman Law / transl. from German M., 2016. P. 65, 71 (in Russ.).
5. Codex Iustinianus / transl. from Latin; res. ed. A.V. Kopylov. M., 2021. Book 6. P. 13, 16, 17 (in Russ.).
6. *Pokrovsky I.A.* History of Roman Law. M., 2004. P. 259 (in Russ.).
7. *Serov D.O.* Forgotten editions of the Military Article and "Brief images of trials or litigation" (from the history of codification of military legislation of Russia XVIII century) // Lex russica (Russian Law). 2013. No. 2. C. 113–121 (in Russ.).
8. *Gmür R., Roth A.* Grundriss der deutschen Rechtsgeschichte. München, 2018. S. 141.
9. *Rüping H.* Grundriss der Strafrechtsgeschichte. München, 1991. S. 33.
10. *Wesel U.* Geschichte des Rechts. Von den Frühformen bis zur Gegenwart. München, 2001. S. 389.

Сведения об авторе

ЛЫСЕНКО Ольга Леоновна –
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

Authors' information

LYSENKO Olga L. –
PhD in Law, associate Professor of the Department of History of State and Law of the Law Faculty at Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01
Юриспруденция (гражданско-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА
40.04.01
Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА
40.06.01
Теория и история права и государства; история правовых учений

Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).